Сочиненія
Густава
Эмара
Изданіе
П. П. Сойкина.

Сочиненія

Густава Эмара.

Мексиканскія ночи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе П. П. Сойкина

12, Стремянная, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербург 17-го Мая 1899 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

I.—Las Cumbres.

Ни одна страна въ мірѣ не представляетъ ослѣпленнымъ взорамъ путешественниковъ болѣе очаровательныхъ пейзажей, чѣмъ Мексика; среди нихъ, видъ Las cumbres, или горныхъ вершинъ, несомнѣнно является однимъ изъ самыхъ поразительныхъ и изящныхъ горныхъ видовъ.

Las cumbres представляютъ собою продолженіе ущелья при выходѣ изъ горъ, черезъ которыя, какъ змѣя, съ безконечными извивами, пролегаетъ дорога, ведущая въ Пуэблу los Angeles (городъ Ангеловъ), получившую свое имя вслѣдствіе преданія, что ангелы выстроили ея соборъ. Дорога, о которой мы говоримъ, проложенная испанцами, тянется съ горъ, дѣлая головокружительно смѣлые повороты, и окаймлена справа и слѣва скалистыми обрывами, тонущими въ голубомъ туманѣ; при каждомъ поворотѣ этой дороги, висящей, такъ сказать, надъ пропастями, украшенными роскошной растительностью, видъ мѣняется и дѣлается все болѣе и болѣе живописнымъ; вершины горъ не громоздятся уже одна на другую, а постепенно опускаются, между тѣмъ какъ оставшіяся позади горы гордо поднимаютъ свои вершины.

2 іюня 18... года, около четырехъ часовъ пополудни, въ то время, когда солнце, уже опускаясь къ горизонту, посылая косые лучи на землю, раскаленную тропическимъ жаромъ, и поднявшійся вѣтерокъ охлаждалъ знойную атмосферу, двое путниковъ, верхами, выѣхали изъ густого лѣса такки, банановъ, бамбуковъ съ пурпурными хохлами, и достигли пыльгой дороги, примыкавшей, послѣ многихъ изгибовъ, къ долинѣ, гдѣ прозрачный ручей бѣжалъ среди зелени и распро-

странялъ вокругъ пріятную свѣжесть. Путники, соблазненные, вѣроятно, неожиданнымъ грандіознымъ видомъ, внезапно развернувшимся передъ ихъ глазами, остановили своихъ лошадей и нѣсколько минутъ съ восторгомъ созерцали живописные отроги горъ; потомъ они сошли съ лошадей, отпустили поводья и усѣлись на берегу ручья, съ явнымъ намѣреніемъ насладиться нѣсколько лишнихъ мгновеній впечатлѣніями этого удивительнаго калейдоскопа, единственнаго въ мірѣ.

Судя по направленію ихъ пути, казалось, что они выѣхали изъ Оризабы къ Пуэбло los Angeles, которая въ настоящее время находилась уже не далеко отъ нихъ.

Эти два всадника носили костюмъ богатыхъ владѣльцевъ гасіендъ, костюмъ, который мы слишкомъ часто описывали, чтобы опять повторять здѣсь; отмѣтимъ только характерную особенность, вызванную небезопасностью дорогъ въ эпоху, когда происходитъ наша исторія: оба были вооружены самымъ грознымъ образомъ и носили на себѣ цѣлый арсеналъ: кромѣ шестиствольныхъ револьверовъ въ кобурахъ, они имѣли такіе-же и на поясахъ. Въ рукахъ у нихъ были превосходныя двухстволки, вышедшія изъ мастерскихъ Девизма, знаменитаго парижскаго оружейника, — такимъ образомъ, каждый изъ нихъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не болѣе и не менѣе, какъ двадцать шесть выстрѣловъ; прямая сабля у лѣваго бока, ножъ съ трехграннымъ лезвіемъ, засунутый за голенище праваго сапога, и кожаное лассо, или реато, заботливо прикрѣпленое къ сѣдлу желѣзнымъ кольцомъ, дополняли ихъ вооруженіе.

Конечно, эти люди, вооруженные такимъ образомъ, обладая при этомъ извѣстнымъ мужествомъ, могли безбоязненно встрѣтиться съ врагами, даже болѣе многочисленными, чѣмъ они сами.

Наконецъ, они, повидимому, нимало не тревожились дикимъ и пустыннымъ видомъ мѣста, гдѣ находились, и весело бесѣдовали, полулежа на зеленой травѣ и небрежно куря настоящія гаванскія сигары.

Старшій изъ всадниковъ былъ мужчина лѣтъ сорока-сорока пяти, но казавшійся моложе своихъ лѣтъ; его ростъ, немного выше средняго, былъ изященъ; онъ былъ сильнаго сложенія, его члены обличали большую силу; онъ имѣлъ выразительныя черты лица, физіономію энергичную и интеллигентную; его черные и живые глаза были нѣжны, но метали молніи, когда загорались, и тогда его лицо принимало жестокое и дикое выраженіе, котораго невозможно описать; онъ имѣлъ высокій и широкій лобъ, чувственный ротъ; черная и густая борода, какъ у эфіопа, съ серебрянными нитями, опускалась ему на грудь; роскошные волосы, зачесанные назадъ, падали ему на плечи; загорѣлое лицо его было кирпичнаго цвѣта; короче, судя по его наружности, это былъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ людей, драгоцѣнныхъ въ извѣстныхъ критическихъ обстоятельствахъ, потому-что они не боятся быть предоставленными самимъ себѣ. Хотя невозможно было опредѣлить его національности, но его быстрыя и рѣзкія движенія, его живая рѣчь, короткая и образная, повидимому, обличали его южное происхожденіе.

Его спутникъ, гораздо моложе его, — ему на видъ было лѣтъ двадцать пять, двадцать восемь,—былъ высокаго роста, немного худощавъ; вида не болѣзненнаго, но нѣжнаго; его элегантная, тонкая и изящная талія, чрезвычайно маленькія руки и ноги обличали породу; его черты были прекрасны, лицо симпатично и интеллигентно, съ кроткимъ выраженіемъ; голубые глаза, бѣлокурые волосы и особенно бѣлый цвѣтъ лица тотчасъ обнаруживали европейца умѣреннаго климата, недавно прибывшаго въ Америку.

Мы сказали, что путники бесѣдовали между собою, они говорили по французски; оборотъ ихъ фразъ и отсутствіе акцента позволяли думать, что они говорятъ на ихъ родномъ языкѣ.

— Ну, графъ,—сказалъ старшій,—жалѣете-ли вы, что послѣдовали моему совѣту и, вмѣсто того, чтобы трястись по отвратительнымъ дорогамъ, предприняли это путешествіе верхомъ, въ сопровожденіи вашего покорнаго слуги?

— Чертъ возьми! я былъ-бы слишкомъ прихотливъ,—возразилъ тотъ, кого называли графомъ;—я проѣхалъ Швейцарію, Италію, берега Рейна, какъ всѣ, и признаюсь вамъ, что никогда болѣе очаровательные пейзажи не поражали моихъ взоровъ, чѣмъ тѣ, которыми я любуюсь, благодаря вамъ, уже нѣсколько дней.

— Вы тысячу разъ правы; пейзажъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ, особенно гористый,—отвѣтилъ другой нѣсколько сардончески, что ускользнуло отъ его собесѣдника; но,—добавилъ онъ съ подавленнымъ вздохомъ,—я видѣлъ еще болѣе красивые.

— Болѣе прекрасные, чѣмъ этотъ?—воскликнулъ графъ, протянувъ руку и описавъ ею въ воздухѣ полукругъ;—о! это невозможно, милостивый государь!

— Вы молоды, графъ, — возразилъ его собесѣдникъ съ печальной улыбкой; — ваши путешествія туриста не болѣе, какъ дѣтскія путешествія. Этотъ видъ соблазняетъ васъ своимъ контрастомъ съ другими, вотъ и все; вы изучали природу лишь въ залѣ Оперы и не предполагали, что она дастъ вамъ такія неожиданности; вашъ энтузіазмъ достигъ высшей степени подъ вліяніемъ удивительныхъ контрастовъ, безпрестанно появляющихся на вашихъ глазахъ, но если-бы вы, какъ я, прошли верхнія саванны и безграничныя преріи внутри страны, гдѣ на свободѣ блуждаютъ дикія дѣти этой земли, у которыхъ цивилизація отняла ихъ достояніе, вы-бы, какъ я, лишь презрительно улыбались, глядя на эти мѣста, которыми вы теперь такъ добросовѣстно восхищаетесь.

— То, что вы говорите, можетъ быть, правда, г. Оливье, къ несчастью, я не знаю этихъ прерій и саваннъ, о которыхъ вы говорите, и, безъ сомнѣнія, никогда не узнаю.

— Почему?—живо возразилъ первый собесѣдникъ;—вы молоды, богаты, сильны, свободны, какъ я могу предположить. Кто можетъ помѣшать вашему намѣренію совершить экскурсію въ великія американскія пустыни? Въ настоящее время вы вполнѣ можете привести этотъ проектъ въ исполненіе; это одно изъ путешествій, считающихся невозможными,

о которомъ вы могли-бы говорить съ гордостью, вернувшись въ свое отечество.

— Я хотѣлъ-бы этого,—отвѣтилъ графъ, съ оттѣнкомъ грусти;—къ несчастью, это для меня невозможно, мое путешествіе должно окончиться въ Мексикѣ.

— Въ Мексикѣ?—произнесъ съ удивленіемъ Оливье.

— Увы, да, милостивый государь, это такъ; я не принадлежу себѣ; я покоряюсь въ этотъ моментъ чужой волѣ. Я пріѣхалъ въ эту страну жениться.

— Жениться? Въ Мексикѣ? вы, графъ! — вскричалъ Оливье съ удивленіемъ.

— Боже мой! да, совершенно прозаически, на женщинѣ, которой я не знаю и которая не болѣе знаетъ меня и, конечно, питаетъ ко мнѣ столько же любви, сколько и я къ ней; мы родственники, были обручены въ колыбели и теперь насталъ моментъ сдержать обѣщаніе, данное за насъ нашими отцами; вотъ и все!

— Но тогда эта юная особа француженка?

— Менѣе всего на свѣтѣ, она, напротивъ, испанка, и, думаю даже, немного мексиканка.

— Но вы сами французъ, графъ?

— Конечно, и притомъ французъ изъ Тюрення! — отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Но тогда, позвольте этотъ вопросъ, графъ, какъ случилось?...

— О, совершенно естественно; исторія не долга, и такъ какъ вы, повидимому, расположены слушать, я вамъ раскажу ее въ двухъ словахъ. Мое имя вы знаете, я графъ Людовикъ-Марія де-ля-Солэ; моя фамилія, происхожденіемъ изъ Тюрення, одна изъ древнѣйшихъ фамилій этой провинціи; она восходитъ къ первымъ франкамъ: одинъ изъ моихъ предковъ былъ, какъ говорятъ, вассаломъ короля Хлодвига, который за его вѣрную и славную службу подарилъ ему обширныя луга, окаймленные вербами, отчего позднѣе, моя

фамилія и получила свое имя *). Я говорю вамъ о своемъ происхожденіи не изъ чувства неумѣстной гордости, хотя и происхожу изъ фамиліи извѣстной своими подвигами и военной славой,—благодаря Богу, я воспитанъ въ достаточно широкихъ либеральныхъ идеяхъ, чтобы понимать, чего стоитъ въ настоящую эпоху титулъ и знать, что истинное благородство всецѣло заключается въ возвышенныхъ чувствахъ,— но я долженъ былъ сообщить вамъ эти свѣдѣнія, чтобы вы поняли, какъ мои предки, игравшіе первыя роли при всѣхъ династіяхъ, смѣнявшихся во Франціи, пріобрѣли младшую вѣтвь, фамиліи испанскую въ то время, какъ старшая осталась французской. Во времена Лиги, испанцы, призванные сторонниками Гизовъ, съ которыми они заключили союзъ противъ короля Генриха IV, называемаго въ то время лишь королемъ Наварры, впродолженіи довольно долгаго времени держали въ Парижѣ гарнизонъ. Прошу прощенія у васъ, дорогой г. Оливье, что я пускаюсь въ такія подробности, которыя должны казаться вамъ праздными.

— Извините, графъ, онѣ, напротивъ, чрезвычайно интересуютъ меня; продолжайте, пожалуйста!

Молодой человѣкъ поклонился и продолжалъ.

— Графъ де-ля- Солэ, жившій въ то время, былъ ярымъ сторонникомъ Гизовъ и интимнымъ другомъ герцога Майенскаго; графъ имѣлъ трехъ дѣтей: двухъ сыновей, сражавшихся въ рядахъ арміи Лиги, и дочь, состоявшую придворной дамой при герцогинѣ Монпасье, сестрѣ герцога Майенскаго. Осада Парижа продолжалась долго, она была снята, затѣмъ возобновлена Генрихомъ IV, который кончилъ тѣмъ, что взялъ городъ измѣною, отчаявшись овладѣть имъ; герцогъ де-Бриссакъ, губернаторъ Бастиліи, продалъ городъ. Много офицеровъ герцога де-Мендоса, начальника испанскихъ войскъ, какъ и онъ самъ, имѣли семьи. Короче, — старшій сынъ моего прадѣда влюбился въ одну изъ племянницъ испанскаго генерала, сдѣлалъ предложеніе и получилъ ея

---

*) Верба—Saule.

руку, а сестра его, по настоянію герцогини Монпасье, отдала свою руку одному изъ адъютантовъ генерала; искусная и политичная герцогиня думала посредствомъ подобныхъ браковъ удалить французскую знать отъ того, кого она называла Беарнцемъ и гугенотомъ, а также замедлить, если не сдѣлать невозможнымъ, его тріумфъ. Но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, эти разсчеты оказались ложными; король покорилъ свое царство, и дворяне, наиболѣе замѣшанные въ движеніи Лиги, были принуждены послѣдовать за испанцами въ ихъ отступленіи и вмѣстѣ съ ними оставить Францію. Мой прадѣдъ легко получилъ прощеніе отъ короля, который даже удостоилъ позднѣе дать ему важное назначеніе и принялъ къ себѣ на службу его старшаго сына: но младшій, несмотря на всѣ просьбы и настоянія отца, никогда не согласился вернуться во Францію и окончательно основался въ Испаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя раздѣленныя, обѣ вѣтви фамиліи продолжали поддерживать сношенія и совершать браки. Мой дѣдъ женился, во время эмиграціи, на дѣвушкѣ изъ испанской вѣтви; теперь моя очередь заключить подобный союзъ. Вы видите, дорогой, что все это очень прозаично и очень мало интересно.

— Такъ вы согласитесь жениться, такъ сказать, закрывши глаза, на особѣ, которой вы никогда не видали, и которой даже не знаете?

— Да, такъ; мое согласіе безполезно въ этомъ дѣлѣ, предложеніе торжественно принято моимъ отцомъ, я долженъ поддержать его честное слово. Кромѣ того,—прибавилъ онъ съ улыбкой, — мое присутствіе здѣсь доказываетъ вамъ, что я не медлилъ повиноваться. Можетъ быть, если-бы моя воля была свободна, я не рѣшился-бы на этотъ союзъ; къ несчастью, это не зависитъ отъ меня; я долженъ исполнить волю своего отца. Наконецъ, признаюсь вамъ, что будучи воспитанъ съ постоянною мыслью объ этомъ бракѣ, зная его неизбѣжность, я мало по малу, привыкъ къ мысли заключить его,—и эта жертва не такъ велика для меня, какъ вы, можетъ быть, предполагаете.

— Все равно!—отвѣчалъ Оливье нѣсколько рѣзко, — къ черту знатность и состояніе, если онѣ накладываютъ такія обязательства; гораздо лучше жизнь въ пустынѣ, исполненная приключеній и полная свобода; по крайней мѣрѣ, чувствуешь себя господиномъ своей судьбы.

— Я совершенно согласенъ съ вами, но несмотря на это, надо покориться. Теперь не позволите-ли обратиться къ вамъ съ вопросомъ?

— Боже мой, отъ всего сердца, съ двумя, если вамъ это нравится!

— Какъ случилось, что, встрѣтившись съ вами случайно во французской гостиницѣ въ Вера-Круцъ, въ моментъ моего пріѣзда, мы такъ скоро и такъ сердечно сблизились?

— Относительно этого мнѣ невозможно отвѣтить вамъ, вы понравились мнѣ съ перваго взгляда, ваши манеры меня привлекли; я вамъ предложилъ свои услуги, вы ихъ приняли, и мы вмѣстѣ уѣхали въ Мексико. Вотъ и вся исторія. Когда мы разстанемся, что бы не встрѣчаться болѣе, безъ сомнѣнія, все будетъ сказано.

— О! О! Господинъ Оливье, позвольте мнѣ думать, что вы ошибаетесь; что, напротивъ, мы часто будемъ видѣться, и что наше знакомство скоро перейдетъ въ прочную дружбу.

Другой покачалъ головой.

— Графъ, — сказалъ онъ, наконецъ,—вы дворянинъ, богаты и съ хорошимъ положеніемъ въ свѣтѣ, я же не болѣе, какъ авантюристъ, прошлаго котораго вы не знаете и едва знаете мое имя, если только предположить, что имя, которое я ношу теперь,—настоящее. Наше положеніе слишкомъ различно, между нами проведена слишкомъ рѣзкая демаркаціонная линія, что бы мы могли стоять лицомъ къ лицу на почвѣ благороднаго равенства. Лишь только мы столкнемся съ требованіями цивилизованной жизни, я тотчасъ же стану вамъ въ тягость. Я старше васъ и опытнѣе васъ въ жизни; не настаивайте на этомъ и останемся каждый на своемъ мѣстѣ. Это, будьте увѣрены, лучше и для васъ, и для меня; въ эту минуту я скорѣе вашъ проводникъ, чѣмъ вашъ другъ;

это единственное положеніе, приличествующее мнѣ; оставьте мнѣ его.

Графъ приготовился отвѣчать, но Оливье быстро схватилъ его за руку.

— Молчите,—сказалъ онъ,—слушайте...

— Я ничего не слышу, — отвѣтилъ молодой человѣкъ черезъ минуту.

— Это вѣрно, — съ улыбкой возразилъ Оливье, — ваши уши не открыты, какъ мои, для каждаго шума, смущающаго молчаніе пустыни: со стороны Оризаба быстро приближается карета, она слѣдуетъ по той же дорогѣ, какъ и наша; скоро вы увидите ея появленіе, я ясно различаю звонъ бубенчиковъ муловъ.

— Это, безъ сомнѣнія, дилижансъ изъ Вера-Крусъ, въ которомъ мои слуги и мой багажъ и которыхъ мы опередили лишь на нѣсколько часовъ.

— Можетъ быть, да, можетъ быть, нѣтъ, я былъ-бы очень удивленъ, еслибы онъ такъ скоро нагналъ насъ.

— Что намъ за дѣло?!—сказалъ графъ.

— Никакого, дѣйствительно, если это онъ,—возразилъ Оливье послѣ минутнаго раздумья,—во всякомъ случаѣ намъ недурно принять предосторожности.

— Намъ? предосторожности? зачѣмъ? — съ удивленіемъ произнесъ молодой человѣкъ.

Оливье бросилъ на него взглядъ, исполненный страннаго выраженія.

— Вы совсѣмъ еще не знаете американской жизни,—отвѣтилъ онъ, наконецъ,—въ Мексикѣ первый законъ существованія — всегда быть наготовѣ противъ возможныхъ случайностей западни. Слѣдуйте за мною и дѣлайте тоже, что и я.

— Тогда мы сейчасъ спрячемся?

— Чертъ возьми!—произнесъ Оливье, пожимая плечами. Не давая другого отвѣта, онъ подошелъ къ своей лошади, надѣлъ поводья и прыгнулъ въ сѣдло съ легкостью и ловкостью, доказывающими большую привычку, потомъ помчался галопомъ къ чащѣ деревьевъ, отстоящихъ метровъ на сто.

Графъ, невольно покоренный вліяніемъ, которое съумѣлъ пріобрѣсти надъ нимъ этотъ человѣкъ своимъ страннымъ образомъ дѣйствій, съ тѣхъ поръ, какъ они путешествовали вмѣстѣ, тоже вскочилъ въ сѣдло и поскакалъ по слѣдамъ своего спутника.

— Хорошо,—сказалъ авантюристъ, лишь только они очутились совершенно подъ защитою деревьевъ,—теперь подождемъ.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Смотрите!—лаконически замѣтилъ Оливье, протягивая руку по направленію къ небольшому лѣсу, изъ котораго они сами выѣхали двумя часами раньше.

Графъ машинально повернулъ голову въ ту сторону; въ это самое мгновеніе около двадцати безпорядочно ѣхавшихъ всадниковъ, вооруженныхъ саблями и длинными копьями, галопомъ пронеслись по долинѣ, по направленію къ первому ущелью Кумбръ.

— Солдаты президента Вера-Крусъ, — прошепталъ молодой человѣкъ;—что это значитъ?

— Подождите,—возразилъ авантюристъ.

Скоро явственно послышался грохотъ кареты и показалась карета, которую какъ вихрь, мчали шесть муловъ.

— Проклятіе!— вскричалъ съ жестомъ отчаянія авантюристъ, замѣтивъ карету.

Молодой человѣкъ взглянулъ на своего спутника, который былъ блѣденъ, какъ трупъ; конвульсивный трепетъ пробѣгалъ по его членамъ.

— Что съ вами?—спросилъ его графъ, заинтересованный всѣмъ этимъ.

— Ничего,—отвѣтилъ тотъ,—смотрите...

Сзади кареты скакалъ галопомъ второй взводъ солдатъ, слѣдуя на незначительномъ разстояніи за экипажемъ и поднимая за собою облако пыли.

Потомъ всадники и карета въѣхали въ ущелье и скоро исчезли.

— Чертъ возьми! — сказалъ, смѣясь, молодой человѣкъ,—

вотъ, по крайней мѣрѣ, благоразумные путешественники; они не рискуютъ быть ограбленными сальтеадорами.

— Вы думаете?—произнесъ Оливье съ ѣдкой ироніей.— Ну, вы ошибаетесь, они, по всей вѣроятности, подвергнутся нападенію, со стороны солдатъ, нанятыхъ для ихъ защиты.

— Ну, это невозможно!

— Хотите посмотрѣть на это?

— Да, ради рѣдкости такого факта.

— Только будьте осторожны; можетъ быть, придется сжечь порохъ.

— Надѣюсь на это.

— Тогда вы рѣшитесь защищать этихъ путешественниковъ?

— Конечно! если на нихъ нападутъ.

— Я повторяю вамъ, что на нихъ нападутъ.

— Тогда—сраженіе!

— Хорошо! Вы хорошій наѣздникъ?

— Не безпокойтесь обо мнѣ: гдѣ вы пройдете, тамъ и я пройду.

— Тогда съ Божьей помощью! У насъ осталось какъ разъ столько времени, чтобы подоспѣть; смотрите за вашей лошадью, потому-что, клянусь душою, мы совершимъ бѣгъ, какого вы никогда не видѣли.

Два всадника наклонились къ гривѣ своихъ коней и, взявъ поводья, въ тотъ же моментъ вонзили шпоры, помчавшись по слѣдамъ кареты.

II. Путешественники.

Въ описываемую нами эпоху Мексика переживала одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ кризисовъ, періодическія повторенія которыхъ, мало по малу, довели страну до той крайности, въ которой она находится теперь и избавиться отъ которой она одна безсильна. Вотъ въ двухъ словахъ факты, которые были причиною этого.

Генералъ Цулаога, выбранный президентомъ республики, въ одинъ прекрасный день, неизвѣстно почему, нашелъ власть слишкомъ тяжелой для своихъ плечъ и отрекся отъ нея въ пользу генерала дона Мигуеля Мирамона, впослѣдствіи получившаго названіе временнаго президента; человѣкъ энергичный и, особенно честолюбивый, онъ началъ управлять Мексикой, гдѣ сперва позаботился объ утвержденіи своего назначенія конгрессомъ, который выбралъ его единодушно, и городскимъ самоуправленіемъ.

Такимъ образомъ, Мирамонъ сталъ фактически и по праву законнымъ временнымъ президентомъ, т. е. на срокъ, который истекалъ еще до генеральныхъ выборовъ.

Дѣла шли ни дурно, ни хорошо—довольно долго, но Цулаога, вѣроятно, наскучивъ неизвѣстностью, въ которой онъ жилъ, явился въ одинъ прекрасный день и, вдругъ, въ тотъ моментъ, когда менѣе всего думали объ этомъ, издалъ прокламацію къ народу. Онъ вступилъ въ сношенія съ партизанами Хуареца, который, въ качествѣ вице-президента, при отреченіи Цулаога не призналъ новаго президента. Цулаога заставилъ юнту, собственно говоря, національную, избрать себя конституціоннымъ президентомъ въ Вера-Крусѣ и издалъ декретъ, въ которомъ бралъ назадъ свое отреченіе и лишалъ Мирамона всей власти, которую снова бралъ въ свои руки.

Мирамонъ не очень встревожился этимъ необыкновеннымъ заявленіемъ; сильный, какъ онъ думалъ, своимъ правомъ, санкціонированнымъ конгрессомъ, онъ отправился одинъ въ домъ Цулаога, завладѣлъ его особой и принудилъ его слѣдовать за собою, прибавивъ съ насмѣшливой улыбкой:

— Такъ какъ вы желали снова захватить власть, я научу васъ, какъ дѣлаются президентами республики.

И, сохраняя его какъ заложника, но обращаясь съ нимъ съ извѣстнымъ уваженіемъ и полнымъ вниманіемъ, онъ заставилъ его сопровождать себя въ кампанію, предпринятую имъ во внутреннихъ провинціяхъ, со стороны Гвадалахара, про-

тивъ генераловъ оппозиціи, которые приняли, какъ мы говорили, названіе конституціоналистовъ.

Цулаога не выказалъ никакого сопротивленія и вошелъ въ свое положеніе до того, что сталъ жаловаться Мирамону, зачѣмъ тотъ не даетъ ему назначенія въ арміи; Мирамонъ позволилъ обмануть себя этой притворной покорностью и обѣщалъ ему удовлетворить его желаніе, въ первомъ же сраженіи. Но въ одно прекрасное утро Цулаога и его адъютанты, приставленные къ нему скорѣе для охраненія, чѣмъ для почета, внезапно исчезли, и нѣсколько дней спустя, стало извѣстно, что они бѣжали къ Хуарецу. Цулаога снова началъ оттуда протестовать противъ насилія, жертвою котораго онъ сдѣлался, и издавать декреты противъ Мирамона.

Хуарецъ былъ индѣецъ коварный, хитрый, глубокій притворщикъ, ловкій политикъ, единственный президентъ республики, который, со времени объявленія независимости, не принадлежалъ къ арміи.

Выйдя изъ низшихъ слоевъ мексиканскаго общества, онъ, мало по малу, своимъ упорствомъ достигъ высокаго поста, занимаемаго имъ теперь; зная лучше, чѣмъ кто либо, характеръ націи, которой хотѣлъ управлять, онъ умѣлъ лучше всякаго льстить народнымъ страстямъ и возбуждать энтузіазмъ массъ. Одаренный безмѣрнымъ честолюбіемъ, тщательно скрытымъ подъ маскою глубокой любви къ отечеству, онъ успѣлъ, мало по малу, образовать партію, сдѣлавшуюся въ описываемую эпоху очень сильной.

Конституціонный президентъ организовалъ свое правительство въ Вера-Круси и велъ изъ своего кабинета, черезъ посредство своихъ генераловъ, войну противъ Мирамона. Хотя онъ не былъ признанъ никакой державой, за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, однако велъ себя какъ, истинный и талантливый властитель націи. Связь съ Цулаога котораго въ глубинѣ сердца онъ презиралъ за его трусость и ничтожество, дала ему оружіе, въ которомъ онъ нуждался для приведенія своихъ проектовъ къ благополучному окончанію; онъ сдѣлалъ его, въ нѣкоторомъ родѣ,

вывѣской свой партіи, говоря, что Цулаога долженъ вернуться къ власти, которую у него дерзко вырвалъ Мирамонъ, а потомъ пусть приступятъ къ новымъ выборамъ. Наконецъ, Цулаога не замедлилъ торжественно признать его единственнымъ президентомъ, законно назначеннымъ свободнымъ избраніемъ гражданъ.

Положеніе рѣзко опредѣлилось: Мирамонъ представлялъ партію консервативную, т. е. духовенства, крупныхъ собственниковъ и богатыхъ торговцевъ; Хуарецъ представлялъ партію абсолютно демократическую.

Тогда война приняла страшные размѣры. Къ несчастію, чтобы вести войну, нужны деньги, а денегъ-то у Хуареца какъ разъ совершенно не было, и вотъ почему.

Въ Мексикѣ общественное достояніе не сосредоточено въ рукахъ правительства; каждый штатъ, каждая провинція сохраняетъ свободное право распоряжаться фондами городовъ, составляющихъ часть ихъ территоріи; такимъ образомъ выходитъ, что не провинціи зависятъ отъ правительства. а, напротивъ, правительство и метрополія находятся подъ игомъ провинцій, которыя, во время своихъ возмущеній, прекращаютъ субсидію и тѣмъ ставятъ правительство въ критическое положеніе; болѣе того, двѣ трети общественнаго состоянія находятся въ рукахъ духовенства, которое остерегается выпустить богатство изъ своихъ рукъ и, не платя ни налоговъ, ни какихъ либо другихъ повинностей, ограничивается тѣмъ, что даетъ свои деньги за довольно высокіе проценты и открыто занимается ростовщичествомъ, что еще болѣе обогащаетъ его безъ риска когда либо потерять капиталъ,

Хуарецъ, хотя и былъ хозяиномъ Вера-Круса, находился въ довольно затруднительномъ положеніи, но прежде всего, онъ былъ человѣкъ изобрѣтательный и нисколько не затруднился найти деньги, которыхъ ему не хватало. Онъ началъ съ того, что наложилъ свою руку на таможню въ Вера-Крусѣ, потомъ, организовалъ квадрильясовъ или гверильясовъ, которые нисколько не церемонились захва-

тывать гасіенды приверженцевъ Мирамона, испанцевъ, основавшихся въ странѣ, по большей части богатыхъ, и иностранцевъ всѣхъ національностей, если отъ нихъ можно было чѣмъ нибудь поживиться.

Гверильясы не ограничивали своихъ подвиговъ этимъ: они рыскали по дорогамъ, грабили путешественниковъ и захватывали обозы. Пусть не думаютъ, что мы преувеличиваемъ,—мы напротивъ, уменьшаемъ. Мы должны прибавить, что и Мирамонъ, со своей стороны, не упускалъ случая прибѣгнуть къ тѣмъ же пріемамъ, что бывало рѣдко: его положеніе не было такъ удобно, какъ Хуареца, чтобы съ дѣйствительною выгодою ловить рыбу въ мутной водѣ.

Правда, что гверильясы, повидимому, дѣйствовали по собственному побужденію, что оба правительства громко ихъ не одобряли и даже притворялись иногда, что принимаютъ противъ нихъ строжайшія мѣры, но вуаль была слишкомъ прозрачна, чтобы комедія могла кого нибудь обмануть.

Въ дѣйствительности Мексика преобразилась въ огромной разбойничій притонъ, гдѣ одна половина населенія грабила и убивала другую; таково было политическое положеніе этой несчастной страны въ данную эпоху. Сомнительно, чтобы оно значительно измѣнилось съ тѣхъ поръ, если еще не ухудшилось.

Въ тотъ день, когда начинается наша исторія, въ ту минуту, когда солнце не показывалось еще надъ горизонтомъ, ранчо, построенное изъ плетенаго тростника и похожее, несмотря на свои размѣры, на курятникъ, представляло оживленный видъ, очень странный для такого ранняго часа.

Это ранчо, построенное среди свободно разросшейся зелени, въ очаровательномъ мѣстѣ, едва въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Ріо-санъ-Гранде, не такъ давно преобразилось въ венту, или гостинницу для путниковъ, застигнутыхъ ночью, и для всѣхъ тѣхъ, кто по какимъ-бы то ни было причинамъ предпочиталъ остановиться, а не ѣхать до города.

На довольно обширной площади, передъ вентою, тюки нѣсколькихъ возовъ съ мулами образовывали полукругъ и были соединены между собою съ извѣстной симметріею; среди круга, близь огня, сгруппировались арверосъ и коптили тотайо для своего завтрака, нѣкоторые же поправляли вьючныя сѣдла животныхъ, раздѣленныхъ группами, ѣвшихъ свой маисъ изъ фрезадъ, поставленныхъ на землѣ.

Экипажъ, заваленный чемоданами и картонами, стоялъ рядомъ съ дилижансомъ, остановившимся здѣсь для починки колеса. Нѣсколько путешественниковъ, которые провели ночь на открытомъ воздухѣ, завернувшись въ свои зарапе, стали просыпаться, другіе ходили взадъ и впередъ, куря трубочки; болѣе проворные уже сѣдлали коней и галопомъ уѣзжали по разнымъ направленіямъ.

Скоро кучеръ дилижанса вышелъ изъ кареты, гдѣ онъ спалъ, закопавшись въ траву, задалъ кормъ животнымъ, перевязалъ раны, причиненныя имъ сбруею, запрегъ ихъ и сталъ звать путешественниковъ. Послѣдніе, разбуженные этими криками, полусонные выходили изъ венты и занимали свои мѣста въ дилижансѣ. Ихъ было девять человѣкъ, не считая двоихъ, одѣтыхъ по европейски, въ которыхъ легко было признать французовъ. Всѣ остальные носили мексиканскій костюмъ и казались истинными Lyos del pyas т. е. дѣтьми страны.

Въ тотъ моментъ, когда кучеръ или майоралъ, чистокровный американецъ съ сѣвера, при помощи американскихъ проклятій, перемѣшанныхъ съ дурными испанскими, успѣлъ таки дурно-ли, хорошо-ли собрать путниковъ въ свою карету, пострадавшую отъ дорожныхъ ухабовъ, и взялъ возжи, чтобы тронуться, раздался топотъ лошадей, звонъ сабель и кучка всадниковъ въ почти военныхъ, но страшно истрепанныхъ костюмахъ, осадили коней передъ ранчо.

Этимъ отрядомъ, состоящимъ изъ двадцати человѣкъ съ лицами висѣльниковъ, командовалъ альферецъ или су-лейтенантъ, такъ же бѣдно одѣтый, какъ и его солдаты, но съ оружіемъ въ полномъ порядкѣ.

Офицеръ былъ человѣкъ высокаго роста, сухой, худой, съ хитрымъ лицомъ, подозрительнымъ взглядомъ, съ загорѣлымъ лицомъ.

— Голя! compadre,—крикнулъ онъ майоралу,—вы уѣзжаете слишкомъ рано, какъ мнѣ кажется. Янки—такой дерзкій минуту тому назадъ, внезапно перемѣнилъ свои манеры; онъ униженно поклонился съ притворной улыбкой и отвѣтилъ льстивымъ, заискивающимъ, голосомъ, притворяясь очень обрадованнымъ, чего онъ вѣроятно, вовсе не испытывалъ.

— Э! Valga me dios! это сеньоръ донъ Хезусъ Домингуецъ. Какая счастливая встрѣча! Я и не ожидалъ сегодня утромъ такого счастья; ужъ не ваша-ли сеньорія хочетъ сегодня сопровождать дилижансъ?

— Не сегодня! Меня привела другая обязанность.

— О! ваша сеньорія правы, мои пассажиры не заслуживаютъ столь почетной охраны—bostenos, которые не кажутся мнѣ очень богатыми, и, кромѣ того, я принужденъ буду остановиться, по меньшей мѣрѣ, часа на три въ Оризабѣ, чтобы исправить мою карету.

— Тогда прощай и ступай къ дьяволу! — отвѣтилъ офицеръ.

Майоралъ помедлилъ мгновеніе, потомъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать, какъ ему приказывали, онъ быстро сошелъ съ своихъ козелъ и приблизился къ офицеру.

— У васъ есть какая нибудь новость для меня, compadre?—спросилъ этотъ послѣдній.

— Есть одна, сеньоръ!—отвѣтилъ майоралъ съ притворнымъ смѣхомъ.

— А! А!—сказалъ,—какая? хорошая или дурная?

— Эль-Рахо впереди, на дорогѣ въ Мексико.

Офицеръ слегка вздрогнулъ при этомъ открытіи, но тотчасъ овладѣлъ собою:

— Вы ошибаетесь!—сказалъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ! я видѣлъ его, какъ вижу васъ.

Офицеръ, казалось, колебался минуту или двѣ.

— Хорошо, спасибо, compadre; я приму свои предосторожности. А ваши путешественники?

— Это бѣдные люди, не считая двухъ слугъ какого-то французскаго графа, чемоданы и сундуки котораго одни могли бы наполнить цѣлую карету; другіе не стоятъ того, чтобы ими занимались. Имѣете-ли вы намѣреніе посѣтить ихъ?

— Я еще не рѣшилъ, посмотрю, подумаю.

— Ну, вы поступите, какъ найдете нужнымъ. Простите, что я долженъ васъ оставить, донъ Хезусъ; мои пассажиры въ нетерпѣніи, надо ѣхать.

— Ну, до свиданья!

Майоралъ влѣзъ на козлы, хлестнулъ муловъ и карета помчалась съ быстротою, мало успокоительной для находящихся въ ней пассажировъ, рисковавшихъ на каждомъ поворотѣ дороги поломать себѣ кости.

Лишь только офицеръ остался одинъ, онъ подошелъ къ вентеро, занятому размѣриваньемъ маиса съ нѣсколькими арверосами, и высокомѣрно спросилъ:

— Ну! нѣтъ-ли у васъ здѣсь испанскаго кабаллеро съ дамой?

— Да,—отвѣтилъ вентеро, снимая шляпу съ уваженьемъ и страхомъ,—да, сеньоръ офицеръ, кабаллеро довольно преклоннаго возраста, въ сопровожденіи совсѣмъ молодой дамы, прибылъ сюда вчера, немного позже захода солнца, въ экипажѣ, который, какъ вы видите, стоитъ у воротъ ранчо; они имѣютъ охрану. По словамъ солдатъ они ѣдутъ изъ Вера-Круса въ Мексико.

— Это самое и есть! Я присланъ, чтобы служить имъ конвоемъ до пуэбло Ласъ Анхелесъ; но, кажется, они не торопятся ѣхать; путь дологъ и имъ не мѣшало-бы поспѣшить.

Въ этотъ моментъ внутренняя дверь открылась и мужчина, богато одѣтый, вошелъ въ общую залу; приподнявъ свою шляпу онъ произнесъ священное „Ave Maria purissima“,

и потомъ направился къ офицеру, который, замѣтивъ его сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу.

Новоприбывшій былъ мужчина лѣтъ пятидесяти пяти еще бодрый, высокій, элегантный, съ прекрасными и благородными чертами лица, съ добрымъ и открытымъ выраженіемъ.

— Я донъ Антоніо де Каррера,—сказалъ онъ, обращаясь къ офицеру;—я слышалъ нѣсколько словъ, сказанныхъ вами нашему хозяину, и думаю, сеньоръ, что я то самое лицо, конвоировать которое вы имѣете порученіе.

— Дѣйствительно, сеньоръ кабаллеро, — вѣжливо отвѣтилъ су-лейтенантъ,—имя, которое вы произнесли то самое, какое написано въ приказѣ мнѣ; жду вашего добраго желанія и готовъ сдѣлать все, чего вы пожелаете.

— Благодарю васъ, сеньоръ; моя дочь немного нездорова, я боюсь, пускаясь такъ рано въ дорогу, причинить вредъ ея слабому здоровью и, если вы не встрѣчаете препятствій, мы пробудемъ здѣсь еще нѣсколько часовъ и выѣдемъ только послѣ завтрака; вы оказали бы мнѣ честь, если бы удостоили принять въ немъ участіе.

— Тысячу разъ благодарю васъ, кабаллеро, — отвѣтилъ, вѣжливо кланяясь, офицеръ,—я не болѣе какъ грубый солдатъ, общество котораго не можетъ быть пріятно дамѣ. Соблаговолите простить меня, если я отказываюсь отъ вашего любезнаго предложенія, за которое я вамъ также признателенъ, какъ если бы я принялъ его.

— Я не настаиваю, сеньоръ, хотя былъ бы очень польщенъ имѣть васъ своимъ собесѣдникомъ. Такъ это рѣшено, неправда ли, что мы останемся еще здѣсь?

— Сколько вамъ будетъ угодно, сеньоръ; я повторяю, что я въ вашемъ распоряженіи.

Послѣ этого обмѣна любезностями собесѣдники разстались; старикъ вернулся во внутреннія комнаты ранчо, а офицеръ вышелъ, чтобы расположить свой отрядъ на бивуакѣ.

Солдаты спѣшились, привязали своихъ лошадей къ стол-

гамъ и разбрелись въ разныя стороны, покуривая свои сибаретки и посматривая со страннымъ, безпокойнымъ любопытствомъ на мексиканцевъ.

Офицеръ сказалъ нѣсколько словъ тихимъ голосомъ одному изъ солдатъ; этотъ послѣднiй, вмѣсто того, чтобы подражать примѣру товарищей, сѣлъ на лошадь и удалился галопомъ.

Около десяти часовъ утра, слуги дона Антонiо де Каррера запрягли лошадей въ экипажъ, а нѣсколько минутъ спустя вышелъ и старикъ.

Онъ подалъ руку дамѣ, до такой степени укутанной вуалью и мантильей, что буквально было невозможно разглядѣть ея лица или угадать изящества ея тальи.

Лишь только молодая дама комфортабельно расположилась въ каретѣ, донъ Антонiо повернулся къ офицеру, который быстро подошелъ къ нему.

— Мы тронемся, когда вамъ будетъ угодно, лейтенантъ!—произнесъ онъ.

Донъ Хезусъ поклонился.

Конвойные сѣли на коней; старикъ вошелъ въ экипажъ, дверцы котораго заперъ за нимъ одинъ изъ слугъ, сѣвшiй потомъ на козлы, рядомъ съ кучеромъ; четверо другихъ слугъ, хорошо вооруженные, помѣстились за каретой.

— Въ дорогу!—крикнулъ офицеръ.

Половина конвоя выѣхала впередъ, другая образовала арьергардъ; кучеръ хлестнулъ лошадей и экипажъ, а также и всадники помчались галопомъ и исчезли въ облакахъ пыли.

— Да хранитъ его Богъ!—прошепталъ вентеро, осѣняя себя крестнымъ знаменiемъ и потряхивая въ рукѣ двѣ унцiи золота, данныя ему griffeномъ Антонiо;—этотъ старикъ, достойный дворянинъ; къ несчастью, донъ Хезусъ Домингуецъ съ нимъ, и я боюсь, чтобы этотъ конвой не сталъ для него роковымъ.

III. Сальтеадоры.

Между тѣмъ донъ Антоніо мчался по дорогѣ къ Оризабу, окруженный своимъ конвоемъ; въ небольшомъ разстояніи отъ этого города онъ сдѣлалъ поворотъ, по проселку выѣхалъ на дорогу въ Пуэбло и направился къ ущелью les Cumbres.

Дама, сопровождавшая старика, была молоденькая дѣвушка лѣтъ 16—17 не болѣе; тонкія, изящныя черты, голубые глаза съ длинными рѣсницами, которыя, когда опускались, обрисовывались темнымъ полукругомъ на ея бархатистыхъ щекахъ, прямой носъ съ розовыми и подвижными ноздрями, нѣжный ротъ, изъ-за коралловыхъ полуоткрытыхъ губъ котораго видилось два ряда жемчужныхъ зубовъ, подбородокъ съ легкой ямочкой, блѣдность кожи, которая казалась матовой отъ черныхъ шелковыхъ кудрей, обрамлявшихъ ея лицо и падавшихъ на плечи,—все это дѣлало ея лицо однимъ изъ тѣхъ странныхъ и симпатичныхъ лицъ, которыя даютъ экваторіальныя страны и которыя, не имѣя болѣзненности хрупкой красоты холоднаго сѣвернаго климата, обладаютъ прелестью, заставляющей грезить объ ангелѣ въ женщинѣ и внушающей не только любовь, но и поклоненіе.

Граціозно пріютившись въ углу кареты, утопая въ волнахъ газа, она смотрѣла мечтательными глазами на природу съ разсѣяннымъ видомъ односложно отвѣчая на слова своего отца.

Старикъ, хотя и выказывалъ извѣстную увѣренность, но все же казался озабоченнымъ.

— Смотри, Долоресъ,—говорилъ онъ,— все это не ясно, не смотря на многократныя увѣренія лицъ, стоящихъ во главѣ правительства въ Вера-Крусѣ, и покровительство, которое они, повидимому, оказываютъ мнѣ, я не имѣю никакого довѣрія къ нимъ.

— Почему же, отецъ?—небрежно отвѣтила молодая дѣвушка.

— По тысячѣ причинъ; но главная та, что я испанецъ, а ты знаешь, что, къ несчастью, въ наше время это имя самое ненавистное для мексиканцевъ.

— Это слишкомъ вѣрно, отецъ, но позвольте мнѣ одинъ вопросъ.

— Говори, Долоресъ, я слушаю.

— Я хотѣла бы, чтобы вы посвятили меня въ тотъ, столь важный мотивъ, который заставилъ васъ такъ внезапно покинуть Вера-Крусъ и совершать это путешествіе со мною, между тѣмъ какъ обыкновенно вы никогда не берете меня въ ваши экскурсіи?

— Мотивъ очень простой, мое дитя; важные интересы требуютъ моего присутствія въ Мексико, куда я долженъ прибыть возможно скорѣе; съ другой стороны, политическій горизонтъ съ каждымъ днемъ омрачается все болѣе и болѣе. Я подумалъ, что пребываніе наше въ нашей гаціендѣ дель Ареноль могло бы, черезъ нѣкоторое время, сдѣлаться опаснымъ для нашего семейства. Я рѣшилъ оставить тебя въ Пуэбло у нашего родственника дона Луи де Пезаль, которому ты крестная дочь и который очень тебя любитъ. Затѣмъ, я отправлюсь дальше, въ Ареноль, гдѣ возьму твоего брата Мельхіора и увезу васъ въ столицу, тамъ намъ легко будетъ найти сильное покровительство на случай, если къ несчастью, какъ очень легко предвидѣть, разразится не новая революція,—мы уже давно переживаемъ ее,—но мгновенное ниспроверженіе настоящаго правительства и замѣна его правительствомъ Вера-Круса.

— И кромѣ этого нѣтъ у васъ, отецъ, иного мотива?— съ легкой улыбкой спросила молодая дѣвушка, слегка наклоняясь.

— Какой же иной мотивъ, кромѣ только что указаннаго, могъ бы я имѣть, дорогая Долоресъ?

— Я не знаю, отецъ, потому и спрашиваю.

— Ты любопытная дѣвочка!—смѣясь отвѣтилъ онъ, грозя ей пальцемъ;—ты хочешь заставить меня выдать тебѣ мой секретъ.

— Такъ есть секретъ, отецъ?

— Возможно, но въ настоящее время тебѣ надо покориться, потому что я не скажу тебѣ его.

— Правда, отецъ?

— Даю тебѣ слово.

— О! тогда я не настаиваю; я слишкомъ хорошо знаю, что когда вы начинаете говорить суровымъ голосомъ и нахмуриваете брови, безполезно настаивать.

— Ты сошла съ ума, Долоресъ.

— Все равно, я хотѣла бы знать, зачѣмъ вы взяли чужое имя для этого путешествія.

— О! что касается этого, я съ удовольствіемъ скажу тебѣ. Имя мое слишкомъ извѣстно, какъ имя человѣка богатаго, чтобы я рискнулъ носить его на дорогахъ, когда на нихъ рыскаетъ столько бандитовъ.

— Кромѣ этого не было иной причины?

— Никакой, дорогое дитя; я думаю, что этой достаточно, и что благоразуміе должно было заставить меня поступить такъ, какъ поступилъ я.

— Пусть будетъ такъ! — произнесла она, съ лукавымъ видомъ наклоняя голову; — но, посмотрите, отецъ!—вдругъ вскричала она, — мнѣ кажется, что карета замедлила ходъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣтилъ старикъ, — что это значитъ?

Онъ опустилъ стекло и высунулъ голову, но ничего не увидѣлъ; экипажъ въѣзжалъ въ это время въ ущелье les Cumbres и дорога дѣлала такъ много изгибовъ, что дальше двадцати пяти-тридцати шаговъ ничего нельзя было увидѣть ни впередъ, ни назадъ.

Тогда старикъ подозвалъ одного изъ слугъ, ѣдущихъ непосредственно за каретой.

— Что такое, Санхесъ? — спросилъ онъ; — мнѣ кажется, что мы не ѣдемъ уже такъ скоро.

— Это правда, сеньоръ! — отвѣтилъ Санхесъ; съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили долинv, мы не ѣдемъ уже такъ скоро и причины я незнаю: солдаты нашего конвоя, пови-

димому, обезпокоены, они переговариваются шепотомъ и безпрестанно осматриваются; очевидно, они боятся какой-то опасности.

— Неужели сальтеадоры или гверильеросы, которые оскверняютъ дороги, намѣреваются напасть на насъ? — сказалъ старикъ съ дурно скрываемымъ безпокойствомъ;—разузнайте-ка, Санхесъ. Гм! Мѣсто хорошо выбрано для нападенія, однако нашъ конвой многочисленъ и если онъ не заодно съ бандитами, я сомнѣваюсь, чтобы они осмѣлились преградить намъ путь. Ну, Санхесъ, разспросите искусно солдатъ и донесите мнѣ, что вы узнаете.

Слуга поклонился, натянулъ поводья, пропустилъ карету и отправился исполнять данное ему порученіе.

Но Санхесъ почти тотчасъ вернулся къ экипажу; черты его лица были разстроены и мертвенная блѣдность покрывала его лицо; прерывающійся голосъ едва слышался изъ-за зубовъ, стиснутыхъ отъ ужаса.

— Мы погибли, сеньоръ!—пробормоталъ онъ, наклоняясь къ дверцѣ.

— Погибли!—съ нервнымъ трепетомъ вскричалъ старикъ и бросилъ на свою онѣмѣвшую отъ ужаса дочь взглядъ, исполненный всего, что есть самаго страстнаго въ отцовской любви.—Погибли! вы сошли съ ума, Санхесъ; объясните, во имя неба!

— Безполезно, mi amo, — отвѣтилъ заикаясь бѣднякъ. Вотъ сеньоръ донъ Хезусъ Домингуецъ, начальникъ конвоя, подъѣзжаетъ съ этой стороны; безъ сомнѣнія, онъ посвятитъ васъ въ то, что происходитъ.

— Пусть же онъ явится! Клянусь душою, лучше увѣренность, какъ бы ужасна она не была, чѣмъ подобная тревога.

Карета остановилась какъ бы на площадкѣ около ста квадратныхъ метровъ; старикъ бросилъ взглядъ изъ кареты. Конвой все еще окружалъ карету, только онъ, повидимому, удвоился: вмѣсто двадцати всадниковъ ихъ было сорокъ.

Путешественникъ понялъ, что онъ попалъ въ западню, всякое сопротивленіе, — безуміе, и что на спасеніе у него

остается одинъ шансъ — покорность; но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи еще сильнымъ, несмотря на свой возрастъ, и одаренный твердымъ характеромъ и энергичной душой онъ не призналъ себя сразу побѣжденнымъ и рѣшилъ воспользоваться всѣмъ возможнымъ въ своемъ непріятномъ положеніи.

Поцѣловавъ нѣжно свою дочь и посовѣтовавъ ей оставаться на мѣстѣ и не вмѣшиваться ни во что происходящее, онъ, вмѣсто того, чтобы оставаться въ экипажѣ, открылъ дверцу и легко прыгнулъ на дорогу съ револьверомъ въ каждой рукѣ.

Солдаты, хотя были удивлены этимъ поступкомъ, не сдѣлали ни одного движенія помѣшать ему и невозмутимо оставались въ рядахъ.

Четверо слугъ путешественника не замедлили выстроиться за нимъ, съ заряженными карабинами, готовые открыть огонь по приказанію своего господина.

Санхесъ сказалъ правду: донъ Хезусъ Домингуецъ прискакалъ въ галопъ; но онъ былъ не одинъ, его сопровождалъ другой всадникъ.

Этотъ послѣдній, не высокій и коренастый, имѣлъ мрачное лицо и хитрые глаза; красноватый отливъ кожи выдавалъ его чисто индѣйское происхожденіе; онъ носилъ роскошный костюмъ полковника регулярныхъ войскъ.

Путешественникъ тотчасъ призналъ въ этомъ зловѣщемъ лицѣ дона Фелиппе Нери Ирзобала, одного изъ начальниковъ гверильеросовъ партіи Хуареца; два или три раза онъ видѣлъ его въ Вера-Крусѣ.

Съ нервнымъ трепетомъ и дрожью ужаса ожидалъ старикъ этихъ двухъ людей; когда они были отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ онъ вмѣсто того чтобы выжидать ихъ вопросовъ заговорилъ первый:

— Голя! кабалеро, — крикнулъ высокомѣрнымъ онъ тономъ,—что значитъ это, и почему вы заставляете меня прерывать такимъ образомъ мое путешествіе?

— Вы сейчасъ узнаете это, дорогой сеньоръ!—усмѣхаясь

отвѣтилъ гверильеро;—но чтобы вы знали сейчасъ, чего вамъ держаться—именемъ отечества я васъ арестую!

— Вы меня арестуете? Вы? — вскричалъ старикъ по какому праву?

— По какому праву?—продолжалъ гверильеро съ своей зловѣщей усмѣшкой, о Боже! Я могъ-бы, если-бы хотѣлъ, отвѣтить вамъ, что это—право сильнаго, и объясненіе было-бы ясно, я думаю.

— Въ самомъ дѣлѣ, — отвѣтилъ насмѣшливымъ тономъ путешественникъ,—и это я предполагаю единственное объясненіе, которое вы можете дать.

— Ну, вы ошибаетесь, джентельменъ, я не дамъ такого объясненія, я арестую васъ, какъ шпіона, уличеннаго въ высшей измѣнѣ.

— Ну, вы сошли съ ума, сеньоръ полковникъ. Я шпіонъ и измѣнникъ?!

— Сеньоръ,—уже давно правительство президента Хуареца слѣдитъ за вами; слѣдитъ за вашимъ поведеніемъ и знаютъ, почему вы такъ поспѣшно оставили Вера-Крусъ и для чего отправляетесь въ Мексику.

— Я направляюсь въ Мексику по коммерческимъ дѣламъ и президентъ хорошо это знаетъ, такъ какъ онъ самъ подписалъ мой пропускъ и милостиво далъ мнѣ этотъ конвой, сопровождающій меня, даже безъ моей просьбы.

— Все это правда, сеньоръ; нашъ великодушный президентъ, который всегда относится съ отвращеніемъ ко всякимъ строгимъ мѣрамъ, не хотѣлъ приказать арестовать васъ; онъ предпочелъ, изъ уваженія къ вашимъ сѣдымъ волосамъ, предоставить вамъ средства бѣжать, но ваша послѣдняя измѣна переполнила мѣру и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, президентъ увидѣлъ необходимость немедленно примѣнить къ вамъ строгость. Я посланъ вслѣдъ за вами съ приказомъ арестовать васъ; я исполняю этотъ приказъ.

— А могу я узнать, въ какой измѣнѣ я обвиненъ?

— Лучше, чѣмъ кто либо, сеньоръ донъ Андресъ де ля Крусъ, вы должны знать причины, которыя заставили васъ

оставить ваше имя и принять имя дона Антоніо де-Каррера.

Донъ Андресъ, ибо таково было въ дѣйствительности его имя, былъ подавленъ этимъ открытіемъ не потому, что чувствовалъ себя виновнымъ, но перемѣна имени была сдѣлана съ согласія президента, и онъ былъ пораженъ двойственностью людей, которые арестовали его и которые, за неимѣніемъ лучшихъ поводовъ, воспользовались этимъ, чтобы вовлечь его въ низкую западню и завладѣть его состояніемъ, котораго они такъ давно домогались.

Однако донъ Андресъ подавилъ свое волненіе и снова обратился къ гверильеро.

— Берегитесь дѣлать это, сеньоръ полковникъ; я не первый встрѣчный и не позволю безропотно ограбить себя: въ Мексикѣ есть испанскій посланникъ, который сумѣетъ оказать мнѣ правосудіе.

— Я не знаю, что вы хотите сказать, — невозмутимо отвѣтилъ донъ Фелиппе;—если вы говорите о сеньорѣ Пахеко, то не думаю, чтобы его покровительство принесло вамъ пользу: этотъ кабалеро, въ званіи полномочнаго посла Е. В. Королевы Испанской, счелъ удобнымъ признать правительство этого измѣнника Мирамона. Намъ же совершенно не къ чему связываться съ нимъ, и его вліяніе на національнаго президента ничтожно; кромѣ того, намъ нечего съ вами спорить. Угодно вамъ сдаться, или же вы хотите оказать безполезное сопротивленіе? Отвѣчайте!

Донъ Андресъ бросилъ кругомъ взглядъ и увидѣлъ, что, за исключеніемъ слугъ, ему нельзя разсчитывать ни на чью помощь или поддержку; тогда онъ уронилъ свои револьверы къ ногамъ и скрестилъ руки на груди.

— Я сдаюсь силѣ!—сказалъ онъ твердымъ голосомъ;—но я передъ всѣми окружающими протестую противъ насилія, совершеннаго надо мною.

— Пусть будетъ такъ, протестуйте, дорогой сеньоръ; вы властны въ этомъ и до этого мнѣ мало дѣла; Донъ Хезусъ Домигуецъ! — прибавилъ онъ, обращаясь къ офицеру, кото-

рый присутствовалъ при этой сценѣ, спокойный, невозмутимый и равнодушный, — мы должны приступить къ тщательному осмотру багажа и особенно, бумагъ плѣнника.

Старикъ презрительно пожалъ плечами.

— Хорошо сыграно, — сказалъ онъ;—къ несчастію, вы немного опоздали, кабаллеро.

— Что хотите вы сказать?

— Ничего, кромѣ того, что денегъ и цѣнныхъ бумагъ, которыя вы надѣетесь найти въ моемъ багажѣ, нѣтъ тамъ; я слишкомъ хорошо зналъ васъ, сеньоръ, чтобы не принять предосторожностей, въ предвидѣніи того, что произошло сейчасъ.

— Проклятье!—вскричалъ гверильеро, ударяя кулакомъ по лукѣ сѣдла;—чортъ, не думай такъ ускользнуть отъ насъ; хотя-бы я долженъ былъ искрошить тебя живого, я узнаю, клянусь тебѣ, куда спряталъ ты свои сокровища!

— Попробуйте! — отвѣтилъ съ ироніей донъ Андресъ, поворачиваясь къ нему спиной.

Бандитъ выказалъ себя; гверильеро, послѣ взрыва, вызваннаго его жадностью, не стѣснялся уже передъ тѣмъ, кого онъ хотѣлъ такъ смѣло и цинично ограбить.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—посмотримъ! — и наклонясь къ уху дона Хезуса, онъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ тихо говорилъ ему.

Двое бандитовъ, безъ сомнѣнія, обсуждали самыя энергичныя мѣры, которыми они разсчитывали принудить испанца открыть свой секретъ и очутиться въ ихъ власти.

— Донъ Андресъ!—началъ черезъ минуту гверильеро съ нервной усмѣшкой,—въ такомъ случаѣ я буду принужденъ прервать ваше путешествіе; прежде чѣмъ вернуться въ Вера-Крусъ, мы отправимся въ вашу гасіенду дель Ареналь, гдѣ намъ будетъ болѣе удобно, чѣмъ на дорогѣ, говорить о дѣлахъ; соблаговолите, прошу васъ, войти въ карету, мы ѣдемъ; кромѣ того, ваша дочь, прекрасная Долоресъ, безъ сомнѣнія нуждается въ покоѣ.

Старикъ поблѣднѣлъ; онъ понялъ весь ужасъ угрозы,

сдѣланной ему бандитомъ, поднялъ глаза къ небу и сдѣлалъ движеніе къ каретѣ.

Въ этотъ самый моментъ раздался бѣшеный галопъ лошади, солдаты съ ужасомъ разступились и всадникъ, на полномъ скаку, проникъ, какъ ураганъ, въ центръ круга, образовавшагося вокругъ экипажа.

Этотъ всадникъ былъ въ маскѣ. Черная вуаль цѣликомъ закрывала его лицо; онъ рѣзко осадилъ свою лошадь на заднія ноги и устремивъ свои глаза, горящіе, какъ раскаленные угли, черезъ отверстія вуали, на гверильеро, спросилъ отрывистымъ и угрожающимъ тономъ:

— Что здѣсь происходитъ?

Инстинктивнымъ жестомъ гверильеро натянулъ поводья и заставилъ свою лошадь отшатнуться.

Солдаты и самъ офицеръ съ ужасомъ осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ и прошептали:

— Эль-Рахо! Эль-Рахо!

— Я васъ спрашиваю! — повторилъ неизвѣстный послѣ нѣсколькихъ секундъ ожиданья.

Слишкомъ сорокъ человѣкъ, окружавшіе его, униженно склонили голову и, мало-по-малу, отступая, значительно расширили кругъ; повидимому, они мало были расположены вступать въ разговоръ съ этой таинственной личностью.

Донъ Андресъ почуствовалъ, какъ надежда, мало-по-малу, возвращается въ его сердце; тайное предчувствіе говорило ему, что прибытіе этого человѣка, если не устраняло совершенно опасности, то по крайней мѣрѣ, давало дѣлу болѣе благопріятный оборотъ; болѣе того, ему казалось, что гдѣ то, но гдѣ онъ не могъ вспомнить, онъ слышалъ звукъ этого голоса, и въ то время, какъ другіе съ ужасомъ отступали, онъ въ невольномъ порывѣ, въ которомъ самъ не могъ отдать себѣ отчета, приблизился къ незнакомцу.

Донъ Хезусъ Домингуецъ, начальникъ конвоя, исчезъ; онъ постыдно бѣжалъ.

IV. Эль-Рахо.

Въ эпоху, когда происходитъ наша исторія, одинъ человѣкъ въ Мексикѣ имѣлъ привиллегію сосредоточить на себѣ всеобщее любопытство, всеобщій ужасъ и, еще болѣе, всѣ симпатіи.

Этотъ человѣкъ былъ Эль-Рахо, т. е. *громъ*.

Кто былъ Эль-Рахо? откуда онъ? что дѣлалъ онъ?

На эти вопросы, хотя очень короткіе, никто не могъ-бы отвѣтить съ увѣренностью.

И одинъ Богъ знаетъ, какъ много легендъ ходило на его счетъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ то, что навѣрное знали на его счетъ.

Къ концу 1857 г., онъ вдругъ появился на дорогѣ изъ Мексики въ Вера-Крусѣ, гдѣ устроилъ по своему полицейскій надзоръ, останавливая обозы и дилижансы, покровительствуя или грабя, т. е. во второмъ случаѣ принуждая богатыхъ слегка почистить свой кошелекъ въ пользу ихъ менѣе богатыхъ спутниковъ, и принуждая начальниковъ конвоя защищать отъ нападеній сальтеадоровъ лицъ, которыхъ имъ поручено сопровождать.

Никто не могъ бы сказать, молодъ онъ или старъ, прекрасенъ или безобразенъ, брюнетъ или блондинъ, потому-что никто никогда не видѣлъ его лица открытымъ. Національность его таже невозможно было опредѣлить; онъ говорилъ съ одинаковой легкостью и изяществомъ по испански, французски, нѣмецки, англійски и итальянски.

Это таинственное лицо хорошо знало все, что происходило на территоріи республики; онъ зналъ не только имена и общественное положеніе путешественниковъ, съ которыми ему угодно было затѣвать дѣло, но еще ему были извѣстны о нихъ нѣкоторыя секретныя частности, что ставило ихъ въ неловкое положеніе.

Еще страннѣе всего нами разсказаннаго было то, что

Эль-Рахо былъ всегда одинъ, но никогда не колебался, каково-бы ни было число его враговъ, преградить имъ путь. Мы должны прибавить, что вліяніе его присутствія было такъ велико, что одинъ его видъ останавливалъ всякое сопротивленіе и его угроза заставляла дрожать отъ ужаса тѣхъ, къ кому онъ обращался съ ней.

Оба президента республики, ведя войну до изнеможенія, чтобы одолѣть одинъ другого, пытались, каждый по отдѣльности, очистить большую дорогу отъ кабаллеро, столь неудобнаго, и, притомъ, казавшагося имъ опаснымъ соперникомъ, но всѣ ихъ усилія достигнуть такого результата кончались самымъ прискорбнымъ образомъ: Эль-Рахо, неизвѣстно какъ, всегда оказывался наготовѣ и отлично освѣдомленнымъ о всѣхъ движеніяхъ солдатъ, отправленныхъ на розыски за нимъ; всегда онъ неожиданно появлялся передъ ними, разрушалъ ихъ замыслы и заставлялъ ихъ постыдно ретироваться.

Но однажды правительству Хуареца показалось, что Эль-Рахо будетъ захваченъ и не ускользнетъ при тѣхъ мѣрахъ, какія были приняты, чтобы завладѣть его особой.

Узнали, что уже нѣсколько ночей онъ ночуетъ въ одномъ ранчо, расположенномъ недалеко отъ Пазо-дель-Мако; отрядъ драгунъ, подъ начальствомъ Варвахаля, одного изъ самыхъ жестокихъ и рѣшительныхъ гверильеро, былъ немедленно, подъ величайшей тайной, отправленъ въ Пазо-дель-Мако.

Командиръ имѣлъ приказаніе разстрѣлять своего плѣнника сейчасъ-же, какъ только онъ будетъ захваченъ,—безъ сомнѣнія для того, чтобы онъ не попытался бѣжать во время перехода изъ Пазо-дель-Мако въ Вера-Крусъ.

Отрядъ поспѣшно собрался; драгуны, которымъ была обѣщана значительная награда въ случаѣ успѣха ихъ рискованнаго предпріятія, были преисполнены сознаніемъ своего долга, стыдились, что одинъ человѣкъ такъ долго игралъ съ ними, и горѣли жаждой мести.

Солдаты увидѣли ранчо; приблизительно въ двухъ лье отъ Пазо-дель-Мако они встрѣтили монаха, который въ ка-

пюшонѣ, опущенномъ на лицо, на скверномъ мулѣ, перебиралъ съ бормотаньемъ свои четки.

Командиръ попросилъ монаха присоединиться къ ихъ отряду, что тотъ и принялъ не безъ нѣкотораго колебанія.

Въ ту минуту, когда отрядъ, ѣхавшій нѣсколько безпорядочно, достигъ ранчо, монахъ спѣшился.

— Что вы дѣлаете, мой отецъ? — спросилъ его командиръ.

— Вы видите, мой сынъ, схожу со своего мула; дѣла призываютъ меня въ одно ранчо, нѣсколько дальше, и оставляя васъ продолжать дорогу, я прошу позволенія покинуть васъ, поблагодаривъ за пріятное общество, которое вы доставили мнѣ со времени нашей встрѣчи.

— О! о!—сказалъ командиръ, смѣясь грубымъ смѣхомъ,— этого не будетъ, сеньоръ падре, мы не можемъ такъ разстаться.

— Почему-же, сынъ мой?—спросилъ монахъ, приближаясь къ офицеру, ведя въ поводу своего мула.

— По очень простой причинѣ, мой недостойный братъ...

— Панкрасіо, къ вашимъ услугамъ, сеньоръ кабаллеро!— произнесъ съ поклономъ монахъ.

— Панкрасіо, пусть будетъ такъ, — отвѣтилъ офицеръ. Я нуждаюсь въ васъ, или, вѣрнѣе, въ вашемъ министерствѣ; однимъ словомъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы исповѣдать человѣка, готоваго умереть.

— Кого-же?

— Знаете-ли вы Эль-Рахо?

— Пресвятая Дѣва! знаю-ли я, его, славный командиръ!

— Ну, такъ это онъ близокъ къ смерти.

— Вы арестовали его?

— Нѣтъ еще, но черезъ нѣсколько минутъ это будетъ сдѣлано, я ищу его.

— А, ба! гдѣ-же онъ?

— Ну, въ этомъ ранчо, которое вы видите отсюда! — отвѣтилъ офицеръ, снисходительно наклоняясь къ монаху и указывая рукой направленіе.

— Вы увѣрены въ этомъ, славный командиръ?

— Чертъ возьми! увѣренъ-ли я въ этомъ?!

— Ну, я думаю, вы ошибаетесь.

— Эге? что хотите вы сказать, знаете-ли вы что нибудь?

— Конечно, я знаю кое-что, потому-что Эль-Рахо — это я—проклятый разбойникъ!

И прежде, чѣмъ офицеръ, пораженный этимъ внезапнымъ открытіемъ, котораго онъ такъ далекъ былъ ожидать, пришелъ въ себя, Эль-Рахо схватилъ его за ногу и бросилъ на землю; потомъ, вскочивъ въ его сѣдло и вооружившись двумя шестиствольными револьверами, спрятанными подъ одеждой, онъ во весь карьеръ бросился въ середину отряда, стрѣляя обѣими руками и испуская свой ужасный военный крикъ: Эль-Рахо, Эль-Рахо!

Солдаты, пораженные также, какъ ихъ офицеръ, и даже больше, этимъ неожиданнымъ и дерзкимъ нападеніемъ, разсыпались въ разныя стороны и бѣжали.

Эль-Рахо, разсѣявъ весь отрядъ, изъ котораго онъ убилъ семерыхъ и подъ восьмымъ убилъ лошадь, вдругъ сдержалъ быстрый бѣгъ своего коня и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ съ недовѣрчивымъ видомъ простоялъ шагахъ во ста, видя, что драгуны его уже не преслѣдуютъ. Эти бѣдняги, испуганные, думали только о томъ, какъ бы убѣжать и покинули своего офицера.

Тогда Эль-Рахо повернулъ лошадь и приблизился къ офицеру, какъ трупъ распростертому на землѣ.

— Ей! командиръ, — произнесъ онъ, спѣшиваясь,—вотъ ваша лошадь, возьмите ее, она поможетъ вамъ присоединиться къ вашимъ солдатамъ; мнѣ же она не нужна больше, я пойду подождать васъ въ ранчо, гдѣ, если у васъ еще осталось желаніе арестовать меня, чтобы разстрѣлять, вы найдете меня, готовымъ принятъ васъ до завра, до восьми часовъ утра; до свиданія!

Онъ сдѣлалъ прощальный жестъ рукой, сѣлъ на своего мула и направился къ ранчо, куда дѣйствительно вошелъ.

Нѣтъ надобности прибавлять, что онъ спокойно спалъ

до утра и ни офицеръ, ни солдаты, столь пылкіе въ его преслѣдованіи, не осмѣлились нарушить его покой; опи уѣхали въ Вера-Крусъ, не повернувъ головы.

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, неожиданное появленіе котораго среди конвоя экипажа внушило такой ужасъ солдатамъ и совершенно оледенило ихъ мужество.

Съ минуту Эль-Рахо оставался холоденъ, мраченъ и спокоенъ передъ солдатами, столпившимися вокругъ него; потомъ началъ отрывистымъ и рѣшительнымъ тономъ:

— Сеньоры, вы, кажется, забыли, что никто, кромѣ меня, не можетъ распоряжаться на большихъ дорогахъ Республики. Сеньоръ донъ Фелиппе Нери, — прибавилъ онъ, обращаясь къ офицеру, неподвижно стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ,— вы можете вернуться съ вашими людьми, дорога совершенно свободна до Пуэблы; вы понимаете меня, неправда-ли?

— Я понимаю васъ, кабаллеро; но мнѣ кажется,—нерѣшительно отвѣтилъ полковникъ,— что мой долгъ предписываетъ мнѣ конвоировать...

— Ни слова болѣе! — рѣзко прервалъ его Эль-Рахо, — взвѣсьте хорошенько мои слова, особенно для вашей-же пользы; тѣхъ, кого вы надѣетесь встрѣтить въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, нѣтъ болѣе; трупы многихъ изъ нихъ служатъ въ эту минуту добычей коршунамъ. Эта партія проиграна сегодня вами, вѣрьте мнѣ; поверните назадъ.

Одно мгновеніе офицеръ былъ въ нерѣшимости, потомъ, заставилъ свою лошадь двинуться на нѣсколько шаговъ впередъ, онъ сказалъ голосомъ, трепетавшимъ отъ волненія:—Сеньоръ, я не знаю, человѣкъ вы или демонъ, чтобы такимъ образомъ предписывать вашу волю этимъ храбрымъ людямъ: умереть для солдата — ничто, когда онъ пораженъ въ грудь, передъ лицомъ непріятеля; однажды я отступилъ передъ вами, я не хочу этого болѣе; убейте сегодня меня, но не отнимайте чести.

— Я люблю, когда вы такъ говорите, донъ Фелиппе! — холодно отвѣтилъ Эль-Рахо; храбрость идетъ военному; несмотря на ваши инстинкты висѣльника и ваши привычки

бандита, я съ удовольствіемъ вижу, что въ смѣлости у васъ нѣтъ недостатка; я не отчаиваюсь сдѣлать изъ васъ позднѣе кое-что, если пуля, грубо оборвавъ нить вашихъ дней, не остановитъ на пути вашихъ добрыхъ намѣреній. Прикажите вашимъ солдатамъ, которые дрожатъ, какъ трусы, каковы они и есть, отойти на двѣнадцать шаговъ, — я дамъ вамъ удовлетвореніе, котораго вы желаете.

— Ахъ! кабаллеро,—вскричалъ офицеръ,—это возможно, вы соглашаетесь?

— Поставить мою жизнь противъ вашей, — насмѣшливо прервалъ его Эль-Рахо;—почему нѣтъ? Вы хотите урокъ и сейчасъ его получите.

Не теряя ни минуты, офицеръ повернулъ лошадь и отдалъ солдатамъ приказъ отступить, что они исполнили съ похвальнымъ рвеніемъ.

Донъ Андресъ де-ля-Крусъ, мы теперь даемъ ему его настоящее имя, присутствовалъ при всей этой сценѣ, въ которую онъ не осмѣлился вмѣшаться, какъ заинтересованный зритель.

Однако, когда онъ увидѣлъ, какой оборотъ приняло дѣло, то счелъ своимъ долгомъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

— Извините, кабаллеро!—произнесъ онъ, обращаясь къ таинственному незнакомцу,—искренно благодаря васъ за ваше вмѣшательство въ нашу пользу, позвольте замѣтить вамъ, что уже давно я задержанъ въ этомъ ущельѣ и желалъ бы продолжать свой путь, чтобы, какъ можно скорѣе, избавить мою дочь отъ опасности.

— Никакая опасность не угрожаетъ доннѣ Долоресъ, сеньоръ,—холодно отвѣтилъ Эль-Рахо; эта отсрочка нѣсколькихъ минутъ никоимъ образомъ не можетъ имѣть для нея непріятныхъ послѣдствій. Кромѣ того, я желаю, чтобы вы присутствовали при этомъ сраженіи, которое въ нѣкоторомъ родѣ завязывается для поддержки вашего дѣла; имѣйте терпѣніе, прошу васъ. Но вотъ возвращается донъ Фелиппе; дѣло не затянется. Вообразите, что вы присутствуете

при боѣ пѣтуховъ; я убѣжденъ, что вы съ удовольствіемъ увидите то, что произойдетъ сейчасъ.

— Но однако!...—отвѣтилъ донъ Андресъ.

— Вы обижаете меня, настаивая дольше!—сухо прервалъ его Эль-Рахо; у васъ, я знаю, есть прекрасные револьверы, которые вамъ прислалъ изъ Парижа Девизмъ; соблаговолите дать одинъ изъ нихъ дону Фелиппе. Они заряжены, я полагаю?

— Да, сеньоръ, они заряжены!—отвѣтилъ донъ Андресъ, подавая офицеру одинъ изъ своихъ револьверовъ.

Офицеръ взялъ его, повертѣлъ въ рукахъ и съ разочарованіемъ поднялъ голову.

— Я не умѣю пользоваться этимъ оружіемъ!—сказалъ онъ.

— О, это очень легко!—вѣжливо отвѣтилъ Эль-Рахо,— вы въ одно мгновеніе поймете ихъ механизмъ; сеньоръ, донъ Андресъ, будьте добры, прошу васъ, объяснить этому кабалеро употребленіе столь простого оружія.

Испанецъ повиновался; дѣйствительно, офицеръ понялъ съ перваго же слова данное ему объясненіе.

— Теперь, сеньоръ, донъ Фелиппе,—началъ холодный и невозмутимый Эль-Рахо, — выслушайте меня хорошенько: я согласенъ дать вамъ удовлетвореніе на условіи, что, каковъ бы ни былъ исходъ поединка, вы обязуетесь, не правда-ли? тотчасъ повернуть лошадей, представивъ дону Андресу и его дочери продолжать путь, какъ имъ заблагоразсудится: рѣшено?

— Рѣшено, сеньоръ!

— Очень хорошо; теперь вотъ что мы сдѣлаемъ: мы спѣшимся и станемъ въ двадцати шагахъ другъ отъ друга; это разстояніе удобно вамъ?

— Совершенно, сеньоръ!

— Хорошо; тогда при сигналѣ, данномъ мною, вы выпустите шесть зарядовъ изъ вашего револьвера; я выстрѣлю послѣ васъ, но только одинъ разъ, потому что мы торопимся.

— Извините, сеньоръ, но если я васъ убью этими выстрѣлами?

— Вы не убьете меня, сеньоръ! — холодно отвѣтилъ Эль-Рахо.

— Вы думаете?

— Я увѣренъ въ этомъ; чтобы убить человѣка моего закала, сеньоръ донъ Фелипе,—сказалъ Эль-Рахо, съ ужасающей ироніей,—надо имѣть твердое сердце и желѣзную руку: у васъ нѣтъ ни того, ни другого.

Донъ Фелиппе не отвѣчалъ, но охваченный глухимъ бѣшенствомъ, съ блѣднымъ лицомъ и сдвинутыми бровями, двинулся и рѣшительно занялъ мѣсто въ двадцати шагахъ отъ своего противника.

Эль-Рахо слѣзъ съ лошади и, гордо выпрямивъ свой станъ, откинувъ назадъ голову, выдвинувъ впередъ правую ногу и скрестивъ за спиной руки, сталъ передъ офицеромъ.

— Теперь,—сказалъ онъ, — прицѣливайтесь внимательнѣе; револьверы, какъ бы хороши они не были, имѣютъ вообще недостатокъ брать слишкомъ высоко; не торопитесь, вы готовы? ну, начинайте!

Донъ Фелиппе не заставилъ повторить приглашенія и выстрѣлилъ изъ своего револьвера три раза подрядъ.

— Слишкомъ скоро, слишкомъ скоро! — крикнулъ ему Эль-Рахо;—я даже не слышалъ свиста вашихъ пуль. Ну, больше спокойствія, постарайтесь воспользоваться тремя выстрѣлами, которые вамъ остались!

Всѣ взгляды неподвижно устремилась на нихъ; всѣ затаили дыханіе. Офицеръ, подавленный хладнокровіемъ своего противника и неудачей своихъ выстрѣловъ, невольно почувствовалъ себя околдованнымъ этой черной безстрашной статуей, стоявшей передъ нимъ; онъ видѣлъ только, какъ черезъ отверстія маски блестѣли глаза, какъ раскаленные угли; капли холоднаго пота оросили его лобъ, волосы стали дыбомъ отъ ужаса; онъ почувствовалъ, что его первоначальная увѣренность оставила его.

Однако гнѣвъ и гордость дали ему необходимую силу, чтобы скрыть отъ глазъ присутствовавшихъ страшную пытку,

отъ которой онъ страдалъ; крайнимъ усиліемъ воли онъ вернулъ себѣ наружное спокойствіе и выстрѣлилъ снова.

— Это лучше!—сказалъ насмѣшливо Эль-Рахо,—только немного высоко, посмотримъ слѣдующую.

Выведенный изъ себя этой послѣдней насмѣшкой, донъ Фелиппе нажалъ собачку.

Пуля ударила въ скалу на одинъ палецъ выше головы неизвѣстнаго.

Въ револьверѣ оставалась только одна пуля!

— Сдѣлайте пять шаговъ впередъ!—сказалъ Эль-Рахо; можетъ быть, вы не потеряете вашего послѣдняго выстрѣла.

Не отвѣчая на эту ѣдкую насмѣшку, офицеръ прыгнулъ, какъ дикій звѣрь, сталъ въ пятнадцати шагахъ, и выстрѣлилъ.

— Теперь я!—холодно сказалъ неизвѣстный, отступая на прежнее разстояніе,—вы забыли снять шляпу, кабаллеро, это отсутствіе вѣжливости, чего я не могу перенести!

И выхвативъ изъ за пояса одинъ изъ пистолетовъ, онъ зарядилъ его, протянулъ руку и выстрѣлилъ, не давая себѣ труда прицѣлиться. Шляпа офицера, сорванная съ его головы, покатилась въ пыли.

Донъ Фелиппе зарычалъ, какъ дикій звѣрь.

— О!—вскричалъ онъ,—вы демонъ!

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Эль-Рахо,—я человѣкъ съ сердцемъ. Теперь, уѣзжайте, я оставляю вамъ жизнь.

— Да, я уѣду, но, человѣкъ или демонъ, я убью васъ, клянусь въ этомъ, хотя-бы я долженъ былъ преслѣдовать тебя до глубины ада!

Эль-Рахо приблизился къ нему, сильно взялъ его за руку, отвелъ въ сторону и поднявъ маску, закрывавшую его черты, показалъ ему свое лицо.

— Вы меня узнаете теперь, неправда-ли? — сказалъ онъ глухимъ голосомъ,—только, помните, что теперь, когда вы увидите меня лицомъ къ лицу, наша первая встрѣча будетъ смертельной; уѣзжайте!

Донъ Фелиппе не отвѣтилъ; онъ сѣлъ на лошадь и гало-

помъ, во главѣ испуганныхъ солдатъ, помчался по дорогѣ въ Орибазу.

Черезъ пять минутъ на площадкѣ остались только путешественники со своими слугами. Эль-Рахо, безъ сомнѣнія, воспользовавшись минутой безпорядка и удивленья, вызваннаго концомъ этой сцены, исчезъ.

V. Гасіенда дель Ареналь.

Прошло четыре дня со времени событій, разсказанныхъ въ послѣдней главѣ. Графъ Людовикъ де ля Солэ и Оливье ѣхали бокъ о бокъ; но мѣсто сцены совершенно измѣнилось.

Вокругъ нихъ простиралась безграничная равнина, покрытая роскошной растительностью и кое-гдѣ пересѣкаемая рѣчками, на берегахъ которыхъ скромно ютились жилища нѣскольких незначительныхъ пуэбло. Здѣсь и тамъ паслись многочисленныя стада, подъ охраною верховыхъ вакеро съ реатой у сѣдла, саблей на боку и длиннымъ копьемъ. По дорогѣ, повороты которой обозначались желтыми чертами на зеленой скатерти долины, показывались, какъ черныя точки, погонщики, торопящіеся къ снѣжнымъ горамъ, замыкавшимъ горизонтъ; группы гигантскихъ деревьевъ разнообразили, пейзажъ а немного правѣе, на вершинѣ высокаго холма, гордо возвышала свои массивныя стѣны большая гасіенда.

Двое путниковъ шагомъ ѣхали по послѣднимъ поворотамъ узкой тропинки, спускавшейся по пологому откосу въ долину; въ этотъ моментъ стѣна деревьевъ, закрывавшая имъ видъ направо и налѣво, кончилась, и пейзажъ, какъ будто сразу, открылся передъ ними, словно созданный магической палочкой могучаго волшебника.

Графъ остановился и испустилъ крикъ удивленія при видѣ великолѣпнаго калейдоскопа, развернувшагося передъ его глазами.

— А, а!—произнесъ Оливье,—я знаю, что вы любитель,

и подготовилъ вамъ этотъ сюрпризъ. Какъ вы находите его?

— Это удивительно, я никогда не видѣлъ столь прекрасной картины! — съ энтузіазмомъ вскричалъ молодой человѣкъ.

— Да!—отвѣтилъ авантюристъ, съ подавленнымъ вздохомъ,—это довольно хорошо для пейзажа, испорченнаго рукою человѣка; я вамъ говорилъ это уже нѣсколько разъ: только въ верхнихъ саваннахъ великой мексиканской пустыни возможно видѣть природу такой, какой создалъ ее Богъ; по сравненію, это—оперная декорація, выдуманная природа, которая не имѣетъ права на существованіе и ничего не значитъ.

Графъ улыбнулся на эту вспышку,

— Выдуманный или нѣтъ, но я нахожу этотъ видъ удивительнымъ.

— Да, да, повторяю вамъ, это довольно, довольно удачно. Подумайте, какъ этотъ пейзажъ долженъ быть прекрасенъ въ первые дни мірозданія, потому что люди, несмотря на всѣ ихъ неловкія усилія, не успѣли совсѣмъ испортить его.

При этихъ словахъ смѣхъ молодого человѣкъ удвоился.

— Ей Богу!—сказалъ онъ,—вы очаровательный спутникъ г. Оливье, и когда я разстанусь съ вами, то часто буду жалѣть о вашемъ пріятномъ обществѣ.

— Въ такомъ случаѣ приготовьтесь сожалѣть обо мнѣ, графъ! — отвѣтилъ Оливье, улыбаясь, — потому что только нѣсколько минутъ намъ остается провести вмѣстѣ.

— Какъ это?

— Часъ, не болѣе; но будемъ продолжать нашу дорогу; солнце дѣлается слишкомъ жаркимъ, и тѣнь деревьевъ, находящихся внизу, будетъ намъ очень пріятна.

Они отпустили поводья и шагомъ двинулись по откосу, почти нечувствительному, который долженъ былъ привести ихъ въ долину.

— Вы еще не испытываете потребности отдохнуть отъ

своего утомленія, графъ?—спросилъ авантюристъ, небрежно откусывая кончикъ сигаретки.

— Ей Богу, нѣтъ! благодаря вамъ это путешествіе кажется мнѣ очаровательнымъ, хотя немного монотоннымъ.

— Какъ монотоннымъ?

— Чертъ возьми! во Франціи у насъ ходятъ страшные разсказы о заатлантической странѣ, гдѣ, какъ говорятъ, на каждомъ шагу можно встрѣтить бандитовъ въ засадѣ, гдѣ нельзя сдѣлать десяти лье, чтобы двадцать разъ не подвергнуть свою жизнь опасности; такимъ образомъ мы вступаемъ на эти берега съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ. Моя голова была набита исторіями, отъ которыхъ дыбомъ становились волосы. Я былъ готовъ къ неожиданностямъ, къ засадамъ! Ну, и ничего такого. Я совершаю самое прозаическое путешествіе въ мірѣ, безъ малѣйшаго приключенія, о которомъ я могъ-бы разскать позднѣе.

— Вы еще въ предѣлахъ Мексики.

— Это правда, но мои иллюзіи погибли, я не вѣрю больше ни въ мексиканскихъ бандитовъ, ни въ дикихъ индѣйцевъ; не стоило труда ѣхать такъ далеко, чтобы не увидѣть ничего болѣе того, что есть у себя. Къ черту путешествія! Четыре дня тому назадъ я думалъ, что мы встрѣтимъ приключеніе; въ то время, какъ вы оставили меня одного, я представлялъ себѣ сраженіе, а потомъ, черезъ два долгихъ часа, вы вернулись съ улыбкой и сказали мнѣ, что вы ошиблись и ничего не видѣли. Мнѣ пришлось затаить свои воинственныя намѣренія. Окончательно, это значитъ не имѣть удачи.

— Что вы хотите?—отвѣтилъ авантюристъ съ неуловимой ироніей,—цивилизація сдѣлала насъ похожими, за исключеніемъ легкихъ оттѣнковъ, на народы стараго свѣта.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, издѣвайтесь надо мною, я предоставляю вамъ это право; но вернемся, если вамъ угодно, къ нашей темѣ.

— Вернемся къ ней, я не желаю ничего лучшаго, графъ! Вы мнѣ сказали въ бесѣдѣ со мною, между прочимъ, что

вы намѣреваетесь отправиться въ гасіенду дель Ареналь, и что если вы не сворачиваете съ вашей дороги, вмѣсто того, чтобы непосредственно ѣхать въ Мексику, то только по той причинѣ, что боитесь заблудиться въ странѣ, вамъ неизвѣстной, и не встрѣтить потомъ человѣка, способнаго вывести васъ на настоящую дорогу.

— Дѣйствительно, я говорилъ вамъ это.

— О! въ такомъ случаѣ вопросъ необыкновенно упрощается.

— Какъ это?

— Ну, графъ, посмотрите прямо. Что вы видите?

— Великолѣпное зданіе, похожее на крѣпость.

— Ну, это зданіе—гасіенда дель Ареналь.

Графъ испустилъ крикъ удивленья.

— Возможно-ли это! Вы не обманываете меня?—сказалъ онъ.

— Съ какой цѣлью?—мягко отвѣтилъ авантюристъ.

— О! но такого рода сюрпризъ самый очаровательный, какой только я могъ предположить.

— А! кстати, я забылъ одну подробность, которая все-же имѣетъ для васъ значеніе: ваши слуги и вашъ багажъ уже два дня какъ въ гасіендѣ.

— Но какъ они были увѣдомлены?

— Я ихъ увѣдомилъ.

— Но вы почти не оставляли меня.

— Правда, только на нѣсколько минутъ, но этого было достаточно.

— Вы любезный спутникъ, г. Оливье; искренно благодарю васъ за все ваше вниманіе ко мнѣ.

— Ну, вы шутите.

— Вы знаете владѣльца этой гасіенды.

— Дона Андреса де-ля-Крусъ? Очень хорошо!

— Что онъ за человѣкъ?

— Нравственно или физически?

— Нравственно.

— Человѣкъ съ сердцемъ и умомъ; онъ много дѣлаетъ

добра и доступенъ для бѣдныхъ также, какъ и для богатыхъ.

— Гм! вы нарисовали великолѣпный портретъ.

— Я остался ниже истины; у него много враговъ.

— Враговъ?

— Да, всѣ негодяи этой страны, а благодаря Бога, они кишатъ на этой благословенной землѣ.

— А его дочь, донья Долоресъ?

— Очаровательный ребенокъ шестнадцати лѣтъ, добрая еще болѣе, чѣмъ прекрасная; невинная и чистая; ея глаза отражаютъ небо; это ангелъ, котораго Богъ послалъ блуждать по землѣ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы пристыдить людей.

— Вы будете сопровождать меня въ гасіенду, неправда-ли?—спросилъ графъ.

— Нѣтъ, я не вижусь съ сеньоромъ дономъ Андресомъ де-ля-Крусъ; черезъ нѣсколько минутъ я буду имѣть честь попрощаться съ вами.

— До скораго свиданія, надѣюсь?

— Не смѣю обѣщать вамъ этого, графъ.

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ они молча ѣхали рядомъ.

Они ускорили бѣгъ лошадей и быстро приближались къ гасіендѣ, постройки которой являлись теперь во всей ясности.

Это была одна изъ великолѣпныхъ резиденцій, построенныхъ въ первыя времена завоеваній, полу-дворецъ, полукрѣпость, какъ ихъ воздвигали испанцы на своихъ земляхъ, чтобы сдержать индѣйцевъ и противостоять ихъ нападеніямъ во время многочисленныхъ возстаній, отмѣтившихъ кровью первые годы европейскаго нашествія.

Зубцы, увѣнчивающіе стѣны, свидѣтельствовали о знатности владѣльца гасіенды: только одни дворяне имѣли право украшать зубцами стѣны своихъ жилищъ,—право, къ которому они относились очень ревниво.

Видно было, какъ блестѣлъ въ жаркихъ лучахъ солнца куполъ часовни гасіенды, возвышавшійся изъ-за стѣнъ.

Чѣмъ ближе подъѣзжали путники, тѣмъ пейзажъ становился живѣе; каждую минуту они встрѣчали всадниковъ, арьеро съ ихъ мулами, индѣйцевъ, бѣгущихъ съ тяжестью, висѣвшей за спиною на повязкѣ, проходящей черезъ лобъ, потомъ стада, гонимыя вакеро на новое пастбище, монаховъ на мулахъ, женщинъ, дѣтей и, наконецъ, озабоченныхъ людей всѣхъ половъ и состояній, идущихъ туда и назадъ, по всѣмъ направленіямъ.

Когда они достигли подошвы холма, на которомъ возвышалась гасіенда, авантюристъ остановилъ свою лошадь въ ту минуту, когда она достигла тропинки, ведущей къ главному входу зданія.

— Графъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку;—мы пришли къ цѣли нашего путешествія, позвольте мнѣ попрощаться съ вами.

— Не раньше, чѣмъ вы обѣщаете увидѣться со мной!

— Я не могу обѣщать этого, графъ: наши пути діаметрально противоположны; кромѣ того, можетъ быть лучше, чтобы мы никогда не увидѣлись.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— Ничего обиднаго для васъ, или что лично касалось-бы васъ; позвольте пожать вашу руку прежде, чѣмъ разстаться.

— О! отъ всего сердца! — порывисто воскликнулъ молодой человѣкъ, протягивая ему руку,

— А теперь, прощайте!... Прощайте еще разъ; время летитъ быстро и я долженъ-бы быть теперь уже далеко.

Авантюристъ нагнулся къ шеѣ своего коня и помчался, какъ стрѣла, по тропинкѣ, гдѣ скоро и скрылся.

Графъ слѣдилъ за нимъ глазами, пока тотъ былъ видѣнъ; когда, наконецъ, онъ исчезъ за послѣднимъ поворотомъ, графъ вздохнулъ.

— Какой странный характеръ!—тихо прошепталъ онъ.— О! я увижу его, непремѣнно!

Молодой человѣкъ слегка тронулъ шпорами свою лошадь и въѣхалъ на тропинку, которая черезъ нѣсколько мгнове-

нiй должна была привести его на вершину холма, къ главному входу въ гасiенду.

Авантюристъ сказалъ правду; графа ждали въ гасiендѣ: онъ имѣлъ тому доказательство, замѣтивъ у воротъ двоихъ слугъ, которые, повидимому, ожидали его прибытiя.

Молодой человѣкъ слѣзъ съ лошади на первомъ дворѣ и отдалъ конюху, который и увелъ ее.

Въ ту минуту, когда графъ направился къ широкой, входной двери, увѣнчанной маркизой, вышелъ донъ Андресъ, порывисто подбѣжалъ къ нему, нѣжно прижалъ къ своему сердцу и нѣсколько разъ поцѣловалъ его, говоря:

— Хвала Богу! наконецъ вы здѣсь! мы начали уже смертельно безпокоиться за васъ.

Графъ, захваченный врасплохъ, позволилъ обнимать и цѣловать себя, не вполнѣ понимая, ни что произошло, ни съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло; но старикъ, замѣтивъ его удивленiе, которое графъ, несмотря на всѣ свои усилiя, не могъ вполнѣ скрыть, недолго оставилъ его въ недоумѣнiи и, назвавъ себя, прибавилъ:

— Я вашъ близкiй родственникъ, дорогой графъ, я вашъ кузенъ; не стѣсняйтесь, будьте, какъ дома; этотъ домъ со всѣмъ, что въ немъ есть—въ вашемъ распоряженiи и вамъ принадлежитъ.

Молодой человѣкъ сталъ въ смущенiи говорить, но донъ Андресъ прервалъ его словами:

— Я старый безумецъ, я держу васъ здѣсь своей болтовней и забываю, что вы совершили длинное путешествiе верхомъ и должны нуждаться въ отдыхѣ. Идите, я хочу имѣть удовольствiе лично проводить васъ въ ваши комнаты; онѣ уже нѣсколько дней готовы для васъ.

— Дорогой кузенъ!—возразилъ графъ,—тысячу разъ благодарю васъ за ваше любезное вниманiе, но я думаю, было бы удобнѣе, если бы вы соблаговолили представить меня моей кузинѣ, прежде чѣмъ я удалюсь.

— Это не къ спѣху, дорогой графъ; дочь моя въ эту минуту въ своемъ будуарѣ съ женщинами; позвольте доло-

жить вамъ, что я лучше васъ знаю, что удобно въ такомъ положеніи,—отдохните.

— Пусть будетъ такъ, мой кузенъ, я слѣдую за вами; кромѣ того, такъ какъ вы очень добры ко мнѣ, сознаюсь вамъ, что нисколько не былъ бы огорченъ, если бы могъ отдохнуть нѣсколько часовъ.

— Развѣ я не знаю этого? — весело отвѣтилъ донъ Андресъ,—но всѣ молодые люди одинаковы, они ни въ чемъ не сомнѣваются.

Гаціендеръ повелъ тогда своего гостя въ помѣщеніе, обставленное и меблированное со вкусомъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ дона Андреса; помѣщеніе это было предназначено для графа на время, пока ему заблагоразсудится пробыть въ гаціендѣ; чемоданы его были уже перенесены и его лакей ждалъ его.

Помѣщеніе это, не будучи большимъ, было однако просторно и даже комфортабельно, если имѣть въ виду ресурсы страны.

Оно состояло изъ четырехъ комнатъ: спальной графа съ уборной и ванной, кабинета, служащаго и гостинной, передней и людской, что бы какъ днемъ, такъ и ночью графъ могъ пользоваться услугами своихъ людей.

Помѣщеніе было совершенно отдѣльно и независимо отъ другихъ комнатъ гаціенды; оно имѣло три двери: въ вестибюль, на общій дворъ и, съ нѣсколькими ступеньками, въ великолѣпный садъ гаціенды, который, по своимъ размѣрамъ, смѣло могъ бы считаться паркомъ.

Графъ, только что прибывшій въ Мексику и, какъ всѣ чужестранцы, составившій себѣ ложное представленіе о странѣ, которой онъ не зналъ, совершенно не ожидалъ найти въ гаціендѣ дель Ареналь помѣщеніе столь удобное и столь приспособленное къ его вкусамъ и его привычкамъ, немного серьезнымъ, и былъ въ восторгѣ отъ всего, что увидѣлъ. Онъ горячо поблагодарилъ дона Андреса за тѣ заботы, которыя онъ принялъ на себя, чтобы сдѣлать для графа

пріятнымъ пребываніе въ домѣ, и увѣрилъ его, что былъ далекъ ожидать такого любезнаго пріема.

Донъ Андресъ де ля Крусъ, очень довольный этимъ комплиментомъ, потеръ съ удовольствіемъ руки и удалился, предоставивъ своему родственнику свободу отдыхать, если ему заблагоразсудится.

Оставшись одинъ, со своимъ лакеемъ, графъ перемѣнилъ свой костюмъ на болѣе подходящій для деревни и спросилъ слугу, какъ онъ совершилъ свое путешествіе изъ Вера-Круса и какъ былъ принятъ въ гаціендѣ.

Этотъ лакей, почти ровесникъ графу, былъ очень привязанъ къ своему господину, который приходился ему молочнымъ братомъ; онъ былъ хорошо сложенъ, крѣпко сколоченъ, съ симпатичнымъ лицомъ, очень храбрый и имѣлъ драгоцѣнное въ слугѣ качество,—ничего не видѣть, ничего не слышать и говорить только по приказанію и притомъ чрезвычайно кратко.

Графъ очень любилъ его и питалъ къ нему безграничное довѣріе; звали его Рембо; по происхожденію онъ былъ родомъ изъ Бискайи, онъ чувствовалъ глубокое уваженіе къ своему господину, говорилъ ему всегда въ третьемъ лицѣ, и въ какой бы часъ дня или ночи графъ ни позвалъ его, всегда являлся къ нему въ установленномъ костюмѣ, принятомъ имъ, который состоялъ изъ чернаго французскаго сюртука съ прямымъ воротникомъ и золотыми пуговицами, черной жилетки, короткихъ черныхъ панталонъ, шелковыхъ бѣлыхъ чулковъ, башмаковъ съ бантомъ и бѣлаго галстуха. Въ этомъ костюмѣ, если исключить пудру, такъ какъ онъ не пудрилъ волосъ, Рембо походилъ на управляющаго какого нибудь знатнаго барина прошлаго столѣтія.

Второй слуга графа былъ высокій малый, лѣтъ двадцати, крѣпкій и коренастый. Онъ былъ крестникомъ Рембо, которому было поручено учить его обязанностямъ; онъ исполнялъ черную работу и носилъ графскую ливрею, голубую съ серебромъ; звали его Ланка Ибаррю, онъ былъ преданъ своему господину и боялся какъ огня своего крестнаго отца

Рембо, къ которому чувствовалъ глубокое почтеніе; дѣятельный, смѣлый, хитрый и умный—таковы были его качества, немного омрачаемыя, однако, его обжорствомъ и явной наклонностью къ dolce-farniente.

Разсказъ Рембо былъ коротокъ: съ нимъ ничего не произошло, за исключеніемъ полученія приказанія отъ неизвѣстнаго, переданнаго отъ имени господина, не продолжать путешествія до Мексико, но направиться въ дель Ареналь; этому приказанію онъ повиновался.

Графъ призналъ истину словъ авантюриста; онъ отпустилъ своего лакея, растянулся на бутакѣ, открылъ книгу, но скоро сонъ овладѣлъ имъ, и онъ заснулъ.

Около четырехъ часовъ вечера, въ ту минуту, когда онъ проснулся, Рембо вошелъ въ его спальню и доложилъ, что донъ Андресъ де ля Крусъ ожидаетъ его сѣсть за столъ: насталъ часъ обѣда.

Графъ бросилъ взглядъ на свой туалетъ и предшествуемый Рембо, который служилъ ему проводникомъ, направился въ столовую.

VI. Въ окно.

Столовая въ гасіендѣ дель Ареналь представляла изъ себя просторную длинную комнату, освѣщаемую овальными окнами съ цвѣтными стеклами, стѣны которой были покрыты дубовою панелью, почернѣвшей отъ времени, что придавало ей видъ какой нибудь трапезной Шартре пятнадцатаго вѣка; огромный столъ въ формѣ подковы былъ окруженъ скамьями, за исключеніемъ его верхней части, и занималъ всю середину комнаты.

Когда графъ де ля Солэ вошелъ въ столовую, большая часть сотрапезниковъ, въ числѣ двадцати — двадцати пяти человѣкъ, уже собралась.

Донъ Андресъ какъ большинство крупныхъ мексиканскихъ собственниковъ, сохранилъ въ своихъ владѣніяхъ обычай сажать съ собою за одинъ столъ своихъ людей.

Этотъ патріархальный обычай, давно уже вышедшій изъ употребленія во Франціи, былъ, однако, по нашему мнѣнію, однимъ изъ лучшихъ, установленныхъ нашими предками; эта совмѣстная жизнь укрѣпляла связи господъ со слугами и вводила ихъ, такъ сказать, въ семью, такъ что они, до извѣстной степени, раздѣляли ея интимную жизнь.

Донъ Андресъ де ля Крусъ стоялъ въ глубинѣ комнаты между доньей Долоресъ, своей дочерью, и дономъ Мельхіоромъ, своимъ сыномъ.

Мы ничего не скажемъ о доньѣ Долоресъ, которую читатель уже знаетъ; донъ Мельхіоръ былъ молодой человѣкъ, почти одного возраста съ графомъ: его высокій ростъ и сильные члены дѣлали изъ него красиваго человѣка, въ вульгарномъ смыслѣ слова; черты его лица были мужественны и характерны; онъ имѣлъ красивую черную бороду, большіе глаза съ острымъ и пристальнымъ взглядомъ и темный слегка оливковый цвѣтъ лица; звукъ его голоса былъ грубоватъ, манера говорить—рѣзкая и отрывистая; лицо его было мрачно и при самомъ легкомъ волненіи принимало угрожающее и надменное выраженіе. Но жесты его были благородны и манеры очень изящны; онъ носилъ мексиканскій костюмъ во всей его неприкосновенности.

Лишь только донъ Андресъ представилъ графа, всѣ заняли свои мѣста. Гасіендеръ посадилъ Людовика по правую руку рядомъ со своей дочерью и сдѣлалъ ей знакъ; она произнесла Benedicite; остальные повторили *аминь* и обѣдъ начался.

Мексиканцы, какъ и ихъ предки испанцы, очень трезвы, они ничего не пьютъ во время ѣды; и только когда принесены сласти и печенья, т. е. дессертъ, на столъ были поставлены вазы съ водой.

Изъ деликатнаго вниманія, донъ Андресъ велѣлъ подать вина своему французскому гостю, которому служилъ его лакей, стоя за нимъ, ко всеобщему удивленію присутствующихъ.

Обѣдъ прошелъ въ молчаніи, не смотря на многократ-

*

ныя усилія дона Андреса возбудить разговоръ. Графъ и донъ Мельхіоръ обмѣнялись лишь немногими фразами обычной вѣжливости и замолчали.

Донья Долоресъ была блѣдна, и, повидимому, нездорова; она едва прикоснулась къ ѣдѣ и не промолвила ни слова.

Наконецъ, обѣдъ кончился, всѣ поднялись изъ-за стола, слуги гасіенды разошлись къ своимъ работамъ.

Графъ, невольно подавленный холоднымъ и сдержаннымъ пріемомъ, оказаннымъ ему дономъ Мельхіоромъ, выразилъ желаніе, подъ предлогомъ усталости, удалиться къ себѣ.

Донъ Андресъ съ видимой неохотой согласился на это.

Донъ Мельхіоръ и графъ обмѣнялись церемоннымъ поклономъ и повернулись другъ къ другу спиной; донья Долоресъ граціозно поклонилась молодому человѣку и графъ ушелъ, съ чувствомъ пожавъ протянутую ему хозяиномъ руку.

Потребовалось нѣсколько дней, чтобы графъ де ля Солэ, привыкшій къ изящному комфорту, изысканнымъ отношеніямъ и тонкости парижской жизни, освоился съ печальнымъ, однообразнымъ, ограниченнымъ и некультурнымъ образомъ жизни въ гасіендѣ дель Ареналь.

Несмотря на сердечный пріемъ, оказанный ему дономъ Андресомъ де ля Крусъ, и вниманіе, которымъ его не переставали окружать, молодой человѣкъ не замедлилъ замѣтить, что его хозяинъ былъ въ семействѣ единственнымъ лицомъ, которое доброжелательно смотрѣло на него.

Донья Долоресъ, чрезвычайно вѣжливая съ нимъ, даже любезная въ ежедневныхъ сношеніяхъ и, вообще, когда случайно бывала въ его обществѣ, казалось, тяготилась имъ и избѣгала всякаго случая, когда онъ могъ бы поговорить съ нею не общими фразами. Лишь только она замѣчала, что братъ или отецъ оставляли комнату, гдѣ она находилась въ обществѣ графа, какъ тотчасъ прерывала начатый разговоръ и, прошептавъ въ смущеніи извиненіе, удалялась или вѣрнѣе улетала, легкая и быстрая какъ птичка, безъ церемоніи оставляя Людовика.

Это поведенie со стороны молодой дѣвушки, съ которой онъ былъ обрученъ въ дѣтствѣ, ради которой переѣхалъ Атлантическiй океанъ, почти противъ своей воли, только для того, чтобы почтить обязательство, принятое отъ его имени его фамилiей, способно было удивить и охладить человѣка, подобнаго графу де ля Солэ, котораго красота, умъ, состоянiе нисколько, конечно, не прiучили къ такому странному и безцеремонному обращенiю и такому полному презрѣнiю со стороны дамъ.

Естественно, что мало расположенный къ браку, предписанному ему его фамилiей, нисколько не влюбленный въ свою кузину, на которую онъ едва далъ себѣ трудъ взглянуть, и склонный, въ виду малаго знакомства съ ней, считать ее глупенькой, графъ легко бы могъ возымѣть, въ свою очередь, къ ней антипатiю, которую она, повидимому, испытывала къ нему и не только утѣшиться этимъ, но еще и поздравить себя съ расторженiемъ брака съ ней, если бы въ дѣло не замѣшалось оскорбленное самолюбiе.

Какъ бы велико ни было равнодушiе, которое онъ испытывалъ къ молодой дѣвушкѣ, все же онъ былъ немного раздосадованъ тѣмъ впечатлѣнiемъ, какое онъ производилъ на нее, своимъ видомъ, своими манерами, своей роскошью и обиженъ той презрительной холодностью, съ которой она выслушивала его комплименты и принимала его ухаживанiя.

Ничего въ глубинѣ своего сердца онъ не желалъ такъ искренно, какъ того, чтобы этотъ бракъ не состоялся, бракъ, который не нравился ему по тысячѣ причинъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ хотѣлъ, чтобы разрывъ не былъ такъ рѣшительно произведенъ молодой дѣвушкой и чтобы обстоятельства позволили ему съ честью удалиться съ поля сраженiя и видѣть, что о немъ тоскуетъ та, которая должна была бы стать его супругой.

Недовольный ею и всѣми окружающими, чувствуя свое положенiе ложнымъ и въ недалекомъ будущемъ—смѣшнымъ, графъ подумывалъ уѣхать по возможности скорѣе; но прежде

чѣмъ вызвать на откровенное и рѣшительное объясненіе дона Андреса, который, повидимому, нисколько не сомнѣвался въ истинномъ положеніи дѣла, графъ рѣшилъ выяснить себѣ окончательно, какъ ему держаться по отношенію къ своей невѣстѣ, потому-что при врожденномъ тщеславіи людей, избалованныхъ легкими успѣхами, у него было глубокое внутреннее убѣжденіе, что донья Долоресъ не могла не полюбить его, если только ея сердце свободно.

Принявъ окончательно это рѣшеніе, графъ, которому, кромѣ того, нечего было дѣлать въ гасіендѣ, счелъ нужнымъ слѣдить за поступками молодой дѣвушки; онъ рѣшился, въ случаѣ оправданія своихъ предположеній, уѣхать и вернуться, возможно скорѣе, во Францію, о которой онъ все время тосковалъ и раскаявался, что такъ быстро оставилъ ее, чтобы за двѣ тысячи лье отъ отечества найти такое печальное приключеніе.

Несмотря на свое равнодушіе къ графу, мы должны замѣтить, что донья Долоресъ считала себя обязанной быть если не настолько любезной, какъ онъ того бы желалъ, то, по крайней мѣрѣ, всегда деликатной, вѣжливой и даже предупредительной;—примѣръ, которому ея братъ совершенно отказался слѣдовать по отношенію къ гостю своего отца: онъ велъ себя по отношенію къ графу съ такой очевидной холодностью, что графъ не могъ этого не замѣтить, хотя не удостоивалъ обнаружить это; онъ притворялся, что считаетъ рѣзкія, несдержанныя и даже грубыя манеры молодого человѣка вполнѣ естественными и совершенно подходящими къ нравамъ страны.

Мексиканцы, поспѣшимъ сказать, изысканно вѣжливы, языкъ ихъ всегда изященъ, выраженія цвѣтисты и, исключая костюма, буквально нѣтъ возможности отличить человѣка изъ народа отъ лица высшаго общества. Донъ Мельхіоръ де-ля-Крусъ, по странной аномаліи, происходящей, конечно, вслѣдствіе грубости его натуры, совершенно отличался отъ своихъ соотечественниковъ. Всегда мрачный, сдержанный, замкнутый въ самомъ себѣ, онъ, вообще, открывалъ

ротъ только для того, чтобы произнести нѣсколько короткихъ словъ, рѣзкимъ тономъ и грубымъ голосомъ.

Съ перваго мгновенія встрѣчи, графъ и донъ Мельхіоръ мало удовлетворили другъ друга; французъ показался слишкомъ манернымъ и изнѣженнымъ мексиканцу, а этотъ послѣдній, наоборотъ, оттолкнулъ француза своей рѣзкостью, грубостью своей натуры и тривіальностью жестовъ и выраженій.

Но если-бы на самомъ дѣлѣ между молодыми людьми существовала только эта инстиктивная антипатія, можетъ быть, она бы исчезла со временемъ и между ними установились-бы, безъ сомнѣнія, дружескія отношенія, когда они лучше-бы узнали и оцѣнили другъ друга; но это было не такъ,—не равнодушіе, не зависть испытывалъ къ графу донъ Мельхіоръ; нѣтъ, это была настоящая, искренняя мексиканская ненависть.

Откуда произошла эта ненависть? Какая неизвѣстная черта графа породила ее? Это тайна донъ Мельхіора.

Ко всему этому, молодой гасіендеръ былъ весь окруженъ тайною; его поступки были мрачны, какъ его лицо; пользуясь безграничной свободой, онъ пользовался и злоупотреблялъ ею по своему, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, онъ входилъ и выходилъ, приходилъ и уходилъ, никому не отдавая отчета; правда, его отецъ и сестра, живущіе, конечно, тоже по своему, никогда не обращались къ нему ни съ какими вопросами, и никогда не спрашивали у него, гдѣ онъ былъ и что онъ дѣлалъ, когда возвращался изъ своего отсутствія, продолжавшагося иногда цѣлую недѣлю.

При такихъ, очень частыхъ отлучкахъ являлось обычнымъ, что вдругъ въ часъ завтрака онъ являлся.

Онъ молча кланялся присутствовавшимъ, садился за столъ, не произнося ни слова, ѣлъ, вынималъ сигаретку, закуривалъ ее, вставалъ и уходилъ въ свои комнаты, не занимаясь присутствующими.

Разъ или два донъ Андресъ, который отлично понималъ, что такое поведеніе неприлично и, главное, невѣжливо по

отношенію къ гостю, пробовалъ извинять своего сына, сваливая все на серьезныя занятія, которыя являлись причиною этой видимой невѣжливости. Но графъ отвѣтилъ, что донъ Мельхіоръ кажется ему очаровательнымъ молодымъ человѣкомъ и что онъ находитъ вполнѣ естественнымъ его манеру вести себя, что даже та безцеремонность, которую онъ выказываетъ по отношенію къ нему, служитъ для него доказательствомъ дружбы, выражаемой тѣмъ, что онъ обращается съ нимъ не какъ съ чужимъ, а какъ съ другомъ и родственникомъ, и что онъ былъ-бы въ отчаяніи, если-бы донъ Мельхіоръ изъ-за него стѣснилъ, хотя немного, свои привычки.

Донъ Андресъ, котораго не могла, конечно, обмануть наружная снисходительность гостя, счелъ благоразумнымъ не настаивать послѣ этого.

Дона Мельхіора боялись и ненавидѣли всѣ пеоны гасіенды и, повидимому, даже отецъ.

Было очевидно, что этотъ мрачный, молодой человѣкъ имѣлъ на все окружающее страшное вліяніе, на которое однако никто не смѣлъ жаловаться, и графъ, который одинъ могъ рѣшиться сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія нисколько не желалъ дѣлать этого по той простой причинѣ, что, считая себя чужимъ, лишь на нѣсколько дней заѣхавшимъ въ Мексику, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ дѣла или интриги, которыя не касались его и не должны были касаться ни въ какой степени.

Прошло почти два мѣсяца со времени пріѣзда молодого человѣка въ гасіенду; время проходило въ чтеніи или прогулкахъ по окрестностямъ, почти всегда въ сопровожденіи майордома гасіенды, мужчины лѣтъ сорока, съ правдивымъ, открытымъ лицомъ, невысокаго и коренастаго, съ сильными членами, который, повидимому, пользовался большой свободой у своихъ хозяевъ.

Этотъ майордомъ, по имени Лео Карраль, почувствовалъ большую любовь къ молодому французу, неистощимая веселость и щедрость котораго тронули его сердце.

Ему доставляло удовольствіе, во время ихъ длинныхъ прогулокъ въ равнинахъ, обучать графа искусству верховой ѣзды, указывать ему недостатки французской школы и пытаться сдѣлать изъ него какъ былъ самъ, истиннаго hombre de la cavallo и первокласнаго ginete.

Мы должны прибавить, что его ученикъ въ совершенствѣ воспользовался его уроками и не только скоро сдѣлался искуснѣйшимъ наѣздникомъ, но еще, все благодаря достойному майордому, выдающимся стрѣлкомъ.

Кромѣ того, графъ, по совѣту своего профессора, усвоилъ очень скоро мексиканскій костюмъ, очень элегантный, удобный, который и носилъ съ безподобной грацiей.

Донъ Андресъ де-ля-Крусъ весело потиралъ себѣ руки, видя, что тотъ, на кого онъ смотрѣлъ почти какъ на своего зятя, присвоилъ мѣстный костюмъ, что въ его глазахъ было извѣстнымъ доказательствомъ намѣреній графа основаться въ странѣ. По этому случаю онъ даже попытался прямо навести разговоръ на тему, близкую его сердцу, т. е. о бракѣ молодого человѣка съ доньей Долоресъ.

Но графъ, все еще насторожѣ, избѣжалъ, какъ нѣсколько разъ уже раньше, этой щекотливой темы, и донъ Андресъ удалился, опустивъ голову, и прошепталъ:

— Однако, нужно-же намъ объясниться!

Это, по крайней мѣрѣ, въ десятый разъ со времени пріѣзда графа въ гасіенду, донъ Андресъ де-ля-Крусъ обѣщался себѣ объясниться съ нимъ, но до сихъ поръ, молодой человѣкъ всегда ухитрялся избѣжать объясненій.

Однажды, когда графъ зачитался позднѣе обыкновеннаго, въ ту минуту, когда онъ закрылъ свою книгу и готовился улечься, онъ, случайно, поднявъ глаза, увидѣлъ, какъ будто промелькнула тѣнь передъ стеклянной дверью, выходящей въ садъ.

Была поздняя ночь, уже болѣе двухъ часовъ, какъ обитатели гасіенды спали или должны были спать. Кто же былъ этотъ праздношатающійся, у котораго явилась фантазія такъ поздно гулять?

Не отдавая себѣ отчета въ мотивѣ, который побуждалъ его такъ дѣйствовать, Людовикъ рѣшился разъяснить это себѣ.

Онъ оставилъ бутаку, на которой сидѣлъ, взялъ со стола два шестиствольныхъ револьвера Девиза, чтобы быть готовымъ ко всему, и, тихо открывъ дверь, скользнулъ въ садъ направившись въ ту сторону, гдѣ исчезла подозрительная тѣнь.

Ночь была великолѣпна, луна свѣтила, какъ днемъ, воздухъ былъ такъ прозраченъ, что на большомъ разстояніи можно было отчетливо различать предметы.

Графъ очень рѣдко выходилъ въ садъ, и, конечно, плохо зналъ его извилины. Онъ медлилъ вступить въ аллеи, которыя тянулись передъ нимъ по всѣмъ направленіямъ, скрещивались, терялись одна въ другой.

Онъ остановился въ раздумьи. Можетъ быть, онъ ошибся, или это была иллюзія и то, что онъ принялъ за тѣнь человѣка, была тѣнь вѣтви дерева, колеблемой ночнымъ вѣтеркомъ, мелькнувшей въ лучахъ луны передъ его взоромъ.

Это замѣчаніе было не только справедливо, но и логично; молодой человѣкъ старался дать себѣ въ этомъ отчетъ. Черезъ мгновеніе ироническая улыбка скользнула по его губамъ и вмѣсто того, чтобы углубиться въ садъ, онъ осторожно прокрался вдоль густой изгороди, которая, съ этой стороны, представляла живую стѣну гасіенды.

Скорѣе проскользнувъ, чѣмъ пройдя, графъ, минутъ черезъ двѣнадцать, остановился, чтобы перевести духъ и оріентироваться.

— Хорошо!—прошепталъ онъ, бросивъ вокругъ испытующій взглядъ,—я не ошибся, это именно здѣсь.

Тогда онъ нагнулся впередъ, осторожно раздвинулъ вѣтви и взглянулъ.

Почти тотчасъ-же онъ отшатнулся съ подавленнымъ крикомъ удивленія.

Мѣсто, гдѣ онъ находился, было какъ разъ противъ комнатъ доньи Долоресъ де-ля-Крусъ.

Окно комнаты было открыто и донья Долоресъ, облакотясь на подоконникъ, разговаривала съ мужчиной, находившемся въ саду лицомъ къ ней. Меньше двухъ шаговъ раздѣляло бесѣдующихъ, которые, казалось, были увлечены чрезвычайно интереснымъ разговоромъ.

Графъ не могъ узнать этого человѣка, отъ котораго былъ въ нѣсколькихъ шагахъ; незнакомецъ стоялъ къ нему спиной и, кромѣ того, былъ укутанъ въ плащъ, совершенно закрывавшій его.

— А,—прошепталъ графъ,—я не ошибся!

Не смотря на то, что это открытіе было обидно для его самолюбія, графъ все же произнесъ эти слова съ извѣстнымъ внутреннимъ удовольствіемъ, что онъ угадалъ правду: этотъ человѣкъ, каковъ бы онъ ни былъ, не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ любовникомъ.

Хотя собесѣдники разговаривали тихо, но не настолько, чтобы ихъ нельзя было слышать на близкомъ разстояніи, и графъ, упрекая себя въ неделикатности своего поведенія, побуждаемый досадою и, можетъ быть, безсознательной ревностью, раздвинулъ вѣтви и снова нагнулся впередъ, чтобы подслушать.

Говорила молодая дѣвушка.

— Боже мой!— съ волненіемъ сказала она,— я трепещу, мой другъ, когда не вижу васъ нѣсколько дней, мое безпокойство доходитъ до крайности; я всегда боюсь несчастія.

— Чертъ возьми!—прошепталъ графъ,—вотъ шутъ, котораго очень любятъ.

Это „a parte“ заставило его потерять отвѣтъ мужчины.

Дѣвушка продолжала.

— Долго еще осуждена я оставаться здѣсь?

— Немного терпѣнія, я надѣюсь, что скоро все будетъ кончено!—отвѣтилъ незнакомецъ глухимъ голосомъ;—а что дѣлаетъ онъ?

— Онъ все тотъ-же, мрачный и таинственный! — отвѣтила она.

— Здѣсь онъ сегодня вечеромъ?

— Да.

— Такой же угрюмый?

— Болѣе, чѣмъ когда либо.

— А французъ?

— А, а!—произнесъ графъ, — посмотримъ, что думаютъ обо мнѣ.

— Это очаровательный молодой человѣкъ,—прошептала молодая дѣвушка дрожащимъ голосомъ; уже нѣсколько дней онъ кажется печальнымъ.

— Онъ скучаетъ?

— Я боюсь этого.

— Бѣдное дитя,—сказалъ графъ,—она замѣтила, что я скучаю; по правдѣ, я мало забочусь скрыть это. Но неужели же я ошибся? Будетъ-ли онъ чѣмъ либо инымъ, а не влюбленнымъ? Это невѣроятно! Однако, кто знаетъ? — легкомысленно закончилъ онъ.

Во время этого длиннаго „a parte“ собесѣдники продолжали свой разговоръ, который совершенно пропалъ для молодого человѣка; когда онъ снова принялся слушать,— молодая дѣвушка кончала.

— Я сдѣлаю это, — говорила она, — потому что вы требуете; но развѣ это необходимо мой другъ?

— Непремѣнно, Долоресъ.

— Чертъ! онъ фамильяренъ,—сказалъ графъ.

— Я повинуюсь,—отвѣтила молодая дѣвушка.

— Теперь разстанемся, я былъ здѣсь слишкомъ долго.

Незнакомецъ надвинулъ на глаза шляпу, прошепталъ въ послѣдній разъ прощаніе и удалился большими шагами.

Графъ неподвижно оставался на своемъ мѣстѣ, охваченный величайшимъ удивленіемъ; незнакомецъ прошелъ близъ него, почти касаясь и его, но не видя; въ эту минуту вѣтка сбила съ его головы шляпу, лучь луны упалъ прямо на его лицо и графъ узналъ.

— Оливье!—прошепталъ онъ,—это онъ, кого она любитъ.

Онъ вернулся къ себѣ, шатаясь, какъ пьяный; послѣднее открытіе поразило его.

Молодой человѣкъ бросился въ постель, но спать не могъ; онъ провелъ почти всю ночь, составляя самыя необычайные проекты. Однако, къ утру волненіе уступило усталости.

— Прежде, чѣмъ рѣшиться на что-либо,—сказалъ онъ,— я хочу объясниться съ нею. Конечно, я не люблю ее, но для моей чести нужно, чтобы она убѣдилась, что я не дуракъ, и все знаю. Это рѣшено; сегодня-же я попрошу объясненія.

Успокоившись послѣ своего рѣшенія, графъ закрылъ глаза и заснулъ.

Проснувшись, онъ увидѣлъ у своей постели Рембо съ запискою въ рукѣ.

— Что это? Что тебѣ надо?—спросилъ графъ.

— Письмо для г. графа!—отвѣтилъ лакей.

— А,—воскликнулъ онъ,—новости изъ Франціи?

— Не думаю; это письмо было дано одной изъ камеристокъ доньи Долоресъ де ля Крусъ, съ просьбою передать г. графу, лишь только онъ проснется.

— Странно,—прошепталъ молодой человѣкъ, взявъ письмо и внимательно разсматривая его;—дѣйствительно оно адресовано мнѣ,—закончилъ онъ, распечатывая письмо.

Письмо было отъ доньи Долоресъ де ля Крусъ и содержало лишь нѣсколько строкъ, написанныхъ тонкимъ, слегка неровнымъ почеркомъ.

„Донья Долоресъ де ля Крусъ убѣдительно проситъ сеньора дона Людовика де ля Солэ удѣлить ей частный разговоръ по очень важному дѣлу. Сегодня въ три часа донья Долоресъ будетъ ждать сеньора графа въ своей комнатѣ“.

— На этотъ разъ я ничего не понимаю, — вскричалъ графъ.—Ба!—закончилъ онъ послѣ минутнаго размышленія,— можетъ быть, къ лучшему, что это предложеніе исходитъ отъ нея.

VII. Ранчо.

Провинція Пуебла представляетъ изъ себя плато, болѣе двадцати пяти лье въ окружности, пересѣкаемое возвышенностями Кордильеровъ Анагуа.

Равнины, окружающія городъ, гористы, покрыты холмиками, пересѣкаются оврагами и замыкаются на горизонтѣ горами, покрытыми вѣчными снѣгами.

Огромныя поля алое, виноградъ этихъ странъ, такъ какъ изъ этого растенія изготовляется напитокъ, очень любимый Мексиканцами, тянутся пока видитъ глазъ.

Ничего нѣтъ болѣе внушительнаго, чѣмъ видъ этихъ огромныхъ алое, съ густой листвой, съ ужасными иглами, съ листьями, жесткими и длинными отъ 6—8 футовъ.

По дорогѣ изъ Пуеблы въ Мексику, въ разстояніи почти двухъ лье, находится городъ Холула, нѣкогда очень значительный но въ настоящее время утратившій свое блестящее прошлое и насчитывающій не болѣе 12—15 тысячъ жителей.

Во время Ацтековъ, территорія, образующая нынѣ Пуеблу, считалась жителями святой землей, святилищемъ страны. Священныя развалины, замѣчательныя съ археологической точки зрѣнія, еще понынѣ свидѣтельствуютъ объ истинѣ того, что мы говоримъ. На небольшомъ пространствѣ высятся три главныя пирамиды, не говоря объ обломкахъ, на каждомъ шагу попадающихся подъ ногами путешественника.

Изъ трехъ пирамидъ, считается по справедливости самой замѣчательной та, которой жителями дано названіе Monte hecho a mano, „гора построенная рукой человѣка“ или великая teocali Холулы.

Эта пирамида, увѣнчанная кипарисомъ, цѣликомъ выстроена изъ кирпича; на ея вершинѣ возвышается, въ настоящее время, часовня, посвященная Nuestra Senora de los remedios. Высота пирамиды—170 футовъ, а основаніе, по исчисленію Гумбольдта, имѣетъ въ длину 1355, почти вдвое противъ основанія хеопсовой пирамиды.

Г. Амперъ замѣтилъ, съ большой тонкостью и тактомъ, что воображеніе Арабовъ окружило чудесами неизвѣстное для нихъ происхожденіе египетскихъ пирамидъ, постройку которыхъ они отнесли ко времени потопа, и что тоже случилось въ Мексикѣ. По этому поводу онъ разсказываетъ преданіе, слышанное въ 1566 г. Педро дель Ріо на счетъ пирамидъ Холулы и оставшееся въ манускриптахъ, находящихся теперь въ Ватиканѣ.

Мы, въ свою очередь, позаимствуемъ изъ разсказа этого славнаго ученаго и представимъ здѣсь это преданіе въ томъ видѣ, въ какомъ онъ приводитъ его въ своихъ „*прогулкахъ по Америкѣ*“.

„Во времена послѣдняго великаго наводненія, страна Анаида (Мексиканское плато) была обитаема гигантами. Тѣ, которые не погибли при этомъ бѣдствіи, были превращены въ рыбъ, исключая семи гигантовъ, спасшихся въ пещеры, когда вода начала убывать. Одинъ изъ этихъ гигантовъ по имени Хелуа, бывшій строителемъ, воздвигъ близъ Холулы, въ память горы Тляло, которая послужила убѣжищемъ для него и его братьевъ, искусственную колону, въ видѣ пирамиды. Боги съ завистью глядѣли на это зданіе, вершина котораго должна была коснуться облаковъ. Разгнѣванные смѣлостью Хелуа, они послали на пирамиду небесные огни, вслѣдствіе чего много рабочихъ погибло и работа не могла быть окончена. Она была посвящена Богу воздуха— Квалцалкоальту“.

Можно подумать, что читаешь библейскій разсказъ о постройкѣ вавилонской башни!

Въ этомъ разсказѣ есть ошибка, которую, не ставя ее въ укоръ знаменитому ученому, мы, не смотря на свое скромное званіе романиста, считаемъ полезнымъ исправить.

Quetzalcoalt значитъ—змѣя, покрытая перьями. Корень этого слова Quetzalli—перо и Coalt—змѣя, а не Qualzalcoalt, что ничего не значитъ и даже не мексиканское слово, а лучше сказать, ацтекское; Quetzalcoalt—Богъ воздуха, Богъ

законодатель по преимуществу; онъ сѣдъ, съ бородой, его черный плащъ усѣянъ красными крестами, онъ явился къ Тулу, который былъ первосвященникомъ; люди, сопровождавшіе его носили черную одежду въ видѣ сутаны и, какъ онъ, были сѣды.

Онъ проходилъ Холулу, чтобы вернуться въ таинственную страну, откуда вышли его предки, когда Холуляне стали умолять его править ими и дать имъ законы. Онъ согласился и пробылъ среди нихъ двадцать лѣтъ, пока не счелъ свою миссію поконченной. Потомъ, дойдя до устья рѣки Гуасакоалько, онъ внезапно исчезъ, обѣщавъ Холулянамъ снова вернуться править ими.

Не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ индѣйцы еще приносили свои жертвы въ часовнѣ пресв. Дѣвы, воздвигнутой на пирамидѣ и молились Кветцальскоальту, благоговѣйно ожидая его прихода. Мы не рѣшимся утверждать, что эта вѣра угасла совсѣмъ.

Пирамида Холула ничѣмъ не похожа на египетскія. Открытая со всѣхъ сторонъ, она представляетъ собою лѣсистый холмъ, на вершину котораго легко въѣхать не только верхомъ, но и въ каретѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля обвалилась и обнажились кирпичи, обожженные на солнцѣ, которыми пользовались при постройкѣ.

Христіанская часовня возвышается на вершинѣ пирамиды, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ построенъ храмъ, посвященный Кветцалькоальту.

Намъ досадно читать нѣкоторыхъ авторовъ, увѣряющихъ, что религія любви замѣнила варварскій и жестокій культъ; логичнѣе было бы сказать, что истинная религія замѣнена ложной.

Никогда вершина пирамиды Холула не пятналась кровью человѣка, никогда ни одна человѣческая жертва не была принесена Богу, которому служили въ храмѣ, нынѣ разрушенномъ, по той простой причинѣ, что храмъ былъ посвященъ Кветцалькоальту и что единственными жертвами, приноси-

мыми на алтарь этого Бога, были произведенія земли, цвѣты, колосья; такъ было приказано этимъ Богомъ-законодателемъ и этого приказа жрецы не смѣли нарушать.

Было около четырехъ часовъ утра; звѣзды исчезали въ глубинѣ неба, на горизонтѣ показались широкія свѣтлыя полосы, цвѣтъ которыхъ безпрерывно измѣнялся, принимая всѣ цвѣта радуги и, наконецъ, небо приняло кроваво-красный цвѣтъ. Наступалъ день. Солнце сейчасъ должно было взойти. Въ это время два всадника выѣхали изъ Пуеблы и крупной рысью направились по дорогѣ въ Холулу.

Оба были тщательно закутаны въ свои зарапе и, повидимому, хорошо вооружены.

Въ полу-лье отъ города они круто повернули направо выѣхали на тѣсную тропинку, среди поля агавы.

Эта заросшая тропинка, какъ почти всѣ проѣзжія дороги въ Мексикѣ, дѣлала безчисленное множество поворотовъ и пересѣкалась столькими оврагами и обрывами, что только съ большимъ трудомъ можно было ѣхать по ней, не рискуя двадцать разъ сломать себѣ шею.

Здѣсь и тамъ попадались болота, такъ что нужно было проѣзжать въ водѣ по брюхо лошади, потомъ взбираться на холмики и спускаться съ нихъ; наконецъ, послѣ двадцати пяти минутъ такого труднаго пути, путники достигли подошвы чего-то въ родѣ пирамиды, грубо сработанной руками человѣка, покрытой лѣсомъ и высотою до сорока футовъ надъ уровнемъ долины.

На вершинѣ этого искусственнаго холма возвышалось ранчо вакеро, куда можно было добраться по ступенькамъ, вырытымъ по бокамъ холмика.

Пріѣхавъ, неизвѣстный остановился и слѣзъ съ лошади; спутникъ его подражалъ ему.

Тогда они, предоставивъ лошадей самимъ себѣ, вдвинули стволы своихъ ружей въ расщелину горы и повернули ихъ, какъ рычагъ.

Хотя они употребили очень незначительное усиліе, однако огромный камень, повидимому, приросшій къ землѣ, медленно

сдвинулся со своего мѣста, повернулся на невидимыхъ петляхъ и обнаружилъ входъ въ подземелье, куда велъ небольшой спускъ.

Безъ сомнѣнія, это подземелье имѣло доступъ воздуха и свѣта черезъ многочисленныя, незамѣтныя отверстія, потому что тамъ было сухо и совершенно свѣтло.

— Иди, Лопецъ!—произнесъ неизвѣстный.

— Вы пойдете наверхъ?—отвѣтилъ другой.

— Да, ты присоединишься ко мнѣ черезъ часъ, по крайней мѣрѣ, если не увидишь меня раньше.

— Хорошо, это рѣшено.

И онъ свистнулъ лошадей; онѣ прибѣжали и по знаку Лопеца легко вошли въ подземелье.

— До скораго свиданія!—сказалъ Лопецъ.

Незнакомецъ сдѣлалъ утвердительный жестъ, слуга вошелъ и закрылъ за собою камень, который такъ плотно прильнулъ къ скалѣ, какъ бы составляя съ ней одно цѣлое, что было бы невозможно найти входъ, который онъ скрывалъ, даже зная объ его существованіи, если не знать его точнаго мѣстоположенія.

Незнакомецъ остался неподвиженъ, съ глазами, устремленными на окружающія долины, желая безъ сомнѣнія удостовѣриться, одинъ ли онъ и нѣтъ ли нескромныхъ взоровъ.

Когда камень упалъ на свое мѣсто, онъ вскинулъ ружье на плечо и медленными шагами сталъ взбираться по ступенямъ, погруженный, повидимому, въ глубокое раздумье.

Съ вершины горы открывался широкій видъ: съ одной стороны Цапотекасъ, Холула, гасіенды и деревни; съ другой — Пуэбло, со своими многочисленными, расписными и круглыми куполами, дѣлающими ее похожей на восточный городъ; дальше взоръ встрѣчалъ поля алое, маиса и агавы, среди которыхъ змѣилась желтой линіей большая дорога въ Мексико.

На мгновеніе незнакомецъ остановился въ задумчивости, со взорами, устремленными на долины, пустынныя въ этотъ утренній часъ, и золотившіяся подъ лучами солнца; потомъ,

подавивъ свой вздохъ, онъ откинулъ бычачью шкуру, служившую дверью въ ранчо, и исчезъ внутри.

Ранчо только снаружи имѣло жалкій видъ разрушающейся хижины; внутри оно было обставлено болѣе комфортабельно, чѣмъ это можно было ожидать въ странѣ, гдѣ жизненныя потребности, особенно у низшаго класса, ограничиваются только строго необходимымъ.

Первая комната, ибо ранчо имѣло ихъ нѣсколько, служила гостинной и столовой, и сообщалась съ пристройкой снаружи, замѣнявшей кухню. Стѣны этой комнаты, выбѣленныя известью, были украшены не картинами, но шестью или восемью раскрашенными гравюрами, фабрикованными въ Епиналѣ, который наводняетъ ими міръ; онѣ изображали различные эпизоды изъ войнъ Имперіи и были вставлены въ рамки подъ стекломъ. Въ углу, на высотѣ 6 футовъ, на консолѣ, окаймленномъ иглами, съ наткнутыми на нихъ свѣчами желтаго воска, изъ которыхъ три были зажжены, стояла статуетка Гваделупской Божіей Матери, покровительницы Мексики. Шесть скамеекъ, четыре бутакки, буфетъ, наполненный хозяйственными принадлежностями и довольно большой столъ по срединѣ дополняли меблировку комнаты, освѣщаемой черезъ окна съ красными занавѣсями.

Полъ былъ покрытъ ковромъ довольно искусной работы.

Мы забыли упомянуть объ одномъ, довольно рѣдкомъ предметѣ, котораго никакъ нельзя было ожидать въ подобномъ мѣстѣ. Это были часы чернаго дерева съ какой то птицей, поющей бой каждаго часа и получаса.

Эти часы были какъ разъ противъ входной двери, между окнами.

Направо была дверь во внутреннія комнаты.

Когда незнакомецъ вошелъ въ ранчо, зала была пуста.

Онъ поставилъ ружье въ уголъ, снялъ шляпу и положилъ ее на столъ, открылъ окно и сѣлъ около него на бутакку; потомъ, онъ скусилъ сигару, зажегъ ее и началъ курить такъ спокойно и небрежно, какъ будто былъ у себя; но бросивъ взглядъ на часы, онъ прошепталъ:

— Половина шестого! Хорошо, что у меня есть время, онъ еще не придетъ.

Говоря такъ самъ съ собою, незнакомецъ откинулся на спинку бутакки; глаза его закрылись, сигара выпала изъ его руки и черезъ нѣсколько мгновеній онъ крѣпко заснулъ.

Сонъ его продолжался около полчаса, когда дверь сзади него осторожно открылась и молодая очаровательная женщина, лѣтъ 22—23, съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами, вошла на ципочкахъ въ залу, вытянула съ любопытствомъ шею и устремила на спящаго ласковый, почти нѣжный взглядъ.

Лицо молодой женщины дышало лукавствомъ и весельемъ вмѣстѣ съ крайней добротою; черты ея лица, не будучи правильны въ общемъ, были изящны и кокетливы и нравились съ перваго взгляда. Лицо ея замѣчательно бѣлое выдѣляло ее изъ среды другихъ женъ ранчеро, по большей части индіанокъ мѣдно-краснаго цвѣта. Ея костюмъ былъ костюмомъ класса общества, къ которому она принадлежала, но былъ замѣчательно опрятенъ и она носила его съ очаровательнымъ кокетствомъ.

Она тихо подошла къ спящему, повернувъ голову и приложивъ палецъ къ губамъ, чтобы слѣдовавшія за нею мужчина и женщина, среднихъ лѣтъ, остерегались произвести шумъ.

Женщина казалась лѣтъ пятидесяти, мужчина — шестидесяти; лица ихъ, довольно заурядныя, не имѣли въ себѣ ничего грубаго и выражали энергичную волю.

Женщина носила костюмъ мексиканской ранчеро; мужчина былъ вакеро.

Всѣ трое, дойдя до незнакомца, неподвижно стали передъ нимъ, созерцая его сонъ.

Въ эту минуту лучъ солнца скользнулъ въ открытое окно и свѣтъ его ударилъ въ лицо незнакомца.

— Слава Богу!—воскликнулъ этотъ послѣдній по французски, быстро вставая съ открытыми глазами, — я думаю, чертъ меня побери, что я заснулъ!

— Ахъ, г. Оливье,—отвѣтилъ вакеро на томъ же языкѣ,— что же тутъ дурнаго?

— А, вы здѣсь, мои добрые друзья,—произнесъ онъ съ съ веселой улыбкой, протягивая имъ руку; — пріятное пробужденіе, разъ я нахожу васъ около себя. Здравствуйте, Луиза, мое дитя, здравствуйте, мать Тереза, и ты, мой старый Лоисъ, здравствуй также! У васъ такія счастливыя лица, что пріятно видѣть ихъ.

— Я недовольна, что вы такъ проснулись, г. Оливье!— сказала очаровательная Луиза.

— Тѣмъ болѣе, что вы, навѣрное, устали! — добавилъ Лоисъ.

— Ба, ба! я не думаю уже объ этомъ; вы не ожидали найти меня здѣсь, а?

— Извините, г. Оливье,—отвѣтила Луиза,—Лопецъ предупредилъ насъ о вашемъ прибытіи.

— Этотъ чертъ Лопецъ, не можетъ удержать своего языка,—весело сказалъ Оливье,—онъ всегда болтаетъ.

— Вы позавтракаете съ нами, не правда ли?—спросила молодая женщина.

— Развѣ объ этомъ спрашиваютъ, дѣвочка,—произнесъ вакеро;—хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ бы г. Оливье, напримѣръ, отказался отъ этого.

— Ну, ворчунъ, — смѣясь возразилъ Оливье,—не ворчи, я позавтракаю.

— Ахъ, это хорошо!—вскричала молодая женщина и съ помощью Терезы, которая была ея матерью, какъ Лоисъ— отцомъ, она тотчасъ приступила къ приготовленію утренняго завтрака.

— Но вы знаете,—сказалъ Оливье, — ничего мексиканскаго; я не хочу здѣсь слышать ни слова объ этой ужасной мѣстной стряпнѣ.

— Будьте спокойны, — отвѣтилъ Лоисъ, — мы позавтракаемъ по французски.

— Браво, это удваиваетъ мой аппетитъ!

Пока женщины ходили взадъ и впередъ изъ кухни въ

столовую, чтобы накрыть на столъ и приготовить завтракъ, мужчины отошли къ окну и бесѣдовали между собою.

— Вы все еще довольны?—спросилъ Оливье своего хозяина.

— Все еще, — отвѣтилъ послѣднiй. — Донъ Андресъ де ля Круцъ добрый господинъ и кромѣ того, какъ вамъ извѣстно, я имѣю съ нимъ мало сношенiй.

— Правда, вы имѣете дѣло только съ Лео Карраль.

— Я не жалуюсь на него, это достойный человѣкъ и майордомъ; мы прекрасно понимаемъ другъ друга.

— Тѣмъ лучше! я былъ бы очень огорченъ, если бы было иначе; кромѣ того, это по моей рекомендацiи вы согласились принять это мѣсто,—и если бы было что нибудь...

— Я немедленно сообщилъ бы вамъ, г. Оливье; но съ этой стороны все идетъ хорошо.

Авантюристъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Развѣ есть что нибудь, что идетъ дурно съ другой стороны?

— Я не сказалъ этого! — пробормоталъ вакеро съ замѣшательствомъ.

Оливье покачалъ головой.

— Вспомните, Лоисъ, — строго сказалъ онъ, — условiя, которыя я предложилъ вамъ, когда простилъ васъ.

— О, я не забылъ ихъ.

— Вы не говорили?...

— Нѣтъ.

— Такъ Доминикъ все еще считаетъ себя...

— Да, все еще,—отвѣтилъ вакеро, поникнувъ головой,—но онъ не любитъ меня.

— Что заставляетъ васъ предполагать это?

— Я въ этомъ слишкомъ увѣренъ; съ тѣхъ поръ, какъ вы увели его въ прерiи, его характеръ совершенно измѣнился; десять лѣтъ, которые онъ провелъ вдали отъ меня, сдѣлали его совершенно равнодушнымъ.

— Можетъ быть, это предчувствiе! — глухо прошепталъ авантюристъ.

— О! не говорите этого!—съ ужасомъ вскричалъ вакеро,— нужда—страшный совѣтникъ; я очень виновенъ, но если бы вы знали, какъ я раскаялся въ своемъ преступленіи.

— Я знаю это, и поэтому простилъ васъ. Когда нибудь правосудіе постигнетъ настоящаго виновника.

— Да, я, несчастный, трепещу, что замѣшанъ въ эту роковую исторію, которая будетъ имѣть такую ужасную развязку.

— О,—со страшной энергіей проговорилъ авантюристъ,— дѣйствительно ужасную,—и вы будете ея свидѣтелемъ, Лоисъ!

Вакеро испустилъ вздохъ, это не укрылось отъ его собесѣдника.

— Я не видѣлъ Доминика,—сказалъ онъ, сразу мѣняя тонъ:—онъ спитъ еще?

— О, нѣтъ,—вы слишкомъ хорошо знаете, что онъ всегда поднимается первымъ.

— Такъ отчего же онъ не здѣсь тогда?

— Ахъ,—нерѣшительно произнесъ вакеро,—онъ ушелъ, чертъ возьми, онъ воленъ въ своихъ поступкахъ теперь, когда ему двадцать два года.

— Уже!—прошепталъ авантюристъ мрачнымъ голосомъ Потомъ рѣзко тряхнувъ головою, онъ произнесъ:

— Позавтракаемъ!

Завтракъ начался довольно печально, но, благодаря усиліямъ авантюриста, первоначальная веселость была возстановлена и конецъ завтрака прошелъ весело, какъ только можно было того желать.

Вдругъ въ ранчо стремительно вошелъ Лопецъ.

— Сеньоръ Лоисъ,—сказалъ онъ,—вотъ вашъ сынъ; я не знаю, что онъ везетъ, но онъ идетъ пѣшкомъ и ведетъ свою лошадь въ поводу.

Всѣ поднялись изъ-за стола и вышли изъ ранчо. Въ равнинѣ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, дѣйствительно, можно было замѣтить человѣка, ведущаго въ поводу лошадь что-то большое виднѣлось на ея спинѣ Разстояніе не позволяло различить, что это было.

— Это странно, — прошепталъ тихо Оливье, уже нѣсколько минутъ внимательно всматривавшійся въ приближающагося, — онъ-ли это? О, я хочу убѣдиться въ этомъ сейчасъ-же.

И сдѣлавъ Лопецу знакъ слѣдовать за нимъ, авантюристъ бросился по ступенямъ, оставя изумленныхъ вакеро и женщинъ, которые скоро увидѣли его бѣгущимъ съ Лопецомъ черезъ равнину навстрѣчу Доминику.

Этотъ послѣдній замѣтилъ двоихъ мужчинъ и остановился, ожидая ихъ.

VIII. **Раненый.**

Глубокій покой царилъ въ природѣ. Ночной вѣтерокъ утихъ. Только тихое стрекотанье безконечно малыхъ существъ, безпрерывно трудящихся надъ какой-то неизвѣстной работой, для которой они созданы Провидѣніемъ, тревожило молчаніе ночи; на темноголубомъ небѣ не было ни облачка; кротко и ясно свѣтили звѣзды; лунные лучи озаряли пейзажъ своимъ неопредѣленнымъ свѣтомъ, который, увеличивая тѣни деревьевъ и холмовъ, придавалъ имъ фантастическій видъ; голубоватый свѣтъ, казалось, проникъ во всю атмосферу, которая была такъ прозрачна, что можно было легко различить тяжелый и неровный полетъ жуковъ среди вѣтвей; здѣсь и тамъ скользили въ высокой травѣ свѣтляки, оставляя за собой свѣтящійся, фосфорическій слѣдъ.

Однимъ словомъ, это была одна изъ тѣхъ теплыхъ и чистыхъ американскихъ ночей, неизвѣстныхъ въ нашемъ холодномъ климатѣ, которыя погружаютъ душу въ тихія и меланхолическія мечты.

Вдругъ, на горизонтѣ показалась тѣнь, быстро выросла и скоро вырисовался черный и еще неопредѣленный силуэтъ всадника; шумъ лошадиныхъ копытъ о твердую землю не оставлялъ никакого сомнѣнія въ этомъ.

Всадникъ дѣйствительно приближался; онъ направлялся

къ Пуэблѣ; нагнувшись, въ полудремотѣ, на сѣдлѣ, онъ почти опустилъ поводья и отдался на волю коня; вдругъ, на перекресткѣ, гдѣ возвышался крестъ, лошадь сдѣлала неожиданный прыжокъ въ сторону и насторожила уши, сильно попятившись назадъ.

Всадникъ, сразу пробужденный отъ своего сна, или, что еще вѣроятнѣе, отъ своихъ размышленій, подпрыгнулъ на сѣдлѣ и навѣрное вылетѣлъ-бы, если-бы, инстинктивнымъ движеніемъ, не удержалъ лошади, сильно натянувъ повода.

—Эй!—вскрикнулъ онъ, быстро подымая голову и кладя свою руку на саблю, съ безпокойствомъ озираясь по сторонамъ;—что случилось?

—Ну, Морено, мой добрый конь, что значитъ этотъ страхъ? успокойся, мой другъ, никто не думаетъ о насъ.

Но хотя при этихъ словахъ господинъ ласково трепалъ его по шеѣ, и, повидимому, они хорошо понимали другъ друга, животное однако не переставало волноваться и выказывать всѣ признаки живѣйшаго страха.

— Ей Богу, это непонятно! у тебя нѣтъ привычки пугаться безъ причины; посмотримъ, мой добрый Морено, что тамъ такое?

И путникъ снова посмотрѣлъ вокругъ себя, но уже болѣе внимательно и опустивъ взоръ къ землѣ.

— Э! — вдругъ произнесъ онъ, замѣчая лежащее на дорогѣ тѣло; Морено правъ; тутъ кое-что есть, трупъ какого нибудь гасіендера, конечно, котораго убили сальтеадоры, чтобы легче ограбить, и котораго они бросили потомъ, не заботясь о дальнѣйшемъ; посмотримъ-же.

Разговаривая такимъ образомъ въ полъ-голоса съ самимъ собою, всадникъ слѣзъ съ лошади.

Но какъ благоразумный человѣкъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, давно уже привыкшій къ путешествіямъ по дорогамъ мексиканскаго союза, онъ зарядилъ свое ружье и приготовился къ нападенію и защитѣ, на случай, если-бы человѣкъ, которому онъ хотѣлъ помочь, вдругъ поднялся и потребовалъ отъ него кошелекъ или жизнь;—случай совершенно въ нра-

вахъ страны, противъ котораго прежде всего надо держаться наготовѣ.

Онъ приблизился къ трупу и нѣсколько мгновенiй разсматривалъ его съ серьезнымъ вниманiемъ.

Одного взгляда было ему достаточно, чтобы убѣдиться, что ему совершенно нечего бояться несчастнаго, который лежалъ у его ногъ.

— Гм!—произнесъ онъ, покачивая головой,—бѣдный малый, кажется мнѣ, очень боленъ; если онъ не умеръ, то немногимъ лучше этого. Наконецъ, все-жепопытаемся помочь ему, хотя боюсь,—это будетъ потерянный трудъ.

Послѣ этого новаго a parte, путникъ, который былъ никто иной, какъ Доминикъ, сынъ ранчеро, о которомъ мы говорили выше, разрядилъ свое ружье и положилъ его на краю дороги, чтобы имѣть подъ рукой въ случаѣ нужды, привязалъ лошадь къ дереву и снялъ свое сарапе, чтобы быть свободнѣе въ своихъ движенiяхъ.

Не торопясь и методически принявъ всѣ эти предосторожности, ибо это былъ человѣкъ заботливый до мелочей, Доминикъ взялъ альфорхасъ или двойныя сумки, прикрѣпленныя за сѣдломъ, перекинулъ ихъ за плечи и сталъ на колѣни у распростертаго тѣла; потомъ онъ открылъ его одежду и приложилъ свое ухо къ его открытой груди, на которой зiяла рана.

Доминикъ былъ высокъ, силенъ и хорошо сложенъ; его члены были одарены мускулами толстыми, какъ веревки и твердыми, какъ мраморъ; онъ, повидимому, былъ одаренъ замѣчательной силой, соединенной съ большой ловкостью во всѣхъ движенiяхъ, причемъ у него не было недостатка въ мужественной грацiи; однимъ словомъ, это была одна изъ тѣхъ натуръ, рѣдкихъ вездѣ, но чаще встрѣчающихся въ странахъ, гдѣ требованiя жизненной борьбы развиваютъ до крайнихъ предѣловъ физическiя свойства человѣка.

Хотя Доминику было около двадцати двухъ лѣтъ, но на видъ ему казалось, по крайней мѣрѣ, двадцать восемь. Черты его лица были прекрасны, мужественны и интеллигентны,

открытые черные глаза смотрѣли прямо; его открытый лобъ, каштановые, волосы, вьющіеся отъ природы, крупный ротъ съ нѣсколько толстыми губами, гордо закрученные усы, хорошо очерченный, прямой подбородокъ придавали его лицу откровенное, смѣлое и доброе выраженіе дѣйствительно симпатичное и накладывало на него печать рѣдкой изысканности. Но что было странно въ этомъ человѣкѣ, принадлежащемъ къ низкому классу вакеро, что его ноги и руки были замѣчательно малы, особенно руки поражали своимъ безукоризненнымъ аристократическимъ очертаніемъ.

Такова была наружность человѣка, представляемаго нами читателю и который призванъ играть важную роль въ этомъ разсказѣ.

— Ну, трудно будетъ привести его въ чувство, если только онъ въ состояніи придти въ чувство!—снова началъ Доминикъ, выпрямляясь послѣ того, какъ тщетно старался уловить біеніе его сердца.

Однако, онъ не отчаявался, открылъ свои альфорхасы и положилъ рядомъ футляръ и ящичекъ, запирающійся ключемъ.

— Къ счастью, я сохранилъ свои индѣйскія привычки,— сказалъ онъ, усмѣхаясь,—и всегда ношу съ собою мой медицинскій ящикъ.

Не теряя времени, онъ осмотрѣлъ рану и тщательно промылъ ее. Кровь, капля по каплѣ, стекала съ посинѣвшихъ краевъ раны; онъ раскрылъ флаконъ и вылилъ на рану нѣсколько капель красноватой жидкости, содержащейся въ этомъ флаконѣ; какъ по волшебству, кровь тотчасъ-же остановилась.

Тогда съ ловкостью, обнаруживавшей большую привычку, онъ перевязалъ рану, на которую осторожно наложилъ какія-то травы, смоченныя той-же красной жидкостью, которой онъ уже пользовался.

Несчастный не обнаруживалъ никакихъ признаковъ жизни, тѣло его сохраняло неподвижную окоченѣлость трупа, но оконечности были влажны, что заставило Доминмка предпо-

ложить, что жизнь еще не совсѣмъ угасла въ этомъ бѣдномъ тѣлѣ.

Послѣ заботливой перевязки, онъ немного приподнялъ раненаго и прислонилъ его къ дереву; потомъ началъ растирать ромомъ съ водой его грудь, виски и руки; иногда онъ прекращалъ свое занятіе и съ безпокойствомъ взглядывалъ на блѣдное и искаженное лицо раненаго.

Все, казалось, было безполезно; никакое движеніе, никакой нервный трепетъ не указывалъ возвращенія жизни.

Но нѣтъ ничего болѣе упорнаго, чѣмъ воля человѣка, желающаго спасти себѣ подобнаго; хотя онъ началъ серьезно сомнѣваться въ успѣхѣ своихъ усилій, но все же не отчаяваться; Доминикъ чувствовалъ, что его рвеніе удвоилось и рѣшилъ не отказываться, пока окончательно не убѣдится, что всякая помощь—только потеря времени.

Было что-то потрясающее въ этой группѣ на пустынной дорогѣ въ спокойную лунную ночь, у подножья этого креста, символа искупленія, въ этихъ двухъ людяхъ, изъ которыхъ одинъ, движимый святымъ чувствомъ любви, расточалъ, до изступленія, если можно такъ выразиться, самыя братскія заботы другому.

На мгновеніе Доминикъ прекратилъ втиранія и ударилъ себя по лбу, какъ будто неожиданная мысль сразу озарила его умъ.

— Какого черта я думаю!—пробормоталъ онъ, роясь въ своихъ альфорхасахъ, которые казались неистощимыми, такъ много они содержали въ себѣ, и онъ вынулъ тщательно закупоренную тыквенную бутылку.

Онъ разжалъ лезвіемъ своего ножа стиснутые зубы раненаго, вложилъ ему въ ротъ горлышко раскупоренной бутылки и влилъ часть жидкости, съ безпокойствомъ слѣдя за его лицомъ.

Черезъ двѣ или три минуты раненый слабо вздрогнулъ, его рѣсницы зашевелились, какъ будто онъ пытался открыть ихъ.

— А!—радостно произнесъ Доминикъ, — на этотъ разъ, кажется, я правъ.

И положивъ бутылку возлѣ себя, онъ съ новымъ жаромъ принялся за втиранія.

Вздохъ слабый, какъ вѣтерокъ, вылетѣлъ изъ губъ раненаго; его члены потеряли свою первоначальную окоченѣлость; жизнь медленно возвращалась къ нему.

Молодой человѣкъ удвоилъ усилія; мало-по-малу, можно было различить слабое и неровное дыханіе, черты лица приняли болѣе спокойное выраженіе, на скулахъ показались красныя пятна; хотя глаза оставались закрыты, губы раненаго шевелились, какъ будто онъ пытался произнести какія-то слова.

— Ба!—радостно произнесъ Доминикъ;—еще не все кончено, онъ вернется издалека, если ускользнетъ отъ смерти! браво! я не потерялъ времени! Но какой чертъ далъ ему такой бѣшеный ударъ шпагою? Въ Мексикѣ не дерутся на дуели. Клянусь душою! еслибы я не боялся оскорбить того, то почти могъ-бы утверждать, что знаю человѣка, который такъ распоролъ этого бѣднаго малаго; но, терпѣніе! надо, чтобы онъ заговорилъ и тогда выяснится, знаю-ли я, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло.

Но жизнь, которая такъ долго медлила вернуться въ это тѣло, почти совсѣмъ покинутое ею, снова начала серьезную борьбу со смертью и, мало-по-малу, принудила ее отступить; движенія раненаго стали опредѣленнѣе и главнымъ образомъ, разумнѣе; два раза глаза его уже открывались, хотя почти тотчасъ и закрывались; онъ долженъ былъ придти въ сознаніе; это былъ лишь вопросомъ времени.

Доминикъ налилъ въ стаканъ немного воды, примѣшалъ къ ней нѣсколько капель жидкости, бывшей въ бутылкѣ, и поднесъ стаканъ къ губамъ раненаго; раненый открылъ глаза и выпилъ; потомъ онъ облегченно вздохнулъ.

— Какъ вы себя чувстуете? — спросилъ его съ интересомъ молодой человѣкъ.

При звукахъ этого неизвѣстнаго голоса, конвульсивный

трепетъ пробѣжалъ по тѣлу раненаго; онъ сдѣлалъ жестъ, какъ будто отталкивалъ страшный призракъ, и прошепталъ глухимъ голосомъ:

— Убейте меня!

— Ей Богу, нѣтъ! — весело воскликнулъ Доминикъ; — я слишкомъ много потрудился, чтобы воскресить васъ.

Раненый открылъ глаза, бросилъ блуждающій взглядъ и, устремивъ его на молодого человѣка, вскричалъ съ невыразимымъ ужасомъ;

— Маска, маска! о! назадъ, назадъ!

— Горячка сильна,—прошепталъ молодой человѣкъ — у него горячечная галлюцинація; если она продолжится — это можетъ кончиться помѣшательствомъ. Гм! положеніе серьезно! какъ бороться съ этимъ?

— Палачъ! — слабымъ голосомъ произнесъ раненый, — убей меня!

— Онъ упорствуетъ въ этомъ; этотъ человѣкъ попалъ въ какую нибудь ужасную западню, его разстроенный умъ представляетъ послѣднюю сцену убійства, гдѣ онъ сыгралъ столь печальную роль; нужно сразу кончить это и дать ему покой, необходимый для его облегченія, иначе онъ погибъ.

— Развѣ я не знаю, что я погибъ?—произнесъ раненый, который услышалъ послѣднія слова, — убей меня, но не заставляй больше страдать.

— Вы слышите меня, сеньоръ? — отвѣтилъ молодой человѣкъ,—очень хорошо! Тогда слушайте меня, не перебивая: я не изъ тѣхъ людей, которые поставили васъ въ это положеніе; я путникъ, котораго случай или, лучше сказать, Провидѣніе поставило на вашей дорогѣ, чтобы помочь вамъ, и надѣюсь спасти васъ; вы понимаете меня, не правда-ли? перестаньте воображать химеры, забудьте, если это возможно, хотя на время то, что произошло между вами и вашими убійцами: у меня только одно желанье — быть вамъ полезнымъ; безъ меня вы бы умерли; не дѣлайте еще труднѣе и такъ уже трудную задачу, которую я принялъ на себя; ваше спасеніе зависитъ отъ васъ самихъ.

Раненый сдѣлалъ рѣзкое движеніе, чтобы подняться, но силы измѣнили ему, онъ снова опустился со вздохомъ отчаянія.

— Не могу!—прошепталъ онъ.

— Для такого раненаго, какъ вы,—конечно, это не возможно. Чудо, что полученный вами страшный ударъ шпаги не уложилъ васъ наповалъ; не сопротивляйтесь-же болѣе тому, что человѣколюбіе заставляетъ меня дѣлать по отношенію къ вамъ.

— Но если вы не убійце, кто-же вы? — тревожно спросилъ раненый.

— Кто я? я—бѣдный вакеро, который нашелъ васъ здѣсь въ агоніи и былъ настолько счастливъ, что вернулъ васъ къ жизни.

— И вы клянетесь, что ваши намѣренія чисты?

— Клянусь въ этомъ моею честью.

— Благодарю,—прошепталъ раненый.

Наступило долгое молчаніе.

— О, я хочу жить! — началъ раненый съ сдержанной энергіею.

— Понимаю это желаніе; оно мнѣ кажется совершенно естественнымъ съ вашей стороны.

— Да, я хочу жить, потому что долженъ отомстить за себя.

— Это чувство справедливо, месть дозволительна.

— Вы спасете меня, вы обѣщаете мнѣ это, не правда-ли?

— По крайней мѣрѣ, сдѣлаю для этого все, что могу.

— О! я богатъ, я вознагражу васъ.

Ранчеро покачалъ головою.

— Зачѣмъ говорить о вознагражденіи?—сказалъ онъ;— развѣ вы думаете, что преданность можно купить; берегите ваше золото, кабалееро; оно мнѣ не нужно, я не нуждаюсь въ немъ.

— Но однако....

— Ни слова болѣе по этому поводу, прошу васъ, сеньоръ, всякая настойчивость съ вашей стороны будетъ для меня смертельнымъ оскорбленіемъ. Я исполняю свой

долгъ, спасая васъ, и не имѣю права на какое либо вознагражденіе.

— Поступайте по своему усмотрѣнію.

— Обѣщайте мнѣ не возражать на то, что я сочту нужнымъ сдѣлать въ интересахъ вашего здоровья.

— Обѣщаю вамъ это.

— Хорошо; такимъ образомъ мы согласимся. Скоро наступитъ день; намъ нельзя долго оставаться здѣсь.

— Но, куда я пойду? я чувствую себя настолько слабымъ, что не могу сдѣлать ни малѣйшаго движенія.

— Не безпокойтесь объ этомъ; я помѣщу васъ на свою лошадь и пущу ее шагомъ, она васъ довезетъ безъ толчковъ до вѣрнаго мѣста.

— Я полагаюсь на васъ.

— Это лучшее, что вы можете сдѣлать; угодно вамъ, чтобы я привезъ васъ въ ваше жилище?

— Мое жилище? — вскричалъ раненый съ дурно скрытымъ ужасомъ и дѣлая движеніе, какъ бы готовясь убѣжать, вы знаете меня, вы знаете гдѣ я живу?

— Я не знаю васъ и не знаю, гдѣ вашъ домъ. Какъ могу я знать эти подробности, когда до этой ночи я никогда не видѣлъ васъ?

— Это правда,—прошепталъ раненый,—я сошелъ съума! этотъ человѣкъ съ добрыми намѣреніями.—Потомъ, обращаясь къ Доминику, онъ добавилъ прерывающимся и тихимъ голосомъ, — я путешественникъ, ѣду въ Мексику изъ Вера-Круцъ; я былъ неожиданно захваченъ, ограбленъ и брошенъ умирать у подножья этого креста, гдѣ вы нашли меня. Теперь я не имѣю жилища кромѣ того, какое вы мнѣ предложите: вотъ моя исторія, она проста, какъ истина.

— Истинна она или нѣтъ, это не касается меня, сеньоръ; я не имѣю права вмѣшиваться въ ваши дѣла противъ вашей воли. Удержитесь, прошу васъ, давать мнѣ свѣдѣнія, которыхъ я не спрашиваю; при вашемъ положеніи они только вредны, потому что заставляютъ напрягаться вашъ умъ.

И дѣйствительно, только благодаря крайнему напряже-

нію воли раненый могъ выдержать такой длинный разговоръ. Потрясеніе, испытанное имъ, было слишкомъ сильно, рана слишкомъ опасна, чтобы онъ могъ, несмотря на все свое желаніе, долго разговаривать, не рискуя впасть въ обморокъ болѣе серьезный, чѣмъ тотъ, отъ котораго его такъ чудесно избавилъ великодушный спаситель; онъ уже чувствовалъ, какъ бьются его вены, облако затемняетъ его взоръ, въ ушахъ шумъ; холодный потъ выступилъ у него на вискахъ; мысли, которыя онъ съ такимъ трудомъ привелъ въ порядокъ, начали мѣшаться; онъ понялъ, что всякое упорство съ его стороны было бы безумствомъ, и съ отчаяньемъ откинулся назадъ, испустивъ вздохъ разочарованія.

— Другъ,—прошепталъ онъ слабымъ голосомъ,—дѣлайте со мною, что хотите, я чувствую, что умираю!

Доминикъ тревожно слѣдилъ за его движеніями и поспѣшилъ дать ему выпить нѣсколько капель жидкости; помощь эта была существенна, раненый почувствовалъ, что жизнь возвращается къ нему.

Онъ хотѣлъ поблагодарить молодого человѣка, но Доминикъ съ живостью сказалъ ему:

— Молчите, вы и такъ слишкомъ много говорили!

Онъ тщательно завернулъ его въ свой плащъ и уложилъ на землю.

— Ну,—сказалъ онъ,—не трогайтесь и попытайтесь заснуть, пока я поищу средства увезти васъ отсюда.

Раненый не оказалъ никакого сопротивленія; снотворный напитокъ началъ оказывать свое дѣйствіе; больной тихо улыбнулся, закрылъ глаза и скоро погрузился въ спокойный и живительный сонъ.

Доминикъ въ продолженіи минуты смотрѣлъ на него съ видомъ полнѣйшаго удовлетворенія.

— Мнѣ больше нравится видѣть его такимъ, чѣмъ какимъ онъ былъ при моемъ прибытіи, — весело произнесъ онъ;—ахъ, еще не все кончено; надо уѣхать, какъ можно скорѣе, если я не хочу, чтобы помѣшали люди, которые нахлынутъ на эту дорогу.

Онъ отвязалъ лошадь, взнуздалъ ее и подвелъ къ раненому; устроивъ нѣчто вродѣ ложа на ея спинѣ изъ нѣсколькихъ одѣялъ и сарапе, которое не колеблясь снялъ съ себя, онъ поднялъ раненаго на своихъ мускулистыхъ рукахъ съ такой легкостью, какъ будто, вмѣсто высокаго и сильно сложеннаго мущины, былъ ребенокъ, и тихо положилъ его на спину, по возможности удобнѣе, заботливо оберегая раненаго отъ паденія, которое было бы для него смертельно.

Когда молодой человѣкъ убѣдился, что раненый находится въ удобномъ положеніи, насколько это позволяли обстоятельства, и главнымъ образомъ, средства перевозки, которыми онъ располагалъ. Доминикъ повелъ свою лошадь въ поводу, держась все-же около раненаго, котораго онъ поддерживалъ въ сѣдлѣ и направился къ ранчо, которое мы посѣтили часомъ раньше, вмѣстѣ съ авантюристомъ.

IX. Открытіе.

Доминикъ шелъ очень тихо, твердой рукой поддерживая раненаго, оберегая его, какъ мать своего ребенка и имѣя только одно желанье,—какъ можно скорѣе достигнуть ранчо, чтобы тамъ доставить раненому необходимыя въ его положеніи удобства.

Несмотря на испытываемое имъ нетерпѣніе, онъ, къ несчастью, не имѣлъ возможности поторопить свою лошадь изъ боязни несчастнаго случая на неровныхъ и почти непроходимыхъ дорогахъ, по которымъ онъ долженъ былъ ѣхать. Итакъ, онъ съ несказаннымъ удовольствіемъ увидѣлъ, будучи отъ ранчо въ растояніи двухъ-трехъ выстрѣловъ, что кто-то бѣжитъ ему навстрѣчу.

Хотя онъ не узналъ ихъ, все-же его радость была велика, потому что это была помощь, и хотя онъ, можетъ быть, и не признался, но видѣлъ въ ней крайнюю необходимость, какъ для себя, такъ, въ особенности, для раненаго; уже нѣсколько часовъ, какъ онъ ѣхалъ по почти непроходимымъ

тропинкамъ и неустанно оберегалъ человѣка, необъяснимымъ чудомъ спасеннаго имъ отъ вѣрной смерти и котораго теперь малѣйшая неосторожность могла убить на мѣстѣ.

Когда бѣгущіе къ нему люди были уже въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ остановился и крикнулъ имъ съ радостнымъ видомъ человѣка, довольнаго, что его освобождаютъ отъ тяготившей на немъ отвѣтственности.

— Эй, идите-же, чертъ возьми! уже давно вы должны бы быть здѣсь.

— Что это значитъ, Доминикъ?—спросилъ по французски авантюристъ,—какая это у васъ настоятельная надобность въ насъ?

— Э! вы ослѣпли, кажется; развѣ вы не видите, что я везу раненаго?

— Раненаго! — вскричалъ Оливье, какъ тигръ, дѣлая прыжекъ и сразу становясь почти рядомъ съ молодымъ человѣкомъ,—о какомъ раненомъ вы говорите?

— Чертъ возьми! о томъ, кого я дурно-ли, хорошо-ли усадилъ на свою лошадь и котораго я съ удовольствіемъ увидѣлъ бы въ хорошей постели, въ чемъ, говоря между нами, онъ имѣетъ величайшую нужду; вѣдь, если онъ еще живъ, то, клянусь душою, это чудо Провидѣнія.

Авантюристъ, не отвѣчая, быстро поднялъ сарапе, наброшенное на лицо раненаго и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ разсматривалъ его съ неописуемымъ выраженіемъ безпокойства, скорби, гнѣва и сожалѣнія.

Его лицо мгновенно поблѣднѣло, какъ у мертвеца, конвульсивный трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу, его глаза, устремленные со страннымъ выраженіемъ на раненаго, казалось метали молніи.

— О!—прошепталъ онъ низкимъ голосомъ, прерывающимся отъ того урагана, который кипѣлъ въ его сердцѣ,— этотъ человѣкъ! это онъ! это, навѣрное, онъ! онъ не умеръ!

Доминикъ ничего не понималъ изъ того, что слышалъ; онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Оливье, не зная, что думать объ его словахъ.

— А! да, — произнесъ онъ, наконецъ, съ гнѣвнымъ порывомъ,—что это значитъ? Я спасаю человѣка; Богъ знаетъ съ какими заботами и трудами, я успѣлъ довести сюда этого несчастнаго, который безъ меня, чертъ возьми, я могу это сказать, умеръ-бы, какъ собака, и вотъ какъ вы меня принимаете!

—Да, да, радуйся,—съ горечью сказалъ авантюристъ,—ты совершилъ доброе дѣло, я поздравляю тебя съ этимъ, Доминикъ, мой другъ; это принесетъ тебѣ пользу, будь увѣренъ, и даже скоро.

— Вы знаете, что я не понимаю васъ!—вскричалъ молодой человѣкъ.

— Э! какая нужда въ томъ, чтобы ты понималъ меня, бѣдный мальчикъ! — отвѣтилъ тотъ, презрительно пожимая плечами;—ты поступилъ соотвѣтственно твоей природѣ: безъ размышленія и задней мысли; мнѣ нечего упрекать тебя, какъ и объяснять.

— Но что это, наконецъ? что вы хотите сказать?

— Знаешь ты этого человѣка?

— Ей Богу, нѣтъ! какъ я могу знать его?

— Я не спрашиваю тебя объ этомъ; такъ какъ ты незнаешь его, какъ могло случиться, что ты привозишь его въ ранчо, никого не предостерегая?

— Боже мой, очень просто: я возвращался изъ Холулы, когда нашелъ его, лежащимъ на дорогѣ и хрипящимъ, какъ зарѣзанный ягненокъ. Что могъ я сдѣлать? Развѣ человѣколюбіе не приказывало мнѣ оказать ему помощь? Развѣ можно было оставить такъ умереть христіанина, не пытаясь помочь ему?

— Да, да, — съ ироніей отвѣтилъ Оливье, — ты хорошо поступилъ; конечно, я далекъ отъ того, чтобы осуждать тебя. Какже! развѣ человѣкъ съ сердцемъ можетъ, встрѣтивъ себѣ подобнаго въ такомъ положеніи, не придти къ нему на помощь?!

Потомъ, сразу перемѣнивъ тонъ, онъ добавилъ, пожимая

плечами,—это среди краснокожихъ, гдѣ ты такъ долго жилъ, ты получилъ такіе уроки гуманности?

Молодой человѣкъ хотѣлъ отвѣчать, но Оливье рѣзко остановилъ его.

— Довольно; зло теперь сдѣлано,—сказаль онъ, —нечего къ этому возвращаться. Лопецъ проводитъ его въ подземелье ранчо, гдѣ объ немъ позаботятся; иди Лопецъ, не теряй времени, уведи этого человѣка, пока я поговорю съ Доминикомъ.

Лопецъ повиновался, молодой человѣкъ предоставилъ ему дѣйствовать; онъ началъ понимать, что, можетъ быть, его сердце обмануло его и онъ слишкомъ легко позволилъ увлечь себя чувству человѣколюбія къ незнакомцу.

Молчаніе длилось довольно долго; Лопецъ удалился съ раненымъ и уже исчезъ въ подземельи.

Оливье и Доминикъ, оставшись наединѣ, стояли неподвижно въ задумчивости. Наконецъ, авантюристъ поднялъ голову.

— Говорилъ ты съ этимъ человѣкомъ?

— Немного, да, урывками.

— Что онъ сказалъ тебѣ?

— Немного разумнаго, онъ мнѣ говорилъ о нападеніи, жертвой котораго онъ былъ.

— Это все?

— Да, почти.

— Сказалъ онъ тебѣ свое имя?

— Я не спрашивалъ его.

— Но онъ долженъ былъ сказатı тебѣ, кто онъ.

— Да, я думаю; онъ мнѣ сказалъ, что недавно прибылъ въ Вера-Круцъ и ѣхалъ въ Мексику, когда на него неожиданно напали и ограбили люди, которыхъ онъ не могъ узнать.

— Онъ не сказалъ тебѣ ничего больше про свое имя или положеніе?

— Нѣтъ, ни одного слова.

Авантюристъ на мгновеніе задумался.

— Слушай,—сказалъ онъ,—и не принимай въ дурную сторону словъ, какія я хочу тебѣ сказать.

— Отъ васъ, г. Оливье, я выслушаю все, потому что вы имѣете право все мнѣ говорить,

— Хорошо, помнишь, какъ мы познакомились?

— Конечно, я былъ тогда ребенкомъ, несчастнымъ и больнымъ, умирающимъ отъ голода и нищеты на улицахъ Мексики; вы сжалились надо мною, одѣли и накормили меня; не довольствуясь этимъ, вы научили меня читать, писать, считать, что я еще знаю!

— Дальше, дальше.

— Потомъ, вы нашли моихъ родителей, или, по крайней мѣрѣ, людей, которые меня воспитали и на которыхъ, за отсутствіемъ другихъ, я смотрѣлъ всегда, какъ на свою семью.

— Хорошо, потомъ?

— Чертъ возьми, вы знаете это также хорошо, какъ и я, г. Оливье.

— Возможно, но я хочу, чтобы ты повторилъ мнѣ это.

— Какъ вамъ будетъ угодно; однажды вы пришли въ ранчо, увели меня съ собою и привели въ Сонору и Техасъ, гдѣ мы охотились на бизоновъ; черезъ два или три года вы сдѣлали такъ, что меня усыновило племя команчей. Вы оставили меня и приказали мнѣ жить въ преріяхъ и вести жизнь охотника въ лѣсахъ, пока я не получу приказа присоединиться къ вамъ.

— Очень хорошо, я вижу, что у тебя хорошая память; продолжай.

— Я повиновался вамъ и остался среди индѣйцевъ, охотясь и живя съ ними; шесть мѣсяцевъ тому назадъ вы пріѣхали на берегъ Ріо-Джила, гдѣ я тогда былъ, и сказали мнѣ, что искали меня и что я долженъ слѣдовать за вами. Я послѣдовалъ за вами, не спрашивая у васъ объясненій, въ которыхъ я не имѣлъ нужды; развѣ я не принадлежу вамъ душою и тѣломъ?

— Хорошо, и ты остаешься при тѣхъ же чувствахъ?

— Почему я измѣнился-бы? вы мой единственный другъ!

— Благодарю, ты рѣшилъ во всемъ повиноваться мнѣ?

— Не колеблясь, клянусь вамъ!

— Вотъ въ чемъ я хотѣлъ убѣдиться; теперь слушай меня, въ свою очередь; этотъ человѣкъ, которому ты такъ глупо, прости это слово, такъ глупо, говорю я, помогъ, солгалъ тебѣ отъ перваго до послѣдняго слова все, что говорилъ. Исторія, расказанная имъ тебѣ—сплетеніе лжи: не правда, что онъ только нѣсколько дней, какъ пріѣхалъ въ Вера-Круцъ, неправда, что онъ ѣхалъ въ Мексику, неправда, наконецъ, что на него напали и ограбили неизвѣстные люди.

Этотъ человѣкъ, я знаю его, въ Мексикѣ почти восемь мѣсяцевъ, онъ живетъ въ Пуеблѣ, былъ осужденъ на смерть людьми, которые имѣли право судить его и которыхъ онъ отлично зналъ, на него напали не неожиданно, ему дали въ руку шпагу и оставали свободу защищаться, онъ воспользовался этимъ и палъ въ честномъ бою; наконецъ, онъ не былъ ограбленъ, потому что имѣлъ дѣло не съ ворами, а съ честными людьми.

— О! о!—произнесъ молодой человѣкъ,—это измѣняетъ дѣло.

— Теперь, отвѣть на это: ты чѣмъ нибудь связалъ себя по отношенію къ нему?

— Что вы разумѣете подъ этимъ?

— Когда этотъ человѣкъ пришелъ въ себя и къ нему вернулась возможность говорить, умолялъ тебя о покровительствѣ, неправда-ли?

— Правда, г. Оливье!

— Хорошо, что ты отвѣтилъ ему.

— Чертъ возьми, вы понимаете, что мнѣ довольно трудно было оставить этого бѣдняка въ томъ состояніи, въ какомъ онъ былъ, особено послѣ того, что я сдѣлалъ для него?

— Хорошо, хорошо, тогда?

— Тогда, чертъ возьми, я обѣщался ему спасти его.

— Т. е. вылечить?

— Я такъ понимаю это.

— Ничего другого?

— Что до этого—нѣтъ!

— И ты ему просто обѣщалъ?

— Нѣтъ, я далъ слово.

Авантюристъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Не предполагая, что онъ выздоровѣетъ,—началъ онъ.— Что, между нами, кажется мнѣ сомнительнымъ, и когда будетъ въ добромъ здоровьи, ты будешь считать себя совершенно развязаннымъ съ нимъ?

— О! что касается этого, г. Оливье,—совершенно!

— Ну, тогда только полъ бѣды.

— Вы знаете, что я васъ вовсе не понимаю.

— Будь доволенъ, Доминикъ; узнай, что ты не имѣешь удачи въ этомъ добромъ дѣлѣ.

— Почему?

— Потому что человѣкъ, котораго ты спасъ и которому расточалъ такія преданныя заботы — твой смертельный врагъ.

— Мой смертельный врагъ,—этотъ человѣкъ?—вскричалъ онъ съ удивленіемъ и сомнѣніемъ; но я знаю его не болѣе, чѣмъ онъ меня.

— Ты думаешь это, мой бѣдный другъ, но будь увѣренъ, что я не ошибаюсь и говорю тебѣ правду.

— Это странно.

— Да, дѣйствительно, очень странно, но это такъ, этотъ человѣкъ—твой опаснѣйшій врагъ.

— Что же дѣлать?

— Предоставить мнѣ дѣйствовать; я пріѣхалъ сегодня утромъ въ ранчо съ намѣреніемъ сообщить тебѣ, что самый ужасный твой врагъ умеръ, а ты постарался заставить меня солгать. Послѣ всего, это можетъ быть къ лучшему: все, что творитъ Богъ — благо, пути его неисповѣдимы, мы должны преклоняться передъ изъявленіемъ его воли.

— Такъ ваше намѣреніе?...

— Мое намѣреніе—поручить Лопецу заботиться о твоемъ больномъ; онъ останется въ подземельи и окажетъ ему величайшую заботливость, только ты больше не увидишь его; безполезно, по крайней мѣрѣ теперь, знакомиться вамъ ближе. Съ своей стороны, я даю тебѣ слово, что ему будутъ оказаны всѣ заботы, какихъ требуетъ его положеніе.

— О, я вполнѣ полагаюсь на васъ, г. Оливье; но что мы будемъ дѣлать, когда онъ выздоровѣетъ.

— Мы предоставимъ ему свободно уѣхать; онъ не нашъ плѣнникъ. Будь покоенъ, мы безъ труда найдемъ его, когда это будетъ нужно; рѣшено, что никто изъ ранчо не долженъ сходить въ поземелье и имѣть съ нимъ ни малѣйшаго сношенія.

— Хорошо, вы имъ скажите объ этомъ, я не беру этого на себя.

— Я скажу имъ; кромѣ того, я самъ не увижу его. Онъ будетъ порученъ одному Лопецу.

— А я, вы ничего не имѣете болѣе сказать мнѣ?

— Тебѣ я хочу сообщить, что на нѣсколько дней увезу тебя изъ ранчо.

— А! и мы отправимся далеко?

— Ты увидишь, а пока отправляйся въ ранчо и приготовь все, что нужно для твоего путешествія.

— О, я готовъ,—прервалъ Доминикъ.

— Возможно; но я не готовъ: мнѣ надо отдать нѣкоторыя приказанія Лопецу, относительно твоего раненаго.

— Это вѣрно, и кромѣ того я долженъ попрощаться съ семействомъ.

— Это будетъ хорошо, потому что ты вѣроятно пробудешь нѣкоторое время въ отсутствіи.

— Хорошо, я понимаю, мы отправляемся на славную охоту?

— Мы ѣдемъ на охоту, да,—отвѣтилъ авантюристъ съ двусмысленной улыбкой,—но вовсе не такъ, какъ ты думаешь.

— Хорошо, мнѣ это все равно, я буду охотиться, какъ захотите вы.

— Я разсчитываю на это, ну, иди же, мы уже потеряли много времени.

Они направились къ холмику. Авантюристъ вошелъ въ подземелье, а молодой человѣкъ поднялся въ ранчо. Лоисъ и обѣ женщины ждали его на площадкѣ, сильно заинтересованные его длиннымъ разговоромъ съ Оливье; но Доминикъ былъ непроницаемъ, онъ слишкомъ долго жилъ въ пустынѣ, чтобы высказать правду, когда хотѣлъ скрыть ее. Въ подобныхъ случаяхъ было чистой потерей времени предлагать ему вопросы; онъ отвѣчалъ очень неопредѣленно; отчаявшись заставить его говорить, отецъ и обѣ женщины избрали благую часть—оставить его въ покоѣ.

Завтракъ былъ совершенно готовъ на столѣ.

Такъ какъ молодой человѣкъ былъ голоденъ, воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы перемѣнить разговоръ и продолжая ѣсть, объявилъ о своемъ отъѣздѣ.

Лоисъ не сдѣлалъ ему никакого замѣчанія, онъ слишкомъ привыкъ къ этимъ быстрымъ отлучкамъ.

Черезъ полъ-часа явился Оливье. Доминикъ поднялся и попрощался со своею семьею.

— Вы увозите его?—сказалъ Лоисъ.

— Да,—отвѣтилъ Оливье,—на нѣсколько дней, мы ѣдемъ въ жаркую землю.

— Будьте осторожны, — съ безпокойствомъ замѣтила Луиза, — вы знаете, что гверильясы Хуарета бродятъ по окрестностямъ.

— Не бойся ничего, сестренка, — замѣтилъ молодой человѣкъ, обнимая ее;—мы будемъ благоразумны; я привезу тебѣ фуляръ, ты знаешь, я уже давно обѣщалъ тебѣ.

— Я бы предпочла, чтобы ты не оставлялъ насъ, Доминикъ!—грустно отвѣтила она.

— Ну, ну, — весело произнесъ авантюристъ, — не безпокойтесь, я привезу его вамъ здравымъ и невредимымъ.

Повидимому, всѣ обитатели ранчо питали большое довѣріе къ словамъ авантюриста, потому что при этомъ

увѣреніи ихъ безпокойство утихло, и они довольно легко отпустили мущинъ.

Эти послѣдніе оставили ранчо, сошли съ холмика и нашли своихъ лошадей совершенно готовыми, на привязи у изгороди.

Сдѣлавъ послѣдній прощальный жестъ обитателямъ ранчо, которые сгруппировались на площадкѣ, они вскочили въ сѣдло и удалились галопомъ черезъ поле, чтобы выѣхать на дорогу въ Вера-Круцъ.

— Такъ мы ѣдемъ въ жаркую землю?—спросилъ Доминикъ, галопируя рядомъ со своимъ спутникомъ.

— О! о! мы не ѣдемъ такъ далеко; я веду тебя за нѣсколько лье отсюда въ одну гасіенду, гдѣ разсчитываю для тебя на новыя знакомства.

— Ба! зачѣмъ? Я мало забочусь о новыхъ знакомствахъ!

— Это будетъ тебѣ очень полезно.

— А! тогда это другое дѣло. Признаюсь, что я не очень люблю мексиканцевъ.

— Человѣкъ, которому тебя представятъ не мексиканецъ, а французъ.

— Это все равно, но почему вы говорите, что меня представятъ? Развѣ не вы взяли это на себя?

— Нѣтъ, это другое лицо, которое ты знаешь и къ которому чувствуешь даже нѣкоторую симпатію.

— О комъ же говорите вы?

— О Лео Карралѣ.

— Майордомъ гасіенды дель Ареналь?

— Онъ самый.

— Такъ мы ѣдемъ въ гасіенду?

— Не совсѣмъ; но въ ея окрестности. Я назначилъ майордому свиданіе, онъ долженъ ждать меня; на это свиданіе мы и ѣдемъ сейчасъ.

— Тогда все къ лучшему. Я буду радъ увидѣть Лео Карраля. Это хорошій товарищъ.

— И человѣкъ съ сердцемъ и честью!—добавилъ Оливье.

X. Свиданіе.

Донья Долоресъ, со времени прибытія въ гасіенду графа де ля Солэ, вела себя по отношенію къ нему настолько сдержанно, что брачные проекты двухъ семействъ были далеки отъ осуществленія. Никогда молодая дѣвушка не позволяла самой легкой близости, самой невинной фамильярности, не говоря уже объ интимныхъ разговорахъ, съ тѣмъ, на кого она должна была смотрѣть, отчасти какъ на своего жениха. Оставаясь вѣжливой и даже любезной, она сумѣла, съ первыхъ же дней встрѣчи, поставить между собою и графомъ преграду, которой онъ не осмѣливался преступить и которая заставляла его, можетъ быть вопреки его тайнымъ желаніямъ, оставаться въ самыхъ строгихъ границахъ.

При такихъ условіяхъ, и особенно послѣ сцены предыдущей ночи, легко понять, каково было удивленіе графа, когда донья Долоресъ попросила свиданья. Что могла она сказать ему? Для чего она желала этого свиданія? Какая причина побуждала ее дѣйствовать такимъ образомъ?

Таковы были вопросы, съ которыми графъ обращался безпрестанно къ самому себѣ и которые оставались безъ отвѣта.

Безпокойство, любопытство и нетерпѣніе молодого человѣка дошли до крайней степени, и съ чувствомъ удовольствія, въ которомъ онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета, онъ услышалъ, наконецъ, какъ пробилъ часъ свиданія.

Еслибы онъ находился во Франціи, а не въ Мексикѣ, въ гасіендѣ, то, конечно, заранѣе зналъ-бы, какъ держаться въ виду полученной записки, и поведеніе его было-бы обдумано.

Но здѣсь, холодность доньи Долоресъ по отношенію къ нему, холодность, на счетъ которой онъ не обманывался ни на одно мгновеніе, предпочтеніе, которое, судя по ночной сценѣ, она оказывала другому,—все это, вмѣстѣ взятое, исключало изъ этого свиданія всякую мысль, любви. Можетъ быть,

донья Долоресъ потребуетъ отъ молодого человѣка отказа отъ ея руки и немедленнаго отъѣзда?!

Странное противорѣчіе человѣческаго ума! Графъ, который испытывалъ все болѣе и болѣе замѣтное отвращеніе къ этому браку, который твердо рѣшился, какъ можно скорѣе объясниться по этому поводу съ дономъ Андресомъ де ля Крусъ, который принялъ окончательное рѣшеніе уѣхать и отказаться отъ этого союза, такъ давно подготовляемаго и тѣмъ болѣе непріятнаго, что былъ предписанъ ему,—все-же возмутился при этомъ отказѣ, котораго безъ сомнѣнія готовилась потребовать отъ него донья Долоресъ: его оскорбленное самолюбіе представило ему этотъ вопросъ совершенно въ новомъ свѣтѣ, и пренебреженіе, какое, повидимому, оказывала молодая дѣвушка къ его рукѣ, наполняло его стыдомъ и гнѣвомъ.

Онъ, графъ Людовикъ де ля Солэ, молодой, красивый, богатый, извѣстный своимъ умомъ и элегантностью, одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ жокей — клуба, одинъ изъ законодателей модъ, побѣды котораго занимали весь Парижъ, онъ не вызвалъ въ полудикой дѣвушкѣ иного чувства, кромѣ отвращенія и холоднаго равнодушія. Было отчего придти въ отчаяніе; на одну минуту онъ даже вообразилъ, такъ ослѣпляла его досада, что онъ дѣйствительно влюбленъ въ свою кузину и былъ почти готовъ поклясться, что онъ останется глухъ къ мольбамъ и слезамъ доньи Долоресъ и потребуетъ, безъ малѣйшей отсрочки, заключенія брака.

Но, къ счастью, самолюбіе, доведшее его до этого крайняго рѣшенія, подсказало вдругъ ему средство болѣе простое и, главное, пріятное для него, выйти изъ этого затруднительнаго положенія.

Онъ бросилъ довольный взглядъ на себя, и гордая, довольная улыбка озарила его лицо. Графъ нашелъ себя и физически, и умственно настолько выше всего, что его окружало, что почувствовалъ только презрительное состраданіе къ бѣдному ребенку, которому дурное воспитаніе помѣшало оцѣнить неизмѣримыя преимущества, выдвигавшія его надъ

соперниками, и понять то счастье, которое ожидало ее въ этомъ бракѣ.

Съ этими и многими другими мыслями въ головѣ, графъ вышелъ отъ себя, перешелъ дворъ и вошелъ въ помѣщеніе доньи Долоресъ.

Онъ замѣтилъ, не придавая этому большого значенія, что нѣсколько осѣдланныхъ и взнузданныхъ лошадей, которыхъ держали пеоны, ожидали на дворѣ.

У дверей стояла молодая индіанка, съ неправильнымъ личикомъ и блестящими глазами, которая встрѣтила его съ улыбкой и дѣлая глубокій поклонъ, знакомъ пригласила его войти.

Графъ послѣдовалъ за нею; камеристка прошла нѣсколько комнатъ, изящно меблированныхъ, наконецъ, подняла портьеру изъ бѣлаго шелка съ вышитыми по краямъ большими цвѣтами всѣхъ оттѣнковъ, и, не говоря ни слова, ввела графа въ очаровательный будуаръ, меблированный въ китайскомъ вкусѣ.

Донья Долоресъ полулежала въ гамакѣ изъ волоконъ алое и забавлялась тѣмъ, что дразнила маленькаго толстаго, какъ кулакъ, попугайчика, смѣясь, какъ сумасшедшая, надъ гнѣвнымъ крикомъ маленькаго животнаго.

Молодая дѣвушка была очаровательна; никогда графъ не видѣлъ ее такой прекрасной. Глубоко поклонившись, онъ остановился на порогѣ въ восхищеніи, смѣшанномъ съ такимъ изумленіемъ, что донья Долоресъ, посмотрѣвъ на него одно мгновеніе, не могла выдержать своего серьезнаго вида и разразилась громкимъ, откровеннымъ смѣхомъ.

— Простите, кузенъ, — произнесла она, но у васъ такое странное лицо въ эту минуту, что я не могла удержаться!

— Смѣйтесь, смѣйтесь, кузина, — возразилъ молодой человѣкъ, тотчасъ впадая въ тотъ веселый тонъ, котораго онъ никакъ не ожидалъ; — я счастливъ, что вижу васъ въ хорошемъ настроеніи.

— Не оставайтесь же тамъ, кузенъ, — начала она, — ну,

идите садитесь здѣсь, около меня, на эту бутакку, — и она указала ему на кресло своимъ розовымъ пальчикомъ.

Молодой человѣкъ повиновался.

— Кузина, — сказалъ онъ, — я имѣю честь явиться на приглашеніе, которымъ вы удостоили меня.

— А, правда,—отвѣтила она, — благодарю васъ за вашу любезность и особенно за вашу точность, кузенъ!

— Я не могу ничѣмъ достаточно засвидѣтельствовать мое желаніе вамъ повиноваться, кузина: я такъ рѣдко имѣю счастье видѣть васъ.

— Это упрекъ, кузенъ?

— О! нисколько, я не признаю за собой никакого права высказывать вамъ то, что вамъ угодно называть упреками; вы вольны поступать по своему желанію и, главнымъ образомъ, располагать мною по своему усмотрѣнію.

— О! о! дорогой кузенъ, въ этомъ я не поклялась-бы, и еслибы у меня явилась фантазія подвергнуть эту хваленую преданность испытанію, я думаю, что это было-бы къ моему стыду и вы рѣшительно отказали бы мнѣ.

— Вотъ, наконецъ,—сказалъ себѣ молодой человѣкъ, и громко прибавилъ:—мое искреннѣйшее желаніе угождать вамъ во всемъ, кузина, даю вамъ слово джентельмена въ этомъ, и чего бы вы не потребовали отъ меня, я вамъ буду повиноваться.

— У меня большое желаніе, донъ Людовикъ, поймать васъ на словѣ!—отвѣтила она, наклоняясь къ нему съ очаровательной улыбкой.

— Говорите, кузина, и вы увидите по быстротѣ, съ какой я буду вамъ повиноваться, что я самый преданный вашъ рабъ.

Молодая дѣвушка подумала мгновеніе, потомъ отодвинула полисандровый насѣстъ съ сидѣвшимъ на немъ попугаемъ съ которымъ она только что играла и соскочивъ съ гамака, сѣла на стулъ недалеко отъ графа.

— Кузенъ, — сказала она, — я хочу попросить у васъ услуги!

— У меня, кузина? Наконецъ-то я вамъ пригожусь на что нибудь!

— Эта услуга, — продолжала она, — не имѣетъ, сама по себѣ, большаго значенія.

— Тѣмъ хуже!

— Но я боюсь, что это будетъ скучно!

— Что значитъ, кузина, скука, которую я могу испытать, если я вамъ угожу!

— Благодарю васъ, кузенъ; вотъ въ чемъ дѣло! — мнѣ надо сегодня, черезъ нѣсколько минутъ, ѣхать довольно далеко; по причинамъ, которыя вы скоро поймете, я не могу и не хочу, чтобы меня спровождалъ кто либо изъ господъ или слугъ этой гасіенды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ теперь дороги не совсѣмъ безопасны и я не рѣшаюсь одна ѣхать по нимъ, мнѣ нуженъ для покровительства или защиты, въ случаѣ надобности, человѣкъ, присутствіе котораго, рядомъ со мною, охранило бы меня отъ всякаго покушенія: я остановила свой выборъ для моей экскурсіи на васъ! Согласны вы на это, кузенъ?

— Я счастливъ, кузина, и долженъ сдѣлать вамъ только замѣчаніе, что я иностранецъ здѣсь и боюсь заблудиться по дорогамъ, которыхъ не знаю.

— Не безпокойтесь объ этомъ, кузенъ, я „дочь страны“, и на пятьдесятъ лье кругомъ могу ѣхать безъ риска не только погибнуть, но даже заблудиться.

— Если такъ, кузина, то все къ лучшему; благодарю васъ за честь, которою вы удостоили меня, и отдаюсь всецѣло въ ваше распоряженіе!

— Это я должна благодарить васъ, кузенъ, за вашу крайнюю любезность; лошади осѣдланы, вы очаровательно носите мексиканскій костюмъ. Ступайте надѣть шпоры, скажите своему лакею, что онъ долженъ сопровождать васъ, вооружитесь, это важно, потому что неизвѣстно, что можетъ произойти и возвращайтесь черезъ десять минутъ: я буду готова ѣхать.

Графъ поднялся, поклонился молодой дѣвушкѣ, которая отвѣтила ему граціозной улыбкой, и вышелъ.

— Чертъ возьми!—проговорилъ онъ, оставшись одинъ;— это прекрасно и порученіе ея пріятно; я предоставляю себѣ эфектъ сопровождать мою очаровательную кузину просто на любовное свиданіе! Но нѣтъ возможности отказать ей въ чемъ либо; я еще никогда не видѣлъ ее такой прекрасной, какъ сегодня. Клянусь душою, это очаровательная плутовка и если я не остерегусь, то могу кончить тѣмъ, что влюблюсь, если этого уже нѣтъ, — добавилъ онъ съ подавленнымъ вздохомъ.

Онъ вернулся къ себѣ, приказалъ Рембо готовиться сопровождать его, что этотъ достойный слуга исполнилъ съ отличающими его пунктуальностью и молчаливостью. Графъ, прикрѣпивъ къ своимъ пяткамъ тяжелыя серебряныя шпоры, набросивъ на плечи серапе, выбралъ двухствольное ружье, прямую саблю, пару шестиствольныхъ револьверовъ и вооруженный такимъ образомъ вышелъ во дворъ. Рембо, по его примѣру, надѣлъ на себя цѣлый арсеналъ.

Такимъ образомъ двое мужщинъ, въ случаѣ надобности, могли безъ преувеличенія оказать сопротивленіе пятнадцати бандитамъ.

Донья Долоресъ ожидала уже въ сѣдлѣ прибытія графа; она разговаривала со свомъ отцомъ.

Донъ Андресъ де ля Круцъ весело потиралъ руки; доброе согласіе молодыхъ людей приводило его въ восторгъ.

— Такъ вы отправляетесь на прогулку? — сказалъ онъ графу,—желаю вамъ много удовольствія!

— Сеньорита удостоила меня предложеніемъ сопровождать ее!—отвѣтилъ Людовикъ.

— Она прекрасно сдѣлала, ея выборъ не могъ быть лучше.

Обмѣниваясь этими словами со своимъ будущимъ тестемъ, графъ поклонился доньѣ Долоресъ и сѣлъ на лошадь.

— Добраго пути!—продолжалъ донъ Андресъ,—а главное,

берегитесь дурныхъ встрѣчъ; квадрильи Хуареца бродятъ въ окрестностяхъ, какъ я слышалъ.

— Не безпокойтесь, отецъ, — отвѣтила донья Долоресъ; кромѣ того,—добавила она, съ очаровательной улыбкой по адресу графа,—подъ конвоемъ моего кузена, я ничего не боюсь.

— Поѣзжайте тогда и возвращайтесь пораньше!

— Мы вернемся скоро, отецъ!

Донъ Андресъ сдѣлалъ послѣднiй прощальный жестъ,—и они оставили гасiенду.

Графъ и молодая дѣвушка ѣхали рядомъ. Рембо, какъ дисциплинированный слуга, слѣдовалъ въ нѣсколькихъ шагахъ позади.

— Вы знаете, что это я васъ провожаю, кузенъ! — сказала молодая дѣвушка, когда они выѣхали на извѣстномъ разстоянiи на равнину.

— Я не могъ бы желать лучшаго проводника!—любезно отвѣтилъ Людовикъ.

— Ну, кузенъ,—замѣтила она, бросая на него взоръ, я хочу нѣчто довѣрить вамъ!

— Довѣрить мнѣ, кузина?

— Да, я вижу васъ такимъ любезнымъ, что мнѣ стыдно обмануть васъ.

— Вы меня обманули, кузина?—Недостойнымъ образомъ,— смѣясь отвѣтила она; — вы сейчасъ увидите: я веду васъ туда, гдѣ ждутъ насъ.

— Гдѣ васъ ждутъ, вы хотите сказать?

— Нѣтъ, потому что особенно хотятъ видѣть васъ.

— Признаюсь, кузина, что вовсе не понимаю васъ; я никого не знаю въ этой странѣ.

— Вы въ этомъ увѣрены, дорогой кузенъ?—насмѣшливо спросила она.

— Гм! по крайней мѣрѣ, думаю такъ.

— Хорошо, вы уже колеблетесь.

— Вы, кажется, такъ увѣрены въ своихъ словахъ.

— Это такъ и есть; особа, которая васъ ждетъ, не-

только знаетъ васъ, но еще состоитъ въ числѣ вашихъ друзей.

— Ну, это прекрасно; дѣло запутывается все больше; продолжайте, прошу васъ.

— Мнѣ остается прибавить только нѣсколько словъ, кромѣ того черезъ нѣсколько минутъ мы пріѣдемъ, и я не хочу дольше оставлять васъ въ сомнѣніи.

— Это очень любезно, кузина, клянусь вамъ. Смиренно жду, когда вы удостоите меня объясненія.

— Дѣйствительно, надо, такъ какъ ваше сердце имѣетъ такую короткую память; вы, иностранецъ, были заброшены въ неизвѣстную страну; въ этой странѣ, съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали, вы встрѣтили только одного человѣка, который выказалъ вамъ нѣкоторую симпатію и этого человѣка вы уже совершенно забыли; это, позвольте замѣтить вамъ, дорогой кузенъ, не очень-то говоритъ въ пользу вашего постоянства.

— Обвиняйте меня, кузина, я заслуживаю ваши упреки; вы правы; дѣйствительно, есть въ Мексикѣ человѣкъ, къ которому я чувствую искреннюю дружбу.

— А! а! я не ошиблась?

— Нѣтъ, но я былъ такъ далекъ отъ предположенія, что это тотъ человѣкъ, о которомъ вы говорите, что признаюсь вамъ....

— Что вы не вспоминаете его, неправда-ли?

— Напротивъ, кузина, и мое живѣйшее желаніе — увидѣться съ нимъ.

— А какъ зовете вы эту особу?

— Онъ сказалъ мнѣ, что его имя Оливье, но я не рѣшился-бы утверждать, что это его настоящее имя.

Молодая дѣвушка тонко усмѣхнулась.

— Будетъ нескромностью спросить, почему явилось такое не совсѣмъ благопріятное предположеніе?

— Нисколько, кузина; но сеньоръ Оливье показался мнѣ таинственной личностью; его поведеніе необычно. Не было

*

бы, по моему, ничего необыкновеннаго, если онъ, смотря по обстоятельствамъ....

— Носилъ вымышленное имя, — прервала она; можетъ быть, вы правы, можетъ быть, нѣтъ, я не могла бы на это отвѣтить; все, что я могу сказать это то, что онъ ждетъ васъ.

— Вотъ это странно!—замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Почему же? Безъ сомнѣнія, онъ хочетъ сдѣлать вамъ важное сообщеніе; по крайней мѣрѣ, какъ я поняла.

— Онъ вамъ сказалъ это?

— Не совсѣмъ, но разговаривая сегодня ночью со мной, онъ выразилъ желаніе, какъ можно скорѣе видѣть васъ; вотъ поэтому то, кузенъ, я просила васъ сопровождать меня въ этой прогулкѣ.

Это признаніе было сдѣлано молодой дѣвушкой съ такой наивной небрежностью, что графъ былъ совершенно сбитъ съ толку и съ минуту смотрѣлъ на нее, какъ бы не понимая.

Донья Долоресъ не замѣчала его удивленія. Прикрывъ глаза рукою, она смотрѣла на равнину.

— Ну, — произнесла она черезъ минуту, указывая по извѣстному направленію пальцемъ, — видите вы двоихъ людей, сидящихъ рядомъ въ тѣни группы деревьевъ? Одинъ изъ нихъ донъ Оливеро, который ожидаетъ васъ. Посмѣшимъ!

— Пусть будетъ такъ!—отвѣтилъ Людовикъ, пришпоривая лошадь.

И они поскакали галопомъ къ двумъ людямъ, которые замѣтили всадниковъ и встали, чтобы встрѣтить ихъ.

XI. Въ равнинѣ.

Оливье и Доминикъ, оставивъ ранчо, довольно долго ѣхали бокъ о бокъ, не обмѣниваясь ни словомъ; авантюристъ, казалось, былъ погруженъ въ размышленія; а вакеро,

несмотря на свою наружную безпечность, тоже былъ занятъ своими мыслями.

Доминикъ, или Доминго, смотря по тому, какъ называть его: по французски или по испански, портретъ котораго мы слегка набросали въ одной изъ предыдущихъ главъ, представлялъ по своимъ нравственнымъ свойствамъ странную смѣсь хорошихъ и дурныхъ инстинктовъ. Но мы должны прибавить, что хорошіе инстинкты почти всегда торжествовали. Бродячая жизнь, которую онъ велъ нѣсколько лѣтъ среди неукротимыхъ индѣйцевъ въ преріяхъ развила въ немъ чрезмѣрную физическую силу, невѣроятную силу воли и энергію характера, готоваго на все, смѣшанную со смѣлостью льва и хитростью, которая иногда могла бы показаться двойственностью. Хитрый и недовѣрчивый, какъ команчъ, онъ принесъ въ цивилизованную жизнь всѣ пріемы лѣсного охотника; никогда не попадаясь врасплохъ при непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, съ невозмутимымъ лицомъ подъ самыми проницательными взглядами, онъ притворялся добродушнымъ съ такой наивностью, что самые тонкіе люди бывали обмануты; при этомъ, онъ вообще обладалъ рѣдкой откровенностью, безграничнымъ великодушіемъ, чувствительностью чуткаго сердца и для тѣхъ, кого онъ любилъ, онъ доводилъ свою преданность до крайнихъ предѣловъ, безъ раздумья и задней мысли. Но, напротивъ, съ врагами былъ неумолимъ въ своей ненависти и обладалъ по истинѣ индѣйской жестокостью.

Однимъ словомъ, это была одна изъ тѣхъ странныхъ натуръ, склонныхъ какъ къ добру, такъ и къ злу, и которыхъ случай также легко можетъ сдѣлать замѣчательными людьми, какъ и великими злодѣями.

Оливье глубоко изучилъ необыкновенный характеръ своего воспитанника; онъ, можетъ быть, лучше его самаго зналъ, на что Доминикъ способенъ и часто трепеталъ, раскрывая тайники этого страннаго характера, не знающаго самого себя, противопоставляя свою волю этой неукротимой душѣ и заставляя ее сгибаться по своему. Какъ не-

разумный укротитель, который играетъ съ тигромъ, онъ предвидѣлъ моментъ, когда эта лава, глухо клокотавшая въ сердцѣ молодого человѣка, вдругъ вырвется наружу подъ могучимъ дыханьемъ страстей; и несмотря на полное довѣріе, которое онъ, повидимому, питалъ къ своему другу, онъ съ крайней осторожностью касался нѣкоторыхъ струнъ его сердца и боялся пробудить въ немъ сознаніе его силы и обнаружить передъ нимъ его нравственное могущество.

Проѣхавъ нѣсколько часовъ, путники достигли мѣста, въ разстояніи около трехъ миль отъ гаціенды дель Ареналь, на опушкѣ довольно густого лѣса, окаймлявшаго крайнія плантаціи гаціенды.

— Остановимся здѣсь и поѣдимъ,—сказалъ Оливье, слѣзая съ лошади;—вотъ теперь конецъ нашего пути.

— Не требую ничего лучше—отвѣтилъ Доминикъ;—это чертово солнце съ утра печетъ мнѣ голову и, признаюсь вамъ, начинаетъ утомлять меня, я бы съ удовольствіемъ растянулся на травѣ.

— Не стѣсняйтесь, пріятель, здѣсь отличное мѣсто для отдыха.

Оба устроились, надѣли путы на лошадей и разнуздали ихъ, чтобы тѣ паслись на волѣ, а самъ сѣвъ другъ противъ друга подъ защитою густой листвы, открыли свои альфорхасы, наполненные припасами, и съ аппетитомъ принялись за ѣду.

Ни тотъ, ни другой не былъ охотникомъ говорить; они молча обѣдали, только, когда Оливье закурилъ свою сигару, а Доминикъ свою индѣйскую трубку, первый обратился со словами къ другому.

— Ну, Доминикъ,—сказалъ онъ,—что думаете вы о той жизни, которую я заставляю васъ вести уже нѣсколько мѣсяцевъ въ этой провинціи?

— По правдѣ сказать,— отвѣтилъ вакеро, выпуская густое облако дыма, — я нахожу ее глупой и скучной, какъ только возможно; уже давно попросилъ-бы я васъ отправить

меня на западъ, въ прерiи, если-бы только не былъ убѣжденъ, что нуженъ вамъ здѣсь.

Оливье засмѣялся.

— Вы истинный другъ, — сказалъ онъ, протягивая ему руку, — всегда готовый дѣйствовать безъ замѣчанiй и комментарiй.

— Льщу себя этимъ: развѣ дружба не состоитъ изъ отреченiя и преданности.?

— Да, и вотъ почему ее такъ рѣдко можно встрѣтить среди людей.

— Я жалѣю тѣхъ, которые неспособны испытывать это чувство, они лишены большой радости: дружба единственная связь между людьми.

— Многiе думаютъ, что это эгоизмъ.

— Эгоизмъ—это частность общаго вида, это дружба, дурно понятая и низведенная до безконечно низкой степени.

— Чертъ! я не считалъ васъ такимъ сильнымъ въ парадоксахъ. Это среди индѣйцевъ вы выучились?

— Индѣйцы—мудрые люди, мой учитель,—отвѣтилъ вакеро, качая головой;—для нихъ правда есть правда и ложь есть ложь, въ то время, какъ въ вашихъ городахъ вы такъ хорошо успѣли все перепутать, что самый тонкiй не съумѣетъ разобраться, а простой человѣкъ скоро потеряетъ понятiе о справедливости и несправедливости. Позвольте вернуться мнѣ въ прерiи, мой другъ, мое мѣсто не среди мексиканскихъ войнъ, которыя обагряютъ кровью эту страну и наполняютъ мое сердце отвращенiемъ и состраданiемъ.

— Я хотѣлъ-бы вернуть вамъ свободу, мой другъ, но повторяю вамъ, что вы нужны мнѣ, можетъ быть, еще мѣсяца на три.

— Три мѣсяца, это долго!

— Можетъ быть, вы найдете это время слишкомъ короткимъ!—сказалъ онъ съ необъяснимымъ выраженiемъ.

— Не думаю этого.

— Посмотримъ, но я не сказалъ еще, чего я жду отъ васъ.

— Это правда, нужно, чтобы я зналъ это для исполненія вашихъ намѣреній.

— Слушайте-же, я буду тѣмъ болѣе кратокъ, что когда пріѣдутъ люди, которыхъ я жду, я дамъ вамъ самыя подробныя инструкціи.

— Хорошо, говорите, я васъ слушаю.

— Двое лицъ должны присоединиться къ намъ здѣсь молодой человѣкъ и молодая дама. Дама называется донья Долоресъ де-ля-Круцъ, она дочь владѣльца гасіенды дель Ареналь; ей шестнадцать лѣтъ, она очень хороша; это ребенокъ кроткій, чистый и наивный.

— Отлично, это меня мало касается, вы знаете, что я не очень думаю о женщинахъ.

— Правда, я не настаиваю; донья Долоресъ обручена съ дономъ Людовикомъ, за котораго она непремѣнно должна выйти замужъ.

— Всего ей хорошаго, а кто этотъ донъ Людовикъ? Какой нибудь мексиканецъ, какъ я думаю, щеголь, глупый, напыщенный, который чванится, какъ китайскій мулъ.

— Въ этомъ вы ошибаетесь; донъ Людовикъ де ля Солэ принадлежитъ къ высшей аристократіи Франціи.

— А! А! дѣло идетъ о французѣ?

— Да; онъ недавно пріѣхалъ изъ Европы, чтобы заключить союзъ съ кузиной, союзъ давно рѣшенный между двумя семьями; графъ Людовикъ де ля Солэ очаровательный кавалеръ, богатый, добрый, любезный, образованный, услужливый; короче, отличный товарищъ; я питаю къ нему живѣйшій интересъ и желаю, чтобы вы сблизились съ нимъ.

— Если онъ таковъ, какъ вы говорите, мой другъ будьте спокойны: черезъ два дня мы будемъ лучшими друзьями въ мірѣ.

— Благодарю, Доминикъ, я ничего иного не ждалъ отъ васъ.

— Э!—произнесъ вакеро,—посмотрите-ка, Оливье, кто-то ѣдетъ къ намъ, кажется; чертъ, они хорошо ѣдутъ и черезъ десять минутъ будутъ здѣсь!

— Это—донья Долоресъ и графъ Людовикъ.

Они поднялись, чтобы принять молодыхъ людей, которые, въ самомъ дѣлѣ, прискакали во весь опоръ.

— Вотъ и мы!—сказала молодая дѣвушка, сразу осаживая лошадь, съ ловкостью опытнаго наѣздника.

Однимъ прыжкомъ новоприбывшіе были на землѣ. Поклонившись вакеро, Людовикъ протянулъ обѣ руки авантюристу.

— Я снова вижу васъ, мой другъ,—сказалъ онъ,—благодарю, что вы вспомнили обо мнѣ.

— А вы думаете, что я забылъ васъ?

— Ей Богу, — весело сказалъ молодой человѣкъ, — я имѣлъ бы почти на это право.

— Графъ, — сказалъ тогда авантюристъ,—прежде всего позвольте мнѣ представить вамъ г. Доминика, это болѣе, чѣмъ я, это—другой я, я былъ бы счастливъ, чтобы вы благоволили перенести на него часть дружбы, которою вы удостоиваете меня.

— Милостивый государь,—отвѣтилъ графъ изящно кланяясь съ вакеро,—я искренно жалѣю, что такъ дурно выражаюсь по испански и не могу поэтому выразить живѣйшее желаніе, которое я испытываю, увидѣть, что вы раздѣляете ту симпатію, какую отнынѣ вы внушаете мнѣ.

— Это все равно, м. г.,—отвѣтилъ по французки вакеро,—я достаточно бѣгло говорю на вашемъ языкѣ, чтобы поблагодарить васъ за ваши сердечныя слова, за которыя я вамъ очень признателенъ.

— А! вы приводите меня въ восторгъ, это прелестный сюрпризъ; соблаговолите, прошу васъ, пожать мою руку и считать меня вполнѣ въ своемъ распоряженіи.

— Отъ чистаго сердца, м. г., и благодарю, скоро мы узнаемъ другъ друга больше и тогда, я надѣюсь, вы будете считать меня въ числѣ своихъ друзей.

Съ этими словами, молодые люди горячо пожали другъ другу руки.

— Довольны вы, мой другъ?—спросила донья Долоресъ.

— Вы фея, дорогое дитя, — отвѣтилъ съ волненіемъ Оливье, — вы не можете вообразить, какъ вы осчастливили меня!

И онъ напечатлѣлъ почтительный поцѣлуй на чистомъ лбу молодой дѣвушкѣ, которая склонилась передъ нимъ.

— Теперь, — сказалъ онъ, перемѣняя тонъ, — займемся нашимъ дѣломъ, время не терпитъ, но намъ не хватаетъ еще кого-то.

— Кого-же?—спросила молодая дѣвушка.

— Лео Карраля, позвольте мнѣ позвать его,—и, поднеся къ своимъ губамъ серебряный свистокъ, онъ извлекъ изъ него продолжительный и рѣзкій звукъ.

Почти тотчасъ въ отдаленіи послышался топотъ лошади, быстро приближающійся,—и майордомъ не замедлилъ появиться.

— Идите, идите, Лео!—крикнулъ ему авантюристъ.

— Здѣсь, сеньоръ,—отвѣтилъ майордомъ, — весь къ вашимъ услугамъ.

— Слушайте меня,—началъ Оливье, обращаясь къ доньѣ Долоресъ,—дѣло серьезно, я принужденъ уѣхать сегодня-же; мое отсутствіе можетъ продлиться долго, мнѣ невозможно оберегать васъ. Къ несчастью, я имѣю предчувствіе, что вамъ грозитъ большая опасность. Какого рода эта опасность? Когда она разразится надъ вами? Вотъ чего я не могъ-бы опредѣлить. Только она существуетъ: дорогая моя Долоресъ, что не могу сдѣлать я,—сдѣлаютъ другіе; эти другіе—графъ, Доминикъ и нашъ другъ Лео Карраль, всѣ трое вамъ преданы и будутъ беречь васъ, какъ братья.

— Но, мой другъ, — прервала молодая дѣвушка, — вы забыли, мнѣ кажется, моего отца и брата.

— Нѣтъ, мое дитя, я не забываю ихъ, напротивъ, помню о нихъ; вашъ отецъ—старикъ, который не только не можетъ оказать защиты, но самъ нуждается въ ней; этотъ печальный случай вамъ представится; что касается вашего брата, дона Мельхіора, — вы знаете мое мнѣніе о немъ, безполезно говорить объ этомъ; онъ не сможетъ, или не

захочетъ защищать васъ. Вы знаете, что я обыкновенно хорошо освѣдомленъ и рѣдко ошибаюсь; помните всѣ: больше всего остерегайтесь или словомъ, или поступкомъ обнаружить передъ дономъ Мельхіоромъ или кѣмъ либо изъ обитателей гасіенды, что вы предвидите несчастіе; только бодрствуйте тщательно, чтобы не быть захваченными въ расплохъ, и, слѣдовательно, примите мѣры предосторожности.

— Мы будемъ насторожѣ, положитесь на меня,--отвѣтилъ вакеро;—но я хочу сдѣлать вамъ замѣчаніе, довольно, какъ мнѣ кажется, вѣрное.

— Какое?

— Какъ пріѣду я въ гасіенду и поселюсь тамъ, не возбуждая подозрѣній? Это мнѣ кажется довольно трудно.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь; никто, исключая Лео Карраля, не знаетъ васъ въ Ареналѣ, не правда-ли?

— Дѣйствительно.

— Ну, вы пріѣдете туда, какъ французъ, другъ графа де-ля-Солэ, и для большей безопасности вы притворитесь, что ни слова не знаете по испански.

— Позвольте, — замѣтилъ Людовикъ; я нѣсколько разъ говорилъ дону Андресу объ одномъ интимномъ другѣ атташе при французскомъ посольствѣ въ Мексикѣ, который съ минуты на минуту долженъ пріѣхать въ гасіенду повидать меня.

— Отлично, Доминикъ прослыветъ за него и если онъ хочетъ, то будетъ бормотать по испански. Какъ имя друга, котораго вы ждете?

— Шарль де-Меріадекъ.

— Отлично, Доминикъ назовется Шарлемъ де-Меріадекъ; пока онъ будетъ въ гасіендѣ, я приму мѣры, чтобы тотъ, чье имя онъ беретъ, не потревожило его.

— Гмъ, это важно!

— Не бойтесь ничего, я все это устрою; итакъ рѣшено, завтра утромъ г. Шарль де-Меріадекъ пріѣдетъ въ гасіенду.

— Онъ будетъ тамъ хорошо принять, — отвѣтилъ улыбаясь Людовикъ.

— Что касается васъ, Лео Карраль, мнѣ нечего совѣтовать вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я давно уже принялъ мѣры,—отвѣтилъ майордомъ,—мнѣ надо только сговориться съ этими господами.

— Все идетъ хорошо, теперь разстанемся; я долженъ быть уже далеко.

— Вы уже оставляете насъ, мой другъ?—съ волненіемъ сказала донья Долоресъ.

— Это нужно, мое дитя, мужайтесь, надѣйтесь на Бога! Во время моего отсутствія Онъ будетъ охранять васъ. Ну, прощайте!

Авантюристъ въ послѣдній разъ пожалъ руку графа, поцѣловалъ въ лобъ молодую дѣвушку и вскочилъ въ сѣдло.

— До скораго свиданія!—крикнула ему донья Долоресъ.

— Завтра вы увидите вашего друга Меріадека!—сказалъ Доминикъ смѣясь и уѣхалъ галопомъ вслѣдъ за авантюристомъ.

— Вы вмѣстѣ съ нами вернетесь въ гасіенду?—спросилъ графъ майордома.

— Почему же нѣтъ?—отвѣтилъ тотъ,—подумаютъ, что мы встрѣтились во время прогулки.

— Вѣрно.

— Они сѣли на лошадей и крупною рысью направились по дорогѣ въ гасіенду, куда они пріѣхали не задолго до заката солнца.

XII. Немножко политики.

Были послѣдніе мѣсяцы 18 . . . года. Политическія событія смѣнялись съ такою быстротою, что самые непросвѣщенные умы уже понимали, что близится страшная катастрофа.

На югѣ войска генерала Гуитьерса одержали большую побѣду надъ конституціонной арміей подъ начальствомъ генерала дона Діего Альвареса, (того самого, который въ другую эпоху былъ предсѣдателемъ военнаго совѣта въ Гуэмасѣ, осудившаго на смерть нашего несчастнаго соотечественника и друга графа Гастона де-Раусcе-Бульбонъ).

Рѣзня индѣйцевъ Pintos была велика: тысяча двѣсти остались на полѣ сраженія. Артиллерія, большой обозъ стали добычей побѣдителей.

Но въ тоже время, внутри страны, происходили другія событія; первое, было бѣгство Сулаога, этого президента, который, отрекшись отъ власти въ пользу Миромана, потребовалъ ее назадъ, не зная зачѣмъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись и въ ту минуту, когда этого меньше всего ожидали.

Генералъ Мирамонъ тогда честно предложилъ предсѣдателю высшаго судилища принять исполнительную власть и созвать палату нотаблей, чтобы избрать главу республики.

Во время этихъ событій новая катастрофа стала угрожать положенію новыми опасностями.

Мирамонъ, которому постоянные тріумфы внушили, можетъ быть, безразсудную увѣренность, или же побуждаемый желаніемъ такъ или иначе покончить, принялъ у Силао сраженіе съ силами, въ четверо превосходящими его. Онъ потерпѣлъ окончательное пораженіе, потерялъ свою артиллерію и едва не погибъ самъ; только благодаря чудесамъ смѣлости, которые онъ оказывалъ, прорубая себѣ путь среди окружающихъ его враговъ, онъ успѣлъ вырваться изъ свалки и спасся въ Кверетаро, куда прискакалъ почти одинъ.

Вслѣдъ за этимъ, не покоряясь своей несчастной судьбѣ, генералъ Мирамонъ вернулся въ Мексику, жители котораго узнали такимъ образомъ одновременно объ его пораженіи, пріѣздѣ и намѣреніи подчиниться новому избранію.

Результатъ не обманулъ тайныхъ ожиданій генерала.

онъ былъ избранъ президентомъ палатою нотаблей, почти единогласно *).

Генералъ, какъ человѣкъ, который понимаетъ, что время не терпитъ, принесъ присягу и немедленно вступилъ въ свои обязанности.

Хотя матеріально пораженіе при Силао было ничтожно, но съ точки зрѣнія нравственной, впечатлѣніе его было огромно.

Мирамонъ это понялъ и дѣятельно занялся приведеніемъ въ порядокъ финансовъ, чтобы образовать нужныя рессурсы, достаточные хотя бы для насущныхъ потребностей положенія, образовывалъ новыя войска и принималъ всѣ предосторожности, которыхъ требовало благоразуміе.

Къ несчастью, президентъ былъ принужденъ оставить нѣкоторыя свои силы къ Мексикѣ, и эти различныя движенія, дурно понятыя народомъ, встревожили его и заставили бояться близкихъ несчастій.

При такихъ условіяхъ, президентъ, безъ сомнѣнія, желая дать удовлетвореніе общественному мнѣнію и водворить нѣкоторое спокойствіе въ столицѣ, согласился или сдѣлалъ видъ, что согласился вступить со своимъ соперникомъ Хуаресомъ, правительство котораго находилось въ Вера-Круцъ, въ переговоры, если не о мирѣ, то хоть о перемиріи, которое временно пріостановило-бы кровопролитіе.

Къ несчастью, новое осложненіе сдѣлало невозможнымъ всякую надежду на благополучное окончаніе.

Генералъ Маркезъ былъ посланъ на помощь Гвадалахарѣ, которая съ успѣхомъ продолжала сопротивляться федеральнымъ войскамъ, но вдругъ, совершенно неожиданно, вслѣдствіе ограбленія союзниками денежной почты, принадлежащей англійскимъ купцамъ, было заключено перемиріе, которому были не чужды украденныя деньги, между враждебными

---

*) Палата нотаблей состоитъ изъ 28 членовъ, 23 были на лицо, большинство въ пользу Мирамона было —19 голосовъ противъ одного, при трехъ чистыхъ билетахъ. *Г. Э.*

арміями, и генералъ Кастильо, комендантъ Гвадалахары, оставленный большею частью своихъ войскъ, принужденъ былъ уѣхать изъ города и скрыться. Федеральныя войска соединились противъ Маркеза, разбили его и уничтожили его единственный корпусъ.

Положеніе становилось все болѣе и болѣе критическимъ, федеральныя войска, не встрѣчая ни препятствія, ни сопротивленія въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, вставали со всѣхъ сторонъ; всякая надежда на переговоры погибла. Оставалось сражаться.

Паденіе Мирамона становилось, такъ сказать, лишь вопросомъ времени; въ глубинѣ души, генералъ, конечно, отлично понималъ это, но не показывалъ вида и, напротивъ, удваивалъ пылъ и бдительность, чтобы противостоять все возростающимъ трудностямъ положенія.

Сдѣлавъ воззваніе ко всѣмъ классамъ общества, президентъ рѣшился, наконецъ, обратиться къ духовенству, которому онъ всегда оказывалъ поддержку и покровительство. Духовенство откликнулось, дало десятину своихъ имуществъ и рѣшило переплавить въ монету серебро и золото своихъ драгоцѣнностей и предоставить въ распоряженіе исполнительной власти. Къ несчастью, всѣ эти усилія были безплодны; расходы увеличивались пропорціонально все возрастающимъ опасностямъ,—и скоро Мирамонъ, тщетно испробовавъ всѣ средства, какихъ требовало его критическое положеніе, очутился передъ пустой кассой, съ печальной увѣренностью, что безполезно думать о томъ, какъ наполнить ее.

Мы уже имѣли случай объяснить, какъ каждый штатъ Мексиканскаго союза оставался обладателемъ, во время революціи, общественныхъ денегъ, между тѣмъ, какъ правительство, засѣдающее въ Мексико, находилось почти въ полной нищетѣ, потому что могло располагать лишь фондами штата Мексико; соперники же его, напротивъ, безпрестанно грабя, не только останавливали почты и присвоивали часто значительныя цѣнности, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, но еще грабили кассы всѣхъ штатовъ, куда они про-

никали, отбирали, безъ стѣсненія, деньги и всегда были въ состояніи, такимъ образомъ, выгодно поддерживать войну.

Теперь, кратко очертивъ политическое положеніе, въ которомъ находилась Мексика, мы будемъ продолжать нашъ разсказъ съ первыхъ чиселъ ноября 186... г., т. е. приблизительно черезъ шесть недѣль послѣ того времени, на которомъ мы остановили нашу повѣсть.

Наступалъ вечеръ; тѣнь покрывала уже долину; косые лучи солнца, покинувъ долину, покоились еще на снѣжныхъ вершинахъ горъ Анагуа, окрашивая ихъ пурпуромъ; вѣтерокъ шелестилъ листвой деревьевъ. Вакеро, сидя на лошадяхъ такихъ же дикихъ, какъ они сами, гнали черезъ равнину большія стада, которыя цѣлый день гуляютъ на волѣ, а вечеромъ возвращаются въ корраль. Вдали слышались погремушки муловъ, запоздалыхъ погонщиковъ, которые торопились выѣхать на великолѣпное шоссе, ведущее въ Мексико, окаймленное огромными алое, современными Монтезумѣ.

Путникъ высокаго роста, на сильной лошади, до глазъ закутанный плащемъ, тихо ѣхалъ по извилистой, узкой тропинкѣ, которая, пересѣкая поле, соединялась въ двухъ лье отъ города съ большой дорогой изъ Мексико въ Пуэблу. Дорога эта была совершенно пустынна, не только по причинѣ наступающей ночи, но еще потому, что анархія, охватившая страну, наводнила всѣ дороги бандитами, которые, пользуясь обстоятельствами, вели войну по своему, не дѣлая различія между конституціонистами и либералами, и ободренные безнаказанностью, не довольствовались большими дорогами и доходили до городовъ.

Но путникъ, о которомъ мы говоримъ, очень мало, повидимому, былъ занятъ опасностью, которой подвергался и беззаботно продолжалъ свою смѣлую прогулку.

Онъ ѣхалъ такъ около трехъ четвертей часа и въ виду тихой ѣзды отъѣхалъ отъ города не болѣе лье, когда, поднявъ голову, замѣтилъ, что достигъ мѣста, гдѣ тропинка расходится вправо и влѣво; онъ остановился съ за-

мѣтнымъ колебаніемъ и, подумавъ мгновеніе, выбралъ тропинку направо.

Проѣхавъ около десяти минутъ въ этомъ направленіи, всадникъ, казалось, узналъ мѣсто и слегка пришпоривъ коня, поѣхалъ крупной рысью.

Скоро онъ достигъ груды черноватыхъ развалинъ, безпорядочно разбросанныхъ по землѣ; здѣсь же возвышалась группа деревьевъ, широкія вѣтви которыхъ далеко отбрасывали тѣнь на окружающую землю. Доѣхавъ, всадникъ остановился, бросилъ кругомъ испытующій взоръ, чтобы убѣдиться въ своемъ одиночествѣ, потомъ спѣшился, удобно усѣлся на дернѣ, прислонился къ стволу дерева, уронилъ свой плащъ, открылъ лицо и показалъ блѣдныя и исхудалыя черты раненаго, котораго мы видѣли въ ранчо, привезеннаго вакеро Доминикомъ.

Донъ Антоніо де Казербаръ, такъ онъ называлъ себя, представлялъ только тѣнь самого себя, и то—печальную тѣнь. Вся жизнь его сосредоточилась, казалось, въ его глазахъ, которые горѣли роковымъ огнемъ, какъ глаза гіены; но въ этомъ тѣлѣ, повидимому, такомъ слабомъ, чувствовалась пламенная душа, энергическая воля и этотъ человѣкъ, вышедшій побѣдителемъ изъ отчаянной борьбы со смертью, преслѣдовалъ съ непоколебимымъ упорствомъ выполненіе своихъ мрачныхъ замысловъ.

Едва излечившись отъ ужасной раны, еще очень слабый и перенося съ величайшей трудностью усталость длиннаго путешествія верхомъ, онъ заставилъ молчать свои страданья, чтобы пріѣхать сюда при наступленіи ночи, въ трехъ лье отъ Мексико, на свиданіе, которое онъ самъ потребовалъ. Причины такого поведенія, особенно при его слабости, должны были имѣть для него величайшую важность.

Прошло нѣсколько минутъ, въ продолженіи которыхъ донъ Антоніо, скрестивъ на груди руки, закрылъ глаза и углубился въ себя, по всей вѣроятности, приготовляясь къ свиданію, которое предстояло ему сейчасъ, имѣть съ особою, для которой онъ пріѣхалъ изъ-далека.

Вдругъ топотъ лошадиныхъ копытъ и бряцанье сабель обнаружили приближенiе довольно значительнаго отряда кавалерiи къ тому мѣсту, гдѣ находился донъ Антонiо. Онъ выпрямился, съ любопытствомъ взглянулъ по направленiю, откуда раздавался шумъ и поднялся, чтобы принять прибывшихъ.

Эти послѣднiе были въ количествѣ пятидесяти человѣкъ; они сдѣлали привалъ въ пятнадцати шагахъ отъ развалинъ, но остались въ сѣдлѣ.

Одинъ изъ нихъ спѣшился, бросилъ поводья и большими шагами приблизился къ дону Антонiо, который, со своей стороны, двинулся ему навстрѣчу.

— Кто вы? — спросилъ тихо донъ Антонiо, когда очутился шагахъ въ пяти или шести отъ незнакомца.

— Тотъ, кого вы ждете, донъ Антонiо, — отвѣтилъ тотъ сейчасъ же,—полковникъ донъ Фелиппе Нери Ирзабалъ, къ вашимъ услугамъ.

— Да, это вы, я узнаю васъ, подойдите.

— Это къ счастью; ну, ну, сеньоръ донъ Антонiо,— отвѣтилъ полковникъ, протягивая ему руку, — какъ ваше здоровье?

— Дурно!—сказалъ донъ Антонiо, отступивъ и не прикасаясь къ рукѣ, протянутой ему гверильеро.

Но послѣднiй не замѣтилъ его движенiя, а если и замѣтилъ, то не придалъ ему никакого значенiя.

— Вы являетесь съ большой свитой! — произнесъ донъ Антонiо.

— Громъ и молнiя! вѣрьте, дорогой сеньоръ, я не хлопочу попасть въ руки разъѣздовъ Мирамона! Чертъ! мой счетъ живо оплатятъ, завладѣвъ мною; но я думаю, что не смотря на удовольствiе, которое мы испытываемъ быть вмѣстѣ все же не дурно немедленно заняться дѣлами, а? Какъ вы полагаете?

— Не желаю ничего лучшаго.

— Генералъ благодаритъ васъ за доставленныя вами свѣдѣнiя, онѣ вѣрны до мелочей; онъ обѣщался возна-

градить васъ по заслугамъ, какъ только представится случай.

Донъ Антоніо сдѣлалъ жестъ отвращенія.

— Есть у васъ бумага?—спросилъ онъ съ нѣкоторою живостью.

— Конечно!—отвѣтилъ полковникъ.

— Такъ, какъ я желалъ?

— Такъ, сеньоръ, будьте спокойны,—началъ полковникъ съ грубымъ смѣхомъ;—гдѣ въ настоящее время честность, если она не будетъ встрѣчаться между людьми нашего сорта? Ваши условія приняты, все подписано Ортега, главнокомандующимъ федеральной арміею и контрасигнировано Хуаресомъ, президентомъ республики; довольны-ли вы?

— Я вамъ отвѣчу, сеньоръ, когда увижу бумагу.

— Ничего нѣтъ легче, сеньоръ, вотъ она!—сказалъ гверильеро, вынимая ее изъ широкаго кармана своего доломана и подавая дону Антоніо.

Послѣдній схватилъ ее съ радостнымъ движеніемъ и распечаталъ лихорадочной рукой.

— Вамъ трудно прочесть ее сейчасъ! —насмѣшливо замѣтилъ полковникъ.

— Вы думаете?—съ ироніей отвѣтилъ донъ Антоніо.

— Чертъ возьми! довольно темно, мнѣ кажется.

— Это ничего не значитъ, у меня скоро будетъ свѣтъ.— И чиркнувъ о камень спичку, онъ зажегъ вынутую имъ изъ кармана маленькую свѣчку.

По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, живѣйшее удовлетвореніе отражалось на его лицѣ; наконецъ, онъ погасилъ свѣчу, сложивъ бумагу, бережно положилъ ее въ портфель и, обращаясь къ полковнику, сказалъ.

— Сеньоръ, поблагодарите генерала Ортего отъ меня, онъ велъ себя по отношенію ко мнѣ, какъ настоящій кабальеро.

Гверильеро поклонился.

— Не премину, сеньоръ,—отвѣтилъ онъ,—особенно, если вы можете что-либо прибавить къ даннымъ свѣдѣніямъ.

— Конечно, у меня онѣ есть и даже очень важныя!

— А, а,—отвѣтилъ гверильеро, весело потирая руки,— посмотримъ ихъ, дорогой сеньоръ!

— Послушайте; Мирамонъ при послѣднемъ издыханіи, ему не хватаетъ денегъ и негдѣ доставать ихъ отнынѣ; войска, почти всѣ вновѣ набранныя, дурно вооружены, еще хуже одѣты, не получаютъ жалованья за два мѣсяца и уже начинаютъ роптать!

— Отлично, бѣдный Мирамонъ, онъ стоитъ невысоко.

— Тѣмъ болѣе не высоко, что духовенство, которое обѣщало помочь ему, абсолютно отказало въ этомъ.

— Но,—иронически замѣтилъ гверильеро,—какъ вы хорошо освѣдомлены, дорогой сеньоръ?

— Развѣ вы не знаете, что я атташе при испанскомъ посольствѣ?

— Вѣрно, въ самомъ дѣлѣ, я забылъ это, извините; что вы еще знаете?

— Ряды приверженцевъ президента рѣдѣютъ все болѣе и болѣе, старые друзья оставляютъ его; чтобы немного поднять общественное мнѣніе, онъ рѣшилъ найти выходъ и аттаковать дивизію генерала Герицiобала.

— Ну, ну, ну, это интересно знать!

— Вы предупреждены теперь.

— Благодарю, мы будемъ на сторожѣ; это все?

— Нѣтъ еще. Доведенный, какъ я вамъ сказалъ, до крайности и желая какимъ-бы то ни было путемъ добыть деньги, Мирамонъ рѣшился ограбить денежную почту Saguna seca, принадлежащую вашей партіи.

— Знаю, — прервалъ полковникъ, потирая руки,— это я устроилъ это предпріятіе; къ несчастью,—прибавилъ онъ со вздохомъ сожалѣнія,—такія удачи рѣдки.

— Мирамонъ рѣшился, — продолжалъ донъ Антоніо, — ограбить деньги конвента, находящіяся теперь въ британскомъ посольствѣ!

— Великолѣпная идея, эти черти еретики взбѣсятся; какой геніальный человѣкъ вдохнулъ ему эту мысль, кото-

рая поссоритъ его съ Англіею: англичане не шутятъ въ денежныхъ дѣлахъ!

— Знаю, такъ-же какъ и то, что эта идея внушена моими заботами.

— Сеньоръ, —величественно произнесъ гверильеро, — вы послужили отечеству! Но эти деньги не велики, должно быть.

— Сумма, довольно круглая.

— А, а! Сколько, напримѣръ?

— 160.000 піастровъ (3.300.000 франковъ).

Гверильеро былъ ослѣпленъ.

— Проклятье! — съ жадностью вскричалъ онъ,—я сдаю ему оружіе, это сильнѣе меня, дѣло Saguna seca не можетъ сравниться съ этимъ; но съ этой суммой, Господи, онъ снова въ состояніи начать войну.

— Слишкомъ поздно теперь, тамъ хорошо устроено, эта сумма будетъ истрачена въ нѣсколько дней, — возразилъ со скверной усмѣшкой донъ Антоніо; положитесь на насъ въ этомъ.

— Дай-то Богъ!

— Вотъ, что касается настоящаго, всѣ мои свѣдѣнія; я считаю ихъ довольно важными.

— Проклятье! — вскричалъ гверильеро, — трудно быть важнѣе!

— Черезъ нѣсколько дней надѣюсь дать вамъ болѣе серьезныя.

— Все здѣсь-же?

— Здѣсь и въ тотъ-же часъ, и при помощи того-же сигнала.

— Рѣшено! а генералъ будетъ очень доволенъ, узнавъ все это.

— Перейдемъ теперь ко второму нашему дѣлу, это касается насъ однихъ; что вы дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ васъ?

— Немного, у меня не хватило средствъ въ то время, чтобы предпринять трудныя розыски, которыя вы поручили мнѣ.

— Однако вознагражденіе—прекрасное.

— Я не скажу этого!—разсѣянно отвѣтилъ гверильеро.

Донъ Антоніо бросилъ на него пронзительный взглядъ.

— Вы сомнѣваетесь въ моемъ словѣ? — высокомѣрно спросилъ онъ.

— У меня принципъ, — никогда ни въ чемъ не сомнѣваться, сеньоръ,—отвѣтилъ полковникъ.—Сумма значительна.

— Это очень пугаетъ меня.

— Что хотите вы сказать? объяснитесь, донъ Филиппе!

— Ей Богу, — вскричалъ тотъ, вдругъ рѣшившись, — я думаю, что это самое лучшее, что я сдѣлаю; слушайте-же меня.

— Я васъ слушаю, говорите!

— Главнымъ образомъ, не сердитесь, дорогой сеньоръ, дѣла — суть дѣла, какого черта, и на нихъ надо смотрѣть прямо.

— Это и мое мнѣніе, продолжайте!

— Итакъ, вы предложили мнѣ 50.000 піастровъ за...

— Знаю за что, дальше!

— Я самъ хочу этого; 50.000 піастровъ — сумма значительная; у меня гарантіею только ваше слово.

— Развѣ этого не довольно?

— Не совсѣмъ; я знаю, что между джентльменами слово стоитъ игры; но когда вопросъ идетъ о дѣлахъ, это не такъ; васъ я считаю богатымъ, даже очень, такъ какъ вы говорите это и предлагаете мнѣ 50.000 піастровъ. Но что докажетъ мнѣ, что когда придетъ минута разсчитаться со мною, вы будете въ состояніи сдѣлать это, не смотря на ваше живѣйшее желаніе?

Этотъ, съ рѣзкой откровенностью поставленный вопросъ привелъ дона Антоніо въ бѣшенство, но къ счастію, онъ сдержалъ себя и сохранилъ свое наружное спокойствіе.

— Ну такъ что-же вамъ угодно?—спросилъ онъ подавленнымъ голосомъ.

— Пока ничего, сеньоръ, — подождемъ окончанія революціи. Но какъ только мы вступимъ въ Мексику, а этого,

надѣюсь, намъ недолго придется ждать, то вы отправитесь со мною къ знакомому мнѣ банкиру—пусть онъ поручится мнѣ за васъ и дѣлу конецъ. Согласны вы на это?

— Что-же,—надо согласиться, но пока, до этого времени?—

— Пока у насъ имѣются болѣе спѣшныя и неотложныя дѣла—нѣсколько дней не составятъ разницы. Теперь переговоры наши, кажется, окончены и вы позволите мнѣ удалиться?

— Разумѣется, вы можете свободно удалиться, сеньоръ!—отвѣтилъ сухо донъ Антоніо.

— Цѣлую ваши руки, сеньоръ — до будущаго пріятнаго свиданія!

— До свиданія!

Донъ Фелиппе отдалъ вѣжливый поклонъ и удалился, затѣмъ подошелъ къ своему отряду, вскочилъ на лошадь и они удалились во весь духъ.

Донъ Антоніо въ размышленіи возвращался по дорогѣ въ Мексику, куда и прибылъ часа черезъ два.

— Ну,—пробормоталъ онъ, останавливаясь передъ своимъ домомъ на улицѣ Такуба, — пусть небо и адъ станутъ мнѣ поперекъ дороги, но я достигну своего!

Что означали эти таинственныя слова, повидимому, выражавшія результатъ его долгихъ размышленій?

XIII. Денежныя средства Конвента.

Первые проблески красноватаго свѣта освѣщали снѣжныя вершины Попокатепетля, послѣднія звѣзды гасли на небѣ и бѣловатый свѣтъ окрашивалъ опаловымъ цвѣтомъ верхушки зданій:—день только что начинался.

Городъ Мексико еще покоился сномъ, царила полная тишина, которая только изрѣдка прерывалась быстрыми шагами индѣйцевъ, спѣшившихъ на рынокъ для продажи привезенныхъ ими изъ окрестностей плодовъ и овощей. Начинали открываться двери нѣкоторыхъ кабачковъ и приготовлялись стойки съ крѣпкими напитками, въ ожиданіи

обыкновенныхъ посѣтителей, подкрѣплявшихся утреннимъ пріемомъ алкоголя передъ ежедневной тяжелой работой.

На колокольнѣ пробило половина пятаго.

Въ это время отъ улицы Такуба выѣхалъ всадникъ, быстро пересѣкъ, главную площадь и остановился у входа во дворецъ президента, охраняемый двумя часовыми.

— Пароль?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Другъ!—отвѣтилъ вновь прибывшій.

— Проѣзжайте, проѣзжайте дальше!

— Нѣтъ,—отвѣтилъ всадникъ—мнѣ надо во дворецъ.

— Во дворецъ еще рано, приходите часа черезъ два.

— Черезъ два часа будетъ слишкомъ поздно — вы меня впустите сейчасъ же.

— Что скажешь ты, Педрино? — обратился насмѣшливо къ своему товарищу одинъ изъ часовыхъ.

— Да, да! — отвѣтилъ съ той же насмѣшкой другой,— я думаю, что это иностранецъ и онъ по ошибкѣ спуталъ дворецъ съ лачугой.

— Довольно вашихъ глупостей, — строго осадилъ ихъ всадникъ, — я и то уже потерялъ въ разговорахъ съ вами время—скорѣе доложите обо мнѣ дежурному офицеру!

Тонъ послѣднихъ словъ произвелъ, повидимому, большое впечатлѣніе на солдатъ. Они посовѣтовались между собою шепотомъ и рѣшились исполнить законное, даже предусмотрѣнное уставомъ, требованіе незнакомца. Въ концѣ концовъ, они постучали въ дверь прикладами ружей.

Минуты черезъ двѣ-три дверь отворилась и на порогѣ показался сержантъ съ виноградной лозой въ лѣвой рукѣ— эмблемой его чина.

Онъ справился у часовыхъ о причинѣ его вызова, вѣжливо поклонившись незнакомцу, попросилъ его немного подождать и вошелъ обратно, не закрывая за собой двери. Но почти тотчасъ же онъ показался снова, а за нимъ слѣдовалъ капитанъ въ полной парадной формѣ.

Всадникъ поздоровался съ офицеромъ и снова возобновилъ свою просьбу.

— Я въ отчаяніи, что долженъ вамъ отказать, сеньоръ— отвѣтилъ послѣдній,—но приказъ ясно говоритъ—не впускать никого во дворецъ до восьми часовъ утра. Пріѣзжайте къ этому времени, тогда и къ впуску васъ не будетъ никакого препятствія.

Онъ поклонился, собираясь удалиться.

— Извините, капитанъ, еще на одно слово! — обратился къ нему всадникъ.

— Я васъ слушаю, сеньоръ.

— Но никто болѣе не долженъ слышать того, что я вамъ скажу.

— Это очень легко исполнить, — отвѣтилъ офицеръ, приближаясь къ незнакомому, говорите—я васъ слушаю.

Всадникъ наклонился и прошепталъ нѣсколько словъ на ухо капитану. Послѣдній выразилъ сильное удивленіе.

— Довольно ли вамъ этого, капитанъ?

— Да, совершенно довольно — отвѣтилъ онъ и, обратившись къ стоящему неподвижно сержанту, сказалъ,—отворите ворота!

— Нѣтъ этого не надо — съ вашего позволенія я слѣзу здѣсь, а солдатъ подержитъ мою лошадь.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сеньоръ!

— Всадникъ слѣзъ съ лошади и передалъ поводья сержанту. Послѣдній взялъ ихъ въ ожиданіи солдата, которому онъ могъ бы передать лошадь.

— Теперь, капитанъ, я попрошу васъ распространить вашу любезность и провести меня къ той особѣ, которая меня ожидаетъ—я къ вашимъ услугамъ.

— Напротивъ, сеньоръ,—я къ вашимъ услугамъ — и въ виду вашего желанія сочту за честь быть вашимъ проводникомъ.

Они вошли во дворецъ, оставивъ за собой изумленныхъ сержанта и часовыхъ.

Вслѣдъ за капитаномъ незнакомецъ прошелъ черезъ большую амфиладу комнатъ, которыя, не смотря на ранній часъ, были переполнены, но необыкновенными посѣтителями,

а разными представителями высшей власти — сенаторами и другими высшими сановниками, которые, повидимому, провели всю ночь во дворцѣ.

Большое волненіе замѣчалось въ этой толпѣ, состоящей изъ военныхъ и высшихъ представителей церкви и торговли.

Всюду оживленно перешептывались — и общее мрачное настроеніе лицъ выражало заботу.

Наконецъ, двое вновь прибывшихъ подошли къ отдѣльной двери, охраняемой двумя часовыми. Передъ дверью расхаживалъ взадъ и впередъ приставъ съ серебряной цѣпью на шеѣ. При видѣ вновь прибывшихъ онъ подошелъ къ нимъ.

— Моя обязанность кончена!—сказалъ капитанъ.

— Мнѣ остается только попрощаться съ вами и поблагодарить за вашу любезность!—отвѣтилъ незнакомецъ.

Они простились,—и капитанъ возвратился къ своему посту.

— Господинъ президентъ теперь никого не принимаетъ. Сегодня ночью было экстренное засѣданіе и его превосходительство отдалъ строгій приказъ—никого къ нему не пускать!—обратился приставъ къ незнакомцу.

— Его Превосходительство для меня сдѣлаетъ исключеніе!—мягко замѣтилъ вновь прибывшій.

— Не думаю, сеньоръ,—приказъ касается всѣхъ и я не рискну преступить его.

Незнакомецъ задумался. Приставъ ожидалъ, повидимому, удивляясь необъяснимой настойчивости незнакомца.

Наконецъ, послѣдній снова обратился къ нему:

— Я понимаю—сказалъ онъ,—что вы не имѣете права нарушать данное вамъ приказаніе, но тѣмъ не менѣе я попрошу васъ оказать мнѣ одну услугу.

— Я съ удовольствіемъ сдѣлаю все, что вамъ угодно, лишь бы это не было противъ правилъ моихъ служебныхъ обязанностей.

— Благодарю. Увѣряю васъ, и вы сами въ этомъ вскорѣ убѣдитесь, что его превосходительство не только не раз-

сердится, но напротивъ, будетъ благодарить васъ, что вы впустили меня къ нему.

— Я уже имѣлъ честь доложить вамъ....

— Позвольте объяснить вамъ мою просьбу, — живо прервалъ незнакомецъ,—а потомъ вы мнѣ скажите: можете ее исполнить или нѣтъ.

— Извольте, я васъ слушаю.

— Я напишу только одно слово на листкѣ бумаги. Вы, молча, положите этотъ листокъ передъ президентомъ. Если онъ прочтетъ и ничего не скажетъ, я удалюсь отсюда тотчасъ-же.

— Дѣйствительно-ли вамъ такъ необходимо видѣть теперь его превосходительство?—спросилъ приставъ.

— Сеньоръ донъ Ливіо,—отвѣчалъ незнакомецъ серьезно,—хотя вы меня не знаете, но я васъ знаю и мнѣ извѣстна ваша преданность генералу Мирамону. Клянусь честью и спасеніемъ моей души, что для него крайне важно видѣться со мною.

— Я вамъ вѣрю, сеньоръ,—отвѣчалъ приставъ,—и если будетъ зависѣть только отъ меня, то васъ примутъ сейчасъ-же. Не угодно ли вамъ написать, вотъ здѣсь на столѣ бумага, чернила и перья.

Незнакомецъ поблагодарилъ его, взялъ перо и написалъ крупными буквами слѣдующее слово:

„Адольфо“ . ˙ .

въ концѣ котораго были поставлены три точки въ видѣ треугольника; затѣмъ, онъ подалъ этотъ листокъ приставу.

— Возьмите! — сказалъ онъ.

Приставъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Какъ, вскричалъ онъ, вы....

— Тише!—сказалъ незнакомецъ, приложивъ палецъ къ губамъ.

— Ну, разумѣется, васъ примутъ!—сказалъ приставъ и исчезъ за дверью.

Почти тотчасъ же дверь отворилась и изъ кабинета раздался звучный голосъ:

— Войдите, войдите!

Незнакомецъ вошелъ.

— Идите же, дорогой мой, донъ Адольфо, — сказалъ президентъ.—Само небо посылаетъ васъ ко мнѣ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу незнакомцу и протянулъ ему руку.

Донъ Адольфо почтительно пожалъ протянутую ему руку и сѣлъ въ кресло около президента.

Въ то время президентъ Мирамонъ, имя котораго раздавалось всюду, считался, и совершенно справедливо, первымъ воиномъ Мексики, точно также какъ и лучшимъ администраторомъ. Онъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, а между тѣмъ сколько благородныхъ поступковъ онъ совершилъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, которыя онъ провелъ у кормила правленія!

Онъ былъ средняго роста и хорошо сложенъ; манеры его были совершенно непринужденныя; походка благородная; лицо, съ тонкими чертами, дышало отвагой и честностью; на широкомъ лбу замѣтны были складки, слѣды упорныхъ думъ. Взглядъ его черныхъ глазъ былъ ясенъ и такъ проницателенъ, что не разъ приводилъ въ смущеніе тѣхъ, на кого они смотрѣли. Блѣдность лица и синева подъ глазами свидѣтельствовали о ночахъ, проведенныхъ безъ сна.

— Наконецъ-то,—радостно вскричалъ онъ,—мой добрый геній возвратился, а съ нимъ вернется и мое улетѣвшее счастье!

Донъ Адольфо печально покачалъ головой.

— Что это значитъ, мой другъ?—спросилъ президентъ.

— Это значитъ, генералъ, что я сомнѣваюсь—не слишкомъ-ли поздно.

— Слишкомъ поздно? Почему? Неужели вы думаете, что я не способенъ дать реваншъ моимъ врагамъ?

— Я считаю васъ способнымъ на все великое и благородное, генералъ, но къ несчастью, васъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ измѣна. Ваши друзья покидаютъ васъ.

— Правда!—сказалъ съ горечью генералъ.—Духовенство

и высшіе классы, которыхъ я всегда защищалъ и поддерживалъ, эгоистично покидаютъ меня и не хотятъ придти мнѣ на помощь, предоставивъ мнѣ дѣйствовать самому. Очень скоро они пожалѣютъ обо мнѣ, если я,—что весьма вѣроятно,—паду по ихъ винѣ.

— Да, генералъ, и въ сегодняшнемъ засѣданіи вы, безъ сомнѣнія, убѣдились относительно намѣреній тѣхъ людей, ради которыхъ вы жертвовали всѣмъ.

— Да, — отвѣчалъ онъ, нахмуривъ брови, — на всѣ мои просьбы и представленія они отвѣчали однимъ и тѣмъ же: мы ничего не можемъ сдѣлать. Это было условлено у нихъ заранѣе.

— Простите за откровенность, генералъ, но ваше положеніе критическое.

— Скажите лучше — виситъ на волоскѣ и вы будете ближе къ истинѣ. Казна наша совершенно истощена и нѣтъ надежды наполнить ее вновь; солдаты, два мѣсяца не получающіе жалованья, ропщутъ и грозятъ разойтись; офицеры, одинъ за другимъ, переходятъ на сторону непріятеля; а самъ непріятель быстро подвигается къ Мексикѣ. Вотъ настоящее положеніе дѣлъ, какъ вы его находите?

— Печальнымъ, очень печальнымъ, генералъ! Извините за вопросъ, что же вы намѣрены дѣлать, чтобы избавиться отъ опасности?

Вмѣсто того, чтобы отвѣтить, президентъ бросилъ на него быстрый взглядъ.

— Однако, прежде чѣмъ продолжать, — сказалъ донъ Адольфо, — позвольте мнѣ, генералъ, дать вамъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

— О, я убѣжденъ, они были очень удачны, — сказалъ генералъ, улыбаясь.

— Надѣюсь, такъ, ваше превосходительство. Прикажете начать?

— Пожалуйста, пожалуйста, другъ мой! Я съ нетерпѣніемъ жажду слышать, что вы сдѣлали для защиты нашего дѣла.

— Позвольте, генералъ, — съ живостью вскричалъ донъ Адольфо, — я просто авантюристъ, и моя преданность касается только васъ лично.

— Хорошо, я васъ понимаю... и такъ вашъ отчетъ?

— Во первыхъ, мнѣ удалось отнять у генерала Деголладо остатки денежнаго транспорта, который они похитили при Лагуна Сека.

— Отлично! Этими самыми деньгами онъ взялъ у меня Гвадалахару. Какая же сумма досталась вамъ въ руки?

— Двѣсти шестьдесятъ тысячъ піастровъ.

— Гм... довольно кругленькая цифра!

— Не правда ли? Потомъ я расправился съ этимъ разбойникомъ Гуеллара, потомъ съ его достойнымъ товарищемъ Карвахалой, и, наконецъ, ихъ другъ Фелиппе Ирзабаль тоже не поладилъ со мною. Не стану упоминать о нѣкоторыхъ сторонникахъ Хуареса, несчастная звѣзда которыхъ заставила ихъ столкнуться со мною.

— Короче говоря, вамъ досталось...

— Девятьсотъ и еще сколько то тысячъ піастровъ. Мнѣ показалось очень удобнымъ стричь гверильеросовъ Хуареса: они дѣйствуютъ довольно безцеремонно и страшно жирѣютъ, ловя рыбу въ мутной водѣ. Я передамъ вамъ милліонъ двѣсти тысячъ піастровъ, которые прибудутъ сюда на мулахъ черезъ часъ. Ими вы можете пополнить опустѣвшую казну.

— Но вѣдь это великолѣпно!

— Я сдѣлалъ, что могъ, генералъ!

— Еслибъ всѣ мои друзья могли сказать тоже самое, я теперь былъ бы богатъ и могъ бы легко продолжать войну. Но къ несчастью, дѣйствительность нисколько не похожа на это. Во всякомъ случаѣ, если эту сумму прибавить къ той, которую мнѣ удалось достать еще съ другой стороны, то у меня составится солидный капиталъ.

— О какой другой суммѣ вы говорите, генералъ? Откуда вы достали деньги?

— Одинъ изъ моихъ друзей, атташе при испанскомъ

посольствѣ, — сказалъ президентъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, — посовѣтовалъ мнѣ прибѣгнуть къ одному средству.

Донъ Адольфо вскочилъ, какъ ужаленный.

— Успокойтесь, мой другъ, — продолжалъ генералъ, — я знаю, что вы ненавидите герцога, а между тѣмъ, со времени своего пріѣзда въ Мексику, онъ оказалъ мнѣ важныя услуги, этого вы, конечно, не будете отрицать.

Авантюристъ сидѣлъ блѣдный и мрачный, ничего не отвѣчая генералу.

— Герцогу удалось, — продолжалъ Мирамонъ, — послѣ пораженія при Силао, когда у меня почти все было потеряно, устроить такъ, что Испанія признала власть за мною. Это было для меня чрезвычайно важно, вы согласны съ этимъ?

— Да, да, я согласенъ съ вами, генералъ. Ахъ, Боже мой, такъ значитъ все это правда, о чемъ я слышалъ?

— Что же вы слышали?

— Что, послѣ отказа духовенства и богатыхъ классовъ придти къ вамъ на помощь, вы, доведенный до послѣдней крайности, рѣшились на ужасный поступокъ.

— Это правда, — сказалъ генералъ, низко опустивъ голову.

— Но, можетъ быть, еще не поздно. Я привезъ вамъ деньги, ваше положеніе измѣнилось къ лучшему, и если вы позволите, я...

— Постойте!—сказалъ генералъ, удерживая его жестомъ.

Въ это время дверь отворилась.

— Я вѣдь приказалъ, чтобы меня не безпокоили!—сказалъ президентъ, обращаясь къ приставу.

— Генералъ Маркезъ, ваше превосходительство!—невозмутимо доложилъ приставъ.

Президентъ вздрогнулъ; легкая краска покрыла его блѣдное лицо.

— Просите!—сказалъ онъ отрывисто.

Вошелъ генералъ Маркезъ.

— Ну, что?—спросилъ президентъ.

— Все исполнено, — отвѣчалъ генералъ, — деньги переданы въ казначейство.

— Какъ же вы все устроили? — спросилъ президентъ съ едва замѣтной дрожью въ голосѣ.

— Я получилъ приказъ вашего превосходительства отправиться съ отрядомъ въ британское консульство съ тѣмъ, чтобы просить англійскаго представителя выдать мнѣ немедленно деньги, предназначенныя для уплаты владѣльцамъ облигацій англійскаго займа. При этомъ, я сказалъ ему, что вашему превосходительству необходимы эти деньги для усиленія средствъ защиты города, что деньги эти будутъ взяты въ долгъ, и что ваше превосходительство даетъ слово вернуть всю сумму сполна; объ уловіяхъ и срокѣ платежа я предоставлялъ ему переговорить лично съ вашимъ превосходительствомъ. Несмотря на всѣ мои убѣжденія, англійскій консулъ отвѣчалъ мнѣ рѣшительнымъ отказомъ, говоря, что деньги не его, что онъ только казначей, который отвѣчаетъ за цѣлость суммы, и поэтому выдать ихъ не имѣетъ права. Послѣ переговоровъ, тянувшихся болѣе часа, и видя, что всѣ мои убѣжденія безполезны, я рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, какъ это было сказано въ данномъ мнѣ приказѣ, а именно: я велѣлъ моимъ солдатамъ сломать печать и открыть сундуки, откуда я досталъ деньги. При этомъ, я заставилъ, при свидѣтеляхъ, пересчитать всѣ деньги, чтобы знать, какую сумму должно возвратить впослѣдствіи. Мы сосчитали милліонъ четыреста тысячъ піастровъ, которые немедленно доставили во дворецъ.

Окончивъ свой разсказъ, генералъ Маркезъ поклонился, какъ человѣкъ, сознающій, что хорошо исполнилъ свой долгъ и заслуживаетъ благодарности.

— А что же сдѣлалъ англійскій представитель? — спросилъ президентъ.

— Онъ протестовалъ, затѣмъ спустилъ флагъ и вмѣстѣ со всѣмъ своимъ персоналомъ оставилъ городъ, причемъ заявилъ, что прерываетъ всѣ сношенія съ правительствомъ вашего превосходительства, такъ какъ онъ сдѣлался жертвою

грабежа,—это его собственныя слова,—то онъ отправляется въ Ялаппу, гдѣ и будетъ ожидать инструкцій британскаго правительства.

— Благодарю васъ, генералъ. Я буду имѣть честь поговорить съ вами подробнѣе объ этомъ дѣлѣ немного попозже.

Генералъ раскланялся и вышелъ.

— Какъ видите, мой другъ,—сказалъ президентъ,—слишкомъ поздно; деньги вернуть нельзя!

— Да, къ несчастью, это непоправимо.

— Что же вы мнѣ посовѣтуете?

— Генералъ, вы на днѣ пропасти. Разрывъ съ Англіею—самое большое несчастье, какое только могло случиться при настоящихъ обстоятельствахъ. Вы должны побѣдить или умереть!

— Побѣда будетъ на моей сторонѣ!—пылко вскричалъ генералъ.

— Помоги вамъ Богъ!—печально сказалъ авантюристъ, вставая.

— Вы уже уходите?—спросилъ президентъ.

— Да, ваше превосходительство. Мнѣ надо доставить сюда деньги, которыя я отнялъ у вашего непріятеля.

Мирамонъ печально опустилъ голову.

— Простите, генералъ, мнѣ не слѣдовало такъ говорить, но горе—плохой совѣтникъ!

— Не надо ли вамъ чего нибудь?

— Я попрошу васъ дать мнѣ одинъ бланкъ.

Президентъ подалъ ему тотчасъ же.

— Возьмите,—сказалъ онъ.—Увижу ли я васъ еще до вашего отъѣзда изъ Мексико?

— Да, генералъ. Позвольте дать вамъ одинъ совѣтъ.

— Пожалуйста!

— Не довѣряйте этому испанскому герцогу: этотъ человѣкъ измѣнитъ вамъ.

Они простились, и авантюристъ удалился.

XIV. Домъ въ предмѣстьѣ.

При выходѣ изъ дворца донъ Адольфо увидалъ свою лошадь. Онъ вскочилъ въ сѣдло и, давъ на чай мелочь державшему лошадь солдату, удалился. Проѣхавъ площадь майоръ онъ свернулъ въ улицу Такуба. Было около девяти часовъ утра; на улицахъ попадались уже въ большомъ количествѣ прохожіе, верховые, экипажи и повозки, которые въ своемъ направленіи перекрещивались во всѣхъ направленіяхъ. Городъ снова проснулся для своей лихорадочной дѣятельности даже и во время своего тревожнаго состоянія, несмотря на тревожныя выраженія лицъ и жаркихъ, но шепотомъ ведущихся разговоровъ изъ опасенія встрѣтить въ случайномъ слушателѣ врага.

Донъ Адольфо, быстро проѣзжая по улицамъ, не упускалъ случая наблюдать за всѣмъ, что около него происходило; это плохо скрытое безпокойство, это все возрастающее возбужденіе населенія не скрылось отъ его вниманія. Онъ очень симпатизировалъ генералу Мирамону; великодушный характеръ послѣдняго, его великія идеи и стремленія а, главнымъ образомъ, его любовь къ отечеству невольно къ нему привлекали. При видѣ всего этого волненія—этого подавленнаго состоянія толпы на улицахъ, этого разочарованія людей въ человѣкѣ, который одинъ-бы только могъ, если-бы встрѣтилъ поддержку, спасти страну отъ власти Хуареса, т. е. отъ анархіи, защищаемой только однимъ остріемъ сабли, Донъ Адольфо ѣхалъ дальше, повидимому, не обращая ни на что вниманія, ни на толпы, ни на перешептываніе отдѣльныхъ группъ, и отдѣльныхъ личностей около лавокъ, кабачковъ и на углахъ улицъ: — всѣ говорили о захватѣ денегъ англійскаго банка генераломъ Маркезъ по приказанію президента республики. Однако, при въѣздѣ въ предмѣстье, населеніе было болѣе спокойно—туда не достигли еще эти свѣдѣнія, а тѣ, которые слышали новость, отнеслись къ ней хладнокровно: вѣроятно это происшествіе казалось имъ самымъ обычнымъ проявленіемъ высшей власти.

Все это — всѣ оттѣнки настроенiе толпы донъ Адольфо легко замѣтилъ. Жители предмѣстья, по большой части, народъ не богатый равнодушно относились къ тѣмъ перемѣнамъ, которыя могли отразиться только на болѣе богатомъ классѣ.

Наконецъ, нашъ всадникъ приблизился къ Гуарита, къ Беленской заставѣ и остановился у уединеннаго дома очень скромной наружности, но не бѣднаго съ вида, съ накрѣпко запертыми воротами.

При звукѣ шаговъ лошади открылась калитка и за нею раздались радостныя восклицанiя. Тотчасъ-же отворились ворота, открывая широкiй проѣздъ. Донъ Адольфо въѣхалъ, пересѣкъ дворъ и достигъ подъѣзда, гдѣ сошелъ съ лошади, привязавъ ее къ придѣланному къ стѣнѣ кольцу.

— Зачѣмъ эти приготовленiя, донъ Хеиме? — раздался прiятный и ласкающiй звукъ женскаго голоса—неужели вы прiѣхали на короткое время и желаете насъ оставить?

— Быть можетъ! сестра — отвѣтилъ донъ Адольфо или донъ Хаиме, не смотря на все желанiе васъ видѣть я могу остаться только самое короткое время!

— Хорошо, но во всякомъ случаѣ, предоставьте вашу лошадь Хозе и она лучше будетъ себя чувствовать въ корралѣ, чѣмъ здѣсь, у подъѣзда.

— Распоряжайтесь, какъ найдете лучше!

— Слышите, Хозе, — отдала она распоряженiе старому служителю,— отведите Морено въ корраль, присмотрите за нимъ и дайте ему двойную дачу люцерны. — Милости просимъ!—сказала она брату, взявъ подъ руку дона Хаиме.

Послѣднiй безпрекословно послѣдовалъ,—и они вошли въ домъ.

Первая комната была столовая, довольно скромная по обстановкѣ, но во всѣхъ мелочахъ проявлялась хозяйская рука и это малое было подобрано и размѣщено со вкусомъ. Столъ былъ накрытъ на троихъ.

— Вы позавтракаете съ нами, братъ мой, не правда-ли?

— Съ удовольствіемъ; но прежде всего, сестра, поцѣлуемся—и сообщите мнѣ новости о моей племянницѣ.

— Ваша племянница будетъ здѣсь сейчасъ; что касается ея кузена, его нѣтъ, вы знаете это?

— Я думалъ, что онъ вернулся.

— Нѣтъ еще; мы даже безпокоимся о немъ, какъ и о васъ! онъ ведетъ довольно таинственный образъ жизни, уѣзжаетъ, не говоря куда, и довольно долго отсутствуетъ; затѣмъ возвращается, не говоря, откуда.

— Терпѣніе, Марія, терпѣніе! развѣ вы не знаете,—отвѣтилъ онъ съ оттѣнкомъ печали въ голосѣ, — что мы работаемъ для васъ и для вашей дочери? Настанетъ день, я надѣюсь, все будетъ ясно.

— Дай Богъ, донъ Хаиме, но мы одиноки и не спокойны въ этомъ домикѣ, страна въ плачевномъ состояніи, дороги полны разбойниками, мы дрожимъ каждую минуту, чтобы вы или донъ Эстебанъ не попали въ руки Гуелляра, Карвахала или Эль-Рахо, этихъ бандитовъ безъ вѣры и закона, о которыхъ мы каждый день слышимъ страшные разсказы.

— Успокойтесь, сестра, Гуелляръ, Карвахалъ и даже Эль-Рахо, не такъ ужасны, какъ представляются вамъ; наконецъ, я прошу у васъ только немного терпѣнія; меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, повторяю вамъ, сестра, тайна разъяснится и правосудіе будетъ совершено.

— Правосудіе!—прошептала со вздохомъ донья Марія,— вернетъ-ли это правосудіе мое потерянное счастье, моего сына?

— Сестра, — отвѣтилъ онъ съ нѣкоторою торжественностью,—зачѣмъ сомнѣваться въ могуществѣ Бога? Надѣйтесь, говорю я вамъ!

— Увы, донъ Хаиме, понимаете-ли вы значеніе этого слова? Знаете-ли вы, что значитъ сказать матери: „надѣйтесь“!

— Марія, развѣ мнѣ надо повторять, что вы и ваша дочь, единственныя узы, привязывающія меня къ жизни, что я посвятилъ вамъ всю мою жизнь, чтобы видѣть васъ счастливыми, отомщенными, возвращенными на то высокое мѣсто,

откуда вы не должны были-бы спускаться, возвратить вамъ всѣ семейныя радости и удовлетворить самолюбіе? Вотъ цѣль, которую я уже много лѣтъ упорно преслѣдую, настойчиво, думаете-ли вы, что видѣли-бы меня такимъ спокойнымъ и рѣшительнымъ, если-бы я не былъ близокъ къ осуществленію этой цѣли? Развѣ вы не знаете меня? Не вѣрите въ меня?

— Такъ, такъ, мой братъ, я вѣрю въ васъ,— вскричала она, обнимая его,—и вотъ отчего я всегда трепещу, даже когда вы говорите мнѣ о надеждѣ: потому-что я знаю, что васъ ничто не остановитъ, что всякое препятствіе на вашемъ пути будетъ уничтожено, всякая опасность встрѣчена лицомъ къ лицу, и я боюсь, что вы падете въ этой борьбѣ, предпринятой ради меня одной.

— И ради чести нашего имени, сестра, не забывайте этого; чтобы вернуть нашему славному гербу его помраченный блескъ. Но оставимъ это; вотъ племянница; изъ всего этого разговора помните только одно слово, которое я вамъ повторяю: надѣйтесь!

— О! благодарю, благодарю, мой братъ!—произнесла она въ послѣдній разъ обнимая его.

Въ эту минуту открылась дверь и показалась молодая дѣвушка.

— А! дядя, мой добрый дядя!—вскричала она, порывисто подбѣгая къ нему и подставляя ему щеки, которыя онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ,—наконецъ-то вы, соблаговолили пожаловать!

— Что съ вами? Карменъ, мое дитя, — нѣжно сказалъ онъ,—ваши глаза красны, вы блѣдны! Вы плакали?

— Это ничего, дядя, безумье нервной и встревоженной женщины, вотъ и все; вы не привезли дона Эстебана?

— Нѣтъ, — легко отвѣтилъ онъ, — Эстебанъ вернется только черезъ нѣсколько дней; но онъ чувствуетъ себя хорошо!—прибавилъ онъ, обмѣнявшись взглядомъ съ доньей Маріей.

— Вы видѣли его?

— Еще-бы! Только два дня тому назадъ, отчасти я самъ

и виноватъ въ запозданіи: это я настоялъ, чтобы онъ еще не возвращался, онъ былъ мнѣ нуженъ. Но отчего мы не завтракаемъ? Я буквально умираю съ голоду! — докончилъ онъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Сейчасъ, мы ждали только Карменъ; разъ она здѣсь, сядемъ за столъ!—отвѣчала хозяйка и ударила въ тимбръ.

Тотъ-же самый старый слуга, который поставилъ въ карраль лошадь дона Хаиме, вошелъ на зовъ.

— Можешь подавать, Хозе!—сказала ему донья Карменъ.

Всѣ усѣлись вокругъ стола и начали завтракать.

Набросаемъ въ нѣсколькихъ словахъ портретъ обѣихъ женщинъ, которыхъ мы вывели на сцену, соотвѣтственно требованіямъ нашего разсказа.

— Первая, донья Марія, сестра дона Хаиме, была еще прекрасна, хотя ея увядшія и утомленныя черты носили слѣды глубокаго горя: видъ ея былъ благороденъ, манеры изящны, улыбка нѣжна и печальна, хотя ей было всего сорокъ два года, волосы ея были совершенно бѣлы; они обрамляли ея блѣдное и прекрасное лицо и представляли странный контрастъ съ ея черными бровями и живыми блестящими глазами, молодыми и выразительными.

Донья Марія была одѣта въ длинное траурное платье, которое придавало ей монашескій и даже аскетическій видъ.

Ея дочь донья Карменъ, которой было не болѣе 22 лѣтъ, была прекрасна и представляла живой портретъ матери. Все въ ней было изящно и нѣжно; ея голосъ обладалъ необыкновенной нѣжностью, чистый лобъ говорилъ о чистотѣ, а черные глаза съ бровями, словно выведенными кистью, и длинными бархатными рѣсницами, имѣли нѣжный и влажный взоръ, полный страннаго очарованія.

Костюмъ ея былъ очань простъ, и состоялъ изъ платья бѣлой кисеи, схваченной въ таліи широкой голубой лентой и мантіи, окаймленной кружевами.

Таковы были эти женщины. Не смотря на видимое равнодушіе, донъ Хаиме, авантюристъ, былъ встревоженъ и озабоченъ; иногда поднявъ вилку, онъ оставался такъ, забы-

вая поднести ее ко рту и, казалось, прислушивался къ чему-то, слышному ему одному; или впадалъ въ задумчивость столь глубокую, что его сестра и племянница были принуждены прикоснуться къ нему, чтобы привести его въ себя.

— Рѣшительно, у васъ есть что-то! — не могла удержаться, чтобы не сказать ему, донья Марія.

— Да,—прибавила молодая дѣвушка,—эта задумчивость неестественна, дядя, она насъ безпокоитъ; что съ вами?

— Со мной, ничего, увѣряю васъ!—отвѣтилъ онъ.

— Дядя, вы что-то скрываете!

— Вы ошибаетесь, Карменъ, я ничего не скрываю отъ васъ, по крайней мѣрѣ, что лично касается меня; но въ настоящее время въ городѣ царитъ такое волненіе, что, откровенно говоря, я боюсь катастрофы.

— Неужели она близка?

— О, я не думаю этого; только, можетъ быть, будетъ шумъ, сборища, почемъ я знаю? Я вамъ серьезно совѣтую, безъ настоятельной необходимости, не выходить сегодня изъ дому.

— О! ни сегодня, ни завтра, братъ,—съ живостью отвѣтила донья Марія,—уже давно мы никуда не выходимъ, исключая, какъ къ обѣднѣ!

— Ни даже къ обѣднѣ—на нѣкоторое время, сестра; я думаю, что неблагоразумно рисковать выходить на улицу.

— Развѣ опасность такъ велика?—тревожно спросила она.

— И да, и нѣтъ, сестра; теперь—кризисъ, когда правительство готово пасть и уступить мѣсто другому; вы понимаете, неправда-ли? что правительство, которое падаетъ сегодня, не въ состояніи оказать покровительство гражданамъ, напротивъ, то, которое замѣститъ его не имѣетъ еще ни власти, ни охоты охранять общественную безопасность. При такихъ условіяхъ самое благоразумное самому заботиться о себѣ.

— Вы, дѣйствительно, напугали меня, братъ!

— Боже мой, дядя, что-же съ нами будетъ?—вскричала

донья Карменъ, въ ужасѣ складывая руки;—эти мексиканцы внушаютъ мнѣ ужасъ: они настоящіе варвары!

— Успокойтесь, они не такъ бурны, какъ вы предполагаете, это вздорныя, сварливыя, дурно воспитанныя дѣти,—вотъ и все; но у нихъ доброе сердце; я знаю ихъ давно и могу поручиться за ихъ добрыя чувства.

— Но вы знаете, дядя, ту ненависть, которую они питаютъ къ испанцамъ.

— Къ несчастью, я долженъ согласиться, что они сторицей воздаютъ намъ зло, которое, какъ они думаютъ, принесли имъ наши отцы, и сердечно ненавидятъ насъ; но неизвѣстно, что я и вы испанцы; васъ считаютъ дѣлами страны,—это гарантируетъ васъ; что касается донъ Эстебана, то онъ слыветъ за Перувіанца, а я, — всѣ убѣждены, французъ. Вы видите, что опасность не такъ велика, какъ вы предполагаете, и что поступая благоразумно теперь, —вамъ нечего бояться; кромѣ того, я не оставлю васъ безъ защитниковъ, не оставлю васъ однѣхъ въ этомъ домѣ со старымъ слугой, когда катастрофа такъ близка; итакъ успокойтесь!

— А вы останетесь съ нами, дядя?

— Остался-бы съ величайшимъ удовольствіемъ, мое дорогое дитя; къ несчастью, не смѣю вамъ обѣщать этого, боюсь, что это для меня невозможно.

— Но, дядя, какія же это столь важныя дѣла?

— Тсс..., любопытная. Дайте мнѣ огня закурить сигару, я не знаю, что сдѣлалъ я съ моимъ mechero.

— Да, — отвѣтила она, подавая ему спичку, — все ваша старая таткита, чтобы перемѣнить разговоръ; ну, дядя, вы ужасный человѣкъ!

Донъ Хаиме засмѣялся, не отвѣчая, и закурилъ сигару.

— Кстати,—сказалъ онъ черезъ минуту,—видѣли-ли вы кого нибудь изъ ранчо?

— Да, около 15 дней, Лоисъ приходилъ со своей женой Терезой и принесъ намъ сыръ.

— Онъ ничего не говорилъ объ Ареналѣ?

— Нѣтъ, все тамъ идетъ, какъ всегда!

— Тѣмъ лучше!

— Онъ только говорилъ о раненомъ.

— А! А! Ну?

— Господи, я не очень-то помню, что онъ сказалъ.

— Подождите, дядя, я вспоминаю; вотъ, буквально: „Сеньорита, когда вы увидите вашего дядю, соблаговолите увѣдомить его, что раненый, котораго онъ помѣстилъ въ подземельи, подъ стражею Лопеца, воспользовался отсутствіемъ этого послѣдняго и убѣжалъ, и что, несмотря на всѣ розыски, найти его было невозможно“.

— Проклятье!—съ бѣшенствомъ вскричалъ донъ Хаиме; зачѣмъ этотъ дуракъ Доминикъ не далъ ему сдохнуть, какъ дикому звѣрю? Я не сомнѣвался, что это такъ кончится!

Но замѣтя удивленіе на лицѣ женщинъ при этихъ странныхъ словахъ, онъ замолчалъ и притворился совершенно равнодушнымъ.

— Это все?—спросилъ онъ.

— Да, дядя, только онъ очень просилъ меня не забыть сообщить вамъ объ этомъ.

— О! это не стоило труда, но все равно, дорогое дитя, благодарю васъ. А теперь,—прибавилъ онъ, поднимаясь изъ за стола,—я долженъ оставить васъ.

— Уже!—вскричали женщины, оставляя свои мѣста.

— Надо! Непредвидѣнныя обстоятельства заставляютъ меня быть въ эту ночь на свиданьи очень далеко отсюда; но я позабочусь, если не смогу вернуться, какъ надѣюсь, чтобы меня замѣстилъ донъ Эстебанъ и вы не останетесь безъ защитника.

— Это не одно и тоже!

— Благодарю васъ! Но прежде чѣмъ разстаться, поговоримъ о дѣлахъ; деньги, которыя я далъ вамъ при послѣднемъ свиданіи должно быть уже израсходованы, неправда-ли?

— О! мы немного тратимъ, братъ, мы, вѣдь, живемъ очень экономно, у насъ есть еще нѣкоторая сумма.

— Тѣмъ лучше, сестра, — пусть лучше всегда будетъ излишекъ, чѣмъ недостатокъ; но такъ какъ я въ настоящее время богатъ, то могу дать вамъ шестьдесятъ унцій, соблаговолите, прошу васъ, избавить меня отъ нихъ.

И порывшись въ карманахъ, онъ вытащилъ красный шелковый кошелекъ, въ которомъ блестѣло золото.

— Но это слишкомъ много, братъ; что мы будемъ дѣлать съ такой огромной суммой?

— Все, что хотите, сестра; это меня не касается, берите!

— Если вы этого требуете.

— А, кстати, можетъ быть, вы найдете сорокъ унцій сверхъ того, что я сказалъ вамъ; пусть онѣ пойдутъ на туалеты вамъ и Карменъ. Я хочу, чтобя она могда нарядиться, если ей это нравится!

— Мой добрый дядя!—вскричала молодая дѣвушка,—я увѣрена, что вы терпите лишенія изъ за насъ.

— Это не касается васъ, сеньорита, я хочу видѣть васъ прекрасной, это мой капризъ; ваша обязанность послушной племянницы—повиноваться мнѣ. безъ возраженій. Ну, поцѣлуйте меня обѣ и позвольте мнѣ уѣхать, я уже слишкомъ запоздалъ.

Женщины послѣдовали за нимъ во дворъ, гдѣ помогли ему осѣдлать Морено, котораго донья Карменъ кормила сахаромъ, лаская, за что благодородное животное было, повидимому, признательно.

Въ ту минуту, когда донъ Хаиме приказалъ старому слугѣ открыть ворота, снаружи послышался быстрый галопъ лошади; потомъ раздались сильные удары въ ворота.

— О! о!—сказалъ донъ Хаиме,—кто пріѣхалъ?—и онъ рѣшительно двинулся къ воротамъ.

— Дядя, братъ!—закричали женщины, пытаясь остановить его.

— Оставьте меня,—сказалъ онъ, жестомъ астанавливая

ихъ,—узнаемъ, кто пріѣхалъ. Кто здѣсь? — крикнулъ онъ.

— Другъ!—послышался отвѣтъ.

— Это голосъ Лоиса,—сказалъ авантюристъ и раскрылъ ворота.

Вошелъ ранчеро.

— Хвала Богу!—воскликнулъ онъ, узнавъ дона Хаиме,— небо устроило мою встрѣчу съ вами!

— Что случилось?—съ живостью спросилъ авантюристъ.

— Большое несчастіе,—отвѣтилъ тотъ, — гасіенда дель Ареналь взята шайкою Гуелляра.

— Демоны!—вскричалъ авантюристъ, блѣднѣя отъ гнѣва.

— Когда это было?

— Три дня тому назадъ.

Авантюристъ увелъ его во внутреннее помѣщеніе дома.

— Хочешь ѣсть или пить?—сказалъ онъ ему.

— Уже три дня, какъ я не ѣлъ и не пилъ, такъ спѣшилъ пріѣхать.

— Отдохни и закуси, потомъ ты разскажешь мнѣ, что произошло.

Женщины поспѣшили поставить передъ ранчеро, хлѣбъ, мясо и вино.

Пока Лоисъ ѣлъ, въ чемъ онъ сильно нуждался, донъ Хаиме въ волненіи ходилъ по комнатѣ. По его знаку, женщины тихо ушли, оставивъ его одного съ ранчеро.

— Ты кончилъ?—спросилъ онъ Ланка, видя, что тотъ не ѣлъ больше.

— Да!—отвѣтилъ онъ.

— Теперь, ты чувствуешь себя въ состояніи разсказать мнѣ, какъ произошла катастрофа.

— Я къ вашимъ услугамъ, сеньоръ!

— Тогда говори, я слушаю!

Ранчеро, осушивъ послѣдній стаканъ вина, чтобы прочистить свой голосъ, началъ разсказъ.

XX. Донъ Мельхіоръ.

Мы предоставляемъ продолжать въ этомъ мѣстѣ нашъ разсказъ ранчеро, который не зналъ много частностей, а только тѣ событія и въ томъ видѣ, какъ ему ихъ передавали. Начнемъ съ того момента, когда Оливье, въ которомъ читатель безъ сомнѣнія узналъ, дона Хаиме, разстался съ доньей Долоресъ и съ графомъ, лье въ двухъ отъ гаціенды Ареналь.

Донна Долоресъ и лица, ее сопровождавшія, достигли гаціенды только передъ заходомъ солнца.

Донъ Андресъ очень безпокоился и встрѣтилъ ихъ съ живѣйшею радостью, издали онъ узналъ Лео Корраля, возвратившагося съ ними, и успокоился.

— Пожалуйста, не отлучайтесь на такое продолжительное время, графъ,—сказалъ онъ Людовику отечески нѣжно. — Я понимаю, что вамъ доставляетъ удовольствіе скакать на лошади въ обществѣ этой вѣтряницы Долоресъ, но вы не знаете этой страны и легко можете заблудиться. Кромѣ того, дороги кишатъ мородерами и сторонниками всевозможныхъ партій, раздирающихъ эту несчастную республику. Они не задумаются пристрѣлить порядочнаго человѣка, какъ какого нибудь бродягу.

— Мнѣ кажется, вы немного преувиличиваете. Мы совершили прелестную прогулку и не встрѣтили по дорогѣ ничего подозрительнаго.

Разговаривая такимъ образомъ, они вошли въ столовую, гдѣ уже былъ поданъ обѣдъ.

По обыкновенію, всѣ молча заняли свои мѣста. Молодые люди успѣли повидимому, сблизиться между собою, такъ какъ они оживленно разговаривали другъ съ другомъ, чего прежде не дѣлали.

Донъ Мельхіоръ былъ, какъ и всегда, мраченъ и молча ѣлъ обѣдъ. Два или три раза онъ съ удивленіемъ взглянулъ па сестру, дружески разговаривавшую съ французомъ, но

молодые люди не обращали на него вниманія и продолжали бесѣдовать вполголоса.

Донъ Андресъ весь сіялъ отъ радости; онъ громко говорилъ, шутилъ, обращаясь ко всѣмъ, ѣлъ и пилъ за четырехъ.

Когда встали изъ за стола, Людовикъ обратился къ старику.

— Извините меня,—сказалъ онъ,—мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами!

— Я къ вашимъ услугамъ! — отвѣчалъ донъ Андресъ.

— Право, не знаю, какъ вамъ объяснить мое дѣло. Я боюсь, что поступилъ очень легкомысленно и безтактно.

— Вы, графъ?—сказалъ, улыбаясь донъ Андресъ, — позвольте этому не повѣрить!

— Благодарю за хорошее мнѣніе обо мнѣ, но сначала выслушайте и судите.

— Объясните, пожалуйста, въ чемъ же дѣло?

— Вотъ въ чемъ: я разсчитывалъ ѣхать прямо въ Мексикѣ, такъ какъ не зналъ, что вы находитесь здѣсь.

— Да, да, продолжайте!

— Я написалъ одному изъ моихъ близкихъ друзей атташе при французскомъ посольствѣ, во-первыхъ, о томъ, что скоро пріѣду, а во-вторыхъ, просилъ его поискать для меня квартиру. Другъ мой, баронъ Шарль де-Меріадекъ отвѣтилъ на мою просьбу согласіемъ. Въ это время я узналъ, что вы живете здѣсь, въ гаціендѣ, и вы были такъ добры, что предложили мнѣ свое гостепріимство. Тогда я немедленно написалъ барону, чтобы онъ не торопился, такъ какъ я останусь по нѣкоторое время у васъ.

— Принявъ мое приглашеніе, вы доказали мнѣ, графъ, что питаете ко мнѣ дружбу и довѣріе, за что я вамъ очень благодаренъ!

— Я думалъ, что моя переписка съ барономъ на этомъ окончится, какъ вдругъ, сегодня утромъ получаю отъ него письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что получилъ отпускъ и думаетъ провести его со мною.

— Caramba! — весело вскричалъ баронъ, — вашему другу пришла очень счастливая мысль!

— Вы не находите это нѣсколько безцеремоннымъ?...

— Полноте, что же тутъ страннаго, вѣдь вы почти мой зять!

— Да, почти, но все таки еще не зять!

— Во всякомъ случаѣ вы скоро имъ будете, поэтому вы здѣсь, какъ у себя дома, и можете принимать всѣхъ вашихъ друзей.

— Если ихъ наберется даже до тысячи! — съ язвительною усмѣшкою сказалъ донъ Мельхіоръ, слушавшій этотъ разговоръ.

Графъ сдѣлалъ видъ, будто не понялъ насмѣшки и отвѣчалъ:

— Благодарю, что вы согласны съ вашимъ батюшкой. Это доказываетъ ваше доброе расположеніе ко мнѣ, какъ я не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ.

Донъ Мельхіоръ понялъ насмѣшку, скрытую въ этихъ словахъ, и неловко раскланявшись, оставилъ комнату, ворча что то себѣ подъ носъ.

— Когда же пріѣдетъ баронъ де Меріадекъ? — спросилъ донъ Андресъ.

— Право, мнѣ очень совѣстно, но дѣло не поправишь, должно быть онъ пріѣдетъ завтра утромъ.

— Отлично! Онъ молодъ?

— Почти мой ровестникъ. Но я долженъ предупредить васъ, что онъ очень плохо говоритъ по испански и даже мало понимаетъ этотъ языкъ.

— Ничего, ему будетъ съ кѣмъ поговорить по французски! Хорошо, что вы меня предупредили, я сейчасъ же распоряжусь, чтобы ему приготовили комнату.

— Я, право, въ отчаяніи, что доставляю вамъ столько хлопотъ.

— Не безпокойтесь, пожалуйста, мѣста у насъ довольно и мы можемъ устроить его очень удобно.

— Я знаю ваше широкое гостепріимство, но мнѣ ка-

жется, что ему было бы удобнѣе помѣститься вмѣстѣ со мною. Мои комнаты достаточно велики для двоихъ и мои слуги могли бы ему прислуживать.

— Но вѣдь это стѣснитъ васъ самихъ?

— Нисколько! Онъ займетъ одну комнату, я—другую, такимъ образомъ мы можемъ поболтать на свободѣ, когда только намъ вздумается. Вотъ уже два года, какъ мы не видались, и намъ есть что поразсказать другъ другу.

— Ваше желаніе будетъ исполнено! Если позволите, я пойду отдать кой какія приказанія.

Они разстались. Людовикъ удалился въ свою комнату, куда вслѣдъ за нимъ пришли пеоны, нагруженные разною мебелью, и черезъ нѣсколько минутъ салонъ графа превратился въ очень комфортабельную спальню. Какъ только графъ остался наединѣ съ своимъ камердинеромъ, онъ сейчасъ же сообщилъ все, что тому надо было знать, чтобы хорошо съиграть предназначенную ему роль.

На слѣдующее утро около девяти часовъ графу доложили, что къ гасіендѣ подъѣхалъ верхомъ какой то незнакомецъ одѣтый по европейски, вслѣдъ за нимъ шелъ аррьеро, управлявшій двумя мулами нагруженными багажемъ.

Людовикъ не сомнѣвался, что незнакомецъ, былъ никто иной, какъ Доминго, и потому поспѣшилъ выйти ему на встрѣчу. Донъ Андресъ уже находился при входѣ въ гасіенду, желая привѣтствовать новагогостя. Въ душѣ графъ очень безпокоился о томъ, какимъ образомъ вакеро справится съ европейскимъ костюмомъ, такимъ жалкимъ и узкимъ и который потому кажется такимъ неудобнымъ для непривычнаго человѣка. Но при видѣ красиваго молодого человѣка, непринужденно и граціозно сидѣвшаго на лошади, онъ совершенно успокоился. На секунду онъ даже усомнился въ томъ, что этотъ изящный всадникъ и юноша, видѣнный имъ наканунѣ, одно и то же лицо.

Молодые люди бросились другъ другу въ объятія съ выраженіемъ самой нѣжной дружбы, затѣмъ графъ представилъ своего друга дону Андресу.

Хозяинъ гасіенды, въ восторгѣ отъ наружности и изящества вновь прибывшаго, принялъ его самымъ сердечнымъ образомъ. Графъ и баронъ пошли въ свои комнаты, куда послѣдовалъ за нимъ и погонщикъ муловъ, который былъ никто иной какъ Лоисъ, ранчеро.

Какъ только муловъ разгрузили и багажъ былъ внесенъ въ комнаты, баронъ (мы будемъ звать его такъ нѣкоторое время) щедро расплатился съ погонщикомъ, который разсыпался въ выраженіяхъ благодарности. Онъ забралъ своихъ муловъ и какъ можно скорѣе постарался оставить гасіенду, опасаясь встрѣтить здѣсь кого либо изъ знакомыхъ.

Какъ только молодые люди остались одни, они поставили Рэмбо на часахъ въ передней, изъ опасенія быть подслушанными, а сами удалились въ спальню графа, чтобы поговорить безъ помѣхи. Людовикъ сообщилъ барону все необходимое, описалъ лица, съ которыми ему придется жить и въ особенности распространился на счетъ дона Мельхіора, которому совѣтовалъ не довѣрять. Главнымъ образомъ онъ просилъ барона не забыть, что тотъ плохо понимаетъ по испански.

— Я долго жилъ среди краснокожихъ, — сказалъ баронъ, — и хорошо воспользовался ихъ уроками. Вы будете удивлены, видя, какъ я хорошо играю свою роль.

— Сознаюсь, вы и теперь превзошли мои ожиданія. Я никакъ не ожидалъ этого отъ васъ.

— Вы мнѣ льстите. Постараюсь всегда заслуживать ваше одобреніе.

— Вы навѣрно его заслужите,—сказалъ графъ смѣясь,— вѣдь мы съ вами старые друзья, школьные товарищи!

— Да, мы съ вами знакомы съ дѣтства! — отвѣчалъ баронъ въ томъ же тонѣ.

— Не начать ли намъ говорить другъ другу ты?

— Не мѣшаетъ. Отъ этого роли только выиграютъ.

— И такъ рѣшено, мы говоримъ другъ другу „ты“!

Молодые люди пожали другъ другу руки, смѣясь, какъ школьники, вырвавшіеся на свободу.

Вскорѣ графъ представилъ своего друга доннѣ Долоресъ и ея брату дону Мельхіору. Донна Долоресъ граціозно и привѣтливо улыбнулась въ отвѣтъ на слова барона, съ которыми тотъ обратился къ ней.

Донъ Мельхіоръ ограничился тѣмъ, что молча кивнулъ головой, бросивъ на незнакомца подозрительный взглядъ.

— Гм... — сказалъ баронъ, когда остался съ графомъ, — этотъ донъ Мельхіоръ, мнѣ кажется, порядочная гадина!

— Я совершенно согласенъ съ вами! — отвѣчалъ графъ.

Послѣ обѣда донна Долоресъ предложила гостямъ пойти на ея половину.

На дворѣ они встрѣтили дона Мельхіора, который не сказалъ имъ ни слова, но слѣдилъ за ними глазами, пока они не скрылись въ комнатахъ его сестры.

Прошелъ мѣсяцъ и никакое событіе не потревожило однообразную жизнь обитателей гасіенды.

Графъ и его другъ очень часто выѣзжали въ сопровожденіи майордома то на охоту, то просто на прогулку. Иногда, хотя весьма рѣдко, въ этихъ поѣздкахъ принимала участіе донна Долоресъ.

Теперь, когда графъ былъ всегда съ своимъ другомъ, она какъ будто меньше боялась оставаться съ нимъ и даже видимо его общество доставляло ей удовольствіе. Она благосклонно принимала его ухаживаніе, смѣялась отъ души его шуткамъ и вообще относилась къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Однако она отдавала явное предпочтеніе барону, потому ли, что она знала, кто онъ въ дѣйствительности, и считала его очень незначительнымъ лицомъ, или же вслѣдствіе женскаго кокетства, но ей нравилось играть съ этимъ человѣкомъ, о несокрушимой энергіи котораго она и не подозрѣвала и ей хотѣлось попробовать силу своихъ чаръ на этомъ наивномъ юношѣ. Доминикъ не замѣчалъ или дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ всѣхъ маневровъ молодой дѣвушки. Онъ былъ съ нею всегда чрезвычайно вѣжливъ и предупредителенъ, но не выходилъ изъ границъ которыя предначерталъ себѣ, и нисколько не желалъ подать поводъ

къ ревности тому человѣку, котораго онъ любилъ и который, какъ онъ зналъ, скоро долженъ былъ сдѣлаться мужемъ Долоресъ.

Между тѣмъ политическія волненія возрастали съ поражающей быстротой. Войска Хуареса твердо укрѣпились въ полѣ и развѣдчики появлялись уже въ окрестностяхъ гасіенды. Ходили неясные слухи, что нѣкоторыя владѣнія испанцевъ взяты приступомъ, преданы огню и разграбленію, а хозяева ихъ обобраны гверильясами и убиты.

Безпокойство въ Ареналѣ возрастало; донъ Андресъ де ля Крусъ, котораго его испанское происхожденіе мало обезпечивало въ будущемъ, принималъ всѣ мѣры для предупрежденія неожиданнаго нападенія непріятеля. Нѣсколько разъ возбуждался вопросъ объ оставленіи гасіенды и переселеніи въ Пуэбло, но донъ Мельхіоръ всегда противился исполненію этого намѣренія.

Между тѣмъ, во все время пребыванія графа въ гасіендѣ поведеніе молодого человѣка было въ высшей степени странно: его замкнутость и отчужденность отъ всѣхъ были необъяснимы, его частыя и продолжительныя отлучкя были даже болѣе, чѣмъ странны.

Оливье давно уже относился недовѣрчиво къ поведенію Мельхіора и безъ сомнѣнія имѣлъ для этого вѣскія, ему одному извѣстныя, основанія, если даже счелъ нужнымъ привезти въ гасіенду Доминика и представить его подъ именемъ барона де Меріадекъ.

Все это естественно возбудило въ графѣ подозрѣнія и эти подозрѣнія только подтверждали тайную антипатію, зародившуюся въ душѣ графа при первомъ знакомствѣ съ Мельхіоромъ.

Послѣ долгихъ размышленій графъ рѣшилъ передать свои опасенія Доминику и Лео Карралю. Разъ вечеромъ графъ увидалъ дона Мельхіора верхомъ, направляющагося къ воротамъ гасіенды, и невольно удивился, какъ рѣшается молодой человѣкъ одинъ пускаться въ дорогу такъ поздно (было около девяти часовъ вечера) въ такую темную ночь

черезъ окрестности, повсюду прегражденныя засадами гверильеросовъ Хуареса, развѣдчики которыхъ, какъ было хорошо всѣмъ извѣстно, уже нѣсколько дней бродили около самой гасіенды.

Эта послѣдняя таинственная поѣздка Мельхіора, безъ всякой, повидимому, надобности, разсѣяла послѣднія сомнѣнія и графъ рѣшилъ тотчасъ же переговорить со своими друзьями. Въ это время Лео Карраль переходилъ черезъ дворъ, и Людвигъ его подозвалъ. Майордомъ подошелъ.

— Куда вы такъ спѣшите?—спросилъ графъ.

— Не знаю почему, ваше сіятельство, но сегодня вечеромъ какое-то особенное безпокойство меня одолѣло и я хочу объѣхать вокругъ гасіенды.

— Это похоже на предчувствіе, — задумчиво сказалъ графъ,—не поѣхать-ли и мнѣ съ вами?

— Я намѣреваюсь осмотрѣть также и окрестности.

— Хорошо—велите осѣдлать лошадей для меня и дона Карлоса,—мы присоединимся къ вамъ.

— Только ваше сіятельство не берите никого изъ прислуги — отправимся только втроемъ — у меня есть одинъ проектъ и я боюсь лишнихъ глазъ и ушей!

— Хорошо, согласенъ! черезъ десять минутъ мы будемъ готовы.

— Лошади будутъ васъ ждать при воротахъ перваго двора. Разумѣется васъ нечего предупреждать о необходимости захватить съ собой оружіе?

— Будьте спокойны!

Графъ вошелъ въ домъ, розыскалъ и предупредилъ обовсемъ Доминика и вскорѣ они оба вышли совсѣмъ готовые къ поѣздкѣ. Майордомъ ожидалъ ихъ верхомъ у воротъ.

— Ну, вотъ и мы!—сказалъ графъ.

— Ну, такъ въ путь!—лаконически отвѣтилъ Лео Карраль.

Они вскочили въ сѣдло и въ молчаніи выѣхали изъ воротъ гасіенды, которые за ними безшумно закрылись.

Спускъ къ полямъ они проѣхали крупной рысью.

*

— Но что-же это?—воскликнулъ вдругъ графъ,—что это значитъ? Что это подъ нами, лошади или привидѣнія, которыя мчатся, не производя никакого шума?

— Тише, ваше сіятельство—отвѣчалъ майордомъ,—мы здѣсь повсюду окружены шпіонами,—то, что васъ удивляетъ, только одна простая предосторожность: копыта нашихъ лошадей перетянуты наполненными пескомъ мѣшками изъ бараньей кожи.

— Чертъ возьми! Очевидно, мы отправляемся въ тайную экспедицію?

— Да ваше сіятельство и очень важную!

— Въ чемъ-же дѣло?

— Я не довѣряю дону Мельхіору.

— Но подумайте только — вѣдь донъ Мельхіоръ сынъ дона Андреса и его наслѣдникъ!

— Да, но, какъ мы здѣсь говоримъ, съ плохой стороны. Его мать Индіанка Цапотекъ и не знаю, чѣмъ только она могла плѣнить моего господина: — ни умомъ, ни красотой, ни характеромъ она не отличалась. Во всякомъ случаѣ результатомъ этой связи явился донъ Мельхіоръ.

Мать умерла въ родахъ и передъ смертью умоляла дона Андреса не оставлять ея ребенка. Донъ Андресъ обѣщалъ, усыновить ребенка, воспитывалъ его и уговорилъ свою вторую жену принять его, какъ члена семьи, и донъ Мельхіоръ былъ воспитанъ на правахъ законнаго сына, къ тому-же и мачиха его Лючія де-ля-Крусъ умерла, оставивъ послѣ себя только одну дочь.

— Я начинаю подозрѣвать истину! замѣтилъ графъ.

— Нѣсколько лѣтъ все шло хорошо своимъ порядкомъ, донъ Мельхіоръ былъ на правахъ сына и надѣялся послѣ смерти отца получить наслѣдство, но около года тому назадъ мой господинъ получилъ одно письмо, по поводу котораго имѣлъ продолжительное и серьезное объясненіе со своимъ сыномъ.

— Да, въ этомъ письмѣ упоминалось о брачномъ союзѣ,

условленнымъ между моей и его семьей, и предупреждалось о моемъ скоромъ пріѣздѣ.

— Весьма возможно, но только никому не было извѣстно, что произошло между отцомъ и сыномъ. Мельхіоръ, который вообще никогда не отличался веселымъ характеромъ, съ этого времени сдѣлался еще болѣе мрачнымъ, всѣмъ недовольнымъ, началъ уединяться, избѣгать общества, даже со своимъ отцомъ вступалъ въ разговоръ только, когда уклониться уже не было возможности. Сначала онъ былъ домосѣдъ, выѣзжалъ рѣдко и не надолго, но съ этого времени пристрастился къ охотѣ и сталъ отлучаться на долгое время, нерѣдко на нѣсколько дней. Вашъ неожиданный пріѣздъ въ гасіенду въ то время, когда, можетъ быть, онъ еще надѣялся никогда не встрѣтиться съ вами на своемъ пути, особенно усилилъ странности въ его поведеніи. Я вполнѣ убѣжденъ, что теперь, когда онъ видитъ, что состояніе, на которое онъ такъ долго разсчитывалъ, отъ него уходитъ, онъ не остановится ни передъ чѣмъ, даже и передъ преступленіемъ, чтобы снова овладѣть имъ. Вотъ, ваше сіятельство, все, что я считалъ своею обязанностью передать вамъ и, видитъ Богъ,—я все это говорю только съ самыми лучшими намѣреніями.

— Теперь для меня все понятно, Лео Карраль, и я также убѣжденъ, какъ и вы, что Мельхіоръ замышляетъ гнусную измѣну противъ человѣка, которому онъ всѣмъ въ жизни обязанъ—противъ своего отца!

— А знаете мое мнѣніе по этому поводу?— сказалъ Доминикъ, — я думаю, что, если представится случай, будетъ благодѣяніемъ послать ему пулю въ лобъ и избавить міръ отъ этого злодѣя!

— Вполнѣ согласенъ съ вами! — сказалъ улыбаясь графъ.

Въ это время они кончали спускъ и достигли равнины.

— Ваше сіятельство, здѣсь начинаются всѣ опасности въ нашемъ предпріятіи,—сказалъ майордомъ,—мы должны принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы не выдать на-

шего присутствія невидимымъ шпіонамъ, которыми мы окружены.

— Не опасайтесь за насъ—мы будемъ нѣмы, какъ рыба,—поѣзжайте впередъ безъ боязни, а мы за вами послѣдуемъ, шагъ за шагомъ, какъ индѣйцы при военныхъ переходахъ.

Майордомъ поѣхалъ впереди и они продолжали довольно быстро подвигаться, избирая разныя тропинки, которыя, пересѣкаясь другъ съ другомъ, образовывали таинственную сѣть для всѣхъ, но только не для Лео Карраля.

Какъ мы уже выше сказали, ночь была безлунная, облачная и небо было черно, какъ чернила. Глубокое молчаніе царствовало кругомъ, прерываясь временами рѣзкимъ крикомъ ночныхъ птицъ.

Они продолжали въ полномъ молчаніи подвигаться впередъ еще около полу-часа, наконецъ майордомъ остановился.

— Мы прибыли къ мѣсту назначенія,—сказалъ онъ тихимъ голосомъ,—слѣзайте съ лошадей,—здѣсь мы въ безопасности!

— Какъ вы думаете?—спросилъ Доминикъ,—по дорогѣ я слышалъ крики птицъ слишкомъ отчетливые, чтобы можно было принять ихъ за настоящіе.

— Вы правы,—подтвердилъ Лео Карраль—это перекликались непріятельскіе часовые, — наше присутствіе обнаружено, но, благодаря ночной темнотѣ и моему знакомству съ мѣстностью, намъ удалось сбить на время съ пути нашихъ преслѣдователей: они ищутъ насъ въ совершенно противоположномъ направленіи.

— Да, я такъ и предполагалъ!—отвѣчалъ Доминикъ.

Графъ слушалъ этотъ разговоръ съ особымъ интересомъ, но мало понималъ — все это было для него китайской грамотой. Въ первый разъ въ жизни ему пришлось участвовать въ подобной экскурсіи и онъ былъ при нихъ, какъ неопытный ребенокъ; онъ даже и не подозрѣвалъ, что проѣхалъ черезъ цѣпь непріятельскихъ аванпостовъ, что много разъ былъ и справа и слѣва, не далѣе пистолотнаго выстрѣла, отъ

часовыхъ и не разъ былъ на волосъ отъ смерти и только какимъ-то чудомъ ее избѣжалъ.

— Господа, снимите съ вашихъ лошадей мѣшки—теперь въ нихъ нѣтъ больше надобности, а я пока зажгу факелъ!—сказалъ Лео Карраль.

Молодые люди безпрекословно исполнили его распоряженіе — они не могли не признать въ немъ главнаго руководителя въ этомъ смѣломъ предпріятіи.

— Готово?—спросилъ Лео.

— Да, готово, — отвѣтилъ графъ, — но около насъ по прежнему темно,—вы не зажгли вашего факела.

— Я уже зажегъ его, но опасно пользоваться его свѣтомъ здѣсь. Слѣдуйте за мной и ведите вашихъ лошадей за поводья.

Съ этими словами пошелъ впереди; они послѣдовали пѣшкомъ.

Вскорѣ передъ ними заблисталъ свѣтъ, достаточно ясно освѣщая окружающіе ихъ предметы.

Они находились въ природной пещерѣ, заканчивавшей извилистый проходъ и не пропускавшій свѣтъ факела наружу.

— Гдѣ это мы, чортъ возьми?—спросилъ съ удивленіемъ графъ.

— Вы видите, ваше сіятельство,—въ пещерѣ!

— Да, я вижу, что въ пещерѣ! Но, не безъ цѣли-же вы привели насъ сюда?

— Да, у меня была цѣль и именно та, что эта пещера соединяется длиннымъ проходомъ съ гасіендой, отъ этого подземелья имѣется нѣсколько выходовъ въ поле и два въ гасіенду. Изъ этихъ двухъ проходовъ въ гасіенду одинъ знаю я только, а другой я завалилъ сегодня, но опасаясь, что донъ Мельхіоръ во время своихъ экскурсій могъ открыть эту пещеру, я рѣшился сегодня провѣрить свои опасенія, чтобы заложивъ эти проходы, предупредить возможность неожиданнаго вторженія къ намъ этимъ путемъ.

— Прекрасно, Лео Карраль,— въ камнѣ здѣсь нѣтъ недостатка и мы можемъ сейчасъ-же приняться за работу.

— Подождите немного, ваше сіятельство, не мѣшаетъ раньше освѣдомиться, не предупредилъ-ли насъ кто нибудь.

— Ну, это, кажется, трудно предположить!

— Вы такъ думаете? — замѣтилъ съ легкой ироніей въ голосѣ Лео Карраль.

Съ этими словами взялъ факелъ и, наклонившись, началъ внимательно осматривать землю, но вдругъ, выпрямился и у него сорвалось рѣзкое восклицаніе.

— Что съ вами?—тревожно спросили молодые люди.

— Взгляните!—отвѣтилъ онъ, указывая имъ на землю.

Графъ подошелъ и началъ осматривать.

— Да, насъ предупредили, — теперь уже поздно! — воскликнулъ Лео Карраль.

— Да объяснитесь-же наконецъ — я ничего не понимаю изъ вашихъ словъ!—вскричалъ графъ.

— Слушай, мой другъ, — объяснилъ Доминикъ,— видишь ты, какъ песокъ потоптанъ? видишь ты эти отпечатки шаговъ, расходящіеся въ разныя стороны?

— Ну, и что-же?

— А то, что эти слѣды оставлены людьми, которые, можетъ быть, даже подъ начальствомъ Мельхіора, направились по этому пути въ гасіенду и можетъ быть теперь уже находятся тамъ.

— Нѣтъ,—это слѣды свѣжіе—люди могли предупредить насъ только на нѣсколько минутъ. Но это ничего — въ концѣ они наткнутся на построенную мною стѣну, — а она солидна и не такъ-то легко ее разрушить. Не будемъ отчаяваться — Богъ намъ поможетъ еще во время достигнуть гасіенды. Торопитесь за мной, оставьте лошадей — видно небо мнѣ внушило не трогать другого прохода!—и потрясая факеломъ, чтобы онъ лучше горѣлъ, майордомъ бросился съ молодыми людьми въ боковой проходъ.

Галлерея шла немного въ гору. Верхняя дорога къ пещерѣ, по которой они ѣхали, огибала холмъ, на которомъ помѣщалась гасіенда; кромѣ того, они дѣлали цѣлую массу изворотовъ и подвигались съ большою осторожностью и мед-

ленно въ виду возможности наткнуться на врага; на все это потребовалось не мало времени. Теперь же, напротивъ, они бѣжали въ прямомъ направленіи и менѣе чѣмъ въ четверть часа достигли подземными ходами сада гасіенды; для этого прежнимъ путемъ потребовалось бы болѣе часа ѣзды. Все въ гасіендѣ было спокойно.

— Разбудите вашихъ людей, а я тѣмъ временемъ ударю въ колоколъ, — сказалъ мажордомъ, — можетъ быть намъ удастся еще спасти гасіенду!

Онъ бросился къ колоколу,—и дребежжащій звонъ мѣди скоро разбудилъ жителей гасіенды. Полуодѣтые, полуобезумѣвъ отъ страха выбѣгали они на дворъ.

— Къ оружію, къ оружію! — призывали прибывшіе. Въ двухъ словахъ объяснили все дону Андресу и пока онъ занялся подысканіемъ надежнаго мѣста и людей для защиты своей дочери и организаціей общей защиты помѣщенія, майордомъ съ двумя молодыми людьми и ихъ слугами направился въ садъ.

Людовикъ и донна Долоресъ успѣли обмѣняться только нѣсколькими словами:

— Я иду туда въ помѣщеніе моего отца!—сказала она.

— Я къ вамъ приду.

— Я буду ждать васъ, и, надѣюсь, никто другой не посмѣетъ ко мнѣ приблизиться.

— Клянусь вамъ!

— Благодарю.

И они разошлись въ разныя стороны.

Въ саду ясно были слышны удары, которыми осаждающіе продѣлывали проходъ себѣ въ подземной стѣнѣ.

Защитники расположились за деревьями въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ подземнаго хода.

— Да это разбойники!—вскричалъ графъ,—развѣ могутъ честные люди грабить такимъ образомъ мирныхъ жителей?

— Разбойники ли они, вы увидите на дѣлѣ и не станете больше сомнѣваться,—иронически замѣтилъ Доминикъ.

— Вниманіе, вниманіе,—прервалъ графъ,—примемъ ихъ, какъ они того заслуживаютъ!

Между тѣмъ удары въ подземельѣ все усиливались, вдругъ отвалился камень, за нимъ другой, а тамъ третій и образовался довольно широкій зіяющій проходъ въ стѣнѣ.

Гверильясы устремились съ криками торжества, но тотчасъ же, эти крики смѣнились стонами и криками бѣшенства.

Пять ружейныхъ выстрѣловъ, слившихся въ одинъ звукъ, встрѣтили ихъ громовымъ ударомъ. Битва началась.

XVI. Приступъ.

Этотъ залпъ, положивъ нѣкоторыхъ разбойниковъ на мѣстѣ, заставилъ остальныхъ въ страхѣ отступить назадъ; они предполагали грабить, а не сражаться, хотѣли неожиданно напасть на осажденныхъ, но вдругъ неожиданно для себя встрѣтили отпоръ и первымъ движеніемъ въ безпорядкѣ побѣжали назадъ.

Между тѣмъ защитники, силы которыхъ значительно увеличились новоприбывшими, воспользовались этой нерѣшительностью нападающихъ и открыли по нимъ убійственный огонь. Послѣднимъ оставалось или проложить себѣ дорогу подъ градомъ пуль, или отказаться отъ своего предпріятія.

Но владѣлецъ гасіенды былъ богатъ; разбойники это знали и давно уже стремились завладѣть имуществомъ гасіенды. Имъ тяжело было отказаться отъ своего блестящаго, такъ давно задуманнаго и подготовленнаго, предпріятія. Между тѣмъ пули продолжали по прежнему свистѣть, такъ что они не осмѣливались выставить голову въ пробитую ими брешь стѣны. Ихъ начальники, заинтересованные еще болѣе солдатъ, вооруживъ ихъ кирками и молотами, задумали не только расширить отверстіе, но выломать окончательно всю стѣну. Они отлично понимали, что только быстрымъ и внезапнымъ натискомъ имъ можетъ удасться

преодолѣть сопротивленіе защитниковъ гасіенды. Послѣдніе продолжали безъ устали обстрѣливать, но пули не причиняли уже большаго вреда, такъ какъ нападающіе работали подъ прикрытіемъ, не выставляясь въ брешь.

— Они перемѣнили свою тактику,—сказалъ графъ Доминику,—теперь разбираютъ и стѣну скоро начнутъ нападеніе а мы,—добавилъ онъ, оглядываясь печально кругомъ,—съ нашими силами не будемъ въ состояніи выдержать ихъ натиска.

— Да, ты правъ, другъ, положеніе наше серьезно!—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Что намъ дѣлать?—спросилъ майордомъ.

— Ахъ, вотъ идея!—вскричалъ, ударяя себя по лбу Доминикъ,—есть у васъ порохъ?

— Да, слава Богу, въ порохѣ мы недостатка не чувствуемъ, но къ чему все это?

— Велите сейчасъ же принести боченокъ, я вамъ за все остальное отвѣчаю!

— Это очень легко исполнить.

— Ну, такъ торопитесь.

Майордомъ побѣжалъ за порохомъ.

— Что ты хочешь дѣлать?—спросилъ графъ.

— Ты увидишь,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, съ пылающимъ взглядомъ,—блестящая идея пришла мнѣ въ голову; разбойники, вѣроятно завладѣютъ гасіендой, наши силы очень слабы и все дѣло только во времени, но они за это дорого и поплатятся.

— Я тебя не понимаю!

— Да!—продолжалъ съ лихорадочной дрожью молодой человѣкъ,—они хотятъ расширить проходъ, я имъ помогу, будь покоенъ, я имъ открою такой, какого они и не ожидаютъ.

Въ это время возвратился майордомъ съ тачкой, на которой лежали не одинъ, а три боченка съ порохомъ, заключавшій каждый около ста двадцати фунтовъ.

— Три боченка, — весело замѣтилъ Доминикъ, — тѣмъ лучше, на каждаго изъ насъ придется по одному!

— Но что ты хочешь дѣлать?

— Я хочу взорвать ихъ на воздухъ. За мной, — вскричалъ онъ,—дѣлайте, что я буду дѣлать!

Онъ вышибъ дно у своего боченка, графъ и Лео Карраль сдѣлали тоже.

— Теперь,—обратился онъ къ пеонамъ (слугамъ), устрашеннымъ этими таинственными приготовленіями, — назадъ, но продолжайте безпокоить ихъ выстрѣлами!

На мѣстѣ остались они и двое слугъ графа, не пожелавшихъ оставить своего господина. Въ нѣсколькихъ словахъ Доминикъ объяснилъ свой планъ товарищамъ.

Они захватили боченки и тихо отъ дерева къ дереву приблизились къ выходу изъ пещеры. Осаждающіе были заняты въ это время разрушеніемъ стѣны и, въ виду безпрерывнаго огня пеоновъ, не рѣшались показываться въ отверстіе бреши и не видали, что происходитъ съ той стороны. Между тѣмъ эти пять человѣкъ съ тремя пороховыми боченками подошли съ другой стороны къ той же самой стѣнѣ.

Тогда Доминикъ помѣстилъ всѣ три боченка у самого основанія разрушаемой гверильясами стѣны и на нихъ нагромоздилъ при помощи своихъ товарищей всѣ имѣющіеся подъ рукою глыбы и камни, потомъ вынулъ фигиль, отрѣзалъ конецъ не болѣе десяти сантиметровъ, зажегъ его и всунулъ въ одинъ изъ боченковъ.

— Теперь назадъ скорѣй, — скомандовалъ онъ шепотомъ, — видите, стѣна уже не выдерживаетъ ударовъ, качается и скоро рухнетъ.

И показывая примѣръ остальнымъ, онъ быстро побѣжалъ къ выходу.

Въ это время почти всѣ защитники гасіенды, числомъ около сорока, съ дономъ Андресомъ во главѣ собрались въ саду.

— Что вы такъ бѣжите? — спросилъ онъ молодыхъ людей, — не гонятся ли за вами по пятамъ разбойники?

— Нѣтъ, нѣтъ еще, — отвѣтилъ Доминикъ, — но скоро вы услышите о нихъ.

— Гдѣ донна Долоресъ? — спросилъ графъ.

— Въ моемъ помѣщеніи въ совершенной безопасности съ другими женщинами.

— Стрѣляйте, стрѣляйте! — обратился Доминикъ къ Пеонамъ, и тѣ снова возобновили убійственный огонь.

— Рембо, — тихо проговорилъ, графъ — надо предвидѣть всѣ случайности и потому отправляйтесь съ Лоисомъ Ибарри въ конюшни и осѣдлайте пять лошадей, одну изъ нихъ подъ дамское сѣдло — вы меня понимаете?

— Да, господинъ графъ!

— Съ этими лошадьми вы съ Ибарри, захвативъ съ собой полное вооруженіе, будете ожидать меня въ саду.

Рамбо удалился съ такимъ спокойнымъ видомъ, какъ будто ничего особеннаго не происходило.

— Ахъ, Боже мой! какъ бы намъ была полезна помощь дона Мельхіора, если-бы онъ былъ теперь здѣсь! — промолвилъ донъ Андресъ со вздохомъ сожалѣнія.

— Будьте спокойны — онъ скоро здѣсь будетъ! — съ ироніей замѣтилъ графъ.

— Но гдѣ-же онъ можетъ быть теперь?

— Гмъ! Кто его знаетъ?

— Смотрите! — тамъ что-то происходитъ! — вскричалъ Доминикъ.

Дѣйствительно подъ сильными ударами гверильясовъ камни начали вываливаться изъ стѣны наружу, брешь быстро увеличивалась и, наконецъ, большая глыба стѣны отдѣлилась цѣликомъ и опрокинулась по направленію къ саду.

Разбойники издали торжествующій крикъ, бросили кирки, схватились за оружіе, и направились къ выходу. Но вдругъ разразился страшный взрывъ, земля затряслась, какъ при землетрясеніи, и облако дыма поднялось къ небу, — массы обломковъ разлетѣлись по всѣмъ направленіямъ.

Страшный крикъ агоніи прорѣзалъ окрестность, потомъ все замолкло и наступило мертвое молчаніе.

— Впередъ—впередъ!—вскричалъ Доминикъ.

Дѣйствіе пороховой мины было ужасно: входъ въ подземелье оказался окончательно заваленнымъ нагроможденными глыбами земли и камней, такъ что для осаждавшихъ не оставалось ни малѣйшаго прохода. Мѣстами между обломками замѣчались безформенные останки того, что нѣсколько минутъ тому назадъ составляло тѣло живыхъ людей. Да, катастрофа была ужасная и подземелье скрыло отъ всѣхъ глазъ ея тайну.

— Слава Богу—мы спасены!—вскричалъ донъ Андресъ.

— Да, да, — подтвердилъ майордомъ, — если только не появятся осаждающіе и съ другой стороны!

Вдругъ, какъ будто въ подтвержденіе послѣднихъ словъ, послышались выстрѣлы, крики и пламя охватило службы при гасіендѣ, освѣщая зловѣщимъ свѣтомъ окрестность.

— Къ оружію, къ оружію, — кричали пеоны, бѣгая въ безпорядкѣ,—гверильясы, гверильясы!

И дѣйствительно скоро въ красноватомъ заревѣ пожара показались черные силуэты сотни человѣкъ, которые быстро приближались, потрясая оружіемъ и испуская крики бѣшенства.

Въ нѣсколькихъ шагахъ передъ ними съ саблею въ одной рукѣ и съ факеломъ въ другой находился молодой человѣкъ.

— Донъ Мельхіоръ!—въ отчаяніи вскричалъ старикъ.

— Чортъ возьми! я его попридержу! — сказалъ, нацѣливаясь Доминикъ.

Донъ Андресъ бросился къ ружью,—и пуля пролетѣла мимо.

— Вѣдь! это мой сынъ!—сказалъ онъ.

— Я увѣренъ, что скоро вы раскаитесь въ спасеніи ему жизни!—холодно замѣтилъ Доминикъ.

Графъ и Доминикъ увлекли съ собою дона Андреса въ его помѣщеніе, всѣ выходы котораго были наскоро забар-

рикадированы пеонами и открыли изъ оконъ убійственный огонь по осаждающимъ.

Донъ Мельхіоръ былъ въ сношеніяхъ съ партизанами Хуареса.

Майордомъ совершенно вѣрно предсказалъ графу:—донъ Мельхіоръ пришелъ въ отчаяніе, узнавъ о предстоящемъ бракѣ своей сестры, причемъ отъ него неминуемо ускользало состояніе, на которое онъ такъ разсчитывалъ. Онъ этого не могъ перенести и вошелъ въ соглашеніе съ Куэллеромъ сдать ему на извѣстныхъ условіяхъ гасіенду. Послѣдній принялъ эти условія съ намѣреніемъ не сдержать ихъ впослѣдствіи и въ результатѣ были приняты всѣ мѣры для исполненія этого предпріятія. Было условлено, что часть отряда подъ начальствомъ опытныхъ и рѣшительныхъ офицеровъ попытается захватить непріятеля врасплохъ, черезъ подземный проходъ, а другая часть отряда въ то же время подъ начальствомъ Куэлляра съ Мельхіоромъ во главѣ произведетъ нападеніе со стороны отдаленныхъ отъ жилыхъ построекъ службъ, которыя были слабѣе всего защищены.

Мы уже описали результаты этого двойного нападенія.

Куэлляръ не зналъ еще о потерѣ половины своего отряда, похороненной въ подземельи. Съ оставшимися при немъ солдатами онъ выдерживалъ отчаянный бой съ пеонами гасіенды, которые хорошо сознавали, что шайка Куэлляра самая жестокая изъ всѣхъ гверильясовъ Хуареса и никому не даетъ пощады, потому они защищались съ мужествомъ отчаянія, которое удесятеряло ихъ силы.

Между тѣмъ битва продолжалась; засѣвшіе въ комнатахъ пеоны загородили окна всѣмъ, что было подъ рукою, и подъ прикрытіемъ стрѣляли въ разсыпавшагося по двору непріятеля, причиняя ему серьозныя потери.

Бѣшенство Куэлляра не знало придѣловъ, не только въ виду этого неожиданнаго и упорнаго сопротивленія, но и вслѣдствіе необъяснимой задержки другой части его отряда, который шелъ подземнымъ ходомъ и давно уже долженъ-бы присоединиться къ нему.

Правда, до него донесся шумъ взрыва, но тогда онъ былъ далеко, на противоположной сторонѣ гасіенды:—этотъ шумъ донесся до него слабо и неопредѣленно и онъ не обратилъ на это особеннаго вниманія, по теперь это необъяснимое запаздываніе половины отряда и въ такое время, когда ихъ помощь была нужна, очень безпокоило его и онъ уже намѣревался выслать людей на розыски съ приказомъ поторопить запоздавшій отрядъ, какъ вдругъ изнутри осаждаемаго ими зданія раздались побѣдные крики и въ окнахъ показались, потрясая оружіемъ торжествующіе гверильясы.

Эта окончательная побѣда была дѣломъ рукъ дона Мельхіора. Въ то время, какъ главныя силы осаждали домъ спереди, онъ съ нѣсколькими рѣшительными людьми проскользнулъ тихонько въ тѣни черезъ одно окно, которое второпяхъ позабыли забаррикадировать, во внутрь зданія, и неожиданно появился передъ пришедшими въ смятеніе осажденными, а люди его бросились на этихъ несчастныхъ съ саблями и пистолетами.

Тогда битва смѣнилась кровавой рѣзней: — пеоновъ, не смотря на ихъ мольбы, схватывали, закалывали и черезъ окна выбрасывали на дворъ.

Въ одинъ моментъ гверильясы наводнили всѣ зданія гасіенды и проникали въ комнату за комнатой, безжалостно убивая на пути всѣхъ встрѣчныхъ пеоновъ.

Такимъ образомъ они достигли до большого зала съ широко раскрытыми дверями, но здѣсь не только остановились, но даже попятились инстинктивно назадъ при видѣ страшнаго представившагося ихъ глазамъ зрѣлища.

Этотъ залъ сіялъ свѣтомъ — повсюду виднѣлись канделябры съ зажженными свѣчами.

Одинъ изъ угловъ былъ забаррикадированъ и тамъ находились донна Долоресъ со всѣми женщинами и дѣтьми пеоновъ. Въ двухъ шагахъ передъ баррикадой стояли неподвижно четыре человѣка, съ ружьемъ въ одной рукѣ и пистолетомъ въ другой — это были: донъ Андресъ, графъ, Доминикъ и Лео Карраль.

Два открытыхъ боченка съ порохомъ лежали передъ ними.

— Потише, потише, кабаллеро!—раздался насмѣшливый голосъ графа, — еще шагъ впередъ и мы всѣ взлетимъ на воздухъ. Не переходите черезъ порогъ этой комнаты!

Гверильясы не посмѣли пренебречь этимъ вѣжливымъ предостереженіемъ — они сразу увидѣли съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

Донъ Мельхіоръ, видя свое безсиліе, въ бѣшенствѣ топалъ ногами.

— Чего вы желаете? — спросилъ онъ дрожащимъ отъ злобы голосомъ.

— Отъ васъ ничего, — мы люди чести и не ведемъ переговоровъ съ людьми вашего сорта!

— Такъ вы будете разстрѣляны, проклятые французы!

— Я вамъ не совѣтую приводить вашу угрозу въ исполненіе! — сказалъ графъ, спокойно взводя курокъ револьвера и направляя его дуло на ближайшій боченокъ съ порохомъ.

Гверильясы съ криками ужаса попятились назадъ.

— Не стрѣляйте, не стрѣляйте! — кричали они, — вотъ идетъ полковникъ!

Дѣствительно показался Куэлляръ. Въ душѣ онъ былъ страшный разбойникъ, что, разумѣется, ничуть не удивительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, надо отдать ему справедливость, и храбрости былъ не дюжинной.

Онъ протискался черезъ ряды своихъ солдатъ и одинъ выступилъ впередъ, затѣмъ вѣжливо поклонился четверымъ осажденнымъ и, небрежно свертывая сигаретку, окинулъ ихъ насмѣшливымъ взглядомъ.

— Прекрасно, прекрасно, кабаллеро! — весело сказалъ онъ, — вы отлично придумали — примите мою сердечную похвалу вашей находчивости. — Эти французы,—продолжалъ онъ, говоря самъ съ собой,—чертовски изобрѣтательны: никогда-то не попадутся они впросакъ. Здѣсь вѣдь приняты мѣры, чтобы всѣхъ насъ отправить въ рай.

— Да, и, если потребуется, мы передъ этимъ не остано-

вимся, какъ уже доказали при встрѣчѣ съ вашими солдатами въ подземельи.

— Что такое? — спросилъ, блѣднѣя, Куэлляръ, — что вы говорите о солдатахъ?

— Я говорю, — повторилъ спокойно графъ, — что вы можете разыскивать тѣла въ подземельи — всѣ тамъ найдутся — всѣ до одного тамъ остались!

При этихъ словахъ дрожь пробѣжала по рядамъ гверильясовъ. Наступило молчаніе. Куэлляръ раздумывалъ.

Наконецъ, онъ поднялъ голову — всѣ признаки волненія исчезли съ его лица — и началъ осматриваться, какъ будто ища чего-то.

— Не огня-ли вы желаете? — спросилъ Доминикъ, приближаясь къ нему со свѣчею въ рукѣ, — закурите пожалуйста вашу сигаретку.

Онъ вѣжливо протянулъ ему свѣчку.

Куэлляръ зажегъ сигаретку и возвратилъ свѣчу.

— Очень вамъ благодаренъ, сеньоръ! — отвѣтилъ онъ.

Доминикъ присоединился къ своимъ товарищамъ.

— Итакъ, — сказалъ Куэлляръ, — вы просите условій капитуляціи.

— Вы ошибаетесь, сеньоръ, — спокойно возразилъ графъ, — мы не просимъ, а напротивъ, предписываемъ ихъ вамъ!

— Вы намъ предписываете? — воскликнулъ съ удивленіемъ полковникъ.

— Да, потому-что ваша жизнь въ нашихъ рукахъ.

— Позвольте, — замѣтилъ Куэлляръ, — это очень условно, такъ какъ, взрывая насъ на воздухъ, вы и сами туда взлетите!

— Что-жъ, мы это прекрасно знаемъ и къ этому готовы!

— Хорошо, — сказалъ онъ, — оставимъ препирательства на словахъ, а перейдемъ къ дѣлу, какъ подобаетъ людямъ нашего сорта — чего вы желаете?

— Я вамъ это сейчасъ объясню! — отвѣтилъ графъ.

XVII. Послѣ битвы.

Куэлляръ спокойно курилъ свою сигаретку; лѣвая рука его опиралась на длинную саблю, ножны которой волочились по полу. Съ изящной непринужденностью стоялъ онъ въ дверяхъ зала. Насмѣшливо добродушный взоръ его блуждалъ кругомъ, а лицо выражало удовольствіе любителя при большихъ затяжкахъ ароматнаго дыма, который онъ клубами выпускалъ черезъ ротъ и носъ.

— Извините, господа,—сказалъ онъ,—раньше чѣмъ продолжать, необходимо предварительно объясниться: я желалъ-бы предпослать вамъ маленькое замѣчаніе.

— Мы васъ слушаемъ, сеньоръ!—сказалъ графъ.

— Будемъ переговариваться, я самъ ничего лучшаго не желаю — я, какъ видите, человѣкъ очень сговорчивый, но только не требуйте невозможнаго и не ставьте меня въ непріятное положеніе вамъ отказывать. Я думаю, вамъ нечего объяснять, что если вы рѣшились, то и я не менѣе рѣшился и, что при всемъ моемъ желаніи уладить дѣло наилучшимъ и для васъ и для меня образомъ, прошу васъ — не быть черезчуръ требовательными, какъ какъ въ такомъ случаѣ я предпочту взлетѣть съ вами на воздухъ. Во первыхъ, у меня есть предчувствіе, что мнѣ придется когда нибудь такимъ образомъ окончить свою жизнь, а во вторыхъ, я ничего не имѣю противъ вашего прекраснаго общества и охотно въ такой компаніи отправлюсь хоть-бы даже въ адъ.

Хотя слова эти были сказаны въ насмѣшливомъ тонѣ, но графъ не сомнѣвался, что онѣ выражаютъ рѣшительное намѣреніе его собесѣдника.

— Видно вы насъ плохо знаете, если ожидаете съ нашей стороны невозможныхъ требованій: мы только хотимъ воспользоваться выгодою нашего положенія.

— Вполнѣ одобряю ваше намѣреніе, но въ виду того, что вы французы, а ваши соотечественники ни передъ чѣмъ

*

не останавливаются, я счелъ своею обязанностью предпослать свои соображенія.

— Будьте увѣрены,— отвѣчалъ съ тѣмъ-же спокойнымъ видомъ графъ, — мы предъявимъ только самыя умѣренныя требованія.

— Вы предъявляете? — сказалъ Куэлляръ подчеркивая эти два слова тономъ голоса.

— Да, совершенно вѣрно — мы не потребуемъ отъ васъ сдачи намъ гасіенды, такъ какъ прекрасно понимаемъ, что ваше удаленіе сегодня не помѣшаетъ вашему новому вторженію завтра.

— Вы удивительно проницательны, сеньоръ, но пожалуйста скорѣе къ дѣлу!

— Я приступаю: — во первыхъ, вы намъ выдадите несчастныхъ, избѣжавшихъ рѣзни пеоновъ.

— Я не вижу въ этомъ затрудненія.

— Съ ихъ оружіемъ, лошадьми и съ ихъ небольшимъ имуществомъ.

— Пусть будетъ такъ! Ну, а дальше?

— Вы позволите спокойно удалиться, куда мы пожелаемъ: дону Андресу де-ля-Круцъ, его дочери, майордому Лео Карраль, моему другу, мнѣ и всѣмъ женщинамъ и дѣтямъ, здѣсь съ нами находящимся.

Куэлляръ поморщился.

— Ну, а далѣе?—спросилъ онъ.

— Позвольте—согласны вы на это?

— Да, я согласенъ—ну, а дальше?

— Мой другъ и я, мы иностранцы—французы и, на сколько я знаю, Мексика не въ войнѣ съ нашимъ отечествомъ.

— До этого можетъ дойти!—замѣтилъ насмѣшливо Куэлляръ.

— Можетъ быть,—но пока этого еще не случилось и мы имѣемъ полное право на ваше покровительство.

— Какъ?—да развѣ вы не сражались противъ насъ?!

— Да,— но мы не преступили правъ законной защиты— на насъ нападали и мы должны были защищаться.

— Ну, хорошо!

— Ну, такъ мы желаемъ захватить все наше имущество, нагрузивъ имъ муловъ.

— Это все?

— Да, почти,—принимаете вы наши условія?

— Да, я ихъ принимаю.

— Хорошо, — значитъ, остается только исполнить одну маленькую формальность.

— Формальность?!—какую-же это?

— Относительно заложниковъ.

— Какихъ такихъ заложниковъ, — да развѣ я не далъ вамъ своего слова?

— Да, дѣйствительно дали!

— Такъ чего-же вамъ еще надо?

— Я уже сказалъ вамъ—заложниковъ: вы хорошо понимаете, сеньоръ, что я не могу довѣрить жизнь моихъ товарищей и свою—не скажу,—вамъ, такъ какъ имѣю ваше слово и считаю его достаточнымъ, но вашимъ солдатамъ, которые, не смотря на свои военныя доблести, не постѣснятся, если мы очутимся въ ихъ рукахъ, ограбить насъ и даже поступить съ нами еще хуже: — у васъ не регулярныя войска, а гверильясы и при всей строгости вашей дисциплины я сомнѣваюсь, чтобы она могла насъ оградить въ вашемъ отсутствіи.

Куэлляръ, внутренно польщенный словами графа, улыбнулся и сказалъ:

— Можетъ быть, есть доля правды въ томъ, что вы говорите,—но къ дѣлу — какихъ заложниковъ и въ какомъ количествѣ вы желаете?

— Только одного, сеньоръ,—видите: не много!

— Да, дѣйствительно немного—но кого же это?

— Васъ самихъ!—коротко и отчетливо отвѣтилъ графъ.

— Чортъ возьми! — насмѣшливо возразилъ Куэлляръ,— вашъ выборъ недуренъ, да, этого вамъ будетъ достаточно!

— Въ виду этого мы и не желаемъ другихъ.

— Это очень печально.

— Почему?

— Потому, что я на это не согласенъ, чортъ возьми, а что же меня-то обезпечиваетъ, скажите мнѣ, пожалуйста?

— Слово французскаго дворянина, кабаллеро,—отвѣтилъ съ достоинствомъ графъ, — слово, которое никогда еще не давалось напрасно.

— Ну, что же, — продолжалъ Куэлляръ со свойственнымъ ему добродушіемъ, которое, когда онъ этого желалъ, заставляло считать его прекраснѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, — хорошо, я принимаю: мнѣ интересно подвергнуть испытанію слово, которымъ французы такъ гордятся. Согласенъ! я буду вашимъ заложникомъ—но сколько времени пробуду я у васъ? для меня очень важно рѣшить этотъ вопросъ.

— Мы желаемъ только, чтобы вы насъ сопровождали до Пуэбло. Когда этотъ городъ покажется передъ нашими глазами, вы будете совершенно свободны. Если вы желаете, то можете для обезпеченія вашего возвращенія взять съ собой свиту въ десять человѣкъ.

— Хорошо сказано! теперь я вашъ кабаллеро. Донъ Мельхіоръ, вы останетесь въ мое отсутствіе при отрядѣ и наблюдайте, чтобы все было въ порядкѣ.

— Хорошо! — отвѣтилъ донъ Мельхіоръ глухимъ голосомъ.

Графъ, перекинувшись нѣсколькими словами на ухо съ майордомомъ, обратился снова къ Куэлляру.

— Сеньоръ, распорядитесь пожалуйста, чтобы привели нашихъ пеоновъ и, пока вы останетесь съ нами, Лео Карраль отправится сдѣлать нужныя распоряженія для нашего отъѣзда.

— Хорошо, — сказалъ Куэлляръ, — майордомъ можетъ смѣло идти. Слушайте вы,—обратился онъ къ неподвижно стоящимъ гверильясамъ,—этотъ человѣкъ свободенъ—пусть приведутъ сюда пеоновъ!

Человѣкъ пятнадцать бѣдныхъ существъ въ крови, въ лохмотьяхъ, но вооруженные, какъ это было условлено, по-

казались въ залѣ—это было все, что осталось отъ защитниковъ гасіенды.

Въ это время Куэлляръ, не ожидая приглашенія, переступилъ порогъ, вошелъ въ залъ и помѣстился за баррикадой.

Донъ Мельхіоръ чувствовалъ всю неловкость своего положенія особенно теперь, когда онъ остался одинъ лицомъ къ лицу съ осажденными; онъ собирался удалиться, но донъ Андресъ приподнялся и сказалъ ему сильнымъ и повелительнымъ голосомъ:

— Остановитесь, Мельхіоръ, мы не можемъ разстаться такъ съ вами теперь, когда больше уже не придется намъ съ вами встрѣтиться въ этомъ мірѣ. Намъ надо объясниться, это даже необходимо при нашей послѣдней встрѣчѣ!

Донъ Мельхіоръ вдрогнулъ при звукѣ этого голоса, поблѣднѣлъ и сдѣлалъ даже движеніе, какъ будто хотѣлъ скрыться, но вдругъ остановился, гордо поднявъ голову, и спросилъ:

— Говорите, чего вы хотите отъ меня, я слушаю!

Въ продолженіи нѣкотораго, довольно продолжительнаго времени старикъ пристально глядѣлъ на сына и чего-чего только нельзя было прочесть въ этомъ взорѣ — и любовь, и озлобленіе, и печаль, и презрѣніе. Наконецъ, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и заговорилъ:

— Для чего вы скрываетесь? оттого ли, что ваше преступленіе внушаетъ вамъ ужасъ, или вами руководитъ одно бѣшенство, что отцеубійство вамъ не удалось и жизнь вашего отца спасена, несмотря на всѣ ваши старанія отнять ее у него? Богъ помѣшалъ исполненію вашихъ гнусныхъ намѣреній, но Онъ меня наказываетъ за мою слабость къ вамъ и за то, что я далъ вамъ мѣсто въ моемъ сердцѣ. Я дорого плачусь за свои ошибки, но теперь пелена, наконецъ, спала съ моихъ глазъ. Идите и будьте на вѣки отмѣчены знакомъ Каина на лицѣ—будьте прокляты! и пусть это проклятіе вѣчно тяготѣетъ на вашей душѣ! Идите, отцеубійца, я не хочу знать васъ болѣе!

Донъ Мельхіоръ, несмотря на всю свою храбрость, не могъ вынести устремленнаго на него сверкающаго взгляда отца. Страшная блѣдность покрыла его лицо, нервная дрожь потрясла всѣ его члены, голова склонилась подъ тяжестью отцовскаго проклятія и онъ тихо, не оборачиваясь, началъ отступать, какъ будто бы вопреки его волѣ какая то непреоборимая сила увлекала его, и исчезъ, наконецъ, посреди гверильясовъ, которые въ ужасѣ разступались, оставляя свободный проходъ.

Мрачное молчаніе наступило въ залѣ; даже эти, почти лишенные нервовъ люди находились подъ мрачнымъ впечатлѣніемъ страшнаго проклятія отцемъ преступнаго сына.

Куэлляръ первый пришелъ въ себя.

— Вы сдѣлали большую ошибку,—сказалъ онъ, дону Андресъ, пожимая плечами,—нанося публично вашему сыну это кровное оскорбленіе.

— Да, да, я васъ понимаю,—грустно отвѣчалъ старикъ,—онъ отомститъ мнѣ за это. Но что больше онъ можетъ мнѣ сдѣлать: моя жизнь и безъ того изломана!

И опустивъ голову на грудь, старикъ погрузился въ мрачное и глубокое размышленіе.

— Остерегайтесь его,—сказалъ графу Куэлляръ,—я знаю дона Мельхіора: онъ по происхожденію и характеру настоящій индѣецъ.

Въ это время донна Долоресъ, которая раньше скрывалась робко за баррикадой, поднялась, раздвинула преграждающую ей путь мебель, легко проскользнула, приблизилась къ дону Андресъ и сѣла около него.

Но послѣдній оставался по прежнему неподвижнымъ: онъ не видѣлъ и не слышалъ ея приближенія. Она склонилась къ нему, схватила его руки, сжимая въ своихъ рукахъ, нѣжно цѣловала его лицо и своимъ нѣжнымъ голосомъ съ чувствомъ, которое не поддается описанію успокаивала его.

— О, дорогой отецъ! взгляните на другого вашего ребенка, который любитъ и обожаетъ васъ. Не предавайтесь

отчаянію, взгляните на меня, на вашу дочь, неужели вы совсѣмъ разлюбили меня, которая такъ сильно любитъ васъ?

Тогда донъ Андресъ поднялъ свое, омоченное слезами лицо и раскрылъ свои объятія, въ которыя дочь его радостно бросилась.

— О, я неблагодарный,—сказалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ,—а я еще сомнѣвался въ безконечной добротѣ Всевышняго; у меня остается дочь, я не одинъ на землѣ и еще не всѣ надежды для меня потеряны!

— Да, мой отецъ, Господь Богъ послалъ вамъ только испытаніе, но Онъ не оставитъ васъ въ вашемъ горѣ, будьте тверды въ несчастіи, предоставьте неблагодарнаго сына его раскаянію, снимите съ него ваше ужасное проклятіе и позвольте ему вернуться и на колѣнахъ вымолить у васъ прощеніе, онъ не можетъ не любить васъ, такого благороднаго, добраго и великодушнаго, и отречется отъ своихъ заблужденій!

— Не упоминай мнѣ никогда больше о твоемъ братѣ, дитя,—сказалъ онъ суровымъ голосомъ,—этотъ человѣкъ для меня болѣе не существуетъ; у тебя нѣтъ брата да и никогда его не было. Извини меня за обманъ, этотъ негодяй никогда не былъ членомъ нашей семьи; нѣтъ, это чудовище не можетъ быть моимъ сыномъ, я самъ ошибался, когда думалъ, что моя кровь течетъ въ его жилахъ!

— Успокойтесь, отецъ, умоляю васъ во имя Бога!

— Приди ко мнѣ, дитя мое,—сказалъ старикъ, сжимая ее въ объятіяхъ,—не покидай меня, мнѣ необходимо твое присутствіе здѣсь, около меня, чтобы я не чувствовалъ своего одиночества и имѣлъ бы силы побороть свое отчаяніе Повторяй мнѣ, что ты меня любишь; ты не можешь понять, какъ эти слова отрадно дѣйствуютъ на мою душу и облегчаютъ мою печаль!

Гверильясы тѣмъ временемъ разсѣялись по гасіендѣ по всѣмъ направленіямъ, грабя и разрушая, ломая мебель и взламывая опытною рукою замки; только, въ виду дого-

вора, одно помѣщеніе графа уцѣлѣло отъ этого общаго грабежа. Рембо и Ибарри, снятые Лео Карралемъ съ ихъ долгаго караула, принялись грузить на муловъ имущество графа и Доминика. Сначала, гверильясы смотрѣли, подсмѣиваясь надъ неловкостью ихъ при исполненіи этой непривычной для нихъ работы. Потомъ, они предложили Рембо свои услуги и тотъ имѣлъ мужество принять ихъ; и вотъ люди, которые, при другихъ обстоятельствахъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти бросились бы грабить всѣ эти очень цѣнныя вещи, теперь дѣятельно занялись упаковкой ихъ на муловъ; имъ не приходило въ голову попользоваться даже мелочью.

Ихъ умѣлыми руками багажъ двухъ молодыхъ людей былъ очень скоро нагруженъ на трехъ вьючныхъ муловъ и оставалось только осѣдлать лошадей, что также охотно въ одинъ моментъ было исполнено гверильясами.

Лео Карраль вернулся въ залъ и объявилъ, что всѣ приготовленія къ отъѣзду окончены.

— Господа, мы можемъ двинуться въ путь, когда вы пожелаете!—сказалъ графъ.

— Ну, такъ скорѣй, скорѣй въ дорогу!

Они вышли изъ зала, окруженные со всѣхъ сторонъ гверильясами, которые криками выражали свое озлобленіе, но не смѣли приблизиться, сдерживаемые присутствіемъ своего начальника.

Когда всѣ осажденные усѣлись на лошадей, а также и небольшая свита начальника, состоящая изъ десятка гверильясовъ подъ начальствомъ одного изъ офицеровъ, то Куэлляръ, отдавъ остающимся солдатамъ приказаніе слушаться до его возвращенія во всемъ дона Мельхіора, велѣлъ трогаться,—и маленькій караванъ, состоящій человѣкъ изъ шестидесяти, считая женщинъ и дѣтей, выступилъ въ поле; это все, что оставалось отъ двухсотъ служителей гасіенды. Куэлляръ ѣхалъ впереди, справа отъ графа, за ними донна Долоресъ, между своимъ отцемъ и Доминикомъ, далѣе, слѣдовали пеоны съ нагруженными мулами подъ начальствомъ

Лео Карраля и два человѣка графа, а далѣе, въ арріергардѣ, гверильясы.

Они тихо спустились съ холма и скоро выѣхали на равнину; ночь окутывала все темнымъ мракомъ, было всего два часа утра и холодъ пронизывалъ до костей; бѣдные путешественники дрожали подъ плащами.

Минутъ черезъ двадцать они достигли большой дороги въ Пуэбло, по которой и направились болѣе скорымъ аллюромъ. Городъ былъ отъ нихъ въ разстояніи пяти-шести лье и они надѣялись добраться до него при восходѣ солнца или вскорѣ, послѣ него.

Вдругъ небо окрасилось кровавымъ свѣтомъ и освѣтило мѣстность—это горѣла гасіенда.

Съ грустью увидѣлъ печальное зрѣлище донъ Андресъ, испустилъ глубокій вздохъ, но ничего не промолвилъ.

Одинъ Куэлляръ только рѣшился заговорить, онъ старался доказать графу, что война имѣетъ свои печальныя требованія; донъ Андресъ давно уже считается преданнымъ партизаномъ Мирамона и взятіе, и разрушеніе гасіенды явилось только результатомъ нерасположенія ея хозяина къ Хуарецу и къ его партіи. Графъ прекрасно понималъ всю безполезность спора на эту тему съ подобнымъ человѣкомъ и потому не давалъ себѣ труда возражать ему. Они уже три часа были въ пути и ничто не прерывало однообразія ихъ движенія.

Солнце начало восходить и при первыхъ лучахъ восхода, соборы въ Пуэбло съ ихъ высокими колокольнями показались вдали темными и неясными силуэтами на темной лазури неба. Графъ остановилъ караванъ и обратился къ Куэлляру:

— Сеньоръ, вы честно исполнили всѣ наши условія, примите изъявленіе благодарности отъ меня и отъ моихъ друзей: мы не болѣе двухъ лье отъ Пуэбло, день уже начался и ваше присутствіе не является болѣе необходимостью.

— Дѣйствительно, сеньоръ, я думаю, что теперь вы можете обойтись безъ меня, я удаляюсь отъ васъ, повторяя

вамъ мое сожалѣніе о томъ, что произошло, къ несчастью, не я тутъ виной и...

— Пожалуйста, довольно объ этомъ, — перебилъ его графъ, — сдѣланнаго не воротишь и потому не будемъ разстраивать себя безполезными сожалѣніями!

Куэлляръ поклонился.

— Еще одно слово, графъ!—сказалъ онъ шепотомъ.

Молодой человѣкъ приблизился.

— Позвольте подать вамъ одинъ совѣтъ при прощаньи.

— Слушаю.

— Вы еще не въ самой Пуэбло, вамъ остается не менѣе двухъ часовъ пути: будьте осторожны и внимательно осматривайте окрестность.

— Что вы хотите сказать, сеньоръ?

— Никто не знаетъ, что съ нимъ можетъ случиться, повторяю вамъ опять, будьте осторожны.

— Прощайте, сеньоръ! — отвѣтилъ, возвращая поклонъ, молодой человѣкъ.

Куэлляръ, вѣжливо попрощавшись со своими дорожными товарищами, помѣстился во главѣ своего малаго отряда и удалился въ галопъ. По дорогѣ онъ обернулся и выразительнымъ знакомъ напомнилъ еще разъ молодому человѣку о необходимости быть осторожнымъ.

Графъ задумчиво слѣдилъ за удаляющейся кавалькадой.

— Что съ тобой, мой другъ?—спросилъ Доминикъ.

Графъ передалъ ему прощальныя слова Куэлляра.

Вакеро нахмурилъ брови.

— Какая-то тайна скрывается подъ этими словами, во всякомъ случаѣ совѣтъ хорошъ и нельзя упустить изъ вида этого предостереженія.

XVIII. Засада.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ отъѣзда Куэлляра печальный караванъ въ молчаніи продолжалъ свой путь.

Послѣдніе слова начальника гверильясовъ не выходили изъ головы графа и вакеро, и очень безпокоили ихъ. Не высказывая другъ другу своихъ мрачныхъ предчувствій они подвигались въ высшей степени осторожно, осматривая постоянно окрестности и держась наготовѣ при малѣйшемъ подозрительномъ звукѣ.

Было пять часовъ утра—время, когда природа кругомъ какъ будто затихаетъ на моментъ, когда ночь переходитъ въ день и, какъ будто растворяясь въ немъ, разливается кругомъ какимъ-то опаловымъ цвѣтомъ, придающимъ всему окружающему туманныя, неясныя, фантастическія очертанія. Сѣроватый туманъ, поднимаяся къ небу, разрываясь и разсѣиваясь съ одной стороны подъ лучами все ярче и ярче выступающаго солнца, заволакивалъ еще противоположную сторону окрестностей: однимъ словомъ, ночь уже окончилась, а день не вступилъ во всѣ свои права. Вдали видны были многочисленные верхи зданій въ Пуэблѣ, выдѣляясь неясными очертаніями на темноголубомъ небѣ; деревья, обмытыя обильной ночною росой, казались свѣжѣе и зеленѣе, на каждомъ листочкѣ отливала капелька хрустальной воды и вѣтки, колеблемыя утреннимъ вѣтеркомъ, покачиваясь, таинственно между собой перешептывались. Птицы, пріютившіяся на вѣткахъ, начинали свой веселый концертъ; дикіе быки тамъ и сямъ выставляли изъ высокой травы свои головы и испускали глухое мычаніе.

Караванъ съ трудомъ подвигался по неудобной тропинкѣ, сжатой справа и слѣва искусственными возвышеніями земли плантацій агавъ. Эти растенія застилали окрестность и препятствовали осмотру мѣстности, столь необходимому при настоящихъ обстоятельствахъ, какъ единственной мѣры для обезпеченія безопасности путешественниковъ.

Графъ приблизился къ Доминику и наклонился къ нему на сѣдлѣ.

— Другъ мой, — сказалъ онъ тихимъ и подавленнымъ голосомъ, — не знаю отчего, но я чувствую какое-то особенное безпокойство; прощальныя слова этого бандита не-

вольно заставили сжаться мое сердце—мнѣ чудится въ нихъ предсказаніе какого-то скораго, ужаснаго и неизбѣжнаго несчастія, несмотря на то, что мы уже вблизи города и окружающая насъ тишина, казалось-бы, должна была противорѣчить этому настроенію.

— Вотъ эта-то самая тишина, — отвѣтилъ тоже тихимъ голосомъ Доминикъ, — вызываетъ и у меня необъяснимую тревогу — у меня тоже предчувствіе несчастія и здѣсь мы, какъ въ ловушкѣ—трудно выбрать лучшее мѣсто для засады.

— Что-же дѣлать?—прошепталъ графъ.

— Трудно сказать — положеніе не изъ легкихъ, однако надо принять всѣ мѣры предосторожности. Помѣсти дона Андреса съ дочерью въ авангардѣ, предупреди пеоновъ, чтобы они были насторожѣ и держали ружья на готовѣ при малѣйшей тревогѣ, я-же тѣмъ временемъ пойду поразвѣдую, не слѣдитъ-ли за нами непріятель и при случаѣ съумѣю сбить его съ пути. Но не будемъ терять времени!

При этихъ словахъ вакеро соскочилъ съ лошади, передалъ поводья пеону, подхватилъ ружье подъ лѣвую руку и, взобравшись на возвышеніе справа, тотчасъ-же исчезъ въ кустарникахъ.

Оставшись одинъ, графъ началъ принимать указанные его другомъ мѣры: — онъ помѣстилъ самыхъ надежныхъ съ лучшимъ вооруженіемъ пеоновъ въ арріергардѣ, внушивъ имъ внимательно слѣдить за всѣмъ окружающимъ, но скрылъ отъ нихъ, во избѣжаніе излишней тревоги, всю важность и опасность настоящаго положенія.

Майордомъ, будто предугадывая опасеніе графа и предвидя возможность нападенія, окружилъ дона Андреса съ дочерью преданными служителями и во главѣ этой кавалькады отдѣлился шаговъ на сто впередъ каравана.

Донна Долоресъ была подавлена впечатлѣніями этой ночи и подчинялась всѣмъ распоряженіямъ механически, безсознательно, не вникая въ распоряженія своихъ друзей, не раздѣляя ихъ опасеній и не сознавая опасности своего положенія: у нея была одна забота объ отцѣ, доведенномъ

предъидущими событіями до положенія прострацін, все болѣе и болѣе усиливавшейся.

Дѣйствительно, съ самаго выѣзда изъ гасіенды онъ, несмотря на просьбы и мольбы дочери, не произнесъ ни слова и ѣхалъ блѣдный, съ безжизненнымъ взглядомъ, опустивъ голову на грудь. Его тѣло постоянно подергивалось какимъ-то нервнымъ трепетомъ и весь видъ выражалъ тоску и отчаяніе: — воля его была подавлена, онъ, повидимому, ничего не сознавалъ и подчинялся движенію своей лошади.

Преданный своему господину и своей молодой госпожѣ Лео Карраль хорошо понималъ, что при нападеніи старикъ не будетъ въ состояніи оказать ни малѣйшаго сопротивленія, и потому особенно убѣждалъ окружающихъ дона Андреса служителей, въ случаѣ схватки, не терять его изъ вида и стараться всѣми силами удалить его отъ опасности. Послѣ этихъ распоряженій майордомъ по знаку подъѣхалъ къ графу.

— Я вижу, что вы, какъ и я, предчувствуете опасность!

Лео Карраль печально покачалъ головой.

— Донъ Мельхіоръ не оставитъ начатаго дѣла, — отвѣтилъ онъ, — пока оно не будетъ окончательно выиграно или проиграно.

— И вы считаете его способнымъ на такое ужасное предательство?

— Этотъ человѣкъ способенъ на все!

— Такъ, значитъ, онъ извергъ — чудовище?

— Нѣтъ, — кротко отвѣчалъ майордомъ, — онъ, мѣшанной крови и вмѣстѣ съ тѣмъ завистливъ и высокомѣренъ; онъ прекрасно понимаетъ, что только богатство можетъ доставить ему видимые почетъ и вліяніе, которые его такъ страстно привлекаютъ: — для достиженія этого онъ не остановится ни передъ какими средствами!

— Даже и передъ убійствомъ отца?

— Даже и передъ этимъ убійствомъ!

— Вы сообщаете мнѣ ужасныя вещи.

— Что-же дѣлать, если это вѣрно!

— Слава Богу, мы приближаемся къ Пуэблѣ, а въ городѣ намъ уже нечего бояться.

— Такъ-то, такъ — но мы еще не доѣхали, а вы навѣрное также, какъ и я, знаете нашу пословицу, ваше сіятельство.

— Какую?

— Между кубкомъ наслажденій и ртомъ можетъ находиться чаша золъ.

— Надѣюсь, что теперь этого не будетъ!

— Я и самъ этого желаю, но вы меня звали, ваше сіятельство?

— Я хочу передать вамъ одно распоряженіе.

— Слушаю.

— Въ случаѣ нападенія я васъ попрошу предоставить насъ собственнымъ силамъ и, съ дономъ Андресомъ и дочерью спасаться во всю прыть по направленію къ Пуэблѣ:— можетъ быть, вамъ удастся достигнуть стѣнъ города, пока мы здѣсь задержимъ непріятеля.

— Я исполню ваше распоряженіе — къ моему господину враги не приблизятся иначе, какъ черезъ мой трупъ. Не имѣете-ли вы еще какихъ либо распоряженій, ваше сіятельство?

— Нѣтъ,—больше никакихъ, съ Богомъ! Возвращайтесь на ваше мѣсто.

Майордомъ поклонился и вскачь присоединился къ служителямъ, окружавшимъ дона Андреса съ дочерью.

Почти въ тоже время показался Доминикъ на краю тропинки. Онъ сѣлъ на свою лошадь и подъѣхалъ съ правой стороны къ графу.

— Ну что-же? удалось тебѣ что-либо открыть?

— И да, и нѣтъ!—отвѣтилъ въ полголоса Доминикъ.

Его лицо было пасмурно, брови нахмурены, почти сжаты вмѣстѣ. Графъ внимательно взглянулъ на него и еще сильнѣе почувствовалъ свое безпокойство.

— Объяснись!—сказалъ онъ, наконецъ.

— Къ чему? ты все равно не поймешь!

— Все-таки скажи—можетъ быть, и пойму!

— Вотъ въ чемъ дѣло:—справа, слѣва и сзади равнина совсѣмъ свободна — я въ этомъ убѣдился. И если, дѣйствительно, существуетъ опасность, то не съ этихъ сторонъ ее надо ожидать; если намъ разставлена ловушка, то только впереди, такъ какъ только между нами и городомъ можетъ находиться непріятель.

— Почему ты предполагаешь это?

— По признакамъ для меня совершенно очевиднымъ. Я научился ихъ распознавать въ степяхъ и вслѣдствіе долгой практики распознаю ихъ съ перваго взгляда. Здѣсь люди незнакомы съ этимъ и не принимаютъ тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя такъ необходимы въ степяхъ, что при упущеніи хоть-бы одной изъ нихъ неосторожный охотникъ или воинъ выдаетъ себя непріятелю и платится жизнью.

Здѣсь слѣды легко различаются и еще легче прослѣживаются, такъ какъ они ясно видны даже и для неопытнаго глаза. Ну, слушай теперь: отъ самого Ареналя многочисленная кавалькада ѣхала въ томъ-же направленіи, только не по нашей дорогѣ, но съ правой стороны на разстояніи не болѣе ружейнаго выстрѣла. Вотъ эти-то самые всадники и кто-бы они ни были, въ разстояніи полулье отсюда сдѣлали крюкъ, направляясь немного влѣво, какъ будто хотѣли къ намъ приблизиться, но потомъ прибавили ходу, перегнали насъ и въѣхали на нашу-же тропинку, такъ что теперь мы ѣдемъ за ними слѣдомъ.

— Что-же ты изъ этого заключаешь?

— А то, что положеніе наше серьозно — даже болѣе того, — можно сказать, критическое: — какихъ-бы мѣръ предосторожности мы не предпринимали, я боюсь, что противникъ намъ не подъ силу. Посмотри, какъ нашъ путь по немногу все съуживается и какъ края дороги дѣлаются все круче — мы теперь двигаемся по узкому проходу и минутъ черезъ пятнадцать-двадцать достигнемъ мѣста, гдѣ этотъ проходъ выходитъ на равнину: — вотъ въ этомъ-то мѣстѣ— повѣрь мнѣ, насъ и ожидаютъ наши преслѣдователи.

— Все это, къ сожалѣнію, ясно, какъ день, но наше несчастіе въ томъ, что мы не можемъ уклониться отъ опасности—не смотря ни на что, намъ надо идти впередъ.

— Я знаю и это очень печально, — сказалъ вакеро со вздохомъ, бросая мелькомъ взглядъ на донну Долоресъ, — если-бы дѣло касалось только насъ — то все было-бы очень просто — мы, мужчины, и съумѣемъ дорого продать свою жизнь—но этотъ старикъ и это молодое существо—спасемъ-ли мы ихъ нашей смертью.

— Во всякомъ случаѣ мы ни передъ чѣмъ не остановимся, чтобы спасти ихъ отъ руки ихъ преслѣдователей.

— Мы приближаемся къ опасному мѣсту—выѣдемъ впередъ и приготовимся ко всему.

Они подняли лошадей въ галопъ.

Прошло нѣсколько минутъ — они достигли мѣста, гдѣ тропинка, передъ выходомъ на равнину, дѣлала крутой поворотъ.

— Готовься!—сказалъ шепотомъ графъ.

Всѣ взвели курки и приложили палецъ къ собачкѣ.

Проѣхали поворотъ и вдругъ вся кавалькада въ ужасѣ остановилась.

Конецъ тропинки былъ загражденъ наваленными поперекъ деревьями, камнями и сучьями; за этимъ препятствіемъ засѣло человѣкъ десять въ неподвижно угрожающихъ позахъ. При свѣтѣ восходящаго солнца и слѣва и справа на возвышеніяхъ всюду блестѣло оружіе.

Человѣкъ верхомъ гордо держался впереди баррикады на самой серединѣ тропинки:—это былъ донъ Мельхіоръ.

— Ха! ха! ха!—ѣдко засмѣялся онъ,—каждому свой чередъ, кабаллеро. Кажется, на этотъ разъ ваша судьба въ моихъ рукахъ и теперь я могу предписывать вамъ условія!

Смущенный этой неожиданностью, графъ выступилъ впередъ:

— Подумайте раньше, чѣмъ исполнить ваше намѣреніе, сеньоръ Берегитесь: мы честно заключили условія съ ва-

шимъ начальникомъ и всякое нарушеніе ихъ явится измѣной и ляжетъ позоромъ на его имя!—сказалъ графъ.

— Все это прекрасно,—отвѣчалъ донъ Мельхіоръ,—но мы не регулярное войско—мы ведемъ войну партизанскую: — у насъ свои правила и мы мало заботимся, что объ насъ могутъ подумать. Поэтому вмѣсто того, чтобы вести праздные разговоры,—совершенно безполезные при настоящихъ обстоятельствахъ, не будетъ-ли съ вашей стороны цѣлесообразнѣе справиться, на какихъ условіяхъ я соглашусь васъ пропустить.

— Условіяхъ?!.. мы никакихъ не принимаемъ, кабаллеро, и если вы не захотите добровольно пропустить насъ, то мы заставимъ васъ сдѣлать это силой и не остановимся ни передъ какими жертвами и послѣдствіями стычки между нами.

— Попытайтесь!—отвѣтилъ онъ насмѣшливо.

— Да, и непремѣнно попытаемся!

Донъ Мельхіоръ пожалъ презрительно плечами и, обращаясь къ своимъ скомандовалъ:

— Пли!

Раздался оглушительный громъ выстрѣловъ,—и градъ свинца ударилъ въ путешественниковъ.

— Впередъ! впередъ!—скомандовалъ графъ.

Пеоны ударили съ криками бѣшенства на баррикаду.

Началась страшная битва. Пеоны сознавали, что имъ нечего ожидать пощады отъ жестокихъ противниковъ, и дрались съ необыкновеннымъ мужествомъ: — они не разсчитывали на побѣду—это казалось невозможнымъ, но рѣшились дорого продать свою жизнь.

Донъ Андресъ вырвался изъ рукъ дочери, которая тщетно пыталась его удержать, и съ одной саблей въ рукахъ бросился въ самую горячую схватку.

Натискъ пеоновъ былъ такъ быстръ и силенъ, что съ перваго раза они прошли баррикаду, столкнулись грудь съ грудью съ непріятелемъ и перешли къ холодному оружію,—такъ какъ и пистолеты и ружья не могли болѣе оказать пользы.

Расположенные на высотахъ не могли стрѣлять, боясь, въ этой общей свалкѣ причинить вредъ своимъ, и должны были оставаться безучастными зрителями.

Донъ Мельхіоръ никакъ не ожидалъ встрѣтить такого сильнаго сопротивленія: — благодаря выгодѣ своего положенія, онъ полагалъ легко одержать верхъ и достигнуть полнаго подчиненія, но оборотъ дѣла спуталъ самымъ неожиданнымъ образомъ всѣ его разсчеты и въ головѣ его явилось опасеніе за послѣдствія его поступка: Куэлляръ, безъ сомнѣнія, могъ простить ему измѣну, если-бы все обошлось благополучно и безъ потерь, но совсѣмъ иначе отнесется, узнавъ о безполезной гибели части его самыхъ храбрыхъ солдатъ.

Это еще удвоило бѣшенство дона Мельхіора.

Между тѣмъ ряды пеоновъ страшно рѣдѣли и оставалась только малая кучка сражающихся, — остальные были убиты или ранены.

Лошадь подъ дономъ Андресомъ была убита, но старикъ, не смотря на полученныя имъ двѣ раны и на потерю крови, продолжалъ сражаться.

Вдругъ, онъ испустилъ страшный крикъ отчаянія:

Какъ тигръ, бросился донъ Мельхіоръ на малую кучку людей, посреди которой находилась донна Долоресъ, и, опрокидывая и убивая всѣхъ на пути, схватилъ молодую дѣвушку. Не смотря на сопротивленіе, онъ перекинулъ ее на шею лошади и перескакивая черезъ всѣ препятстія, ускакалъ, оставляя своихъ людей на произволъ судьбы.

Послѣдніе, предоставленные себѣ, не видѣли цѣли продолжать эту безполезную рѣзню и въ виду, вѣроятно, какого-либо предварительнаго распоряженія, разсѣялись въ разныя стороны, освобождая каравану дорогу въ Пуэбло.

Похищеніе донны Долоресъ произошло такъ быстро и неожиданно, что никто сначала этого не замѣтилъ,—и только крики дона Андреса возбудили тревогу.

Не взирая на опасности, графъ и майордомъ бросились въ погоню за дономъ Мельхіоромъ.

Но у него была прекрасная лошадь, онъ былъ впереди, лошади у преслѣдователей были утомлены и разстояніе между ними все возростало.

Доминикъ подбѣжалъ къ распростертому на землѣ дону Андресу, осторожно его поднялъ и сказалъ:

— Надѣйтесь, сеньоръ,—я спасу ее!

Старикъ взглянулъ на него съ глубокой благодарностью и лишился чувствъ.

Вакеро, оставивъ дона Андреса на рукахъ служителей, вскочилъ на лошадь, пришпорилъ ее и тоже помчался за похитителемъ.

Преслѣдованіе продолжалось.

Вакаро тотчасъ же убѣдился, что лошадь подъ дономъ Мельхіоромъ лучше, чѣмъ лошади подъ нимъ и подъ его друзьями и что скоро онъ скроется изъ вида.

Но донъ Мельхіоръ, скакавшій раньше прямо, вдругъ завернулъ, какъ будто впереди явилось какое-то непредвидѣнное препятствіе, и перемѣнилъ направленіе, сворачивая все вправо, такъ что одинъ моментъ казалось, что онъ хочетъ приблизиться къ своимъ преслѣдователямъ; послѣдніе въ свою очередь стремились пересѣчь ему дорогу. Доминикъ остановилъ лошадь, слѣзъ и взвелъ курокъ ружья.

Донъ Мельхіоръ, судя по избранному имъ направленію, долженъ былъ проѣхать шагахъ въ ста отъ вакеро.

Послѣдній перекрестился, приложилъ ружье и спустилъ курокъ.

Лошадь дона Мельхіора, пораженная въ голову, какъ скошенная, упала на землю, увлекая въ своемъ паденіи ѣздока.

Вдали показалось человѣкъ тридцать всадниковъ, которые мчались къ мѣсту засады.

Впереди ѣхалъ Куэлляръ.

Не смотря на всю поспѣшность графа и майордома, Куэлляръ раньше ихъ достигъ мѣста паденія дона Мельхіора.

Расшибленный донъ Мельхіоръ поднялся и перегнулся

надъ своей сестрой, желая помочь ей встать, но она была безъ чувствъ.

— Чортъ возьми!—вскричалъ гнѣвнымъ голосомъ Куэлляръ - однако вы, сеньоръ, прекрасный товарищъ: — вы съ рѣдкимъ талантомъ замышляете измѣну и засады, но пусть чортъ мнѣ свернетъ шею, раньше, чѣмъ придетъ этому время, если я когда либо буду еще съ вами якшаться!

— Вы плохо выбираете время для шутокъ, сеньоръ,— отвѣчалъ донъ Мельхіоръ—эта молодая особа, моя сестра,— лежитъ безъ чувствъ.

— А кто виноватъ?—рѣзко вскричалъ начальникъ,—не сами ли вы для того, чтобы похитить ее, не знаю ужъ съ какою цѣлью, пожертвовали двадцатью храбрыми солдатами моего отряда? Но этого уже больше не будетъ, клянусь, что теперь уже всему конецъ!

— Что вы хотите сказать?—надмѣнно спросилъ донъ Мельхіоръ.

— Я хочу попросить васъ доставить мнѣ большое удовольствіе и убраться, куда вы хотите, но только не по одному со мною направленію. Съ этого времени я разсчитываю никогда васъ не встрѣтить и не имѣть съ вами ничего общаго. Не правда ли, это ясно?

— Вполнѣ ясно, сеньоръ, и я не желаю дольше злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ—дайте двухъ лошадей для меня и для моей сестры, и я тотчасъ-же васъ оставлю.

— Да, чортъ возьми! Такъ я и снабдилъ васъ лошадьми: что же касается до этой молодой особы, то вотъ тамъ подъѣзжаютъ нѣсколько человѣкъ и я боюсь, что они едва-ли позволятъ вамъ такъ легко увезти ее.

Донъ Мельхіоръ поблѣднѣлъ отъ злобы, но понималъ, что никакое сопротивленіе не возможно.

Онъ скрестилъ на груди руки, гордо поднялъ голову и ждалъ.

Графъ, майордомъ и Доминикъ дѣйствительно подъѣзжали.

Куэлляръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ имъ на встрѣчу.

На душѣ у молодыхъ людей было неспокойно — они не знали намѣреній начальника и опасались встрѣтить въ немъ противника.

Но Куэлляръ поспѣшилъ ихъ разубѣдить въ этомъ.

— Вы подъѣзжаете какъ разъ во время, сеньоры,—обратился онъ дружественно къ нимъ,—надѣюсь, что вы не обидѣли меня подозрѣніемъ, и вѣрите, что я не причемъ въ этомъ чуть не погубившемъ васъ нападеніи.

— Мы никогда не сомнѣвались въ васъ!—вѣжливо отвѣтилъ графъ.

— Очень вамъ благодаренъ за ваше доброе мнѣніе обо мнѣ. Безъ сомнѣнія, вы являетесь требовать выдачи этой молодой особы?

— Да, дѣйствительно, съ этою цѣлью, сеньоръ!

— А если я не позволю вамъ увезти ее?—высокомѣрно вмѣшался донъ Мельхіоръ.

— Такъ я вамъ размозжу голову, сеньоръ—холодно возразилъ Куэлляръ:—вѣрьте—лучше не пробуйте со мною ссориться, а пользуйтесь хорошимъ моимъ расположеніемъ и убирайтесь, такъ какъ я могу раскаяться въ своемъ добродушіи и передать васъ въ руки вашихъ враговъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ донъ Мельхіоръ съ горечью, — я удаляюсь, потому что больше мнѣ ничего не остается дѣлать,—и обратясь презрительно къ графу, сказалъ:—мы еще встрѣтимся съ вами, сеньоръ, и надѣюсь, что, если тогда силы будутъ и не совсѣмъ на моей сторонѣ, то все таки болѣе уравновѣшены.

— Вы уже ошиблись въ вашихъ разсчетахъ, сеньоръ, я вполнѣ вѣрю въ Бога и надѣюсь, что и въ будущемъ будетъ то же самое.

— Ну, мы еще посмотримъ!—сказалъ онъ глухо, отступая на нѣсколько шаговъ, какъ бы желая удалиться.

— Ну, а не желаете ли вы узнать о вашемъ отцѣ, насколько онъ пострадалъ отъ вашей засады? — спросилъ съ тайной угрозой въ голосѣ Доминикъ.

— У меня нѣтъ отца! — отвѣтилъ съ ненавистью донъ Мельхіоръ.

— Дѣйствительно, нѣтъ! — вскричалъ съ отвращеніемъ графъ, — такъ какъ вы убили его!

Молодой человѣкъ вздрогнулъ; блѣдность покрыла его лицо; горькая улыбка показалась на его тонкихъ губахъ и, бросая на окружающихъ взглядъ ненависти, онъ двинулся со словами:

— Дорогу! дорогу! я принимаю это новое оскорбленіе, дорогу для отцеубійцы!...

Всѣ съ ужасомъ раздвинулись и глядѣли съ удивленіемъ на этого изверга, который съ наружнымъ спокойствіемъ адулялся по равнинѣ. Даже Куэлляръ и тотъ только покачивалъ головой.

— Да, это демонъ, а не человѣкъ! — сказалъ онъ, дѣлая знаменіе креста. Солдаты тоже перекрестились вслѣдъ за своимъ командиромъ.

Донну Долоресъ осторожно передали Доминику, который повезъ ее на лошади графа, а слѣдомъ и молодые люди въ сопровожденіи Куэлляра возвратились къ дону Андресу.

Въ отсутствіи ихъ пеоны, какъ умѣли, перевязали раны своего господина.

По возвращеніи, графъ распорядился устройствомъ носилокъ изъ вѣтвей деревьевъ. Эти носилки покрыли плащами и положили на нихъ дона Андреса съ дочерью; старикъ все еще оставался въ обморочномъ состояніи.

Куэлляръ простился съ графомъ.

— Трудно вамъ выразить, какъ я сожалѣю объ этомъ несчастномъ событіи, — сказалъ онъ съ оттѣнкомъ грусти, — хотя это и испанецъ и потому врагъ Мексики, но его печальное состояніе возбуждаетъ мое къ нему сочувствіе.

Молодые люди поблагодарили его за участіе и, устроивъ своихъ больныхъ, простившись съ нимъ окончательно, печально направились въ Пуэбло, куда и прибыли черезъ два

часа въ сопровожденіи родственниковъ дона Андреса, которые, узнавъ о его прибытіи отъ одного отдѣлившагося пеона, выѣхали на встрѣчу.

XIX. Осложненія.

Лоикъ замолчалъ.

Разсказъ ранчеро былъ продолжителенъ. Донъ Хаиме слушалъ, не прерывая его до самаго конца, съ спокойнымъ, безстрастнымъ лицомъ; только глаза его сильно блестѣли.

— Это все?—наконецъ, спросилъ онъ Лоика.

— Все, ваша милость!

— Какимъ образомъ узнали вы всѣ малѣйшія подробности этого ужаснаго происшествія?

— Самъ Доминго разсказывалъ мнѣ обо всемъ, онъ ходилъ почти какъ помѣшанный отъ огорченія и злобы и, узнавъ, что я отправляюсь къ вамъ, поручилъ мнѣ все это передать...

Донъ Хаиме рѣзко прервалъ его:

— Хорошо, а больше Доминго никакого другого порученія не давалъ вамъ ко мнѣ?—спросилъ онъ, пронизывая его сверкающимъ взглядомъ.

Ранчеро смѣшался.

— Ваша милость!—пробормоталъ онъ.

— Къ чорту проклятыя вѣжливости!—вскричалъ авантюристъ;—отчего это смущеніе? говори или задохнись!

— Ваша милость,—сказалъ онъ не рѣшительно,—я боюсь, не сдѣлалъ ли я глупости?

— Чортъ возьми! Я, по твоему смущенному виду, такъ и думалъ. Какая же эта глупость?

— Да вотъ, Доминго имѣлъ такой печальный видъ и ему такъ надо было васъ видѣть, онъ такъ горевалъ, что не знаетъ, гдѣ васъ найти, что я...

— Такъ что ты не могъ сдержать на привязи свой языкъ и объяснилъ ему...

— Гдѣ вы живете, ваша милость, да!

Послѣ этого признанія ранчеро покорно склонилъ голову, какъ бы подъ вліяніемъ внутренняго убѣжденія, что онъ совершилъ большое преступленіе.

Нѣкоторое время продолжалось молчаніе.

— Ну, и, конечно, ты объяснилъ ему, подъ какимъ именемъ я скрываюсь въ этомъ домѣ!—продолжалъ донъ Хаиме.

— Да вѣдь если бы я не открылъ ему этого,—отвѣчалъ съ наивнымъ видомъ Лоикъ,—то онъ былъ бы въ большомъ затрудненіи при розыскахъ вашей милости.

— Справедливо! Значитъ онъ скоро пріѣдетъ?

— Я этого опасаюсь.

— Ну, хорошо!

Донъ Хаиме прошелся въ размышленіи нѣсколько разъ по комнатѣ и приблизившись къ Лоику, стоявшему все время неподвижно, спросилъ:

— Вы одинъ явились въ Мексико?

— Нѣтъ, мы пріѣхали съ Лопецомъ, ваша милость, но я оставилъ его въ гостинницѣ у Белемской заставы, гдѣ онъ и ожидаетъ меня.

— Хорошо, отправляйтесь къ нему, но ничего не говорите ему, а черезъ часъ, но не раньше, приходите съ нимъ сюда, можетъ быть, вы оба мнѣ потребуетесь!

— Хорошо,— сказалъ онъ, потирая руки, — будьте спокойны, ваша милость, мы явимся.

— Ну, теперь до свиданія!

— Виноватъ, ваша милость, у меня еще къ вамъ записка.

— Записка! отъ кого?

Лоикъ пошарилъ въ своей одеждѣ, вытащилъ старательно сложенную и запечатанную записку и передалъ ее дону Хаиме.

— Вотъ она!—сказалъ онъ.

Авантюристъ взглянулъ на надпись.

— Донъ Эстебанъ! — воскликнулъ онъ съ радостью и быстро сорвалъ печать.

Коротенькая записка была вся шифрована, вотъ ея содержаніе:

„Все идетъ прекрасно, нашъ человѣкъ идетъ самъ на „поставленную ему приманку. Суббота въ полночь—пераль, „Надежда“.

„Корду“.

Донъ Хаиме изорвалъ записку на мельчайшіе кусочки.

— Какой сегодня день?—спросилъ онъ Лоика.

— Сегодня?—переспросилъ послѣдній, удивленный неожиданностью вопроса.

— Дуракъ! не о вчерашнемъ и не о завтрашнемъ днѣ рѣчь!

— Правда, ваша милость, сегодня у насъ вторникъ.

— Не могъ ты мнѣ тотчасъ же отвѣтить это?

Когда донъ Хаиме бывалъ взволнованъ отъ радости или отъ горя, онъ обращался на ты къ Лоику; послѣдній это зналъ и это служило ему непогрѣшимымъ барометромъ чувствъ авантюриста.

Донъ Хаиме опять въ зудумчивости прошелся по комнатѣ.

— Могу я идти?—рискнулъ спросить Лоикъ.

— Ты десять минутъ тому назадъ уже долженъ былъ уйти!—рѣзко замѣтилъ авантюристъ.

Ранчеро, не дожидаясь повторенія приказа, поклонился и вышелъ.

Донъ Хаиме остался одинъ, но тотчасъ отворилась дверь и двѣ дамы вошли въ комнату. На лицѣ ихъ отражалось безпокойство, онѣ робко приблизились къ нему и старшая изъ нихъ, донна Марія, спросила:

— Дурныя вѣсти вы получили, донъ Хаиме?

— О, да, сестра, даже очень дурныя.

— Можете вы сообщить ихъ намъ?

— У меня нѣтъ причины ихъ отъ васъ скрывать, тѣмъ болѣе, что онѣ касаются лицъ, которыми вы очень интересуетесь.

— О Боже!—вскричала Карменъ, складывая руки,—Долоресъ, можетъ быть?

— Да, Долоресъ, дитя мое—вашей подруги Долоресъ,— гасіенда Ареналь взята и сожжена партизанами Хуареца!

— О Господи!—печально вскричали обѣ донны,—бѣдная Долоресъ!—а донъ Андресъ?

— Донъ Андресъ опасно раненъ!

— Слава Богу, что еще не убитъ!

— Одно другого не лучше!

— Гдѣ-же они теперь?

— Укрылись въ Пуэблѣ, куда прибыли подъ защитой нѣсколькихъ пеоновъ подъ начальствомъ Лео Карраль.

— О, это преданный служитель!

— Да,—но я не думаю, чтобы ему одному удалось спасти своихъ господъ:—по счастію, въ гасіендѣ дона Андреса находились два французскихъ дворянина—графъ де-Солэ...

— Это тотъ, который женится на Долоресъ? — съ живостью спросила Карменъ.

— Да, тотъ самый, и баронъ Карлъ де-Меріадекъ, — атташе при французскомъ посольствѣ: повидимому, эти молодые люди проявили чудеса храбрости и, повидимому, только благодаря ихъ мужеству наши друзья избѣгли угрожавшихъ имъ опасностей.

— Да поможетъ имъ Богъ! — сказала донна Марія, — я ихъ не знаю, но считаю уже своими близкими друзьями.

— Вы вскорѣ познакомитесь, по крайней мѣрѣ, съ однимъ изъ нихъ — съ минуты на минуту я ожидаю барона де-Меріадека.

— Мы примемъ его наилучшимъ образомъ.

— Да, я васъ объ этомъ попрошу!

— Но Долоресъ не можетъ оставаться въ Пуэблѣ.

— Это и мое мнѣніе,—я хочу отправиться къ ней.

— Почему-бы ей не пріѣхать къ намъ? — сказала донна Карменъ, — здѣсь она была-бы въ безопасности, и отецъ ея нашелъ-бы надлежащій для себя уходъ.

— То, что вы говорите, Карменъ, совершенно справедливо,—вѣроятно, ей будетъ лучше пожить нѣкоторое время

съ вами — я объ этомъ подумаю: прежде всего мнѣ надо увидѣть дона Андреса и узнать — позволитъ-ли состоянiе здоровья перевезти его сюда?

— Братъ мой,—замѣтила донна Марiя,—я вижу, что вы все говорите только о доннѣ Долоресъ и ея отцѣ, но ни однимъ словомъ не упоминается о донѣ Мельхiорѣ.

Лицо дона Хаиме моментально нахмурилось и брови сжались.

— Не случилось-ли съ нимъ какого-либо несчастiя?

— Дай Богъ, чтобы это случилось! — отвѣтилъ онъ съ грустью и съ озлобленiемъ,— не упоминайте никогда имени этого человѣка—это извергъ!

— Боже мой!—вы меня пугаете! донъ Хаиме!

— Неправда-ли, я вамъ говорилъ, что гасiенда Ареналь захвачена гверильясами?

— Да!—отвѣтила дона, внутренно содрагаясь отъ ужаса.

— А знаете-ли вы, кто командовалъ хуаристами и кто ихъ привелъ? Донъ Мельхiоръ де-ля-Круцъ!

— О Боже!—въ ужасѣ воскликнули обѣ дамы.

— И далѣе, когда вслѣдствiе заключеннаго условiя донъ Андресъ съ дочерью получили разрѣшенiе спокойно удалиться въ Пуэблу — въ небольшомъ разстоянiи отъ города одинъ человѣкъ устроилъ засаду и измѣннически на нихъ напалъ—это снова былъ донъ Мельхiоръ!

— О! это ужасно! — вскричали онѣ, закрывая лицо руками.

— Неправда-ли? и тѣмъ болѣе ужасно, что донъ Мельхiоръ хладнокровно, съ спокойною совѣстью, задумалъ убiйство своего отца, намѣреваясь этимъ способомъ овладѣть состоянiемъ своей сестры, на которое онъ ровно никакого права не имѣетъ: онъ боится, что при выходѣ Долоресъ замужъ, состоянiе это окончательно ускользнетъ изъ его рукъ.

— Да, дѣйствительно, это какое-то чудовище! — сказала донна Марiя.

Обѣ дамы были поражены этими сообщенiями. Онѣ были очень дружны съ семьей де-ля-Круцъ и двѣ молодыя дѣ-

вушки почти все время вмѣстѣ воспитывались. Онѣ любили другъ друга, какъ двѣ сестры — донна Карменъ была немного только старше донны Долоресъ.

Свѣдѣнія о неожиданномъ несчастіи, поразившемъ семейство дона Андреса глубоко опечалило ихъ.

Донна Марія говорила съ ужасомъ, убѣждая дона Хаиме привезти дона Андреса съ дочерью къ нимъ въ Мексико. обѣщая окружить несчастную донну Долоресъ самыми нѣжными заботами.

— Я посмотрю, и постараюсь удовлетворить ваше желаніе, но пока ничего не могу обѣщать — я сегодня-же предполагаю отправиться въ Пуэблу и выѣхалъ-бы сейчасъ, если-бы не ожидалъ посѣщенія барона де-Меріадека.

— Въ первый разъ я безъ сожалѣнія узнаю о вашемъ отъѣздѣ!—нѣжно сказала донна Марія.

Донъ Хаиме улыбнулся.

Въ это время раздался скрипъ воротъ и топотъ лошади на дворѣ.

— Вотъ и баронъ!—сказалъ авантюристъ и вышелъ на встрѣчу посѣтителю.

Дѣйствительно это былъ Доминикъ.

Донъ Хаиме протянулъ ему руки и, бросая на него многозначительный взглядъ, сказалъ по французски, такъ какъ обѣ дамы прекрасно владѣли этимъ языкомъ.

— Добро пожаловать, дорогой баронъ,—я ожидалъ васъ съ нетерпѣніемъ!

Молодой человѣкъ понялъ, что долженъ сохранять еще свое инкогнито до новаго распоряженія.

— Очень сожалѣю, что заставилъ васъ такъ долго ждать донъ Хаиме, но я мчался изъ Пуэблы во весь духъ и, какъ вы сами знаете, дорога не близкая.

— Да, я знаю эту дорогу, — съ улыбкой отвѣтилъ донъ Хаиме,—но пожалуйте къ дамамъ—позвольте мнѣ представить васъ имъ: онѣ очень желаютъ съ вами познакомиться.

— Позвольте вамъ представить барона Карла де-Меріадека, атташе при французскомъ посольствѣ—моего лучшаго

друга, о которомъ я вамъ говорилъ!—сказалъ донъ Хаиме, подводя Доминика къ дамамъ.

— Дорогой баронъ, честь имѣю вамъ представить донну Марію, мою сестру и донну Карменъ, мою племянницу.

Авантюристъ, повидимому, выпустилъ фамилію дамъ, но молодой человѣкъ не выразилъ по этому поводу никакого недоумѣнія и почтительно поклонился имъ.

— Теперь,—весело сказалъ донъ Хаиме,—будьте какъ дома—вы знаете наше испанское гостепріимство—распоряжайтесь нами: мы къ вашимъ услугамъ!

Они усѣлись подкрѣпиться пищею и продолжали говорить.

— Вы можете говорить совершенно откровенно, баронъ,—началъ донъ Хаиме,—дамамъ уже извѣстно ужасное происшествіе въ Ареналѣ.

— Оно болѣе ужасно, чѣмъ вы, безъ сомнѣнія, предполагаете,—началъ молодой человѣкъ,—вы интересуетесь этимъ несчастнымъ семействомъ и я боюсь, что мнѣ придется васъ огорчить и быть для васъ дурнымъ вѣстникомъ.

— Да, мы самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ дономъ Андресомъ и его прелестной дочерью!—отвѣтила донна Марія.

— Въ такомъ случаѣ, извините меня,—но я могу вамъ сообщить только печальныя вѣсти.

Онъ остановился въ нерѣшимости.

— О! разсказывайте пожалуйста.

— Я вамъ могу все передать въ двухъ словахъ:—Хуаристы завладѣли Пуэблой—городъ сдался по первому требованію!

— Подлые трусы!—вскричалъ авантюристъ, ударяя кулакомъ по столу.

— Вы этого еще не знали?

— Нѣтъ, не зналъ,—я думалъ, что этотъ городъ находится еще во власти Мирамона.

— По обыкновенію, первымъ дѣломъ хуаристовъ было ограбленіе и заключеніе въ тюрьму всѣхъ находив-

шихся тамъ иностранцевъ, а особенно испанцевъ:— нѣкоторые изъ нихъ были даже безъ суда разстрѣляны. Тюрьмы переполнены, такъ что пришлось обратить въ мѣста заключенія многіе монастыри—ужасъ во всей Пуэблѣ.

— Продолжайте, мой другъ,—а донъ Андресъ?

— Вы безъ сомнѣнія знаете, что донъ Андресъ опасно раненъ?

— Да, знаю.

— Положимъ онъ подаетъ мало надежды на выздоровленіе, но не смотря на это, начальникъ Пуэблы, не внимая убѣжденіямъ представителей города и просьбамъ всѣхъ порядочныхъ людей, велѣлъ захватить дона Андреса по обвиненію въ государственной измѣнѣ — такъ, по крайней мѣрѣ, значится въ приказѣ. Не смотря на слезы и просьбы его дочери и просьбы его друзей, его заключили въ тюрьму прежней инквизиціи, а домъ, гдѣ онъ жилъ, разграбленъ и разрушенъ.

— Это ужасно! Это варварство!

— О, это еще только начало!

— Какъ—начало?

— Донъ Андресъ былъ отданъ подъ судъ, но онъ во всемъ отрицалъ свою виновность и никакія убѣжденія суда не могли поколебать его рѣшенія и не могли склонить его къ признанію своей виновности; тогда прибѣгли къ пыткѣ.

— Къ пыткѣ! — вскричали слушатели съ выраженіемъ ужаса.

— Да,—этого раненаго, умирающаго старика, подвѣшивали за большіе пальцы и подвергали встряскѣ и это въ два отдѣльныхъ пріема. Но не смотря на всѣ эти мученія, палачамъ не удалось заставить его сознаться во взводимыхъ на него преступленіяхъ, въ которыхъ онъ дѣйствительно былъ невиненъ.

— Но это превосходитъ всякое вѣроятіе! — вскричалъ донъ Хаиме,—безъ сомнѣнія несчастный уже умеръ?

— Нѣтъ еще,—по крайней мѣрѣ, онъ былъ живъ при моемъ отъѣздѣ изъ Пуэблы—еще и судъ надъ нимъ не кон-

ченъ — палачи не торопятся, у нихъ есть время и они играютъ со своею жертвой.

— А Долоресъ, бѣдная Долоресъ!—вскричала Карменъ,— какъ она должна страдать!

— Донна Долоресъ пропала—ее похитили.

— Пропала! — вскричалъ донъ Хаиме громовымъ голосомъ,— и вы еще имѣете смѣлость жить и передавать мнѣ это?

— Я дѣлалъ все, что могъ, чтобы погибнуть,—отвѣтилъ онъ чистосердечно,—но мнѣ не удалось!

— Такъ, я — я разыщу! — сказалъ авантюристъ, — ну, а гдѣ-же графъ?

— Графъ въ отчаяніи, онъ при помощи Лео Карраля ее разыскиваетъ,—а я пріѣхалъ къ вамъ.

— Вы хорошо сдѣлали: на мою помощь можете разсчитывать. Ну, а графъ и Лео Карраль остались въ Пуэблѣ?

— Только одинъ Лео Карраль остался, графъ, избѣгая преслѣдованія Хуаристовъ, долженъ былъ укрыться со своими слугами въ ранчо. Ежедневно его лакей Ибарри, кажется, онъ такъ называется, отправляется въ городъ повидаться съ майордомомъ.

— По одному собственному желанію явились вы ко мнѣ?

— Да, но раньше я посовѣтовался съ графомъ — я не хотѣлъ ничего предпринимать, не посовѣтовавшись съ нимъ.

— Вы поступили, какъ слѣдуетъ. Сестра, приготовьте подходящее помѣщеніе для донны Долоресъ.

— Такъ вы ее привезете?- воскликнули обѣ дамы.

— Да, или погибну!

— Мы отправляемся?—съ нетерпѣніемъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Сейчасъ! Я ожидаю только Лоика и Лопеца.

— Такъ Лоикъ здѣсь?

— Да—это онъ мнѣ сообщилъ о взятіи гасіенды.

— Я прислалъ его къ вамъ.

— Знаю. Ваша лошадь утомлена и останется здѣсь,— о ней позаботятся,—а я дамъ вамъ другую.

— Хорошо!

— Вѣроятно, вы слышали имена главныхъ преслѣдователей дона Андреса?

— Ихъ трое: первый изъ нихъ первый секретарь и злая воля новаго губернатора — его имя донъ Антоніо де Касебаръ.

— У васъ счастливая рука! — съ ироніей сказалъ авантюристъ.—Это тотъ человѣкъ, которому вы такъ филантропически спасли жизнь.

Страшная угроза сорвалась съ устъ молодого человѣка.

— Я убью его!—сказалъ онъ глухо.

Донъ Хаиме съ удивленіемъ взглянулъ на говорящаго.

— Такъ вы сильно ненавидите его?—спросилъ онъ.

— Даже смерть его не удовлетворитъ меня; поведеніе этого человѣка очень странно — онъ явился неожиданно въ городъ черезъ два дня послѣ прихода арміи; но едва только показался и тотчасъ же, какъ говорятъ, отправился обратно, оставляя за собой длинный кровавый путь.

— Мы его отыщемъ; но кто же еще другой?

— Неужели вы не догадываетесь?

— Донъ Мельхіоръ, не правда ли?

— Да!

— Отлично—въ такомъ случаѣ я знаю, гдѣ искать донну Долоресъ: это онъ похитилъ ее.

— Очень возможно.

— А третій?

— Третій—молодой человѣкъ изящной наружности, съ нѣжнымъ голосомъ и аристократическими манерами; онъ одинъ, какъ говорятъ, опаснѣе двухъ другихъ вмѣстѣ взятыхъ и хотя не занимаетъ никакого официальнаго положенія, но пользуется огромной властью. Его считаютъ тайнымъ агентомъ Хуареца.

— Какъ его зовутъ?

— Донъ Діего Изагирре.

Лицо авантюриста прояснилось.

— Прекрасно,—сказалъ онъ съ улыбкой,—дѣло не такъ

безнадежно, какъ я предполагалъ, и должно удасться.

— Вы такъ думаете?

— Увѣренъ въ этомъ!

— Да поможетъ вамъ Богъ!—вскричали обѣ дамы, молитвенно складывая руки.

Донна Марія со времени пріѣзда мнимаго барона была очень взволнована и не могла отвести глазъ отъ молодаго человѣка, разговаривавшаго съ дономъ Хаиме. Она чувствовала давленіе въ груди — слезы подступали къ глазамъ и сама не могла объяснить себѣ, отчего этотъ изящный молодой человѣкъ взволновалъ ее — вѣдь она видѣла его въ первый разъ въ жизни. Напрасно копалась она въ своихъ воспоминаніяхъ, стараясь припомнить, гдѣ она могла слышать этотъ, такъ сильно ее затрогивающій за сердце, голосъ. Она внимательно присматривалась къ прекрасному и благородному лицу вакеро, стараясь отыскать въ прошедшемъ лицо, напоминающее эти черты, но все было напрасно; воспоминанія смутно путались между собой и какъ будто какая-то непроницаемая стѣна отдѣлила прошедшее отъ настоящаго, скрывая прошедшее и убѣждая ее, что всѣ ея усилія тщетны, что передъ ней дѣйствительно находится совершенно незнакомый человѣкъ.

Донъ Хаиме все время слѣдилъ за выраженіемъ лица донны Маріи и за всѣми отражавшимися на немъ внутренними впечатлѣніями, но самъ не обнаруживалъ никакого волненія, не смотря на то, что принималъ живѣйшее участіе въ этой нѣмой мимической рѣчи.

Явился Лоикъ вмѣстѣ съ Лопецомъ; свѣжая лошадь была уже осѣдлана Доминикомъ.

— Ѣдемъ, — сказалъ авантюристъ, вставая — время не терпитъ!

Молодой человѣкъ простился съ дамами.

— Мы еще увидимъ васъ?—привѣтливо спросила донна Марія.

— Вы очень любезны. Повѣрьте, я сочту за счастье воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ!

*

Они вышли. Донна Марія удержала за руку брата.

— На одно слово, Хаиме! — сказала она дрожащимъ голосомъ.

— Что скажете, сестра?

— Вы знаете этого человѣка?

— Прекрасно знаю.

— Дѣйствительноли онъ французскій дворянинъ?

— Да, его всѣ считаютъ таковымъ!—отвѣтилъ онъ пристально вглядываясь въ нее.

— Я съума сошла!—прошептала она, выпуская руку и глубоко вздыхая.

Донъ Хаиме улыбнулся въ отвѣтъ.

Вскорѣ послышался топотъ четырехъ лошадей, пущенныхъ во весь духъ.

XX. Неожиданность.

Всадники скакали, не проронивъ ни слова, до самаго вечера. При заходѣ солнца показалось на краю дороги старое разрушенное ранчо. Авантюристъ сдѣлалъ знакъ, и всѣ остановились.

Изъ ранчо вышелъ человѣкъ, посмотрѣлъ на нихъ въ молчаніи и снова вошелъ обратно. Прошло нѣсколько минутъ. Человѣкъ этотъ снова показался, но уже съ задней стороны развалинъ, ведя за поводъ двухъ осѣдланныхъ лошадей. Авантюристъ и Доминикъ соскочили съ сѣделъ, отвязали сумки и пистолеты и пересѣли на свѣжихъ лошадей. Человѣкъ показался во второй разъ со слѣдующей парой, на которыхъ пересѣли Лоикъ и Лопецъ; тогда незнакомецъ также молча взялъ четырехъ усталыхъ лошадей и повелъ ихъ въ ранчо.

— Въ путь! — скомандовалъ донъ Хаиме,—и они тронулись прежнимъ аллюромъ.

Ночь была темна, всадники мчались въ молчаніи и имѣли видъ четырехъ несущихся во мракѣ призраковъ. Такъ они

скакали всю ночь; около пяти часовъ утра они второй разъ перемѣнили лошадей въ подобномъ-же полуразрушенномъ ранчо. Эти люди точно были сдѣланы изъ желѣза — уже пятнадцать часовъ они не сходили съ сѣдла и не обнаруживали ни малѣйшаго признака усталости.

Во все время они не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Около десяти часовъ утра заблестѣли въ лучахъ яркаго солнца верхи собора въ Пуэблѣ: они проѣхали по дорогамъ почти не проѣздным, менѣе чѣмъ въ двадцать часовъ сто двадцать шесть километровъ, отдѣляющихъ этотъ городъ отъ Мексико.

Не доѣзжая до города, примѣрно въ полу-лье, они по знаку авантюриста свернули съ дороги на еле замѣтную тропинку, черезъ тростникъ, и около часа скакали за доном Хаиме, ѣхавшимъ во главѣ отряда, наконецъ, достигли широкой лужайки, въ серединѣ которой находился шалашъ изъ вѣтвей.

— Мы пріѣхали, — сказалъ авантюристъ, останавливая лошадь и сходя съ сѣдла.—Временно устроимъ здѣсь нашу главную квартиру!—Спутники его тоже соскочили съ сѣделъ и начали рассѣдлывать лошадей.

— Подождите, — продолжалъ онъ, — Лоикъ — ты отправишься въ свое ранчо, гдѣ теперь находится графъ де-ля-Солэ со своими слугами,—ты ихъ приведешь сюда, а ты— Лопецъ, отправишься за провіантомъ.

— Такъ мы останемся въ двоемъ съ вами въ этомъ шалашѣ?—спросилъ Доминикъ.

— Нѣтъ, я хочу отправиться въ Пуэблу!

Авантюристъ улыбнулся.

Донъ Хаиме и вакеро, оставшись одни, разнуздали лошадей, предоставивъ въ ихъ распоряженіе сочную траву лужайки.

— Слѣдуйте за мной!—сказалъ донъ Хаиме.

Доминикъ повиновался и они вошли въ шалашъ. Подобные шалаши мексиканцы называютъ „enramada". Не смотря на всю ихъ непривлекательность, они представляютъ надежную защиту отъ дождя и отъ солнца. Въ данномъ случаѣ ихъ

убѣжище было устроено съ большою заботливостью и раздѣлялось на два равныхъ помѣщенія рѣшетчатой перегородкой изъ вѣтокъ.

Донъ Хаиме, не останавливаясь, перешелъ во второе отдѣленіе, Доминикъ слѣдовалъ за нимъ въ глубокомъ размышленіи. Вдругъ, первый остановился, сбросилъ въ сторону кучу сѣна и, вынувъ саблю, началъ рыть землю.

Доминикъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ онъ.

— Вы видите: открываю входъ въ подземелье,—помогите мнѣ.

Оба принялись за работу и скоро показалась каменная плита, съ придѣланнымъ въ серединѣ кольцомъ.

По удаленіи плиты, открылся входъ внизъ по грубо высѣченнымъ въ скалѣ ступенямъ.

— Спустимся!—сказалъ авантюристъ и зажегъ спичкой лампу.

Доминикъ съ любопытствомъ оглядывался кругомъ: они спустились на семь—восемь метровъ подъ землю и передъ ними открылась довольно обширая осьмиугольная зала съ расходящимися въ разныя стороны подземными галлереями.

Въ этой залѣ находился большой складъ всевозможнаго оружія, разнаго образца и одежды. Тутъ же находилась и кровать съ листьями, замѣняющими тюфякъ и шкурами вмѣсто одѣяла, и небольшая подвѣсная этажерка съ книгами.

— Вы видите одно изъ моихъ убѣжищъ,—сказалъ, улыбаясь, авантюристъ,—у меня еще есть нѣсколько такихъ-же, разсѣянныхъ по всей мексиканской территоріи. Это подземелье относится ко времени Ацтековъ и я узналъ объ его существованіи много лѣтъ тому назадъ отъ одного старика индѣйца. Вы знаете, что эта провинція была въ прежнее время священнымъ мѣстомъ совершенія обрядовъ, языческой религіи и изобиловала храмами. Подземелья, съ ихъ подземными ходами, позволяли священникамъ незамѣтно перемѣщаться и, какъ-бы чудомъ, появляться необъяснимымъ

образомъ въ разныхъ мѣстахъ, способствуя понятію о вездѣсущности этихъ представителей религіи.

Потомъ эти подземелья служили тайными убѣжищами для индѣйцевъ, во время преслѣдованія ихъ испанцами. Эти ходы, которые вы видите, ведутъ съ одной стороны къ обелиску въ Чолюлѣ, а съ другой къ центру Пуэблы и кромѣ того, у нихъ имѣется еще много выходовъ. Во время борьбы за независимость, инсургенты пользовались съ большимъ успѣхомъ этимъ помѣщеніемъ, въ настоящее-же время о существованіи его совсѣмъ забыли и только я, да теперь вы, знаемъ это тайное подземелье.

Вакеро выслушалъ все съ большимъ вниманіемъ.

— Позвольте, — сказалъ онъ, — но одной вещи я не понимаю!

— Въ чемъ дѣло?

— Вы только-что сказали мнѣ, что никакое приближеніе къ намъ не можетъ быть сдѣлано незамѣтно.

— Да, дѣйствительно, я утверждалъ это.

— Я не могу понять, почему?

— Очень просто,—вы видите эту галлерею—не правда-ли?

— Да, конечно.

— Ну, вотъ, она-то доходитъ до единственной тропинки, по которой можно проникнуть къ намъ, и кончается небольшимъ перекрытымъ вѣтвями и совершенно незамѣтнымъ для глазъ выходомъ, примѣрно въ квадратный метръ и по странному сочетанію акустики, которое я не возьмусь вамъ объяснить, всѣ звуки, даже самые слабые, передаются черезъ это отверстіе настолько опредѣленно и отчетливо, что о происхожденіи ихъ не является ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я совершенно спокоенъ.

— Да, и кромѣ того, когда тѣ, кого мы ожидаемъ, прибудутъ, мы можемъ закрыть этотъ ненужный проходъ и имѣть ходъ по галлереѣ, которая открывается за вами.

Давая свои объясненія, авантюристъ началъ раздѣваться.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ Доминикъ.

— Я переодѣваюсь, чтобы идти и добыть „языка“ и уз-

нать, какъ обстоятъ наши дѣла въ Пуэблѣ:—жители этого города очень религіозны — монастыри наводнили его—и я выбираю себѣ монашескій костюмъ, подъ покровомъ котораго, не возбуждая никакого подозрѣнія, буду въ состояніи разузнать все, что мнѣ нужно.

Вакеро усѣлся на единственное ложе и задумался.

— Что съ вами, Доминикъ? Тяжкія думы, повидимому, безпокоятъ васъ,—спросилъ, наконецъ, донъ Хаиме.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, какъ будто ужаленный змѣей.

— Да, я, дѣйствительно, въ тяжеломъ настроеніи! — сказалъ онъ почти шопотомъ.

— Отчего? — да развѣ я вамъ не обѣщалъ отыскать донну Долоресъ?

Доминикъ вздрогнулъ и лицо его приняло мертвенно-блѣдный оттѣнокъ. Онъ приподнялся и голова его опустилась.

— Презирайте меня: я подлецъ!

— Вы подлецъ, донъ Доминго? — великій Боже, вы измѣнили слову?

— Нѣтъ, — я говорилъ правду, но я ошибся, измѣнилъ другу и не оправдалъ вашего довѣрія—онъ глубоко вздохнулъ:—я люблю невѣсту моего друга!—прибавилъ онъ слабымъ голосомъ.

Авантюристъ взглянулъ на него пристально своимъ яснымъ взглядомъ.

— Я это зналъ!—сказалъ онъ.

Доминикъ вздрогнулъ и привскочилъ на мѣстѣ.

— Вы это знали? — вскричалъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Да, я это зналъ!—повторилъ донъ Хаиме.

— И вы не презираете меня послѣ этого?

— Васъ презирать?! — да развѣ человѣкъ воленъ въ своемъ сердцѣ?

— Да, вѣдь это-же невѣста графа, другъ мой!

Авантюристъ не возразилъ на это, а только спросилъ:

— А она васъ любитъ?

— Какъ я могу знать?—я со страхомъ самъ себѣ только признался въ этой страсти.

Настало долгое молчанiе. Авантюристъ, не торопясь, мѣнялъ свой костюмъ, приглядываясь къ молодому человѣку.

— Графъ не любитъ донну Долоресъ! — произнесъ онъ, наконецъ.

— Какъ?—возможно-ли это?

Хаиме разразился смѣхомъ.

— Вотъ такъ и всѣ влюбленные—промолвилъ онъ,—не могутъ понять, что другiе смотрятъ на предметъ ихъ увлеченiя другими глазами.

— Да, вѣдь, онъ на ней женится!

— Да, онъ долженъ на ней жениться.

— Не для этого-ли одного онъ и прiѣхалъ въ Мексику?

— Дѣйствительно, для этого!

— Ну, и очевидно, онъ женится на ней.

Аванстюристъ пожалъ плечами.

— Ваше заключенiе преждевременно: — знаетъ-ли человѣкъ, что онъ предприметъ завтра? Будущее не въ его власти.

— Но, послѣ несчастiй, постигшихъ донну Долоресъ и ея семью, графъ все ставитъ на карту, чтобы спасти молодую дѣвушку!

— Это доказываетъ только, что графъ благородный человѣкъ и джентельменъ, но не забудьте также, что его съ ней связываютъ узы родства и что, рискуя для ея спасенiя своей жизнью и своимъ состоянiемъ, онъ не болѣе, какъ только исполняетъ свою нравственную обязанность.

Доминикъ нервно пожалъ плечами.

— Да, вѣдь, онъ ее любитъ!

— Ну, вижу, что надо выражаться яснѣе--донна Долоресъ не любитъ графа!

— И вы въ этомъ увѣрены?

— Я это знаю.

— О! если-бы я могъ этому повѣрить — я-бы не терялъ надежды!

— Вы настоящій ребенокъ. Теперь я удаляюсь, но ждите меня и клянитесь, что до моего возвращенія вы не покините этого убѣжища.

— Клянусь!

— Я иду по вашему дѣлу! Надѣйтесь, до скораго свиданія!

Пожавъ ему руку, авантюристъ скрылся въ боковой галлереѣ.

Молодой человѣкъ задумался и, пока доносились удаляющіеся шаги, застылъ въ своемъ положеніи и внимательно къ нимъ прислушивался, потомъ опустился на кожанный покровъ кровати и прошепталъ тихимъ голосомъ:

— Онъ мнѣ сказалъ: „надѣйтесь“!

Но оставимъ Доминика съ его болѣе или менѣе пріятными размышленіями и послѣдуемъ за дономъ Хаиме, отправившимся въ опасное предпріятіе.

Подземелье находилось около полу-лье отъ города и это разстояніе надо было пройти подъ землею, но подобное обстоятельство нисколько не безпокоило Хаиме. Онъ шелъ увѣреннымъ шагомъ по галлереѣ, которая черезъ незамѣтныя просвѣты достаточно освѣщалась, такъ что легко можно было оріентироваться въ пути и слѣдовать по безчисленнымъ изворотамъ прохода.

Онъ шелъ около трехъ четвертей часа и, наконецъ, достигъ до лѣстницы, состоящей изъ пятнадцати ступеней.

На минуту онъ остановился передохнуть и потомъ взошелъ. На верху онъ пальцемъ нащупалъ пружину и надавилъ ее; тотчасъ же огромный камень отдѣлился отъ стѣны, повернувшись безъ шума на потайныхъ петляхъ и открылся широкій выходъ. Донъ Хаиме вышелъ и толкнулъ камень, который тотчасъ-же занялъ свое прежнее положеніе, образуя одно цѣлое со стѣной, такъ что при самомъ внимательномъ осмотрѣ нельзя было-бы открыть ни малѣйшихъ признаковъ скрытаго прохода. Донъ Хаиме бросилъ вокругъ себя пытливый взглядъ: онъ былъ одинъ и находился въ часовнѣ при самомъ соборѣ въ Пуэблѣ. Тайный выходъ, приведшій

его сюда, выходилъ въ уголъ и былъ закрытъ исповѣдальней: мѣры предосторожности были хорошо приняты и не представлялось опасности отъ неожиданныхъ случайностей.

Донъ Хаиме вышелъ изъ церкви и очутился на площади Майоръ.

Было около полудня—время сіесты—и площадь оказалась совершенно безлюдной.

Авантюристъ опустилъ ниже на глаза свой монашескій капюшонъ, запряталъ руки въ рукава и, опустивъ голову, на грудь, двинулся медленнымъ и сосредоточеннымъ шагомъ. Онъ пересѣкъ площадь поперекъ и углубился въ одну изъ примыкающихъ улицъ.

Такимъ образомъ Оливье приблизился ко входу передъ краснымъ домомъ, примыкавшимъ, съ одной стороны ко двору, а съ другой къ саду, состоявшему изъ кущи цвѣтущихъ апельсиновыхъ и гранатовыхъ деревьевъ. Входная дверь была только притворена; авантюристъ пріотворилъ ее, вошелъ и снова закрылъ за собою. Передъ нимъ открылась посыпанная пескомъ аллея, ведущая къ приподнятому на нѣсколько ступеней входу въ домъ, съ широкой верандой, мексиканскаго типа. Оливье бросилъ вокругъ подозрительный взглядъ, но садъ былъ пустъ. Онъ двинулся дальше, но не по направленію къ дому, а по боковой аллеѣ и послѣ нѣсколькихъ обходовъ очутился около другого входа, ведущаго, повидимому, къ службамъ. Здѣсь Оливье вынулъ серебрянный свистокъ, привѣшенный на маленькой золотой цѣпочкѣ на шеѣ, поднесъ его къ губамъ и издалъ нѣжный, мягкій, особаго тона звукъ.

Почти одновременно раздался подобный-же отвѣтный свистокъ, дверь отворилась,—и въ проходѣ показался человѣкъ. Авантюристъ сдѣлалъ масонскій знакъ, появившійся человѣкъ ему отвѣтилъ тѣмъ-же,—и они оба скрылись за дверью. Не обмѣнявшись ни однимъ словомъ, молчаливый проводникъ повелъ авантюриста черезъ разныя помѣщенія, наконецъ, около одной двери остановился, отворилъ ее, пропустилъ послѣдняго, но самъ не вошелъ,

а только опять по прежнему затворилъ передъ собою дверь.

Комната, въ которой очутился авантюристъ, была изящно меблирована. Широкія шторы на окнахъ мѣшали проникать яркимъ полуденнымъ лучамъ, полъ былъ выстланъ тѣми нѣжными тростниковыми циновками, которыя умѣютъ приготовлять, только одни индѣйцы; по срединѣ, раздѣляя комнату на двѣ равныя части, висѣлъ на серебрянныхъ кольцахъ и крючкахъ гамакъ, сплетенный изъ волоконъ алоэ.

Въ этомъ гамакѣ спалъ растянувшись во весь ростъ крѣпкимъ сномъ какой-то человѣкъ.

Этотъ человѣкъ былъ донъ Мельхіоръ де-ля-Круцъ. Около него на разстояніи руки находился низкій столикъ изъ сандальнаго дерева, а на этомъ столикѣ лежали длинный и отточенный ножъ съ серебрянною золоченою ручкою прекрасной рѣзьбы и съ лезвіемъ, напоминающимъ по формѣ жало змѣи и два тонкой работы шестиствольныхъ револьвера извѣстнаго мастера Девима, какъ гласила надпись на стволахъ.

Даже у себя въ Пуэблѣ, въ своемъ собственномъ домѣ, донъ Мельхіоръ считалъ необходимымъ принимать противъ всякихъ случайностей подобныя мѣры предосторожности.

Да, въ этомъ случаѣ, можетъ быть, его опасенія и не были преувеличены, такъ какъ передъ нимъ теперь стоялъ человѣкъ, который вполнѣ могъ считаться однимъ изъ его опаснѣйшихъ враговъ.

Авантюристъ нѣсколько мгновеній посмотрѣлъ на спящаго, потомъ неслышо приблизился къ гамаку, скользя какъ привидѣніе, по мягкимъ циновкамъ.

Онъ взялъ со стола ножъ и револьверы, и спряталъ ихъ подъ свои одежды, потомъ дотронулся до спящаго.

Этого слабаго прикосновенія было достаточно, чтобы разбудить Мельхіора.

Онъ тотчасъ открылъ глаза и машинально потянулся къ столу.

— Безполезное движеніе,—спокойно замѣтилъ Оливье,— оружія тамъ уже нѣтъ!

При звукѣ этого голоса Мельхіоръ вскочилъ, какъ будто подъ напоромъ пружины, и устремилъ злобный взглядъ на неподвижно стоящаго передъ нимъ человѣка.

— Кто вы? — спросилъ онъ дрожащимъ отъ страха голосомъ.

— Развѣ вы сразу не узнали меня?—насмѣшливо отвѣтилъ, авантюристъ.

— Кто вы?—повторилъ тотъ.

— Я вижу, вы хотите попристальнѣе въ меня вглядѣться!—и Оливье откинулъ на плечи свой капюшонъ.

— Донъ Адольфо!—подавленнымъ голосомъ прошепталъ, молодой человѣкъ.

— Что за удивленіе!—пробормоталъ все съ прежней насмѣшкой авантюристъ,—неужели вы меня не ожидали? Вы должны-бы были, кажется, имѣть полное основаніе ожидать моего посѣщенія.

Мельхіоръ на моментъ задумался.

— Хорошо, пусть будетъ по вашему! Да, оно и лучше покончить разъ на всегда.

И онъ снова усѣлся на край гамака, съ самымъ спокойнымъ и беззаботнымъ видомъ.

Оливье засмѣялся.

— Ну и въ добрый часъ! Я предпочитаю васъ видѣть въ этомъ настроеніи. Поговоримъ немного у насъ довольно времени.

— Такъ значитъ, не цѣль убійства привела васъ ко мнѣ?

— Какія скверныя мысли приходятъ вамъ въ голову! Чтобы я поднялъ на васъ руку! О, нѣтъ! Да хранитъ меня Богъ: это дѣло палача, а я воздержусь идти по слѣдамъ такого достойнаго представителя правосудія.

— Дѣло въ томъ,—вскричалъ Мельхіоръ, запальчиво,— что вы вторглись ко мнѣ, какъ переодѣтый злодѣй, безъ сомнѣнія, чтобы убить меня.

— Вы повторяетесь, а это скучно! Если я пришелъ къ вамъ переодѣтымъ, то только потому, что обстоятельства требовали этой мѣры и въ этомъ я слѣдую только вашему

примѣру,—и вдругъ, мѣняя тонъ, онъ прибавилъ:—какъ вы довольны Хуарецомъ? Хорошо-ли онъ заплатилъ вамъ за вашу измѣну? Я слышалъ, что онъ индѣецъ очень жадный и мелочной по природѣ и, вѣроятно, ограничился одними лишь обѣщаніями—не правда-ли?

Донъ Мельхіоръ презрительно улыбнулся.

— Такъ только, чтобы поговорить со мной объ этихъ пустякахъ, вы тайно вторглись въ мой домъ?—спросилъ онъ.

Авантюристъ вскочилъ и, бросившись къ нему съ револьверами въ каждой рукѣ, вскричалъ съ презрѣніемъ:

— Нѣтъ, злодѣй!—я пришелъ разможжить вамъ голову, если вы мнѣ откажетесь сказать, что вы сдѣлали съ вашей сестрой, донной Долоресъ!

XXI. Плѣнники.

Нѣсколько секундъ продолжалось грозное молчаніе.

Оба они стояли другъ противъ друга съ угрожающими взглядами.

Донъ Мельхіоръ первый прервалъ молчаніе.

— Ха, ха, ха, — засмѣялся онъ рѣзкимъ смѣхомъ, опускаясь снова на гамакъ.— Ну, развѣ, я не былъ правъ, утверждая, что вы вторглись сюда съ цѣлью убить меня?

Авантюристъ гнѣвно прикусилъ губы и спряталъ опять револьверы.

— Нѣтъ, — вскричалъ онъ дрожащимъ еще отъ гнѣва голосомъ,—я повторяю, что не убью васъ,—вы не заслуживаете чести умереть отъ руки порядочнаго человѣка, но я знаю средство добиться отъ васъ отвѣта.

Молодой человѣкъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Попробуйте,—сказалъ онъ, презрительно пожимая плечами и началъ спокойно свертывать папиросу, потомъ закурилъ и, пуская вверхъ синеватые клубы ароматнаго дыма, сказалъ:

— Ну, испытывайте ваше средство—я жду!

— Вотъ, что я вамъ предлагаю: — вы мой плѣнникъ и я вамъ возвращу свободу на условіи, что вы отдадите донну Долоресъ — не мнѣ, а графу Солэ, ея родственнику и жениху.

— Да это—это серьозный вопросъ—не забывайте, что я законный опекунъ моей сестры.

— Какъ опекунъ—вы?

— Да,—нашъ отецъ умеръ!

— Донъ Андресъ де-ля-Круцъ умеръ — говорите вы? — вскричалъ вскакивая авантюристъ.

— Увы, да! — отвѣтилъ, поднимая съ лицемѣрной набожностью глаза къ небу, молодой человѣкъ, — мы имѣли несчастіе потерять его третьяго дня вечеромъ, а вчера утромъ похоронили. Бѣдный старикъ не могъ перенести несчастій, обрушившихся на нашу семью — горе его убило! Трогательно было смотрѣть на его кончину!

Наступило молчаніе. Оливье ходилъ въ раздумьѣ по комнатѣ. Вдругъ онъ подошелъ къ молодому человѣку лицомъ къ лицу и сказалъ:

— Отвѣчайте безъ обиняковъ и увертокъ—согласны вы возвратить свободу вашей сестрѣ—или нѣтъ?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ рѣшительно Мельхіоръ.

— Хорошо,—какъ хотите, но въ такомъ случаѣ вамъ-же будетъ хуже!—Холодно замѣтилъ, авантюристъ.

Въ этотъ моментъ дверь отворилась и показался изящно одѣтый молодой человѣкъ высокаго роста.

При видѣ новаго пришельца насмѣшливая улыбка заиграла на лицѣ дона Мельхіора.

— Дѣло, однако, можетъ кончиться такъ, какъ мой пріятель донъ Адольфо и не подозрѣваетъ! — прошепталъ онъ про себя.

Молодой человѣкъ отвѣсилъ вѣжливый поклонъ и приблизился пожать руку хозяину дома.

— Я вамъ, кажется, мѣшаю?— спросилъ онъ, спокойно оглядывая мнимаго монаха.

— Напротивъ, донъ Діего, вы не могли болѣе удачно прибыть! Но скажите, что васъ вызвало въ такое необычайное время?

— Я пришелъ вамъ объявить пріятную новость: графъ де-ля-Солэ, вашъ завзятый врагъ, въ нашей власти, но онъ французъ и относительно его должны быть соблюдены всѣ правила и потому генералъ рѣшилъ послать его подъ надежнымъ прикрытіемъ къ нашему свѣтлѣйшему президенту. И еще другая, не менѣе пріятная новость: вы назначаетесь командующимъ этимъ прикрытіемъ.

— Чортъ возьми!—вскричалъ торжествующій донъ Мельхіоръ, — вы истинный другъ! Теперь слово за мной: взгляните на этого монаха! Узнаете вы его или нѣтъ? Ну, такъ, это и есть авантюристъ, носящій имена донъ Адольфо, донъ Оливеро, донъ Хаиме и чортъ еще знаетъ какія, который такъ долго избѣгалъ нашихъ рукъ.

— Можетъ-ли это быть?—спросилъ донъ Діего.

— Совершенно вѣрно!—подтвердилъ самъ донъ Адольфо.

— Раньше, чѣмъ черезъ часъ, вы будете разстрѣляны и умрете, какъ бандитъ и измѣнникъ!—вскричалъ донъ Мельхіоръ.

Донъ Адольфо съ презрѣніемъ пожалъ плечами.

— Очевидно, онъ будетъ разстрѣлянъ,—замѣтилъ донъ Діего,—но участь его можетъ рѣшить только президентъ: передъ нами человѣкъ, выдающій себя за француза.

— Чортъ возьми!—да всѣ эти демоны принадлежатъ къ этой проклятой націи! — пробормоталъ опечаленный донъ Мельхіоръ.

— Я не стану вамъ объяснять, насколько непріятно имѣть этого человѣка своимъ спутникомъ и насколько онъ можетъ затруднить васъ въ пути. Я отправлю его къ президенту съ особой стражей.

— Нѣтъ, нѣтъ! прошу васъ не дѣлайте этого! Напротивъ, я-бы желалъ взять его съ собой: — будьте покойны, я приму мѣры и, несмотря на всю свою ловкость, онъ не уйдетъ отъ меня, но только надо прежде его обезоружить.

Авантюристъ молча отдалъ свое оружіе дону Діего.

Въ это время вошелъ лакей и объявилъ, что стража прибыла.

— Хорошо,—сказалъ Мельхіоръ,—въ дорогу!

Лакей подалъ хозяину мексиканскую саблю, пару пистолетовъ и плащъ и пристегнулъ ему шпоры.

— Теперь мы можемъ трогаться!

— Ну, такъ въ путь,—сказалъ донъ Діего, — господинъ донъ Адольфо, или какъ васъ зовутъ, не будете-ли вы любезны выйти первымъ?

Донъ Адольфо въ молчаніи исполнилъ требованіе.

Двадцать пять — тридцать солдатъ, одѣтыхъ въ разнообразную одежду и больше всего въ лохмотья, ожидали ихъ на улицѣ и имѣли скорѣе видъ шайки бандитовъ, чѣмъ представителей арміи, но, всѣ были хорошо вооружены и снабжены хорошими лошадьми. Въ серединѣ находился подъ постояннымъ наблюденіемъ графъ де-ля-Солэ со своими двумя слугами. Радостная улыбка показалась на лицѣ дона Мельхіора при видѣ графа, но послѣдній не замѣчалъ присутствія своего врага.

Лошадь дона Адольфо была уже готова; по знаку дона Діего авантюристъ вскочилъ въ сѣдло и самъ добровольно поздоровался съ графомъ и занялъ мѣсто подлѣ него.

Донъ Мельхіоръ тоже вскочилъ на лошадь.

— До свиданія, мой другъ, — сказалъ донъ Діего, —счастливаго пути, а я возвращусь въ управленіе!

— Прощайте, прощайте! — отвѣтилъ донъ Мельхіоръ. Кавалькада тронулась въ путь. Было уже около двухъ часовъ пополудни, жара понемногу спадала и снова въ городѣ начала проявляться жизнь. Тамъ и сямъ открывались лавки и въ дверяхъ показывались купцы, равнодушно смотря сонными глазами на проѣзжающихъ.

Донъ Мельхіоръ ѣхалъ на нѣсколько шаговъ впереди и имѣлъ сдержанный и холодный видъ. Не мало усилій стоило ему сдерживать свою радость при видѣ плѣна своихъ самыхъ непримиримыхъ враговъ. Давно уже они покинули городъ.

Наконецъ, офицеръ, командовавшій отрядомъ подъѣхалъ къ дону Мельхіору.

— Люди устали и уже пора расположиться на ночлегъ.

— Хорошо, согласенъ, но надо-бы поискать надежнаго мѣста!

— Я знаю одно покинутое ранчо въ нѣсколькихъ шагахъ, тамъ мы могли-бы прекрасно устроиться.

— Ну, туда, такъ туда,—распоряжайтесь!

Лейтенантъ сталъ во главѣ отряда и свернулъ по еле замѣтной тропинкѣ въ густой лѣсъ.

Часа черезъ три четверти они достигли большой лужайки, на которой находилось упомянутое ранчо. Офицеръ скомандывалъ солдатамъ слѣзать съ лошадей, что послѣдніе и не замедлили исполнить, такъ какъ путь утомилъ ихъ.

Соскочивъ съ лошади, донъ Мельхіоръ вошелъ въ ранчо, желая убѣдиться въ его пригодности для ночевки. Но только онъ вошелъ — его схватили, заклепали ротъ, завернули въ плащъ и связали съ такой поспѣшностью, что онъ даже не имѣлъ возможности прибѣгнуть къ безполезной защитѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ услышалъ бряцаніе сабель и равномѣрный удаляющійся топотъ снаружи,—очевидно, солдаты или, по крайней мѣрѣ, часть ихъ удалялась, предоставляя своего начальника его участи. Почти въ тоже время его схватили за ноги и за плечи, приподняли и понесли. Послѣ нѣсколькихъ шаговъ онъ почувствовалъ, что спускается по какой-то будто подземной лѣстницѣ, потомъ, минутъ черезъ десять, осторожно положили на довольно мягкую кровать, повидимому, покрытую шкурами и оставили одного.

Наступила кругомъ полная тишина: очевидно, онъ былъ совершенно одинъ.

Потомъ послышался слабый шумъ, который все усиливался и перешелъ въ звукъ шаговъ нѣсколькихъ человѣкъ по песку. Но и этотъ шумъ вдругъ прервался. Молодой человѣкъ почувствовалъ, что его подняли и понесли. Въ этотъ разъ его путешествіе продолжалось довольно продолжительное время и носильщики, отъ времени до времени,

мѣнялись, наконецъ, снова остановились и по пахнувшему свѣжему воздуху онъ заключилъ, что путешествіе въ подземельи окончилось и онъ находится на поверхности земли.

Его опустити на землю.

— Освободите плѣнника! — раздался поразившій дона Мельхіора рѣзкій металлическій голосъ.

Сейчасъ-же его развязали, освободили ротъ и сняли повязку съ глазъ.

Донъ Мельхіоръ вскочилъ и оглядѣлся кругомъ.

Онъ находился на вершинѣ довольно высокаго холма, а кругомъ простиралась равнина. Ночь была темна, вдали справа горѣли, какъ звѣзды, освѣщенныя окна домовъ Пуэблы.

Онъ стоялъ окруженный со всѣхъ сторонъ замаскированными людьми. Каждый изъ нихъ держалъ въ правой рукѣ зажженный факелъ и колеблящееся пламя, дрожащее при каждомъ слабомъ дуновеніи вѣтра, придавало окружающему какія-то фантастическія очертанія.

Донъ Мельхіоръ почувствовалъ холодъ ужаса во всемъ тѣлѣ: онъ понялъ, что находится во власти таинственнаго масонскаго общества, раскинувшаго свои таинственныя грозныя ложи по всей мексиканской территоріи. Онъ самъ даже былъ членомъ этого общества.

Тишина была полная. Окружающіе люди стояли неподвижно, какъ статуи, и молодой человѣкъ слышалъ учащенное біеніе своего сердца, въ груди.

Наконецъ, одинъ изъ окружающихъ выступилъ впередъ и сказалъ:

— Донъ Мельхіоръ де-ля-Круцъ, знаете-ли вы, гдѣ и передъ кѣмъ вы находитесь?

— Да, знаю!—отвѣтилъ онъ сквозь зубы.

— Признаете-ли вы за людьми, васъ окружающими право суда надъ вами?

— Да! потому-что на ихъ сторонѣ сила и ни протесты, ни сопротивленіе для меня не возможны.

— Нѣтъ, не по этой причинѣ вы подлежите, суду васъ окру-

жающихъ людей и вы сами прекрасно знаете это, — возразилъ спокойно человѣкъ въ маскѣ,—а потому-что по доброй волѣ вы вошли въ ихъ общество, приняли на себя обязательства, связали себя добровольно клятвою и дали имъ право суда надъ вами, если вы измѣните своей клятвѣ.

Донъ Мельхіоръ презрительно повелъ плечами.

— Къ чему тратить время на безполезную защиту? Развѣ я не знаю, что уже впередъ осужденъ? Приступайте скорѣе къ исполненію надомной приговора, который вы уже постановили!

Человѣкъ въ маскѣ бросилъ сверкающій взглядъ.

— Донъ Мельхіоръ,—продолжалъ онъ рѣзкимъ голосомъ, подчеркивая слова, — знайте, что вы здѣсь судитесь не за убійство отца и брата и не за воровство: наше высшее судилище призываетъ васъ къ отвѣту, за измѣну отечеству,— я ожидаю вашей защиты.

— А я защищаться не желаю! — отвѣтилъ плѣнникъ рѣзкимъ и твердымъ голосомъ.

— Хорошо,—пусть будетъ по вашему! — замѣтилъ замаскированный человѣкъ и втыкая свой факелъ въ землю, обратился къ окружающимъ:

— Братья!—какого наказанія заслуживаетъ этотъ человѣкъ?

— Смерти!—глухимъ голосомъ отвѣтили остальные люди въ маскахъ.

Донъ Мельхіоръ остался безстрастнымъ.

— Вы приговорены къ смерти! — продолжалъ тотъ-же человѣкъ, — и приговоръ будетъ исполненъ здѣсь-же, на мѣстѣ. Вамъ дается полъ-часа для приготовленія предстать передъ престолъ Всевышняго!

— Какой родъ смерти вы избираете для меня? — спросилъ небрежно молодой человѣкъ.

— Веревку!

— Ну, что-же: этотъ родъ смерти ничуть не хуже другихъ!—замѣтилъ онъ иронически.

— Но мы признаемъ за собой право только на ваше тѣло, а не на душу и потому духовникъ выслушаетъ передъ смертью вашу исповѣдь.

— Благодарю васъ! — съ той-же ироніей отвѣтилъ донъ Мельхіоръ.

Нѣкоторое время продолжалось молчаніе, какъ будто ожидали послѣдняго слова или просьбы отъ осужденнаго, но послѣдній упорно хранилъ молчаніе. Тогда человѣкъ въ маскѣ снова взялъ свой факелъ и, взмахнувъ имъ три раза особымъ образомъ въ воздухѣ, погасилъ его.

Въ тотъ-же моментъ погасли всѣ остальные факелы и донъ Мельхіоръ очутился одинъ; лишь шелестъ листьевъ, да трескъ сломанныхъ вѣтокъ доносился до его слуха.

Но онъ не обманулся этимъ одиночествомъ и прекрасно понималъ, что невидимые враги слѣдятъ за нимъ со всѣхъ сторонъ.

Какъ ни была-бы закалена душа человѣка, какой-бы энергіей онъ ни обладалъ, сколько-бы разъ онъ ни испыталъ близость смерти, но въ двадцать лѣтъ, когда жизнь только-что начинаетъ развертываться и все кажется окрашеннымъ въ розовый цвѣтъ, трудно отрѣшиться отъ всѣхъ надеждъ и спокойно смотрѣть въ разверстшую пасть смерти, не испытывая душевнаго отчаянія, предсмертной агоніи и невольнаго дрожанія во всѣхъ членахъ, особенно если человѣкъ полонъ силъ и здоровья, и смерть подступаетъ къ нему холодно, спокойно, неизбѣжно, ночью въ дали отъ всего ему дорогого и когда даже въ совѣсти не находится оправданія, но смерть является слѣдствіемъ совершенныхъ преступленій.

И потому неудивительно, что донъ Мельхіоръ, несмотря на всю сильную волю и мужество, испытывалъ припадокъ предсмертной агоніи: волосы его приподнялись, холодный потъ выступилъ на головѣ и лицо покрылось смертельною блѣдностью. Въ это время онъ почувствовалъ легкое прикосновеніе къ своему плечу. Онъ вздрогнулъ и быстро поднялъ голову.

Передъ нимъ стоялъ монахъ съ опущеннымъ на лицо капюшономъ.

— Ахъ! вотъ и священникъ!—вскричалъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ монахъ, тихимъ, но отчетливымъ голосомъ, — встаньте на колѣни, сынъ мой,—я приступлю къ вашей исповѣди.

При звукѣ этого голоса, донъ Мельхіоръ вздрогнулъ и устремилъ на монаха пристальный взглядъ, но послѣдній по прежнему спокойно стоялъ передъ нимъ.

Монахъ сталъ на колѣни и донъ Мельхіоръ машинально опустился съ нимъ рядомъ.

Странный и фантастическій видъ представляли они двое на колѣняхъ, на вершинѣ холма, при слабомъ освѣщеніи дрожащаго пламени нѣсколькихъ фонарей въ сгустившемся окружающемъ мракѣ.

— За нами слѣдятъ, — сказалъ монахъ, — соберите всю силу воли и не выдайте себя ни лицомъ, ни малѣйшимъ движеніемъ и слушайте: — надо торопиться — время не терпитъ. Вы узнаете меня?

— Да! — тихо прошепталъ донъ Мельхіоръ. При видѣ около себя друга у него даже и въ этомъ безвыходномъ положеніи зародилась надежда, столь свойственная сердцу человѣческому.

— Вы, донъ Антоніо де-Касебаръ!

— Скрытый подъ костюмомъ, который вы на мнѣ видите,— объяснялъ Антоніо, — я входилъ въ Пуэблу, какъ вдругъ, былъ окруженъ замаскированными людьми, которые спросили, священникъ-ли я. На мой утвердительный отвѣтъ, первый пришедшій мнѣ въ голову для сохраненія инкогнито—единственной защиты моей противъ враговъ, они схватили меня и доставили сюда. Я съ трепетомъ присутствовалъ при судѣ надъ вами и думалъ, что было-бы со мной, если-бы меня узнали тѣ люди, отъ которыхъ я только какимъ-то чудомъ спасся въ первый разъ. Но что бы ни случилось, я готовъ раздѣлить вашу участь:—есть-ли у васъ оружіе?

— Нѣтъ,—да и къ чему послужитъ оружіе противъ столь многочисленныхъ противниковъ?

— А умереть, какъ надлежитъ мужчинѣ и избавиться отъ позорной казни?

— Да, ваша правда!—воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Тише, безумный,—прошепталъ донъ Антоніо,—берите шестиствольный револьверъ и кинжалъ, и мы будемъ одинаково вооружены.

— Будьте спокойны, — сказалъ донъ Мельхіоръ, пряча оружіе,—теперь я болѣе не боюсь ихъ!

— Прекрасно,—теперь я узнаю въ васъ прежняго товарища! Помните, что осѣдланныя лошади ждутъ насъ справа у подошвы холма. Если намъ удастся достигнуть ихъ, то мы спасены.

— Что бы ни случилось, благодарю васъ, донъ Антоніо и, если по милости Бога, мы спасемся!...

— Ничего не обѣщайте, — перебилъ Антоніо съ живостью,—потомъ съумѣемъ свести наши счеты!

Монахъ отпустилъ грѣхи кающемуся.

Нѣсколько минутъ протекло. Наконецъ, донъ Мельхіоръ приподнялся и лицо его имѣло гордое и увѣренное выраженіе: онъ зналъ, что дорого продастъ свою жизнь.

Люди въ маскахъ снова появились на вершинѣ холма.

Человѣкъ, говорившій до сего времени, приблизился къ осужденному, около котораго помѣстился теперь монахъ, какъ будто для послѣдняго напутствія его въ сей жизни.

— Готовы-ли вы?—спросилъ человѣкъ въ маскѣ.

— Да, я готовъ!—холодно отвѣтилъ донъ Мельхіоръ.

— Поставьте висѣлицу и зажгите факелы! — раздалась команда.

Произошло большое движеніе въ толпѣ и на одинъ моментъ образовался нѣкоторый безпорядокъ.

Эти люди были совершенно увѣрены въ невозможности бѣгства изъ подъ ихъ власти и не предполагали даже со стороны осужденнаго къ этому попытки и потому, занявшись

исполненіемъ распоряженія, упустили на одинъ моментъ изъ вида донъ Мельхіора и монаха.

— Впередъ! — вскричалъ донъ Антоніо, опрокидывая на землю попавшагося на дорогѣ человѣка,—за мной!

— Впередъ!—смѣло повторилъ донъ Мельхіоръ, стрѣляя изъ револьвера и выхватывая кинжалъ.

Очень часто отчаянные поступки удаются вслѣдствіе сумасшедшей смѣлости,—такъ и въ этомъ случаѣ: произошла сутолока и отчаянная схватка между прокладывающими себѣ дорогу и членами тайнаго братства, потомъ послышался быстрый карьеръ удаляющихся лошадей и изъ темной дали послышался насмѣшливый голосъ:

— До свиданія!

Донъ Мельхіоръ и донъ Антоніо мчались во весь духъ по пути въ Пуэблу.

Попытка задержать ихъ не удалась и обошлась не дешево: десять труповъ лежало на землѣ.

— Назадъ! назадъ! — закричалъ донъ Адольфо смѣльчакамъ, бросившимся къ лошадямъ:

— Пусть удираютъ: донъ Мельхіоръ приговоренъ къ смерти и умретъ, но кто-же этотъ другой, — добавилъ онъ задумавшись—кто этотъ проклятый монахъ?

Одинъ изъ окружающихъ—Лео Карраль наклонился къ его уху и прошепталъ:

— Я узналъ этого монаха: это былъ донъ Антоніо де-Касебаръ.

— Опять, опять этотъ человѣкъ! — гнѣвно вскричалъ Адольфо.

Въ скоромъ времени небольшая кавалькада человѣкъ въ десять быстро двинулось по дорогѣ въ столицу Мексики.

Ею предводительствовалъ человѣкъ, котораго, по желанію читателя, мы можемъ назвать и דономъ Хаиме, и Оливье, и Адольфо.

———

XXII. Донъ Діего.

Донъ Мельхіоръ де-ля-Круцъ рѣшилъ, во чтобы то ни стало, воспользоваться состояніемъ отца, которое могло, въ случаѣ выхода замужъ его сестры, на всегда миновать его рукъ. Пока же онъ страстно отдался политическимъ волненіямъ, надѣясь воспользоваться раздорами разныхъ партій, раздиравшихъ его отечество, для своего обогащенія и удовлетворенія своего алчнаго честолюбія. Обладая энергичнымъ характеромъ, недюжиннымъ умомъ и вкусами политическаго заговорщика, онъ переходилъ со спокойною совѣстью изъ лагеря въ лагерь, сообразно со своими выгодами, и предлагалъ свои услуги тѣмъ, которые дороже платили.

Немало разныхъ политическихъ тайнъ удалось ему узнать и вслѣдствіе этого его боялись и въ немъ нуждались представители партій, въ которыхъ онъ поочередно былъ членомъ. Въ высшемъ свѣтѣ онъ былъ шпіономъ и умѣлъ проникать всюду, вступать во всевозможныя братства, товарищества и общества, и обладалъ въ совершенствѣ дипломатическимъ талантомъ выражать одинаковое на видъ сочувствіе самымъ противоположнымъ мнѣніямъ и направленіямъ. Такимъ образомъ, съ цѣлью продать при случаѣ за хорошую цѣну добытыя тайны, онъ поступилъ въ масонское общество „Въ союзѣ сила“, которое потомъ, какъ мы видѣли, приговорило его къ смерти. Нѣсколько позже и Антоніо де-Касебаръ сдѣлался членомъ того-же общества.

Эти люди, какъ и слѣдовало ожидать, поняли другъ друга съ перваго слова и между ними скоро завязалась самая тѣсная дружба.

Въ началѣ ихъ знакомства, съ дономъ Антоніо де Касебаръ, вслѣдствіе анонимныхъ разоблаченій, случилось непріятное происшествіе: измѣна его была обнаружена, онъ былъ осужденъ тайнымъ обществомъ и, защищая свою жизнь противъ одного изъ его членовъ, палъ замертво отъ шпаги своего противника и былъ оставленъ на дорогѣ. Въ этомъ

положеніи, какъ мы уже знаемъ, нашелъ его Доминикъ Донъ Мельхіоръ издали въ маскѣ слѣдилъ за этой кровавой расправой и далъ себѣ слово сдѣлать все возможное для спасенія своего пріятеля. Какъ только ему удалось отдѣлаться отъ своихъ спутниковъ, онъ тотчасъ же поспѣшилъ на мѣсто происшествія, но Доминикъ уже предупредилъ его и лишилъ желаннаго случая оказать услугу другу и сдѣлать его своимъ должникомъ. Только позже ему удалось оказать дону Антоніо нѣсколько довольно немаловажныхъ услугъ; это случилось послѣ того, какъ послѣдній убѣжалъ полубольной изъ пещеры, гдѣ его лѣчили. И Антоніо въ свою очередь при разныхъ обстоятельствахъ оказывалъ своему пріятелю серьезныя услуги и часто какими то таинственными путями. Вообще, этотъ человѣкъ представлялъ изъ себя какую то загадку для дона Мельхіора; онъ самъ зналъ прекрасно всѣ дѣла, стремленія и задачи послѣдняго, но картъ не открывалъ, и донъ Мельхіоръ, несмотря на всѣ старанія, ничего не зналъ о таинственныхъ дѣлахъ своего друга, но не терялъ надежды когда нибудь проникнуть въ эту тайну. Особенно обязывала дона Мельхіора послѣдняя оказанная ему услуга при побѣгѣ изъ рукъ членовъ „Въ союзѣ сила“, но донъ Антоніо изъ какого то чувства деликатности не упоминалъ объ этомъ ни словомъ и продолжалъ по прежнему помогать своему сообщнику во всемъ. По возвращеніи въ Пуэбло, донъ Мельхіоръ первымъ долгомъ отправился въ монастырь, гдѣ онъ содержалъ въ заключеніи свою сестру, но, какъ онъ и предчувствовалъ, она скрылась изъ своей тюрьмы. Донъ Антоніо, выслушавъ эту новость отвѣтилъ фразой изъ пяти словъ:

— Только мертвые никогда не бѣгаютъ!

Донъ Мельхіоръ склонилъ голову подъ тяжестью этого справедливаго упрека.

Всѣ поиски въ Пуэбло не привели ни къ какимъ результатамъ, всѣ отмалчивались, а настоятельница монастыря молчала, какъ будто набрала воды въ ротъ или вдругъ онѣмѣла.

— Отправимся въ Мексико, — сказалъ донъ Антоніо, — мы отыщемъ тамъ ее, если она еще жива.

Они отправились.

Неизвѣстно какимъ образомъ, но только на третій день ихъ пріѣзда донъ Антоніо уже открылъ убѣжище молодой дѣвушки.

Но оставимъ, на нѣкоторое время, этихъ молодыхъ людей и разскажемъ какимъ образомъ совершилось освобожденіе донны Долоресъ,

Донъ Мельхіоръ помѣстилъ свою сестру въ монастырѣ Кармелитокъ и при помощи золота и щедрыхъ обѣщаній въ будущемъ склонилъ на свою сторону настоятельницу, такъ что къ молодой дѣвушкѣ никого, кромѣ брата не допускали, и всѣ письма, какъ отъ нея идущія, такъ и къ ней адресованныя, перехватывались. Такимъ образомъ для донны Долоресъ ея маленькая, болѣе чѣмъ просто обставленная келья являлась настоящей тюрьмой и всѣ сношенія съ внѣшнимъ міромъ были отрѣзаны; у нея не оставалось даже и малѣйшей надежды на освобожденіе. Впрочемъ, братъ и не скрывалъ отъ нея своего рѣшенія; онъ требовалъ, чтобы она постриглась: это было единственнымъ для него средствомъ обезопасить себя отъ потери наслѣдства.

Донъ Мельхіоръ, хотя и опекунъ своей сестры, не могъ заточить ее въ монастырь безъ ея согласія иначе, какъ по особому распоряженію свыше, но и въ этомъ случаѣ ему помогъ донъ Діего Изагирре, секретарь губернатора, такъ что донна Долоресъ была доставлена къ настоятельницѣ съ означеннымъ предписаніемъ отъ губернатора.

Вечеромъ того же дня, когда донъ Мельхіоръ такъ ловко попался въ руки своего, повидимому, плѣнника, дона Адольфо, часовъ около девяти вечера, трое завернутыхъ въ плащи всадниковъ, на неутомимыхъ испанскихъ лошадяхъ, остановились у воротъ монастыря и постучались.

Привратница открыла небольшое окошечко въ воротахъ, осмотрѣла пріѣзжихъ, переговорила шепотомъ съ однимъ изъ нихъ, сошедшимъ съ лошади и, удовольствовавшись его

объясненіями, пріотворила ворота, пропуская запоздавшаго посѣтителя.

Незнакомецъ бросилъ поводья одному изъ своихъ спутниковъ, оставшихся ожидать снаружи, и вошелъ. Ворота за нимъ тотчасъ же снова затворились. Пройдя нѣсколько коридоровъ, привратница остановилась около кельи настоятельницы и доложила:

— Донъ Діего Изагирре, довѣренный секретарь его превосходительства господина губернатора!

Послѣ обмѣна нѣсколькими любезностями донъ Діего вынулъ изъ подъ своего мундира пакетъ и передалъ его настоятельницѣ. Послѣдняя вскрыла его, наскоро прочла и сказала:

— Очень хорошо: я въ вашемъ распоряженіи!

— Не забудьте, пожалуйста, что отъ имени пославшаго меня сюда я уполномоченъ обязать васъ хранить тайну; никто не долженъ знать, какимъ образомъ донна Долоресъ оставила монастырь, рѣшительно никто, сохраненіе этой тайны необходимо въ виду высшихъ соображеній.

— Будьте покойны, я не забуду вашего распоряженія!

— Лучше, если потребуется, объясните ея исчезновеніе побѣгомъ. Теперь я попрошу васъ предупредить донну Долоресъ.

Настоятельница оставила дона Діего одного въ своей кельѣ, а сама отправилась за донной Долоресъ.

Молодой человѣкъ, какъ только остался одинъ, изорвалъ на мелкіе куски, привезенный имъ приказъ, и бросилъ ихъ въ пламя камина.

— Я мало забочусь о томъ,—сказалъ донъ Діего, глядя на догорающіе остатки бумаги,—что губернаторъ въ одинъ прекрасный день можетъ лично убѣдиться, съ какимъ совершенствомъ я подражаю его подписи и невольно позавидуетъ моему искусству!—при этомъ онъ насмѣшливо улыбнулся.

Черезъ четверть часа настоятельница вернулась:

— Вотъ донна Долоресъ де ля Круцъ. Имѣю честь сдать вамъ ее съ рукъ на руки!

— Очень вамъ благодаренъ и надѣюсь доказать вамъ, что Его Превосходительство, при случаѣ, не забываетъ людей, которые точно и безпрекословно исполняютъ его распоряженія.

Настоятельница низко поклонилась.

— Готовы ли вы, сеньорита?—обратился донъ Діего къ молодой дѣвушкѣ.

— Да!—лаконически отвѣчала она.

— Ну, такъ въ путь, я васъ попрошу слѣдовать за мной.

— Хорошо! — отвѣтила она, завертываясь въ плащъ и не прощаясь со своей бывшей начальницей.

Они вышли изъ кельи и, въ сопровожденіи самой настоятельницы достигли выходныхъ воротъ. Привратницы не было, она изъ предосторожности была удалена, такъ что настоятельница сама отворила ворота, выпустила своихъ спутниковъ, отдавъ низкій поклонъ представителю губернатора, закрыла ворота и удалилась.

— Сеньорита, — обратился почтительно донъ Діего къ молодой дѣвушкѣ,—будьте любезны сѣсть на эту лошадь!

— Сеньоръ, — отвѣчала она печальнымъ голосомъ, — я беззащитная сирота и должна васъ слушаться, потому что всякое сопротивленіе съ моей стороны было бы безполезно, но...

— Донна Долоресъ,—обратился одинъ изъ спутниковъ,— мы посланные отъ дона Хаиме!

— Какъ?—вскричала она,—неужели я слышу голосъ дона Карлоса?

— Да, сеньорита, успокойтесь и садитесь скорѣе на коня, надо торопиться!

Молодая дѣвушка легко вскочила на лошадь дона Діего.

— Теперь, господа, я болѣе не нуженъ, вамъ—сказалъ послѣдній,— прощайте, счастливаго пути!

Они тронулись въ путь и скоро скрылись въ темнотѣ.

— Ну и помчались же, — замѣтилъ съ усмѣшкой оставшійся, — я думаю, дону Мельхіору не легко будетъ ихъ догнать!—и, завернувшись поплотнѣе, направился пѣшкомъ въ свое жилище, во дворецъ губернатора.

Донна Долоресъ подъ прикрытіемъ своихъ спутниковъ, которые оказались Доминикомъ и Лео Карралемъ, скакала всю ночь. При восходѣ солнца они достигли заброшеннаго ранчо, гдѣ ихъ ожидало нѣсколько человѣкъ.

Въ числѣ ихъ, къ радости донны Долоресъ, оказались донъ Адольфо и графъ; теперь она была спасена, ее окружали друзья.

Радостна была ея дальнѣйшая поѣздка, но еще радостнѣе былъ ея пріѣздъ въ Мексико. Вмѣстѣ со своими друзьями она прибыла въ небольшой домикъ, гдѣ все уже было приготовлено для этой встрѣчи и гдѣ она упала въ распростертыя объятія донны Маріи и Карменъ. Донъ Адольфо со своими спутниками удалился, предоставляя дамамъ наплакаться и наговориться наединѣ. Графъ велѣлъ нанять себѣ домъ вблизи, чтобы лучше охранять молодую дѣвушку, и предложилъ Доминику раздѣлить съ нимъ помѣщеніе, на что послѣдній съ величайшей охотой согласился. Для устраненія всякихъ подозрѣній, было рѣшено какъ можно рѣже посѣщать маленькій домикъ и по возможности сокращать эти посѣщенія.

Донъ Адольфо послѣ этого происшествія снова перешелъ къ своей бродячей жизни, появляясь только изрѣдка ночью въ домѣ молодыхъ людей. Управленіе ихъ домомъ принялъ на себя Лео Карраль, считая графа, какъ жениха своей госпожи, своимъ хозяиномъ, и послѣдній съ радостью предоставилъ этому вѣрному человѣку полную свободу дѣйствій. Авантюристъ во время своихъ рѣдкихъ посѣщеній говорилъ обыкновенно о самыхъ обыденныхъ вещахъ, напоминая только при прощаніи своимъ друзьямъ о необходимости зорко слѣдить за сосѣднимъ домикомъ.

Такъ шли дѣла нѣсколько дней. Донна Долоресъ въ новой, благопріятной обстановкѣ снова расцвѣла и веселые

голоса ея и Карменъ раздавались по всему дому; даже донна Марія заражалась этой беззаботной радостью и на ея строгомъ, печальномъ лицѣ изрѣдка показывалась улыбка.

Графъ и его другъ вносили разнообразіе въ жизнь добровольныхъ затворницъ, которыя, изъ предосторожности, не показывались на улицу и были совершенно отрѣшены отъ внѣшняго міра. Визиты двухъ друзей, несмотря на предостереженіе дона Хаиме, все учащались и дѣлались продолжительнѣе.

Разъ вечеромъ графъ и Доминикъ, чтобы убить какъ нибудь время, усѣлись играть въ шахматы, но игра ихъ очень мало интересовала и они сидѣли глубоко задумавшись о постороннихъ предметахъ. Вдругъ, раздался сильный ударъ въ дверь.

— Какого дьявола привело такъ поздно?—вскричали они вздрагивая.

— Уже далеко за полночь!—сказалъ Доминикъ.

— Если это не Оливье, то я право не знаю, кто бы это могъ быть?—добавилъ графъ.

— Да, это безъ сомнѣнія онъ,—замѣтилъ Доминикъ.

Въ это время дверь отворилась и на порогѣ показался донъ Хаиме.

— Здравствуйте, господа! Вы не ожидали меня въ такое позднее вре́мя?

— Вы всегда для насъ желанный гость!

— Благодарю; вы позволите мнѣ распорядиться, — сказалъ авантюристъ, оборачиваясь къ человѣку, который свѣтилъ ему,—дайте мнѣ, пожалуйста, ужинать, Рембо!

Послѣдній поклонился и вышелъ.

Донъ Хаиме положилъ свою шляпу и опустился на стулъ, обмахиваясь платкомъ.

— Ну, я умираю съ голода, друзья мои!

XXIII. Ужинъ.

Молодые люди смотрѣли на авантюриста съ замѣтнымъ удивленіемъ, которое противъ воли отражалось на ихъ лицахъ. Рембо съ другимъ человѣкомъ принесъ совершенно уже накрытый столъ и поставилъ его около Адольфо.

— Рембо—молодецъ, господа,—весело сказалъ авантюристъ,—онъ догадался накрыть на троихъ въ надеждѣ, что и вы не откажетесь поѣсть за компанію. Оторвитесь на минуту отъ вашего размышленія и займите мѣста.

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣчали оба, подходя къ столу.

Ужинъ начался. Донъ Адольфо ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и былъ необычайно оживленъ; они никогда не видали еще его въ такомъ состояніи: анекдоты, остроты, шутки и разнообразные разсказы, пересыпанные самымъ изящнымъ остроуміемъ, такъ и срывались съ его устъ.

Молодые люди съ изумленіемъ переглядывались и не могли понять этой странной перемѣны, тѣмъ болѣе, что лицо ихъ собесѣдника выдавало по обыкновенію тайную заботу, скрытую подъ маской холоднаго равнодушія.

Однако, вскорѣ и они были увлечены его въ высшей степени заразительной веселостью и, забывъ всѣ свои заботы, отдались настоящей минутѣ; раздавались только веселые голоса, слышался смѣхъ и остроумныя замѣчанія, прерываемые звономъ стакановъ и стукомъ ножей и вилокъ.

Слуги были удалены и друзья остались одни.

— Господа, — сказалъ донъ Адольфо, откупоривая бутылку шампанскаго, — по моему, ничего не можетъ быть лучше ужина: не безъ основанія наши предки любили его; къ сожалѣнію, ужинъ, какъ и многія другія хорошія привычки, все утрачиваетъ свое значеніе и скоро совершенно его утратитъ. Для меня это будетъ печальнымъ явленіемъ.

Онъ наполнилъ стаканы своихъ собесѣдниковъ.

— Позвольте,—сказалъ онъ, — выпить за ваше здоровье этого вина, одного изъ лучшихъ произведенiй вашей страны!—и чокнувшись, выпилъ залпомъ.

Бутылки слѣдовали одна за другой, а стаканы тотчасъ же опоражнивались.

Головы разгорячились, сигары были закурены и вино смѣнили ромъ, коньякъ и разные ликеры.

Позы сдѣлались болѣе свободными и сквозь клубы ароматнаго дыма завязалась болѣе послѣдовательная бесѣда, незамѣтно, помимо ихъ воли, принимавшая постепенно болѣе серьезный и откровенный тонъ.

— Да! — воскликнулъ неожиданно Доминикъ, опускаясь благодушно на спинку кресла, — жизнь не только хороша но даже прекрасна!

При этомъ неожиданномъ восклицанiи авантюристъ разразился нервнымъ и прерывистымъ смѣхомъ:

— Браво! Вотъ такъ человѣкъ — ну, какъ не назвать его настоящимъ философомъ?! Онъ не знаетъ ни своихъ родителей, ни мѣста своего происхожденiя на свѣтъ, а выросъ, какъ Божья трава, не имѣя никогда ни одного друга, кромѣ меня, и этотъ человѣкъ, безъ гроша за душой, высказываетъ такiя жизнерадостныя мысли. Желалъ-бы я знать, какимъ путемъ удастся ему доказать свою радостную теорiю.

— Ничего нѣтъ легче,—отвѣтилъ безъ всякаго смущенiя молодой человѣкъ,—я не знаю, гдѣ родился — это правда, но въ этомъ мое преимущество: вся земля мое отечество и всѣ люди, къ какой-бы нацiи они ни принадлежали, мои соотечественники. Я не знаю своихъ родителей — можетъ быть и въ этомъ также мое преимущество: они, бросивъ меня, предоставили мнѣ полную свободу дѣйствiй и избавили отъ обязанностей, связывающихъ дѣтей съ родителями, и отъ всѣхъ стѣсненiй часто отъ этого проистекающихъ, у меня всего одинъ истинный другъ на свѣтѣ — да много ли людей и этимъ могутъ похвастаться, тѣмъ болѣе, что у меня другъ надежный, всегда мнѣ сочувствующiй и меня поддерживающiй и въ грустныя, и въ веселыя минуты

жизни; онъ — то своей дружбой и связываетъ меня со всей человѣческой семьей. У меня нѣтъ ни гроша за душой — опять вѣрно, но это меня ничуть не печалитъ. Я здоровъ и способенъ къ работѣ,—вотъ все, что требуется и что мнѣ замѣняетъ богатство. Обязанности свои я исполняю не хуже другихъ, даже, можетъ быть, и лучше нѣкоторыхъ, потому-что никому не завидую и вполнѣ доволенъ своею судьбой. Видите, дорогой другъ мой, донъ Адольфо, я не опрометчиво сказалъ свою фразу, что для меня жизнь не только хороша, но даже прекрасна. Докажите мнѣ вы, скептикъ и разочарованный, противное.

— Ваши доказательства такія, повидимому, неоспоримыя, не такъ-то трудно опровергнуть, но я не желаю ихъ оспаривать и позволю себѣ только замѣтить, что никогда не былъ и не буду скептикомъ, а только, можетъ быть, отчасти розачарованнымъ.

— Ну, это требуетъ еще объясненій донъ Адольфо! — разомъ вскричали оба друга.

— Объясненій?—я могу вамъ дать ихъ, если желаете, но къ чему? у меня есть другое предложеніе, которое, надѣюсь, вамъ понравится.

— Въ чемъ дѣло?

— Ночь почти уже кончается, черезъ нѣсколько часовъ начнетъ разсвѣтать, но никому изъ насъ спать не хочется и потому не докончить-ли эту ночь въ разговорахъ?

— Съ удовольствіемъ,—сказалъ графъ,—ничего лучшаго нельзя было предложить.

— Совершенно съ вами согласенъ,—добавилъ Доминикъ,— но о чемъ-же будемъ говорить?

— Позвольте,—я хочу вамъ разсказать одну исторію или происшествіе, назовите, какъ хотите—которую я сегодня слышалъ и ручаюсь вамъ за правдивость разсказа, такъ какъ мнѣ передавалъ все дѣло мой хорошій знакомый, бывшій въ этомъ происшествіи самъ дѣйствующимъ лицомъ.

— Почему вы намъ не разскажете ничего изъ вашей собственной жизни,—донъ Адольфо?—съ участіемъ спросилъ

графъ:—ваша жизнь, навѣрно, полна всякихъ случайностей и самыхъ интересныхъ приключеній?

— Ну, въ этомъ вы глубоко ошибаетесь, дорогой графъ!—добродушно отвѣтилъ авантюристъ,—моя жизнь самая прозаическая и малоинтересная, почти такая-же, какъ и у всѣхъ контрабандистовъ — вѣдь вы, конечно, знаете, что это мое занятіе. Всѣ мы стараемся перехитрить таможенную стражу и провезти товары; противники наши прибѣгаютъ къ своимъ мѣрамъ хитрости, чтобы намъ въ этомъ помѣшать; отсюда происходятъ иногда схватки, къ счастью, рѣдко кончающіяся кровопролитіемъ. Вотъ исторія моей жизни, которую вы желали знать—не правда-ли, никакого особаго интереса она изъ себя не представляетъ?

— Я не настаиваю больше,—съ недовѣрчивою улыбкою сказалъ графъ.

— Мы ожидаемъ вашей исторіи!—добавилъ Доминикъ.

Оливье осушилъ бокалъ каталонскаго ликеру и, ударяя по столу ручкой ножа, началъ:

— Вниманіе, господа!—я начинаю: прежде всего мнѣ придется извиниться за нѣкоторые пробѣлы и неточности въ моемъ разсказѣ, но я передаю только то, что самъ слышалъ и при всемъ желаніи не съумѣю дополнить или объяснить того, что очевидецъ, случайно или вслѣдствіе какихъ либо особыхъ причинъ, оставилъ неразглашеннымъ, но, во всякомъ случаѣ, ручаюсь вамъ, что самый разсказъ васъ заинтересуетъ.

— Начинайте, начинайте!

— Встрѣчается еще одно затрудненіе,—я не знаю, въ какой странѣ происходили событія, но это не важно:—люди вездѣ тѣ же самые и тѣ же пороки управляютъ ими; очевидно только, что разсказъ относится къ прежнему времени, въ чемъ вы сами убѣдитесь. Итакъ, въ Германіи, назовемъ, съ вашего позволенія, эту страну Германіей, была богатая, знатная и могущественная фамилія, ведущая свое происхожденіе отъ самыхъ отдаленныхъ временъ.

Безъ сомнѣнія, вы знаете, что нѣмецкая аристократія

одна изъ самыхъ старинныхъ въ Европѣ и сохранила до настоящаго времени почти всѣ свои традиціи. Назовемъ княземъ Оппенгеймъ-Шлезвигъ представителя этой семьи и скажемъ, что у него было два сына года на два, на три рознившихся между собой по лѣтамъ. Оба были прекрасны собой, одарены блестящими способностями и получили подъ наблюденіемъ своего отца лучшее воспитаніе. Въ Германіи не то, что у насъ въ Америкѣ, строй жизни сохранилъ еще свой патріархальный характеръ и отцовская власть признается во всей своей силѣ, и потому можете судить, насколько велико тамъ вліяніе отца на дѣтей. Молодые люди успѣшно развивались; съ лѣтами началъ опредѣляться ихъ характеръ и рѣзко выразилось все различіе между ними: па видъ они оба казались совершенными джентельменами, но относительно нравственной стороны, къ сожалѣнію, объ одномъ изъ нихъ нельзя было сказать того-же. Насколько старшій былъ добръ, послушенъ, помнилъ о своихъ обязанностяхъ и старался съ честью носить свое старинное имя, настолько второй поддался стремленіямъ и низкимъ желаніямъ и, хотя не меньше брата гордился своимъ именемъ, но негнушался волочить его по самымъ низкимъ притонамъ разврата. Отецъ съ ужасомъ замѣчалъ эти наклонности сына и нѣсколько разъ дѣлалъ ему строгіе выговоры. Послѣдній почтительно выслушивалъ замѣчанія, обѣщалъ исправиться, но попрежнему продолжалъ ту-же жизнь.

Въ это время Франція объявила Германіи войну. Старый князь Оппенгеймъ-Шлезвигъ однимъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ Императора и сталъ подъ знамена Германской арміи, сыновья послѣдовали за нимъ въ качествѣ адъютантовъ, совершая свой первый походъ подъ начальствомъ отца. Черезъ нѣсколько времени послѣ прибытія ихъ на мѣсто вышло отъ командующаго распоряженіе отправиться на фуражировку; — произошла стычка съ непріятельскими фуражирами и въ самомъ разгарѣ дѣла старый князь упалъ съ лошади, къ нему тотчасъ бросились на помощь, но онъ былъ мертвъ. Явилось одно необъяснимо странное обстоя-

тельство:—онъ былъ убитъ пулей, попавшей ему сзади между лопатокъ.

Донъ Адольфо смолкъ.

— Дайте еще пить!—сказалъ онъ Доминику.

Послѣднiй наполнилъ стаканъ пуншемъ, который авантюристъ выпилъ залпомъ и, проведя рукой по своему блѣдному и потному лицу, продолжалъ съ дѣланной небрежностью:

— Оба сына были недалеко и тотчасъ-же поспѣшили на мѣсто происшествiя, но увидали только окровавленный и безжизненный трупъ отца. Трудно описать ихъ горе: — у старшаго сына оно выражалось въ мрачной сосредоточенно-молчаливой печали, а у младшаго прорывалось постоянно наружу. Несмотря на всѣ, самыя подробныя разслѣдованiя, неудалось разъяснить, какимъ образомъ князь, любимый своими солдатами, могъ погибнуть отъ пули въ спину: эта тайна, такъ и осталась тайной для всѣхъ.

Молодые люди оставили войско и вернулись домой. Старшiй принялъ родовой титулъ и сдѣлался главою фамилiи. Въ Германiи право старшинства существуетъ въ полной силѣ и потому младшiй вполнѣ зависѣлъ отъ старшаго, но послѣднiй, не желая поставить брата въ несоотвѣтствующее его воспитанiю положенiе, предоставилъ ему довольно значительное состоянiе матери, простиравшееся до двухъ миллiоновъ, и титулъ маркиза.

— Вы хотите сказать, герцога?—перебилъ графъ.

— Совершенно вѣрно,—согласился Адольфо, прикусывая губу,—такъ какъ фамилiя была княжеская. Мы, республиканцы, мало знакомы съ этими блестящими титулами и даже скорѣе принебрегаемъ ими.

— Дальше, дальше!—сказалъ Доминикъ.

Донъ Адольфо продолжалъ:

— Герцогъ обратилъ свое состоянiе въ наличность, попрощался съ братомъ и отправился въ Вѣну. Князь остался въ своихъ владѣнiяхъ и только изрѣдка получалъ извѣстiя отъ брата, но и этого было достаточно, чтобы заставить

старшаго брата выселить герцога изъ предѣловъ государства. Послѣднiй безропотно покорился этому рѣшенiю.

Въ продолженiи нѣсколькихъ лѣтъ герцогъ разъѣзжалъ по всей Европѣ и изрѣдка извѣщалъ старшаго брата о своей перемѣнѣ къ лучшему. Неизвѣстно, насколько князь вѣрилъ искренности этихъ сообщенiй, но онъ не только извѣстилъ брата о своей женитьбѣ на одной изъ молодыхъ представительницъ богатаго и аристократическаго рода, но и пригласилъ его на свадьбу, вѣроятно, въ надеждѣ, что герцогъ за дальностью разстоянiя не прiѣдетъ. Но въ этомъ случаѣ князь ошибся: братъ его явился какъ разъ наканунѣ торжества и былъ принятъ съ подобающею честью старшимъ братомъ. На слѣдующiй день произошелъ обрядъ вѣнчанiя.

Герцогъ, повидимому, совершенно перемѣнился и поведенiе его во всѣхъ отношенiяхъ было безукоризненно: живя во дворцѣ своего брата, онъ старался сообразоваться съ его желанiями, доказывая при каждомъ случаѣ на дѣлѣ свое исправленiе. Въ короткое время онъ такъ обошелъ брата, что послѣднiй не только простилъ его, но и вернулъ ему все свое довѣрiе. Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ со времени возвращенiя герцога и послѣднiй серьезнымъ отношенiемъ къ жизни и стремленiемъ искупить грѣхи своей юности старался доказать свое исправленiе.

Сначала сосѣди принимали герцога неохотно, но впослѣдствiи, изъ уваженiя къ семьѣ и въ виду его кажущагося исправленiя, прошедшее было почти совсѣмъ забыто и онъ снова занялъ свое прежнее положенiе.—Не знаю, по случаю ли годовщины или какого либо большого праздника, но въ странѣ затѣвались особыя народныя празднества. Князь, по своему положенiю, принялъ главенство въ этихъ развлеченiяхъ и, по совѣту своего брата, чтобы обставить все роскошнѣе и притянуть аристократiю, согласился самъ принять въ нихъ участiе. Предполагалось изобразить турниръ и къ назначенному дню представители самыхъ знатныхъ родовъ стеклись къ мѣсту торжествъ, чтобы принять, по примѣру князя, участiе въ состязанiи.

Молодая супруга князя, бывшая въ то время беременною, подъ вліяніемъ одного изъ тѣхъ предчувствій, которыя являются только у истинно любящихъ особъ и никогда не обманываютъ, уговаривала мужа не выступать на ристалищѣ, предсказывая несчастіе, и герцогъ присоединился къ ея голосу, увѣщевая брата оставить свое намѣреніе, но князь, не видя возможности съ честью уклониться отъ своего намѣренія, былъ непреклоненъ и, пошутивъ надъ химерическими страхами, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на сборное мѣсто.

Черезъ часъ его принесли при смерти. По какой-то роковой и странной случайности князь встрѣтилъ смерть тамъ, гдѣ другіе находятъ одну только забаву.

Герцогъ выказалъ сильное горе по поводу неожиданной и страшной смерти брата.

Завѣщаніе покойнаго было вскрыто. Князь завѣщалъ все свое состояніе брату, если у княгини, которая была въ беременности на исходѣ, не родится представителя мужского поколѣнія; въ такомъ случаѣ этотъ послѣдній дѣлается наслѣдникомъ и имени, и всего имущества, но до совершеннолѣтія остается подъ опекою своего дяди.

При извѣстіи о смерти мужа, княгиня преждевременно разрѣшилась отъ бремени—дѣвочкой. Такимъ образомъ второй пунктъ завѣщанія былъ уничтоженъ и герцогъ вошелъ во владѣніе имуществомъ своего брата.

Княгиня, несмотря на всѣ самыя лестныя предложенія своего деверя, не согласилась остаться жить изъ милости въ томъ дворцѣ, гдѣ она жила полной хозяйкой, и удалилась къ своимъ.

Авантюристъ окончилъ.

— Ну, какъ вы находите эту исторію?—спросилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой.

— Раньше, чѣмъ высказать свое мнѣніе, я ожидаю отъ васъ продолженія!—отвѣтилъ графъ.

Авантюристъ бросилъ на него ясный и проницательный взглядъ.

— Такъ вы думаете, что это еще не конецъ?

— Всякая исторія имѣетъ двѣ стороны.

— Объяснитесь пожалуйста.

— Ложную и правдивую.

— Что вы хотите сказать?

— Ложная сторона — эта наружная, какъ кажется постороннимъ зрителямъ и въ какомъ видѣ является матеріаломъ для пересудъ и толковъ стоустной молвы.

— А другая ваша сторона?

— Это внутренняя, тайная для всѣхъ за исключеніемъ двухъ-трехъ, болѣе близкихъ лицъ,—тотъ пушекъ, который выдаетъ рыльце лисицы.

— Другими словами, вы хотите, чтобы я сорвалъ маску съ злодѣя?—вскрикнулъ авантюристъ страшнымъ голосомъ,— не правда-ли?

— Да!

Авантюристъ опустилъ голову на руки и задумался, потомъ гордо выпрямился, выпилъ залпомъ стаканъ и нервнымъ голосомъ сказалъ:

— Ну, такъ слушайте, клянусь вамъ, что продолженіе стоитъ потраченнаго на него времени.

XXIV. **Открытіе тайны.**

На нѣкоторое время трое собесѣдниковъ углубились въ размышленіе.

Наконецъ, донъ Адольфо прервалъ молчаніе:

— У княгини былъ братъ, въ то время молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ; онъ обладалъ свѣтлымъ умомъ и непоколебимой волей, былъ хорошъ собой, храбръ до безумія, пользовался большимъ успѣхомъ у дамъ и самъ любилъ ихъ общество, но это не мѣшало ему смотрѣть серьезно на жизнь.

Октавъ, назовемъ брата этимъ именемъ, былъ очень привязанъ къ своей сестрѣ; по его настоянію она, несмотря на всѣ лестныя предложенія деверя, удалилась изъ замка своего

покойнаго мужа съ одной вдовьей частью наслѣдства. Хотя поведенiе князя было, съ внѣшней стороны, безукоризненно, но какое то тайное чувство отталкивало отъ него Октава. Во всякомъ случаѣ, полнаго разрыва между ними не было и по временамъ они навѣщали другъ друга.

Во время этихъ рѣдкихъ посѣщенiй Октавъ держался всегда холодно и не отвѣчалъ на сердечныя излiянiя, на которыя не скупился князь, замѣтившiй нерасположенiе къ нему молодого человѣка и старавшiйся всѣми силами привлечь его къ себѣ.

Княгиня замкнулась въ своей семьѣ и вдали отъ свѣта занялась съ нѣжною любовью и полнымъ самопожертвованiемъ воспитанiемъ своей дочери. Трауръ, надѣтый послѣ мужа, она такъ больше и не снимала, такъ какъ въ любящемъ сердцѣ своемъ носила такой глубокiй трауръ, который и время изгладить не можетъ и скорбь свою чувствовала съ той же силою, какъ въ первый день; съ той же силой представлялось ей и печальное происшествiе, лишившее ее мужа. Еще съ однимъ она не могла примириться, она не могла слышать имени своего деверя и если братъ въ присутствiи ея произносилъ случайно это имя, она блѣднѣла, глаза ея расширялись, загорались лихорадочнымъ огнемъ и сквозь слезы устремлялись на Октава со страннымъ выраженiемъ упрека и подавленной тоски; они какъ будто говорили, что это, видно, рокъ преслѣдуетъ ее въ своей ненависти.

Достигнувъ титула и обладанiя всѣмъ родовымъ состоянiемъ, князь разсудилъ, что надо позаботиться о наслѣдникѣ, чтобы все это не вышло изъ его рода и не перешло въ боковыя линiи. Въ виду этого онъ началъ подыскивать себѣ невѣсту въ княжескихъ родахъ страны и наконецъ дѣло, повидимому, наладилось съ одной представительницей самого стариннаго и благороднаго рода Германiи. Казалось, все было на сторонѣ этого союза и обѣщало въ дальнѣйшемъ возвеличить и обогатить и безъ того уже могущественный и колоссально богатый домъ Оппенгеймъ-Шлезвигъ, такъ

какъ невѣста была молода, прекрасна, богата и принадлежала къ боковой линіи царствующаго дома Габсбурговъ; вполнѣ понятно, что князь, сознавая для себя все значеніе предстоящаго союза, торопилъ свадьбу. Случилось это лѣтъ черезъ восемь послѣ печальнаго событія на турнирѣ. Въ это время и графъ Октавъ по разнымъ дѣламъ долженъ былъ предпринять поѣздку въ одинъ городъ лье за двадцать отъ своего замка.

Онъ простился со своей сестрой, сѣлъ въ почтовую карету и тронулся въ путь.

На слѣдующій день часовъ около восьми вечера онъ достигъ города Брюнекъ и остановился въ принадлежащемъ ему домѣ, недалеко отъ главной площади и въ двухъ шагахъ отъ дома губернатора.

Брюнекъ, хорошенькій маленькій городокъ, расположенный на правомъ берегу Ріенца съ населеніемъ отъ пятнадцати до шестнадцати тысячъ человѣкъ. До нашего времени въ немъ сохранились еще патріархально простые и строгіе нравы, какіе существовали лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ.

Графъ Октавъ при въѣздѣ въ городъ, къ удивленію своему, замѣтилъ необычайное оживленіе; улицы были переполнены народомъ, такъ что карета его съ трудомъ могла подвигаться; повсюду виднѣлись люди, ведущіе оживленные разговоры, а кругомъ было необычайное освѣщеніе: всѣ дома, а особенно площади, были иллюминованы. Выйдя изъ экипажа и усѣвшись за ужинъ графъ спросилъ о причинѣ этого всеобщаго возбужденія и вотъ, что онъ узналъ.

Тироль, какъ извѣстно, страна гористая—это австрійская Швейцарія и большинство этихъ горъ служатъ убѣжищемъ многочисленнымъ разбойникамъ, которые берутъ выкупъ съ несчастныхъ, попадающихся въ ихъ лапы и проѣзжающихъ, а по временамъ отваживаются грабить деревни и даже пригорода. Много лѣтъ тому назадъ, одинъ ловкій и предпріимчивый бандитъ объединилъ подъ своимъ начальствомъ большую шайку людей смѣлыхъ и рѣшительныхъ, и дисци-

плинировавъ ее, держалъ въ страхѣ всю страну, нападая на путешественниковъ, грабя и сжигая деревни и отваживаясь даже, при случаѣ, выступать противъ высылаемыхъ для поимки его регулярныхъ отрядовъ, причемъ послѣднимъ не рѣдко приходилось отступать съ большимъ урономъ. Онъ успѣлъ, наконецъ, внушить такой ужасъ окружающему населенію, что вся страна въ тайнѣ подчинилась ему, считая его непобѣдимымъ, и исполняла всѣ его требованія. Разумѣется, Австрійское правительство не могло согласиться на подчиненіе своихъ подданныхъ бандиту и, рѣшивъ во что бы то ни стало освободиться отъ него, приняло самыя энергичныя мѣры. Но довольно продолжительное время всѣ усилія ни къ чему не привели; этотъ человѣкъ, при помощи какихъ то таинственныхъ шпіоновъ, узнавалъ заранѣе все, что противъ него предпринимали и, сообразуясь съ этимъ, принималъ со своей стороны мѣры и счастливо избѣгалъ разставленныхъ противъ него сѣтей.

Но гдѣ не могли помочь ни сила, ни хитрость, тамъ пришла на помощь измѣна; одинъ изъ отряда Красной Руки (названіе принятое этимъ разбойникомъ), недовольный дѣлежомъ богатой добычи, попавшей въ ихъ руки нѣсколько дней тому назадъ и, считая себя обиженнымъ начальникомъ, рѣшился отомстить, выдавъ предводителя правительству.

Черезъ недѣлю Красная Рука почти со всей своей шайкой попался неожиданно въ руки высланнаго противъ него отряда.

Нѣсколько человѣкъ, которымъ удалось ускользнуть, одни, безъ начальника и поддержки, не могли долго скрываться и тоже были перехвачены солдатами, такъ что, въ концѣ концовъ, вся шайка была разстроена и переловлена. Процессъ разбойниковъ продолжался недолго, они были приговорены къ смерти и приговоръ былъ тотчасъ же исполненъ надъ всѣми, за исключеніемъ начальника и двухъ его ближайшихъ помощниковъ.

Ихъ для примѣра приговорили къ болѣе жестокой казни

и исполненіе этого приговора было назначено на слѣдующій день.

Вотъ причина празднества въ городѣ Брюнекъ.

Сосѣднее населеніе явилось посмотрѣть на казнь человѣка, передъ которымъ оно такъ долго трепетало, а чтобы не упустить этого интереснаго зрѣлища, уже съ вечера занимало улицы и площади, съ нетерпѣніемъ ожидая казни.

Графъ не особенно заинтересовался этимъ разсказомъ; послѣ двухдневнаго пути по плохой дорогѣ ему хотѣлось отдохнуть и потому, наскоро окончивъ свой ужинъ, онъ отправился на покой.

Но при входѣ его въ спальню явился лакей и передалъ нѣсколько словъ тихимъ голосомъ его камердинеру.

— Что тамъ такое?—спросилъ оборачиваясь Октавъ.

— Извините, господинъ графъ, — почтительно отвѣчалъ лакей,—тамъ человѣкъ желаетъ видѣть ваше сіятельство.

— Видѣть меня въ это время?—вскричалъ онъ съ изумленіемъ, — можетъ ли это быть? да и какъ онъ узналъ о моемъ пріѣздѣ, я вѣдь только что пріѣхалъ?!. Скажите, чтобы онъ приходилъ завтра, сегодня очень ужъ поздно.

— Я это уже говорилъ ему, ваше сіятельство, но онъ отвѣчалъ, что отложить до завтра невозможно.

— Удивительное дѣло! Каковъ изъ себя этотъ человѣкъ?

— Священникъ, ваше сіятельство, и онъ добавилъ, что имѣетъ доложить вашему сіятельству очень важныя вещи и проситъ немедленно его принять.

Молодой человѣкъ, въ высшей степени заинтересованный необычнымъ визитомъ въ такое позднее время, поправилъ нѣсколько безпорядокъ своего костюма и вышелъ въ пріемную, ожидая разъясненіе загадки.

Священникъ уже ожидалъ его стоя посрединѣ комнаты.

Это былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ; его совершенно сѣдые волосы, спадавшіи назадъ густыми прядями внушали почтеніе къ этой фигурѣ съ лицомъ, выражавшимъ безпредѣльную доброту и спокойствіе.

Графъ почтительно поклонился ему и жестомъ пригласилъ садиться.

— Извините меня, господинъ графъ,—отвѣтилъ посѣтитель, отдавая поклонъ и продолжая по прежнему стоять,—я духовникъ при тюрьмѣ. Вы, вѣроятно, слышали объ арестѣ извѣстныхъ бандитовъ?

— Да, кое-что дошло до моего слуха.

— Большинство этихъ несчастныхъ уже подверглись страшному наказанію, къ которому ихъ приговорило человѣческое правосудіе; теперь остается самый главный виновникъ, который, въ свою очередь, будетъ казненъ.

— Я слышалъ объ этомъ.

— Этотъ человѣкъ,—продолжалъ священникъ,—передъ тѣмъ какъ предстать предъ высшій судъ Господень, которому онъ уже сдалъ отчетъ своихъ кровавыхъ дѣлъ, почувствовалъ подъ вліяніемъ моихъ убѣжденій глубокое раскаяніе. Не знаю, какимъ образомъ онъ узналъ о вашемъ пріѣздѣ сюда, но въ совпаденіи вашего прибытія въ нашъ городъ, какъ разъ съ днемъ его казни онъ увидѣлъ перстъ Провидѣнія и, призвавъ меня къ себѣ, просилъ съѣздить за вами.

— За мной?—вскричалъ съ удивленіемъ молодой человѣкъ,—что можетъ быть общаго между мною и этимъ несчастнымъ?

— Не знаю, господинъ графъ: онъ не далъ мнѣ по этому поводу ни какихъ объясненій, но просилъ уговорить васъ посѣтить его, въ виду очень важной тайны, которую онъ желаетъ вамъ открыть.

— Все, что вы мнѣ говорите, милостивый государь, крайне поражаетъ меня; я этого человѣка совершенно не знаю и не могу понять, какая можетъ быть связь между моей и его жизнью.

— Это онъ, безъ сомнѣнія, самъ вамъ объяснитъ, господинъ графъ, но я бы посовѣтывалъ вамъ согласиться на свиданіе съ этимъ человѣкомъ,—сказалъ священникъ съ увѣренностью,—много уже лѣтъ я состою духовникомъ при

тюрьмѣ и, увы!—не мало видалъ на своемъ вѣку преступниковъ наканунѣ смерти; повѣрьте мнѣ, въ эти торжественные часы люди не лгутъ; самые храбрые и сильные изъ нихъ дѣлаются слабыми и хилыми передъ лицомъ тайны загробной жизни, называемой вѣчностью. Всѣ надежды на этотъ міръ и на людей у нихъ утрачиваются и они съ трепетомъ ожидаютъ только милосердія Божія. Несчастный Красная Рука долженъ умереть завтра и онъ прекрасно знаетъ, что нѣтъ никакой надежды избѣгнуть своей печальной и ужасной участи. Для чего можетъ онъ призывать васъ къ себѣ, теперь, на порогѣ смерти, какъ не для искупленія своихъ грѣховъ открытіемъ какой нибудь ужасной тайны, можетъ быть, самой ужасной и самой сокровеннѣйшей изъ всѣхъ тяготѣющихъ на его душѣ? Повѣрьте мнѣ, господинъ графъ, что во всемъ этомъ видѣнъ перстъ Провидѣнія, не одинъ только случай привелъ васъ сюда какъ разъ наканунѣ этой страшной казни. Согласитесь послѣдовать за мной въ темницу, гдѣ этотъ несчастный ожидаетъ, съ нетерпѣніемъ считая минуты до вашего прибытія. Допустимъ даже, что эта тайна не будетъ имѣть для васъ того значенія, какое онъ ей приписываетъ и вы потеряете только время, но неужели вы откажетесь принести утѣшеніе человѣку, который завтра будетъ вычеркнутъ изъ числа живущихъ? Умоляю васъ, графъ, послѣдовать за мной.

Молодой человѣкъ рѣшился, надѣлъ пальто и вышелъ вмѣстѣ со священникомъ. Несмотря на позднее время, было около полуночи, вездѣ толпился народъ и не убывалъ, а напротивъ, все новыя и новыя толпы прибывали изъ разныхъ пригородныхъ мѣстъ и селеній, вездѣ виднѣлись ночлежные бивуаки.

Съ большимъ трудомъ графъ со своимъ проводникомъ добились до тюрьмы, окруженной со всѣхъ сторонъ многочисленной стражей. По слову священника дверь тюрьмы тотчасъ же отворилась и графъ вошелъ, предшествуемый священникомъ, въ сопровожденіи тюремщика. Они направились къ помѣщенію приговореннаго къ смерти.

Тюремщикъ съ фонаремъ въ рукѣ провелъ ихъ въ молчаніи по длиннымъ корридорамъ до входа съ желѣзной оковкой во всю дверь, здѣсь остановился и сказалъ: „Войдите“.

Они вошли въ отдѣльное помѣщеніе.

Помѣщеніе это, довольно просторное, скорѣе напоминало комнату, чѣмъ тюрьму, и освѣщалось двумя арочными окнами, защищенными прочными желѣзными рѣшетками.

Меблировка состояла изъ кровати въ видѣ койки, стола и нѣсколькихъ стульевъ; даже зеркало висѣло на стѣнѣ. Въ глубинѣ виднѣлся черный алтарь; осужденный, со времени произнесенія приговора, находился въ часовнѣ и священникъ-духовникъ тюрьмы, два раза въ день, утромъ и вечеромъ возносилъ свои мольбы къ небу за того, кто готовился въ скоромъ времени покинуть этотъ міръ.

При описаніи этихъ подробностей тюремной часовни оба слушателя украдкой, незамѣтно для авантюриста переглянулись между собой; они отлично знали, что этотъ обычай существуетъ только въ Испаніи и подчиненныхъ ей колоніяхъ. Донъ Адольфо, не подозрѣвая сдѣланнаго имъ промаха, спокойно продолжалъ.

Приговоренный сидѣлъ у стола, подперевъ голову руками и читалъ при свѣтѣ лампы. При входѣ посѣтителей онъ всталъ и вѣжливо поклонился имъ.

— Господа, я попрошу васъ сѣсть и подождать приглашенныхъ мною лицъ, для присутствія при всемъ, что произойдетъ. Это необходимо для того, чтобы придать тому, что вы услышите, значеніе очевидности, и дать вамъ въ руки средство хоть отчасти исправить причиненное зло и покарать нынѣ торжествующій порокъ.

Священникъ и графъ знакомъ выразили свое согласіе и заняли мѣста.

Наступила полная тишина, прерываемая только равномѣрными шагами человѣка, прохаживавшаго взадъ и впередъ по корридору около камеры осужденнаго.

Красная рука по прежнему усѣлся на свое мѣсто и углубился въ свои размышленія.

Графъ воспользовался этимъ временемъ для осмотра преступника.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти—сорока—высокаго роста, хорошаго и крѣпкаго сложенія, съ плавными и граціозными движеніями. Его нѣсколько откинутая назадъ голова указывала на привычку командовать, рѣзкія черты лица его были прекрасны, гордый взглядъ его, казалось, проницалъ насквозь; во всемъ выраженіи лица какъ-то странно совмѣщалась нѣжность и энергія,—и это придавало ему необъяснимый отпечатокъ. Черные, какъ вороново крыло, густые волосы спадали на его широкія плечи. Его черный бархатный костюмъ, довольно страннаго покроя, еще сильнѣе выдѣлялъ матовую блѣдность его лица и еще усиливалъ впечатлѣніе, производимое этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Раздался шумъ шаговъ въ корридорѣ, ключъ снова щелкнулъ въ замкѣ, дверь отворилась,—и двое новыхъ посѣтителей вошли въ камеру.

Тюремщикъ, также какъ и въ первый разъ, впустивъ вновь пришедшихъ, заперъ дверь и удалился.

Первый изъ новыхъ посѣтителей былъ директоръ тюрьмы, бодрый старикъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, съ спокойными, внушающими уваженія чертами лица; коротко остриженный съ рѣдкими сѣдыми волосами спереди и съ нѣсколько болѣе густыми сзади, такъ что они нѣсколько ниспадали по его затылку къ воротнику. Слѣдующій посѣтитель былъ офицеръ въ чинѣ майора, какъ показывали его золотые эполеты. Онъ былъ еще довольно молодъ. Ничего особеннаго лицо его не выражало—это былъ воинъ, созданный только носить военную форму, и въ штатскомъ костюмѣ представлялъ-бы невѣроятно комическое зрѣлище.

Оба при входѣ вѣжливо поклонились и ожидали разъясненіе причинъ, потребовавшихъ ихъ присутствія въ этомъ мѣстѣ.

Осужденный понялъ ихъ молчаливый вопросъ и послѣ

вѣжливыхъ привѣтствій началъ съ объясненія повода, заставившаго его пригласить въ свою камеру этихъ представителей власти наканунѣ казни, когда, казалось-бы, ему нечего было ожидать отъ людей.

— Господа,—сказалъ онъ твердымъ голосомъ,—скоро — черезъ нѣсколько часовъ я дамъ удовлетвореніе человѣческому правосудію и предстану передъ болѣе грознымъ Всемогущимъ Судьею. Съ того времени, когда началась моя безпощадная война съ закономъ и людьми, я совершилъ много преступленій, служилъ орудіемъ мести и злобы во многихъ рукахъ и сдѣлался соучастникомъ безчисленнаго количества самыхъ ужасныхъ дѣлъ. Я заслужилъ свое наказаніе и—я, смотрѣвшій не разъ въ лицо смерти, перенесу, какъ слѣдуетъ мужчинѣ, предстоящее мнѣ наказаніе, но передъ смертью я долженъ сказать, что глубоко раскаиваюсь въ совершенныхъ мною преступленіяхъ и умоляю Всевышняго, не простить меня--на это я не смѣю надѣяться, а въ виду моего чистосердечнаго раскаянія, смягчить мою участь.

— Хорошо сынъ мой, — сказалъ тихо духовникъ, — уповайте на Бога—его милосердіе безконечно!

Наступило молчаніе, продолжавшееся не долго; Красная Рука продолжалъ:

— Я желалъ-бы въ этотъ торжественный моментъ исправить причиненное мною зло. Но, къ сожалѣнію,—это невозможно:—жертвы мои покоятся мертвымъ сномъ и не въ человѣческой власти вернуть имъ преждевременно мною похищенныя жизни, но между моими преступленіями есть одно, чуть-ли не самое ужасное изъ всѣхъ, и я хочу, если и не вполнѣ исправить причиненное мною зло, что—увы!— уже не возможно, то предотвратить, по крайней мѣрѣ, хоть отчасти, его послѣдствія, для этой цѣли я и желалъ дать въ вашемъ присутствіи свои показанія и изобличить соучастниковъ. Не даромъ рука Провидѣнія привела графа Октава сюда наканунѣ моей смерти—я вижу въ этомъ перстъ Божій, указывающій мнѣ, что искупленіе моихъ грѣховъ на землѣ еще не окончено. Принимая со смиреніемъ указаніе свыше

и открывая вамъ тайну самого страшнаго преступленія, я желалъ обставить дѣло такъ, чтобы мой разсказъ имѣлъ значеніе очевидности, и потому пригласилъ васъ быть свидѣтелями; надѣюсь, что моихъ указаній будетъ достаточно человѣческому правосудію для покаранія виновныхъ.

Итакъ, господа, на порогѣ гроба, клянусь вамъ говорить только одну правду и прошу васъ хорошо запомнить мои слова, — онъ остановился и, повидимому, собирался съ мыслями.

Присутствующіе съ нетерпѣніемъ ожидали продолженія, особенно графъ, который тщетно старался скрыть свое волненіе подъ маской холоднаго равнодушія.

Тайное предчувствіе говорило ему, что, наконецъ, прольется свѣтъ на этотъ мракъ, окутывавшій таинственное прошлое его семьи, и будетъ разоблачена та тайна, къ открытію который онъ до сего времени безуспѣшно стремился.

Красная Рука, порывшись на своемъ столѣ, досталъ довольно толстую тетрадь и положилъ передъ собой.

— Хотя уже восемь лѣтъ прошло съ того времени, когда происходили эти событія, но онѣ такъ сильно запечатлѣлись въ моей памяти, что, узнавъ о пріѣздѣ сюда графа Октава, я безъ труда въ нѣсколько часовъ написалъ этотъ правдивый и совершенно точный, подробный разсказъ, который и намѣренъ передъ вами прочитать, а потомъ попрошу васъ всѣхъ подписаться подъ моимъ признаніемъ: я желалъ бы придать ему документальное значеніе и передать въ руки графа оружіе, которымъ онъ могъ-бы, сообразуясь со своимъ желаніемъ и съ требованіемъ долга, защитить интересы семьи и покарать виновнаго. Я во всемъ этомъ игралъ роль только наемнаго исполнителя — былъ той рукой, которая за деньги поражала жертвы.

— Прекрасная предосторожность, — замѣтилъ докторъ тюрьмы, — будьте увѣрены, что мы, не задумываясь, подпишемся подъ вашимъ признаніемъ.

— Благодарю васъ господа, — сказалъ графъ, — я самъ еще не знаю содержанія предстоящаго признанія, но по

нѣкоторымъ особаго рода частностямъ почти увѣренъ, что услышу нѣчто, связанное самымъ тѣснымъ образомъ съ благосостоянiемъ нѣкоторыхъ членовъ моей семьи.

— Въ этомъ вы сами скоро убѣдитесь, господинъ графъ,— сказалъ заключенный и началъ чтенiе тетради. Онъ читалъ около двухъ часовъ и вотъ главная суть его признанiя: — старый князь Оппенгеймъ-Шлезвигъ былъ убитъ въ стычкѣ пулей, вылетѣвшей изъ ружья притаившагося въ кустахъ человѣка, именно, Красной Руки, нанятаго для совершенiя отцеубiйства младшимъ сыномъ убитаго. Вступивъ на путь преступленiй и потерявъ стыдъ и совѣсть, этотъ юноша все сильнѣе поддавался своимъ порочнымъ наклонностямъ и стремился расчистить себѣ путь къ отцовскому наслѣдству. Послѣ отцеубiйства, убiйство брата, разумѣется, не могло остановить его на пути и онъ холодно, жестоко, осторожно устранилъ старшаго брата со своего пути. Послѣ этого самыя ужасныя преступленiя слѣдовали одно за другимъ и въ правдивой передачѣ осужденнаго, подкрѣпленной неопровержимыми ссылками и дополненной самыми точными подробностями, онѣ произвели на всѣхъ удручающее впечатлѣнiе: всякiй содрогался отъ мысли, что подобные изверги могутъ быть на свѣтѣ. Какой страшный отвѣтъ должны такiе изверги дать передъ судомъ Господнимъ, надъ которымъ они такъ издѣваются здѣсь, на землѣ, Княгиня!? узнавъ о неожиданной смерти своего мужа, разрѣшилась отъ бремени, но не одной дѣвочкой, какъ предполагали, а двумя близнецами, изъ которыхъ одинъ былъ мальчикъ. Послѣднiй, имѣвшiй право на титулъ и на все наслѣдство своего отца, былъ тайно скрытъ и удаленъ.

Графъ слушалъ, опустивъ голову на руки; ему казалось, что онъ все это видитъ во снѣ; несмотря на тайное предубѣжденiе противъ своего родственника, никогда и въ голову ему не приходило, чтобы послѣднiй могъ хладнокровно, обдуманно, изъ года въ годъ, постепенно совершить столько самыхъ страшныхъ преступленiй изъ-за самыхъ низменныхъ побужденiй—жажды золота. Онъ спрашивалъ себя, найдется

ли во всей имперіи такое судилище, которое, несмотря на очевидность имѣющихся данныхъ, возьметъ на себя отвѣтственность обвинить человѣка въ такой массѣ самыхъ нечественныхъ и самыхъ ужасныхъ преступленій и осудить его. Съ другой стороны его смущало и то обстоятельство, что разглашеніе этихъ преступленій покроетъ позоромъ родственную ему семью и это безчестье отразится также и на ихъ имени.

Всѣ эти мысли вихремъ проносились въ головѣ графа и усиливали испытываемое имъ нравственное страданіе: въ такомъ важномъ дѣлѣ онъ еще не могъ ни на что самъ рѣшиться, а совѣта и помощи ему не у кого было искать. Красная Рука приблизился къ графу и, подавая ему тетрадь, сказалъ:

— Передаю въ ваши руки этотъ документъ!

Графъ машинально взялъ тетрадь.

— Я понимаю изумленіе и ужасъ, которые вы при этомъ испытываете, — сказалъ бандитъ, — все, здѣсь разсказанное, настолько ужасно, что, несмотря на всю правдивость признанія, на обстановку, при которой оно было сдѣлано и на подписи оффиціальныхъ лицъ, можетъ явиться сомнѣніе въ точности передачи. Я желаю уничтожить всякую возможность подозрѣвать васъ въ клеветѣ, господинъ графъ, и прибавлю къ этому манускрипту подтверждающія его данныя, которыя лучше назову неопровержимыми доказательствами.

— У васъ есть эти доказательства? — вскричалъ, вздрагивая, графъ.

— Да, есть! Потрудитесь открыть этотъ портфель: — вы тамъ найдете двадцать съ чѣмъ-то писемъ вашего родственника ко мнѣ, относящихся къ событіямъ мною разсказаннымъ.

— О, Боже мой! — вскричалъ графъ, до боли сжимая свои руки... Однако-же это странно—просто не объяснимо!

Бандитъ улыбнулся.

— Я понимаю васъ, — отвѣтилъ онъ, — васъ удивляетъ,

какимъ образомъ князь Оппенгеймъ могъ оставить такія страшныя улики противъ себя въ моихъ рукахъ, какъ онъ, при своей власти, не вычеркнулъ меня изъ списка живыхъ и не вернулъ обратно этихъ неопровержимыхъ свидѣтелей его преступленій.

— Да, дѣйствительно, — отвѣчалъ графъ, удивленный проницательностью своего собесѣдника, — мой родственникъ отличается рѣдкимъ благоразуміемъ и не могъ не понять необходимости уничтожить такія подавляющія улики.

— Дѣйствительно, я не сомнѣваюсь, что для уничтоженія этихъ слѣдовъ, онъ не остановился ни передъ чѣмъ бы, но, во первыхъ, князь и не подозрѣваетъ, что эти письма остались у меня, и вотъ почему: всякій разъ, когда послѣ предупрежденія меня письмомъ, онъ являлся на свиданіе, я въ присутствіе его сжигалъ письмо, но не его, а поддѣльное, оставляя подлинное у себя, и внушилъ князю такое довѣріе своимъ образомъ дѣйствій, что ему и въ голову неприходило заподозрить меня въ сохраненіи уликъ. Потомъ послѣ родовъ вашей сестры, я сообразилъ, что князь достигъ окончательно своей цѣли и, безъ сомнѣнія, пожелаетъ отдѣлаться отъ ненужнаго ему болѣе сообщника, и я предупредилъ его, удалившись заблаговременно. Три года я выжилъ заграницей и распустилъ слухъ о моей смерти, озаботившись, чтобы этотъ слухъ, въ видѣ достовѣрнаго факта, дошелъ до князя, а потомъ я появился въ этихъ мѣстахъ. Князь никогда не зналъ моего настоящаго имени:—мы, рыцари проѣзжихъ дорогъ—держимся правила выбирать себѣ не одну, а нѣсколько кличекъ, такъ какъ таинственность—главная наша охрана, а разнообразіе именъ, сбивая съ толку нашихъ преслѣдователей, является для насъ настоящимъ оплотомъ:—такимъ образомъ, если бы даже князь и производилъ какія нибудь попытки провѣрить слухи или даже установить мое имя, то всѣ усилія его въ этомъ направленіи должны были окончиться неудачно.

— Но для какой цѣли сами вы сохраняли эти письма?

— Для цѣли очень понятной: — чтобы имѣть противъ

него оружіе и, въ случаѣ нужды, подъ страхомъ разоблаченія тайны потребовать отъ него денегъ, если бы мнѣ пришла охота отказаться отъ моего опаснаго промысла. Но я былъ захваченъ неожиданно, не успѣлъ воспользоваться этимъ средствомъ и не раскаиваюсь.

— Очень благодаренъ вамъ, — отвѣчалъ графъ, — но не могу ли я чѣмъ либо отплатить вамъ за оказанную вами мнѣ огромную услугу. Не могу ли я что либо для васъ сдѣлать въ вашемъ положеніи?

Красная Рука бросилъ быстрый взглядъ кругомъ. Всѣ отошли, предоставивъ графу свободно переговорить съ бандитомъ. Духовникъ и двое другихъ посѣтителей удалились въ уголъ камеры и, казалось, оживленно разговаривали между собою.

— Увы, теперь уже объ этомъ поздно просить; я желалъ-бы...

— Говорите, можетъ быть, мнѣ удастся удовлетворить ваше послѣднее желаніе.

— Хорошо, пусть будетъ по вашему; я смерти не боюсь, но взойти на эшафотъ и подвергнуться обидамъ и насмѣшкамъ этой жалкой толпы, которая еще такъ недавно трепетала при одномъ моемъ имени—вотъ что и въ эти послѣдніе часы моей жизни заставляетъ меня трепетать. Я бы желалъ обмануть ожиданія этихъ жестокихъ людей, для которыхъ моя казнь является однимъ только развлеченіемъ; желалъ бы, чтобы, явившись за мной, нашли бы только мой трупъ. Видите, что вы мнѣ помочь не можете, господинъ графъ.

— Напротивъ, вы ошибаетесь, я могу вамъ помочь въ этомъ; не только вы, но и ваши два помощника могутъ, если пожелаютъ, избѣгнуть униженія, окончивъ жизнь добровольною смертью.

— И вы поможете мнѣ въ этомъ? какимъ путемъ?

— Слушайте, у меня есть перстень, который содержитъ страшный ядъ; одинъ запахъ содержимаго убиваетъ моментально и человѣкъ, не испытывая никакой боли, падаетъ,

какъ громомъ сраженный. Одинъ изъ моихъ предковъ вывезъ это кольцо изъ Новой Испаніи, гдѣ нѣкоторое время былъ вице-королемъ. Вы знаете глубокое знакомство индѣйцевъ съ ядами, предлагаю вамъ этотъ перстень.

— Благодарю васъ, графъ,— вскричалъ бандитъ, быстро скрывая перстень на груди, теперь вы меня за все вознаградили, мы съ вами квиты! Вашимъ перстнемъ вы вознаградили меня за мою услугу сторицею; вы даете возможность мнѣ и моимъ бѣднымъ друзьямъ избѣжать ожидающихъ насъ униженій.

Они приблизились къ остальнымъ лицамъ, которые по прекращеніи ихъ разговора и сами тотчасъ же замолчали.

— Господа,—обратился Красная Рука, — отъ души благодарю за трудъ, который вы дали себѣ присутствовать во время признанія, которое совѣсть заставила меня сдѣлать. Теперь я все исполнилъ и съ болѣе спокойною совѣстью проведу тотъ краткій промежутокъ времени, который отдѣляетъ меня отъ смерти. Хотѣлъ бы я обратиться къ вамъ еще съ одною просьбой, но боюсь, не злоупотребляю ли я вашей добротой: нельзя ли мнѣ повидаться передъ смертью, хоть на короткое время, съ моими товарищами, которые также, какъ и я ожидаютъ сегодня исполненія надъ ними приговора.

— Это единственное утѣшеніе осужденнаго!—прибавилъ духовникъ.

Директоръ тюрьмы былъ одно мгновеніе въ нерѣшительности, но потомъ отвѣтилъ:

— Я не вижу препятствій къ исполненію вашей просьбы и отдамъ необходимыя распоряженія, чтобы привели къ вамъ вашихъ товарищей и оставили ихъ здѣсь до того времени, когда явятся за вами.

— Благодарю васъ,—сказалъ Красная Рука,— дай вамъ Богъ всякаго благополучія! Вы не повѣрите, какое утѣшеніе доставили мнѣ этой милостью, послѣднею, которую вы можете еще мнѣ оказать!

По приказу директора тюрьмы часовой крикнулъ тюремщика, который открылъ камеру.

— Прощайте, господа,—сказалъ осужденный,—да будетъ Господь Богъ всегда съ вами!

Они вышли.

Графъ, попрощавшись со священникомъ и съ остальными своими спутниками, оставилъ тюрьму и направился къ себѣ домой. Вездѣ по дорогѣ виднѣлись цѣлыя толпы народа.

Пробило шесть часовъ—время исполненія приговора надъ осужденными и наступило мертвое молчаніе, внезапно смѣнившее предыдущее оживленіе народа. Наконецъ-то месть толпы будетъ удовлетворена.

XXV. Мститель.

Вернувшись домой, графъ тотчасъ же отдалъ распоряженія объ отъѣздѣ. Онъ совершенно забылъ дѣло, для котораго прибылъ въ Брюнекъ, да если бы даже и не забылъ, то ничто не могло бы его удержать, такъ онъ торопился выѣхать. Но ему пришлось отложить свой отъѣздъ на нѣсколько часовъ: во всемъ городѣ нельзя было достать лошадей раньше трехъ часовъ пополудни. Оставалось только одно—воспользоваться этимъ замедленіемъ отъѣзда для отдыха и, дѣйствительно, графъ былъ очень утомленъ.

Онъ тотчасъ же заснулъ и такъ крѣпко, что не слышалъ ожесточенныхъ криковъ толпы, которая пришла въ неистовство отъ обманутаго ожиданія: вмѣсто казни трехъ осужденныхъ—зрѣлища, къ которому она такъ долго приготовлялась и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала—передъ ней выставили только три трупа.

Оказывается, тюремщикъ и исполнители приговора, явившись поутру въ камеру за осужденными, нашли только три трупа; осужденные въ ночь скончались.

Когда графъ проснулся, все уже было окончено, лавки были открыты,—и городъ принялъ свой обычный видъ.

Графъ справился насчетъ экипажа; оказалось, лошади были уже поданы и ожидали у подъѣзда. Послѣдніе сборы были скоро окончены и графъ усѣлся въ экипажъ.

— Куда прикажете ѣхать, ваше сіятельство?—спросилъ почталіонъ, снимая шапку.

— По дорогѣ въ Вѣну!—сказалъ графъ, усаживаясь поудобнѣе внутри экипажа.

Почталіонъ ударилъ бичемъ и лошади помчались.

Графъ глубоко задумался и вотъ о чемъ.

Помочь ему въ этомъ дѣлѣ можетъ только одинъ человѣкъ, обладающій достаточной силой и властью, чтобы направить правосудіе быстро и неукоснительно по должному пути, и этотъ человѣкъ—императоръ.

И графъ рѣшился обратиться къ нему за помощью и потому отправился прямо въ Вѣну.

Разстояніе отъ Брюнека до Вѣны не малое и въ то время, когда постройка желѣзныхъ дорогъ только начиналась и въ рѣдкихъ только мѣстахъ были проложены короткіе рельсовые пути, подобное путешествіе брало не мало времени, было утомительно и стоило большихъ денегъ.

Графъ ѣхалъ двадцать семь дней и по пріѣздѣ тотчасъ же справился о мѣстопребываніи императора.

Дворъ находился въ Шенбруннѣ. Это загородная резиденція Австрійскаго императора въ разстояніи около полутора лье отъ Вѣны.

Надо было не терять времени и испросить въ возможно непродолжительномъ времени себѣ аудіенцію.

Графъ Октавъ былъ достаточно высокаго происхожденія и потому ему не пришлось долго ожидать; аудіенція была назначена черезъ два дня послѣ его прибытія въ Вѣну.

Императорскій дворецъ Шенбруннъ находится, какъ мы уже сказали, вблизи Вѣны, нѣсколько влѣво за предмѣстьемъ Марія Гильфъ.

Постройка дворца началась при императорѣ Іосифѣ I и

окончена при Маріи Терезіи. Типъ дворца простой, элегантный, легкій, нелишенный извѣстнаго величія.

Главный корпусъ обращаетъ вниманіе своимъ подъѣздомъ съ колоннами, къ которому спускается сверху широкая двойная лѣстница. Къ главному корпусу примыкаютъ съ боковъ два крыла. Параллельно главному зданію тянутся болѣе низкія строенія службъ и конюшепь, которыя, огибая крылья главнаго зданія, оставляютъ проѣздъ около десяти метровъ ширины, украшенный съ двухъ сторонъ обелисками.

Въѣздъ примыкаетъ къ мосту, переброшенному черезъ небольшой притокъ Дуная.

Позади замка расположенъ амфитеатромъ прекрасный садъ съ бельведеромъ по срединѣ обширной лужайки, примыкающій справа и слѣва къ тѣнистымъ кущамъ деревьевъ, манящихъ къ себѣ освѣжающею тѣнью и веселымъ щебетаніемъ птицъ.

Шенбруннъ замѣчателенъ еще двойнымъ посѣщеніемъ Наполеона I и печальной кончиной его сына. Это мѣсто носитъ на себѣ печать какой то грусти и мрачной тоски. Дворъ съ его этикетомъ и блестящими по наружности только торжествами въ очень слабой степени способствуетъ оживленію этого мѣста печали. Шенбруна, какъ и дворца въ Версали, время уже прошло; теперь они мертвецы, которыхъ ничто уже не можетъ оживить.

Графъ прибылъ въ Шенбрунъ минутъ за десять до времени своей аудіенціи, назначенной въ двѣнадцать часовъ.

Дежурный камергеръ уже ожидалъ его и тотчасъ провелъ къ императору. Его Величество принялъ графа въ залѣ для частной аудіенціи, стоя прислонившись къ камину. Пріемъ былъ очень милостивый и продолжался около четырехъ часовъ. О чемъ говорилъ императоръ со своимъ подданнымъ, такъ и осталось тайной, за исключеніемъ послѣднихъ словъ, слышанныхъ окружающими. При прощаніи, протягивая князю для поцѣлуя свою руку, императоръ сказалъ:

— Я думаю, что самое лучшее дѣйствовать такимъ образомъ. Особенно слѣдуетъ въ интересахъ всего дворянства избѣгать скандала, который можетъ вызвать огласка этого ужаснаго дѣла. На мою поддержку вы всегда можете разсчитывать; отправляйтесь, господинъ графъ, да поможетъ вамъ Богъ довести это дѣло благополучно до конца, благодаря тѣмъ средствамъ, которыя я предоставилъ въ ваше распоряженіе.

Графъ низко поклонился и вышелъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ выѣхалъ изъ Вѣны по дорогѣ къ себѣ домой. Одновременно съ нимъ отправился по той же дорогѣ фельдъегерь съ приказомъ отъ императора.

На этомъ мѣстѣ разсказа авантюристъ остановился и, обращаясь къ графу де Соле, спросилъ:

— Догадываетесь ли вы, какой разговоръ могъ быть между императоромъ и его подданнымъ?

— Да, приблизительно.

— Неужели? — съ удивленіемъ воскликнулъ авантюристъ,—интересно было бы узнать ваши соображенія по этому поводу.

— Если вы мнѣ позволите, я выскажусь.

— Да, конечно, пожалуйста!

— Дорогой другъ донъ Адольфо, — началъ графъ де Соле,—я, какъ вы знаете, принадлежу къ знати. Во Франціи король не болѣе, какъ первый изъ дворянъ его Имперіи, primus inter pares, что значитъ первый между равными. Думаю, что и вездѣ должны существовать тѣ же отношенія. Происшествіе съ однимъ какимъ либо членомъ этой дворянской корпораціи касается по стольку же Государя, какъ и всѣхъ остальныхъ дворянъ Имперіи. Такъ, регентъ Франціи приговорилъ графа Горна къ страшной казни—быть заживо разорваннымъ на части на Гревской площади за грабежъ и убійство жида въ улицѣ Кенканпоа—и на защиту этого послѣдняго однимъ дворяниномъ, указывавшимъ, что графъ Горнъ по кровному родству связанъ даже съ императорскою фамиліею, отвѣтилъ: „когда у меня портится

кровь, я дѣлаю кровопусканіе“—и, отвернувшись отъ защитника, удалился. Но это не помѣшало аристократіи послать свои кареты на мѣсто казни графа Горна. Разсказанный вами случай того же характера, но австрійскій императоръ не рѣшился проявить мужество регента Франціи: вполнѣ соглашаясь съ необходимостью покарать виновнаго, онъ пугается огласки, которая, по его мнѣнію, можетъ заклеймить всю знать его страны. Какъ человѣкъ слабый и нерѣшительный, онъ долженъ былъ остановиться на полумѣрахъ и, вѣроятно, далъ графу подписанный бланкетъ, въ которымъ послѣдній, подъ первымъ предлогомъ, можетъ преслѣдовать своего благороднаго родственника, или просто убить его, или подослать противъ него убійцъ, и такимъ образомъ, не прибѣгая къ суду, однимъ уничтоженіемъ врага добиться и возстановленія правъ, и справедливости. Послѣ смерти князя легко можно будетъ передать женѣ его покойнаго старшаго брата или племянника, если удастся его разыскать, титулъ и состояніе, которые его дядя похитилъ при помощи столькихъ преступленій. Вотъ въ какомъ родѣ могъ быть, по моему мнѣнію, разговоръ во время этой долгой аудіенціи, данной императоромъ графу въ Шенбруннѣ.

— Дѣйствительно, дѣло происходило въ этомъ родѣ, но только императоръ поставилъ условіемъ, чтобы графъ, до переѣзда границы государства, не начиналъ своихъ враждебныхъ дѣйствій противъ князя, а графъ, въ свою очередь, просилъ императора предоставить въ его распоряженіе всевозможныя средства для отысканія племянника, если послѣдній еще существуетъ, и императоръ согласился исполнить эту просьбу.

Графъ вернулся въ свой замокъ, съ бланкетомъ, подписаннымъ императоромъ, на основаніи котораго имѣлъ полную власть дѣйствовать по своему усмотрѣнію, и, кромѣ того съ именнымъ приказомъ Его Величества ко всѣмъ властямъ, какъ въ Австріи, такъ и за предѣлами границы оказывать графу, по первому его требованію, помощь и содѣйствіе.

Хотя графъ, по причинамъ болѣе чѣмъ понятнымъ, не былъ доволенъ поставленнымъ императоромъ условіемъ, но ясно сознавалъ, что большаго ему достигнуть не удастся, и потому пришлось подчиниться.

Безъ сомнѣнія, онъ не остановился бы ни передъ какими послѣдствіями и предпочелъ бы громкій процессъ съ полнымъ оглашеніемъ дѣла этому постыдному образу дѣйствія изъ подтишка, но выбора у него не оставалось и лучше было, въ интересахъ его сестры и племянника, согласиться на это неполное удовлетвореніе, чѣмъ наткнуться на формальный отказъ и испортить все дѣло.

Первымъ дѣломъ графъ принялся за розыски своего племянника; при этомъ бумаги Красной Руки, заключавшія въ себѣ драгоцѣнныя указанія, сослужили большую службу. Не говоря ничего своей сестрѣ, изъ боязни подать ей ложныя надежды, онъ отправился самъ на розыски. Что же мнѣ добавить еще, мои друзья? Розыски эти велись долго и съ большимъ трудомъ, но положеніе начинаетъ уже проясняться; графъ имѣлъ счастіе отыскать своего племянника и потомъ не терялъ его изъ вида, хотя послѣдній и не подозрѣваетъ, какія связи у него существуютъ съ человѣкомъ, его воспитавшимъ, котораго онъ почитаетъ какъ отца. Даже и отъ сестры своей графъ до времени скрываетъ эту тайну, ожидая исполненія правосудія надъ виновнымъ, чтобы одновременно съ возвращеніемъ матери сына объявить ей, что убійца ея мужа, а его отца, не остался безъ достойнаго наказанія.

Нерѣдко потомъ графъ встрѣчался лицомъ къ лицу со своимъ врагомъ и много было случаевъ покончить съ нимъ разомъ, но несмотря на свою ненависть, а можетъ быть даже и вслѣдствіе ея, онъ ожидаетъ: графъ не хочетъ покончить со своимъ противникомъ въ честной борьбѣ, онъ ждетъ, когда послѣдній покроетъ себя безчестіемъ и падетъ, какъ преступникъ, заслужившій достойное наказаніе.

Послѣ этого авантюристъ замолчалъ и довольно долго продолжалось между ними молчаніе.

Ночь уже приходила къ концу и бѣловатый свѣтъ началъ проникать сквозь полуотворенныя окна; огни свѣчей поблѣднѣли; отдаленный грохотъ на улицахъ указывалъ на пробужденіе города, а отдаленные колокола звали вѣрующихъ къ ранней обѣднѣ.

Авантюристъ всталъ со стула и заходилъ вдоль и поперекъ по комнатѣ, украдкой поглядывая на своихъ товарищей.

Доминикъ, опрокинувшись на спинку своего стула, полузакрывъ глаза, курилъ свою индѣйскую трубку. Графъ де Соле, побарабанивая пальцами по столу, слѣдилъ за всѣми движеніями авантюриста.

— Донъ Адольфо,— спросилъ онъ вдругъ рѣзко, поднимая голову и устремляя на него пристальный взглядъ,—вы окончили вашъ разсказъ?

— Да!—лаконически отвѣтилъ послѣдній.

— И ничего не имѣете прибавить?

— Ничего.

— Ну, такъ извините меня, мой другъ, но я думаю, что вы ошибаетесь.

— Я васъ не понимаю, графъ.

— Извольте, я объяснюсь, но только на одномъ условіи, чтобы вы меня не прерывали до конца.

— Хорошо—согласенъ, если вы этого требуете—я васъ слушаю. И онъ снова началъ свою прогулку по комнатѣ.

— Другъ мой,—началъ графъ,—первое симпатичное лицо, встрѣтившееся мнѣ въ Америкѣ, было ваше и, хотя положеніе наше очень различно, но случаю угодно было съ такою настойчивостью постоянно сводить насъ, что это временное чувство, само собой, незамѣтнымъ для насъ съ вами образомъ, перешло въ глубокую сердечную привязанность. Нельзя сойтись близко съ человѣкомъ, не изучивъ его характеръ, и потому я присматривался къ вамъ, какъ вы, безъ сомнѣнія, присматривались ко мнѣ, и думаю, что не для одного только ужина вы такъ неожиданно, ночью, явились къ намъ. Это не въ вашей привычкѣ: — вы одинъ изъ са-

мыхъ воздержныхъ людей, какихъ я когда либо видѣлъ; кромѣ того при вашемъ разсказѣ я задавалъ себѣ вопросъ, для чего вы, человѣкъ очень разсчетливый на слова, особенно, если они касаются какой либо тайны, передали намъ это, хотя, соглашаюсь, и очень интересное происшествіе, но, повидимому, никакого отношенія къ намъ не имѣющее и не представляющее для насъ непосредственнаго интереса. Невольно напрашивается отвѣтъ, что вы явились къ намъ ужинать не потому, чтобы не могло безъ него обойтись и не только для того, чтобы доставить намъ своимъ присутствіемъ удовольствіе, но у васъ было предвзятое намѣреніе разсказать намъ эту исторію. Эта исторія интересуетъ васъ гораздо болѣе, чѣмъ вы желаете показать; отсюда я заключаю, что вы не вполнѣ еще высказались или, говоря болѣе точно, хотѣли въ заключеніе потребовать отъ насъ коечто.

— Да, это очевидно!—прибавилъ Доминикъ.

— Дѣйствительно, ваше предположеніе совершенно вѣрно—ужинъ былъ только предлогомъ и я явился въ дѣйствительности сегодня ночью только въ намѣреніи разсказать слышанную вами исторію.

— Ну, и прекрасно—по крайней мѣрѣ полная откровенность!—весело вставилъ Доминикъ.

— Однако признаюсь вамъ, — добавилъ грустно авантюристъ,—теперь я нахожусь въ нерѣшительности: я боюсь.

— Вы — вы боитесь и чего — это? — вскричали молодые люди съ изумленіемъ.

— Я боюсь, потому-что эта длинная исторія близится къ своей развязкѣ и окончаніе будетъ ужасно. Явившись къ вамъ, я хотѣлъ обратиться къ вамъ за помощью, но потомъ раздумалъ, и меня удерживаетъ мысль, что вы въ ваши молодые, счастливые и беззаботные годы должны будете впутаться въ это страшное дѣло, отъ котораго вамъ надо держаться совершенно въ сторонѣ. Я васъ попрошу, друзья, забыть мой разсказъ:—все это явилось результатомъ выпитаго вина.

— Нѣтъ! клянусь честью, донъ Адольфо, этого не будетъ!—вскричалъ съ жаромъ графъ,—я клянусь вамъ и за себя, и за Доминика. Вы имѣете въ насъ нужду и мы предлагаемъ свои услуги. Я не знаю, какая таинственная связь связываетъ васъ съ этой исторіей, даже не вхожу въ разборъ основаній, заставляющихъ васъ дѣйствовать, но я повторяю вамъ, что вы не имѣете права удалять насъ, когда сами подвергаетесь большимъ опасностямъ, которыхъ съ нашею помощью вамъ легче будетъ избѣжать. Такимъ образомъ дѣйствій вы обижаете насъ, какъ будто мы малодушные люди, недостойные ни вашего уваженія, ни вашей дружбы.

— Вы не вѣрно меня понимаете, дорогой графъ,—перебилъ съ оживленіемъ авантюристъ,—никогда ничего подобнаго мнѣ и въ голову не приходило. Совершенно напротивъ, но я повторяю вамъ, дрожу отъ мысли впутать васъ въ это страшное дѣло, не имѣющее къ вамъ никакого отношенія.

— Извините, другъ мой! Если оно касается васъ, то настолько-же касается и насъ и мы имѣемъ полное право требовать, чтобы и насъ допустили къ участію.

Авантюристъ опустилъ голову и быстро зашагалъ по комнатѣ.

— Хорошо—пусть будетъ по вашему,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — такъ какъ вы сами этого требуете, то будемъ дѣйствовать вмѣстѣ! Вы мнѣ поможете въ моемъ предпріятіи,—надѣюсь на нашу удачу.

— Я въ этомъ увѣренъ!—сказалъ графъ.

— Ну, такъ и въ путь! — вскричалъ Доминикъ, вставая изъ-за стола.

— Нѣтъ, не сейчасъ еще — но время близко и я вамъ ручаюсь, что не долго придется ожидать, теперь-же послѣдній стаканъ и до свиданія. Ахъ - чуть было не забылъ: въ случаѣ если я не буду въ состояніи самъ явиться за вами, то вотъ мой пароль „одинъ и два — три“, это не трудно и вы легко его запомните—не правда-ли?

— Безъ сомнѣнія!

— Ну такъ, до свиданія!

И черезъ пять минутъ онъ вышелъ изъ дому.

XXVI. При дневномъ свѣтѣ.

Маленькій домикъ предмѣстья, гдѣ донна Долоресъ вмѣстѣ съ донной Маріей и донной Карменъ нашли себѣ надежное убѣжище, не смотря на свою не презентабельность и простоту, было восхитительное помѣщеніе съ простою, но со вкусомъ подобранной меблировкой. Сзади дома, въ видѣ рѣдкаго въ Мексико исключенія, примыкалъ небольшой, но прекрасно распланированный садъ, съ густыми боскетами, съ освѣжающей тѣнью, манящей подъ свою надежную защиту въ полуденный зной тропическаго дня.

Эти тѣнистыя кущи были любимымъ мѣстопребываніемъ молодыхъ дѣвушекъ—онѣ часто забирались сюда и ихъ голоса и смѣхъ весело сливались съ щебетаніемъ птицъ.

Только трое людей посѣщали этотъ домъ и это были авантюристъ, графъ и Доминикъ.

Авантюристъ, все время занятый своими таинственными дѣлами, появлялся рѣдко и на короткое время, но нельзя того-же сказать относительно молодыхъ людей.

Первые дни они строго слѣдовали совѣту своего друга и посѣщали сосѣдній домикъ только на короткое время и украдкой; но впослѣдствіи подъ вліяніемъ очарованія, незамѣтно все болѣе и болѣе ихъ туда притягивающаго, эти посѣщенія сдѣлались чаще и продолжительнѣе и нерѣдко подъ разными предлогами они проводили всѣ дни въ обществѣ дамъ.

Однажды, въ то время когда обитатели маленькаго домика оживленно болтали въ саду, вдругъ послышался необычный шумъ снаружи.

Появился старый лакей и въ испугѣ объявилъ хозяйкѣ, что собравшаяся у подъѣзда шайка бандитовъ требуетъ,

чтобы ее впустили, угрожая въ противномъ случаѣ выломать двери.

Графъ успокоилъ донну Марію—просилъ ничего не бояться и спокойно ожидать съ молодыми дѣвушками въ саду, самъ-же съ Доминикомъ направился въ домъ.

Случайно здѣсь-же оказался и Рембо, только что принесшій письмо къ своему господину; присутствіе послѣдняго, при подобныхъ обстоятельствахъ, было очень къ стати.

Трое мужчинъ вооружились двустволками и револьверами и направились къ выходу, въ двери котораго снаружи усиленно стучали.

Графъ, приблизившись, велѣлъ открыть входъ. Тотчасъ-же снаружи ворвалось человѣкъ десять съ угрозами и криками. Но вдругъ, они остановились: — шагахъ въ десяти передъ ними стояли неподвижно три человѣка, направивъ въ нихъ ружья, и готовые при первой надобности стрѣлять.

Очевидно, не ожидая встрѣтить сопротивленія, бандиты явились почти безъ оружія съ одними ножами за поясомъ и видъ ружей ихъ испугалъ, къ тому-же и видъ рѣшительныхъ троихъ противниковъ не располагалъ къ шуткамъ. Бандиты остановились и бросали одинъ на другого потерянные взгляды.

Да, это не то, что имъ говорили — этотъ съ виду тихій маленькій домикъ содержитъ хорошую охрану.

Въ это время графъ передалъ свое ружье старому лакею и, вынувъ шестиствольный револьверъ, направился противъ бандитовъ. Эти начали отступать шагъ за шагомъ и, достигнувъ выхода, бросились вонъ. Графъ спокойно заперъ за ними двери.

Молодые люди отъ души посмѣялись своей легкой побѣдѣ и присоединились къ дамамъ, со страхомъ ихъ ожидавшихъ въ глубинѣ сада.

Бандиты получили хорошій урокъ и съ этого времени тишина и спокойствіе въ маленькомъ домикѣ не прерывались.

Послѣ этого происшествія благодарная донна Марія спо-

собствовала болѣе частымъ и продолжительнымъ посѣщеніямъ молодыхъ людей, нерѣдко удерживая ихъ, когда они удалялись, боясь утомить дамъ своимъ присутствіемъ. Молодыя дѣвушки ей тоже въ этомъ способствовали, такъ что въ скоромъ времени графъ и Доминикъ начали проводить почти всѣ свои дни въ обществѣ дамъ.

На слѣдующій день послѣ ночного посѣщенія дона Адольфо и ужина его съ друзьями, двѣнадцать часовъ дня уже пробило во всѣхъ церквахъ города, но въ маленькомъ домикѣ молодые люди еще не появились и это было тѣмъ болѣе странно, что обыкновенно они приходили къ одинадцати часамъ. Обѣ молодыя дѣвушки были въ столовой и убирали комнату, но въ дѣйствительности онѣ только искали предлога, чтобы не идти въ садъ, гдѣ ихъ давно уже ожидала донна Марія. Не говоря ни слова и безъ толку передвигая мебель, онѣ безпрестанно поглядывали на часы.

— Какъ вы думаете, Карменейта, — спросила, наконецъ, донна Долоресъ, дѣлая очаровательную гримаску, — почему графъ не приходитъ?

— Это непонятно, — отвѣтила тотчасъ Карменъ, — признаюсь я очень безпокоюсь: городъ теперь, какъ говорятъ, въ волненіи, не случилось-ли какого либо несчастія съ бѣдными молодыми людьми?

— О! было-бы ужасно, если-бы съ ними случилось несчастье!

— Что мы будемъ дѣлать одни беззащитные въ этомъ домѣ? Безъ ихъ помощи мы бы уже были убиты.

— Тѣмъ болѣе, что мы не можемъ разсчитывать на дона Хаиме, который почти все время отсутствуетъ.

Молодыя дѣвушки тяжело вздохнули, поглядѣли одна другой въ глаза и бросились со слезами другъ другу въ объятія.

Онѣ поняли другъ друга:—не за себя онѣ боялись!

— Такъ ты любишь его? — спросила, наконецъ, донна Долоресъ свою подругу на ухо тихимъ и взволнованнымъ голосомъ.

— Да, люблю,—прошептала послѣдняя—„а ты“?

— И я тоже!

Признаніе было сдѣлано—онѣ поняли другъ друга и никакой больше тайны между ними не существовало.

— Когда-же ты его полюбила? — спросила донна Карменъ.

— Не знаю,—мнѣ кажется, я его всегда любила.

— И я также.

Что можетъ быть прекраснѣе и чище первой наивной женской любви: при этомъ душа просыпается для высшихъ чувствъ и ищетъ ангельскихъ крыльевъ, чтобы воспарить къ неизвѣстному за идеаломъ.

— А онъ любитъ тебя?—спросила мягко Карменъ.

— Какъ-же—вѣдь я же его люблю!

— Да, правда!—подтвердила подруга съ убѣжденіемъ.

Любовь еще тѣмъ прекрасна, что она не подчиняется логикѣ, въ противномъ случаѣ это уже не любовь.

Вдругъ молодыя дѣвушки выпрямились и прижали руки къ бьющимся сердцамъ.

— Это онъ!—прошептала Долоресъ.

— Это онъ!—вторила ей Карменъ.

Чего онѣ такъ заволновались?—Полное спокойствіе было снаружи, но онѣ тотчасъ-же покинули столовую и, какъ два спугнутыхъ голубя, устремились въ садъ.

Почти въ тоже время раздался стукъ въ дверь и старый слуга, узнавъ, безъ сомнѣнія, стучащихъ, поспѣшилъ отворить дверь:—графъ и Доминикъ вошли.

— А гдѣ-же дамы?—спросилъ графъ.

— Въ саду ваше сіятельство! — отвѣтилъ слуга, запирая за ними дверь.

Дамы были въ рощѣ: — донна Марія вышивала, а двѣ молодыя дѣвушки читали, съ виду, очень внимательно и даже на столько, что, несмотря на краску, покрывшую ихъ щеки, онѣ не слышали шаговъ молодыхъ людей и удивились неожиданности ихъ появленія.

Послѣдніе сняли свои шляпы и отвѣсили низкій поклонъ

— Вотъ и вы, наконецъ, господа,— сказала съ улыбкой донна Марія,—вы знаете-ли, что мы очень объ васъ безпокоились!

— Не особенно, — эти господа нашли, вѣроятно, болѣе пріятное для себя мѣстопребываніе и задержались тамъ, — прошептала донна Долоресъ, а донна Карменъ надула губки.

— Ну, ну, молодыя дурочки, — мягко замѣтила донна Марія, — не язвите молодыхъ людей — вы ихъ конфузите— вѣроятно, ихъ что нибудь задержало и помѣшало явиться раньше.

— Эти господа свободны —могутъ приходить, когда пожелаютъ,—презрительно замѣтила донна Долоресъ.

— Во всякомъ случаѣ къ такимъ пустякамъ мы придираться не будемъ, — добавила тѣмъ-же тономъ донна Карменъ.

Этотъ ударъ добилъ молодыхъ людей — они совершенно смѣшались.

Двѣ насмѣшницы взглянули украдкою на нихъ и разразились самымъ чистосердечнымъ смѣхомъ, графъ и Доминикъ поблѣднѣли отъ злобы.

— Великій Боже! — вскричалъ вакеро, топая со злобой ногою, — можно-ли имѣть столько злобы, чтобы наказывать насъ за несовершенные проступки.

— Противъ нашей воли насъ задержалъ донъ Адольфо,— сказалъ графъ.

— Такъ вы его видѣли?—спросила донна Марія.

— Да,—сегодня въ одинадцать часовъ ночи онъ явился къ намъ.

Молодые люди усѣлись и завязалась болѣе оживленная бесѣда. Донны Карменъ и Долоресъ продолжали дуться, онѣ были довольны смущеніемъ молодыхъ людей, но и сердились на нихъ за то, что они не хотѣли понять внутренняго чувства, выразившагося въ этихъ упрекахъ.

Графъ и Доминикъ чувствовали себя на седьмомъ небѣ въ присутствіи этихъ прекрасныхъ и юныхъ существъ: взгляды ихъ опьяняли, голоса ихъ звучали подобно пре-

лестной музыкѣ и молодые люди ни о чемъ болѣе не могли думать, какъ только о продленіи, насколько возможно, минутъ счастья.

Весь день прошелъ со скоростью сновидѣнія.

Въ девять часовъ вечера молодые люди удалились и молча достигли своего дона.

— Ты хочешь спать?—спросилъ при входѣ графъ своего друга.

— Нѣтъ, ни капли!—А что?

— Да такъ,—мнѣ бы хотѣлось съ тобою поговорить.

— Прекрасно, другъ мой, и я хотѣлъ-бы тебѣ кое-что поразсказать!

— Въ такомъ случаѣ закуримъ сигары, устроимъ грогъ и будемъ себѣ болтать.

— Вполнѣ съ тобой согласенъ.

Молодые люди усѣлись другъ противъ друга и закурили сигары.

— Какой прекрасный мы провели день!—сказалъ.

— Да иначе и быть не могло въ томъ обществѣ.

И молодые люди, какъ будто сговорившись, разомъ вздохнули.

Графъ вдругъ рѣшился на что-то и сказалъ:

— Хочешь быть откровеннымъ?

— Съ тобою въ особенности всегда и ты это знаешь,—отвѣтилъ Доминикъ.

— Ну такъ слушай—ты знаешь, что я прибылъ въ Мексику всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но ты, вѣроятно, смутно подозрѣваешь причину моего пріѣзда.

— Насколько я помню, ты объяснялъ свой пріѣздъ намѣреніемъ жениться на твоей родственницѣ доннѣ Долоресъ де-ля-Круцъ.

— Это правда, но ты не знаешь, какимъ образомъ былъ обусловленъ этотъ союзъ и какія причины мѣшаютъ мнѣ его нарушить?

— Какъ?!—воскликнулъ Доминикъ.

— Я буду кратокъ; знай, что еще въ дѣтскомъ возрастѣ

по условію договора съ моей семьей я былъ нарѣченъ женихомъ донны Долоресъ, о существованіи которой я въ то время совершенно даже не подозрѣвалъ.

Когда я выросъ, мои родители предложили мнѣ исполнить это условіе, заключенное безъ моего вѣдома отъ моего имени. Пришлось подчиниться, несмотря на все отвращеніе мое къ союзу съ незнакомою женщиною. Съ глубокимъ сожалѣніемъ оставилъ я свою счастливую, беззаботно-спокойную жизнь въ Парижѣ среди друзей и отправился въ Мексику. Донъ Андресъ де ла Круцъ принялъ меня по пріѣздѣ съ живѣйшею радостью и представилъ меня своей дочери, а моей невѣстѣ. Донна Долоресъ приняла меня холодно, даже болѣе чѣмъ холодно; вѣроятно, также какъ и меня, ее пугалъ союзъ съ незнакомымъ человѣкомъ и она чувствовала себя подавленной властью отца, располагавшаго ея рукой не только безъ ея согласія, но даже безъ предупрежденія ея объ этомъ, такъ какъ я потомъ узналъ, что донна Долоресъ совершенно не знала о взаимномъ соглашеніи на нашъ счетъ двухъ нашихъ семей и, что касается меня, то этотъ холодный пріемъ моей нарѣченной невѣсты меня очень обрадовалъ: у меня явилась надежда, что, можетъ быть, этотъ бракъ и совершенно не состоится. Донна Долоресъ очень хороша, ты это самъ знаешь.

— О! Да!—пробормоталъ Доминикъ.

— Кромѣ того у нея прекрасный характеръ, свѣтлый и развитой умъ и она соединяетъ въ себѣ всю прелесть и очарованіе женщины.

— Да! все, что ты говоришь совершенно вѣрно!—сказалъ Доминикъ.

— И все таки, не смотря ни на что, я не могу ее любить, это не въ моихъ силахъ, а между тѣмъ долгъ обязываетъ меня заключить этотъ союзъ, такъ какъ донна Долоресъ теперь сирота, почти безъ средствъ и беззащитна противъ злобы своего брата. Во всякомъ случаѣ я женихъ, хотя и не самъ принялъ на себя эти обязательства, но я

женихъ и честь меня обязываетъ на этотъ бракъ, послѣдній завѣтъ ея умирающаго отца. Но я люблю...

— Что ты хочешь сказать? — спросилъ Доминикъ дрожащимъ голосомъ.

— Да, я люблю донну Карменъ!

— О, благодарю тебя Боже!

— Что это значитъ Доминикъ?

— Да я тоже люблю,—отвѣтилъ этотъ послѣднiй,—и ты мнѣ подалъ надежду, я люблю донну Долоресъ!

Графъ протянулъ Доминику руку и тотъ бросился къ нему въ объятiя.

Долго пробыли они въ дружескихъ объятiяхъ другъ друга, наконецъ, графъ тихо освободился.

— Будемъ надѣяться,—сказалъ онъ, выражая въ этихъ словахъ то, что волновало его сердце.

XXVII. Человѣкъ со средствами.

Было два часа пополудни. Не было ни малѣйшаго вѣтерка и равнина казалась уснувшей подъ гнетомъ палящихъ солнечныхъ лучей, которые падали на истощенную землю и терялись, а на широкихъ и причудливыхъ изгибахъ извивающейся дороги зажигали яркими искрами разсѣянные по ней кусочки слюдяного сланца и ослѣпительно отражались свѣтовыми потоками отъ гладкой поверхности бѣлосѣроватыхъ скалистыхъ породъ.

Воздухъ былъ совершенно прозраченъ, какъ это всегда бываетъ въ жаркомъ, бѣдномъ влагою климатѣ и мѣстность до самаго горизонта ясно рисовалась взору, но нѣсколько рѣзко по тону и очертанiямъ, вслѣдствiе бѣдности воздушной перспективы, и это придавало ей грубый, утомляющiй глазъ характеръ.

Въ одномъ мѣстѣ эта дорога дѣлала поворотъ и распадалась на нѣсколько отдѣльныхъ путей. Въ этомъ мѣстѣ помѣщался небольшой домикъ съ бѣлыми стѣнами и съ итальянской крышей.

Входъ былъ украшенъ полуотесанными стволами деревьевъ, которыя поддерживали балконъ, сверху до низу перекрытый рѣшеткою, какъ клѣтка.

Это была вента—родъ мексиканской гостинницы.

Нѣсколько лошадей было привязано у столба; ихъ опущенныя головы, дрожащіе и потные бока показывали, что и жара, и усталость дали имъ себя почувствовать.

Здѣсь же лежало нѣсколько человѣкъ завернутыхъ въ плащи головою въ тѣни, ногами на солнцѣ и спали, по испанскому выраженію, a prerio suelta (на свободной простынѣ).

Это были гверильясы. Полусонный часовой, опершись на копье и прислонившись къ стѣнѣ, дѣлалъ видъ, что сторожитъ сложенное въ козлы оружіе отряда.

Подъ навѣсомъ, у входа, сидѣлъ, покачиваясь въ гамакѣ, офицеръ. Въ рукахъ онъ держалъ гитару, на которой отчаянно бренчалъ, томно выводя надтреснутымъ голосомъ любовныя слова мотива.

Изъ венты показался толстый маленькій человѣчекъ съ плутовскими глазами и насмѣшливой физіономіей и подошелъ къ гамаку.

— Господинъ, донъ Фелиппе,—сказалъ онъ, кланяясь почтительно импровизированному музыканту,—вы развѣ не хотите обѣдать?

— Господинъ трактирщикъ, — отвѣтилъ спѣсиво офицеръ,—при обращеніи ко мнѣ вы могли бы не забывать чувства должнаго ко мнѣ уваженія и не упускать титула, который мнѣ принадлежитъ по праву; т. е. вы могли бы называть меня полковникомъ.

— Извините меня, ваша милость,—отвѣтилъ хозяинъ, отвѣшивая низкій поклонъ,—я простой трактирщикъ и плохо различаю военные чины!

— Хорошо, хорошо! васъ извиняю. Нѣтъ, я еще обѣдать не буду; я жду одного человѣка, котораго хотя еще и нѣтъ, но онъ не замедлитъ явиться.

— Очень печальное обстоятельство, господинъ полков-

никъ, донъ Филиппе,—замѣтилъ трактирщикъ, — я приготовилъ вамъ прекрасный обѣдъ и къ сожалѣнію напрасно; онъ перестоитъ и испортится.

— Да, это непріятно, но что же дѣлать? Ну, накрывайте на столъ, я уже довольно жду и мой аппетитъ такъ разыгрался, что долѣе я ждать не могу.

Трактирщикъ удалился, а начальникъ гверильясовъ, покинувъ на время гамакъ и отложивъ въ сторону гитару, свернулъ папироску, закурилъ ее и вышелъ съ папироской въ зубахъ изъ подъ навѣса, заложивъ руки за спину. Его глаза внимательно осматривали горизонтъ. Вдругъ, онъ увидѣлъ всадника, быстро мчавшагося въ глубокомъ облакѣ пыли къ вентѣ.

Донъ Фелиппе издалъ радостный звукъ, онъ узналъ во всадникѣ человѣка, такъ долго имъ ожидаемаго здѣсь.

— Ну и жара же, чортъ меня побери, я весь изнемогаю!—вскричалъ всадникъ, осаживая у входа лошадь и соскакивая на землю.

— Здравствуйте, донъ Діего, очень радъ васъ видѣть,—сказалъ полковникъ, протягивая по англійски руку,—я уже почти терялъ надежду дождаться васъ здѣсь. Обѣдъ готовъ, послѣ подобнаго пути я увѣренъ, что вы должны были сильно проголодаться.

Трактирщикъ провелъ ихъ въ отдѣльное помѣщеніе, гдѣ оба посѣтителя, усѣвшись за столъ, съ жадностью накинулись на стоявшія передъ ними яства.

Въ началѣ обѣда они были заняты удовлетвореніемъ своего проголодавшагося желудка и ѣли молча; но вскорѣ, по утоленіи аппетита, они успокоились, усѣлись поудобнѣе въ кресла и свернули себѣ сигаретки.

Трактирщикъ принесъ послѣднее дополненіе къ обѣду: бутылку каталонскаго ликера и удалился.

Они наполнили свои рюмки и донъ Діего началъ:

— Да, мой дорогой полковникъ, теперь мы, слава Богу и святому Юліану покровителю путешествующихъ, насытились и можемъ немного поболтать!

— Съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ офицеръ съ тонкой усмѣшкой.

— Я вамъ разскажу,—продолжалъ донъ Діего,—мой вчерашній разговоръ съ генераломъ;—я совѣтовался съ нимъ на счетъ одного дѣла, которое хотѣлъ вамъ поручить и знаете ли, что мнѣ отвѣтилъ генералъ: „не дѣлайте это, донъ Діего, полковникъ Фелиппе, несмотря на свои военныя способности, человѣкъ пустой, наполненный странными предразсудками, онъ не пойметъ, что вы предлагаете ему въ высшей степени патріотичное дѣло и увидитъ только одну денежную сторону; онъ только посмѣется надъ вами и надъ вашими двадцатью пятью тысячами піастровъ, хотя это и кругленькая сумма“. Въ концѣ, генералъ прибавилъ: „разъ вы ему назначили свиданіе, отправляйтесь, хоть бы только для того, чтобы испытать, какъ онъ васъ осадитъ, если вы только рискнете ему заикнуться о дѣлѣ и съ какимъ презрѣніемъ онъ откажется и отъ вашего предложенія, и отъ вашихъ піастровъ“.

— Гмъ! гмъ! — промычалъ полковникъ, котораго эти деньги сильно дразнили.

Донъ Діего наблюдалъ за нимъ украдкой.

— И такъ,—сказалъ онъ, бросая сигаретку,—подумавши, я присоединяюсь къ мнѣнію генерала и съ вами о дѣлѣ говорить не буду.

— Гмъ!—промычалъ еще разъ полковникъ.

— Да, признаюсь, очень печально, но надо дѣйствовать, я обращусь къ Куэлляру, можетъ быть, онъ не такъ нерѣшителенъ.

— Куэлляръ—плутъ!—съ негодованіемъ вскричалъ донъ Филиппе.

— Все это я прекрасно знаю,—отвѣтилъ мягко донъ Діего,—но что же дѣлать, я предложу ему задатокъ въ десять тысячъ піастровъ и вполнѣ увѣренъ, что онъ возьмется за исполненіе моего порученія, тѣмъ болѣе, что дѣло то само по себѣ въ высшей степени благородное.

Полковникъ наполнилъ стаканы, повидимому, это его очень занимало.

— Чортъ возьми,—сказалъ онъ,—недурной кушикъ вы даете, десять тысячъ піастровъ!

— Да не болѣе не менѣе и кромѣ того поймите, что я и самъ не изъ тѣхъ людей, которые даромъ берутся подыскивать своихъ друзей и поручать имъ подобныя дѣла.

— Но, вѣдь, Куэлляръ не вашъ другъ!

— Да, правда, вотъ почему я сожалѣю, что долженъ обратиться къ нему.

— Но въ чемъ же это дѣло?

— Это тайна!

— Да развѣ я не вашъ другъ? будьте увѣрены, что я буду нѣмъ, какъ могила.

Донъ Діего казалось задумался.

— Вы мнѣ даете слово молчать?

— Клянусь вамъ честью!

— Ну, такъ, въ такомъ случаѣ, ничто не мѣшаетъ мнѣ объясниться. Вотъ, въ короткихъ словахъ все дѣло: вы, полковникъ, знаете также хорошо, какъ и я, что много появилось шпіоновъ, служащихъ двумъ партіямъ, продающихъ безъ всякаго угрызенія совѣсти Мирамону тайны нашихъ военныхъ операцій и не гнушающихся, въ свою очередь, передавать намъ за хорошія деньги о движеніи и намѣреніяхъ нашего непріятеля.

— Въ виду этого правительство президента Хуареца изъявило неудовольствіе на двухъ лицъ, сильно заподозрѣнныхъ въ этомъ двойномъ шпіонствѣ, но они настолько ловки и такъ ловко принимаютъ свои мѣры предосторожности, что, несмотря на полное нравственное убѣжденіе въ ихъ преступленіяхъ, никакихъ уликъ до сего времени еще добыть не удалось. Вотъ этихъ-то людей и надо разоблачить, захвативъ ихъ тайныя бумаги и по полученіи этихъ бумагъ будутъ къ выданнымъ раньше десяти тысячамъ піастрамъ, отсчитаны еще пятнадцать тысячъ. Заручившись этими бумагами, главнокомандующій не замедлитъ передать ихъ въ

руки военнаго суда. Вы видите, что это дѣло можетъ доставить только уваженіе его исполнителю.

— Да, это дѣло похвальнаго патріотизма—но кто-же эти люди?

— Развѣ я ихъ вамъ не называлъ?

— Это одно только, что вы опустили въ вашемъ разсказѣ.

— О! это не первые встрѣчные, напротивъ: одинъ недавно назначенъ довѣреннымъ секретаремъ при генералѣ Ортега, а второй, если не ошибаюсь, на свой счетъ вооружилъ недавно отрядъ войскъ.

— Ну, а имена ихъ—имена?

— О, вы ихъ хорошо знаете,—по крайней мѣрѣ, я такъ думаю, — первый изъ нихъ называется донъ Антоніо Кацебаръ и другой...

— Донъ Мельхіоръ де-ля-Круцъ!—быстро перебилъ донъ Фелиппе.

— Такъ вы это знаете?— вскричалъ донъ Діего съ прекрасно разыграннымъ удивленіемъ.

— Быстрое повышеніе этихъ лицъ, огромное, почти безграничное довѣріе къ нимъ президента, невольно наводило меня на мысль: — никто не можетъ объяснить себѣ этихъ неожиданныхъ милостей къ нимъ.

— И вотъ, нѣкоторыя высокопоставленныя особы считаютъ необходимымъ разъяснить этотъ вопросъ и положительнымъ образомъ убѣдиться, что это за люди.

— Ну, такъ, я это знаю!—вскричалъ донъ Филиппе,— и доставлю вамъ требуемыя доказательства.

— И вы это сдѣлаете?

— Да, клянусь вамъ, тѣмъ болѣе, что считаю обязанностью порядочнаго, человѣка захватить съ поличнымъ злодѣевъ. Кромѣ того,—прибавилъ онъ съ особенной улыбкой— никто лучше меня не можетъ добиться такихъ результатовъ!

— Дай Богъ вамъ не ошибиться, полковникъ! Потому-что, если это дѣло удастся, то почти могу увѣрить васъ,

что благодарное правительство не ограничится одними деньгами для вашего вознагражденія.

Донъ Филиппе съ гордостью улыбнулся при этомъ прозрачномъ намекѣ на повышеніе, о которомъ онъ такъ мечталъ.

Донъ Діего, не замѣчая, повидимому, этой улыбки, вытащилъ большой бумажникъ и досталъ перегнутую вчетверо бумажку, которую и передалъ своему собесѣднику. Послѣдній схватилъ ее съ алчной радостью, что придало его правильнымъ и красивымъ чертамъ какое-то низкое подлое выраженіе.

— Эта бумажка—былъ чекъ по предъявленію на десять тысячъ піастровъ на большой англійскій банкирскій домъ въ Вера-Круцъ.

Донъ Діего поднялся.

— Вы уже уходите?—спросилъ полковникъ.

— Да и глубоко сожалѣю, что долженъ такъ скоро съ вами разстаться.

— До скораго свиданія, донъ Діего!

Молодой человѣкъ вскочилъ на лошадь и быстро удалился.

— Ну,—прошепталъ онъ,—кажется, теперь ловушка хорошо разставлена и мерзавцы въ нее попадутся.

Полковникъ снова усѣлся на гамакѣ и попрежнему взялъ гитару и началъ болѣе громко, чѣмъ вѣрно бренчать на ней.

XXVIII. Любовь.

Долоресъ и Карменъ были однѣ въ саду. Запрятавшись, какъ пугливыя малиновки, въ глубь цвѣтущей апельсиновой, лимонной и гранатовой рощи онѣ болтали между собой. Донна Марія была не совсѣмъ здорова и осталась дома или, можетъ быть, это былъ предлогъ, чтобы оставить молодыхъ дѣвушекъ въ саду однѣхъ; въ дѣйствительности, она хотѣла

прочесть письмо отъ дона Хаиме, доставленное надежнымъ человѣкомъ.

Разговоръ молодыхъ дѣвушекъ, оставшихся безъ надзора, принялъ откровенный характеръ и онѣ съ радостью начали передавать одна другой свои невинныя тайны. Нѣсколькихъ словъ было достаточно, чтобы онѣ поняли другъ друга, не прибѣгая къ подробнымъ объясненіямъ: безъ изворотовъ и заднихъ мыслей, при полномъ и безграничномъ довѣріи другъ къ другу, онѣ скоро излили свою душу и взаимно открыли тайну своей любви. Какъ разъ около этого важнаго и интереснаго предмета вертѣлся въ настоящее время ихъ разговоръ. Несмотря на всю ихъ откровенность между собой, онѣ, изъ чувства столь понятной гордости, отвергли-бы даже мысль вызвать молодыхъ людей на объясненіе.

Эти дѣвушки были невинны и наивны, какъ дѣти, незнакомы съ кокетствомъ и съ тѣми пріемами, изъ которыхъ женщины у насъ, у народовъ, такъ сказать, цивилизованныхъ, дѣлаютъ себѣ такую жестокую игру. По странному совпаденію, которое нерѣдко случается въ дѣйствительной жизни, разговоръ молодыхъ дѣвушекъ, за малымъ исключеніемъ, принялъ тотъ-же оборотъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ между графомъ и Доминикомъ.

— Долоресъ! — говорила заискивающимъ голосомъ Карменъ, — ты смѣлѣе меня и лучше знаешь дона Людовика, который къ тому-же съ тобой въ родствѣ—почему ты такъ съ нимъ сдержана?

— Увы, моя дорогая, — отвѣтила донна Долоресъ, — эту сдержанность обусловливаетъ само мое положеніе. Графъ Людовикъ мой единственный родственникъ теперь, когда я всѣми оставлена. Много лѣтъ тому назадъ, насъ нарекли невѣстой и женихомъ.

— Какое право имѣютъ родители связывать своихъ дѣтей, безъ ихъ согласія и обрекать ихъ завѣдомо на несчастную жизнь?

— Это практикуется, какъ говорятъ, въ Европѣ, моя дорогая и кромѣ того, мы, слабыя женщины—рабыни этихъ,

признавшихъ себя за царей природы, мужчинъ, должны безропотно подчиняться, хотя-бы безжалостная тиранія насъ гнула къ землѣ.

— Да, это справедливо, но мнѣ кажется, что если-бы мы оказали сопротивленіе...

— То мы вызвали-бы къ себѣ презрѣніе, потеряли-бы репутацію и на насъ показывали-бы пальцемъ.

— Значитъ, ты рѣшилась, несмотря на протесты твоего сердца, на этотъ чудовищный бракъ?

— Что отвѣтить тебѣ: — одна мысль, что этотъ бракъ можетъ совершиться, повергаетъ меня въ отчаяніе, и все-таки я не вижу выхода. Графъ покинулъ Францію и явился сюда съ одною цѣлію жениться на мнѣ. Мой отецъ передъ смертью взялъ съ него обѣщаніе не оставлять меня безъ опоры въ жизни и вступить со мной въ бракъ. Ты видишь, что имѣю очень серьезныя обстоятельства, не позволяющія мнѣ уклониться отъ предначертанной мнѣ судьбы.

— Но ,почему-же ты не объяснишься съ графомъ?—съ жаромъ возразила Карменъ, — можетъ быть, это объясненіе устранитъ всѣ препятствія?

— Очень возможно – но подобное объясненіе не можетъ исходить отъ меня: графъ оказывалъ мнѣ послѣ смертимоего отца очень важныя услуги и плохая была-бы ему отплата за всю его доброту ко мнѣ, если-бы я отвѣтила отказомъ на его во всѣхъ отношеніяхъ лестное для меня предложеніе!

— О, такъ ты любишь его, Долоресъ! — вскричала раздраженно Карменъ.

— Нѣтъ, я не люблю его, — отвѣтила съ достоинствомъ донна Долоресъ,—но, можетъ быть, онъ меня не любитъ — по крайней мѣрѣ, его поведеніе меня въ этомъ не разубѣждаетъ.

— Да, я увѣрена, что онъ меня—меня любитъ! — перебила Карменъ.

— Дорогая моя,—съ улыбкой отвѣчала Долоресъ, — никогда нельзя быть увѣреннымъ въ этихъ вещахъ, даже если имѣются доказательства въ видѣ самыхъ торжественныхъ

клятвъ и увѣреній, а тѣмъ болѣе, когда въ доказательство нельзя привести ни жеста, ни взгляда, ни слова.—Я продолжаю: допустимъ, что графъ меня любитъ или не любитъ, но предполагаетъ, что я могу его любить. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мое поведеніе совершенно ясно: я должна, не вызывая графа, ожидать отъ него объясненія, которое разумѣется, и не замедлитъ произойти между нами и въ такомъ случаѣ, клянусь вамъ, Карменъ—я выскажусь совершенно чистосердечно и, если послѣ моего признанія, въ сердцѣ графа останется какое либо сомнѣніе, то это будетъ значить, что графъ предпочелъ неопредѣленность положенія истинѣ и мнѣ останется только, склонивъ голову, подчиниться своей судьбѣ. Вотъ все, что я могу вамъ обѣщать—мое женское достоинство не позволяетъ мнѣ принять другого рѣшенія. Самоуваженіе указываетъ мнѣ путь, съ котораго моя честь мѣшаетъ мнѣ свернуть.

— Дорогая моя Долоресъ, хотя я очень страдаю и желала-бы другого исхода, но должна сознаться, что при настоящихъ обстоятельствахъ это единственный для тебя путь—не сердись на меня за мою горячность—повѣрь мнѣ очень тяжело!

— А мнѣ? развѣ мнѣ легче—развѣ я счастлива? нѣтъ! милая, не вѣрь этому—я можетъ быть еще несчастнѣе тебя.

Въ это время раздался звукъ шаговъ по песку.

— Кто-то идетъ!—сказала донна Долоресъ.

— Это графъ!—воскликнула Карменъ.

— Откуда ты это знаешь, крошка?

Молодая дѣвушка покраснѣла.

— Я догадываюсь по біенію моего сердца, — тихо прошептала она.

— Онъ кажется одинъ?

— Да, одинъ!

— О Боже! Не случилось-ли чего нибудь?

— О, дай Богъ, чтобы ничего не случилось!

Графъ показался при входѣ въ рощу. Онъ былъ одинъ. Отдавши молодымъ дѣвушкамъ низкій поклонъ, онъ ожи-

далъ приглашенія приблизиться. Донна Долоресъ съ улыбкой протянула ему руку, въ то время какъ ея подруга наклонилась, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Милости просимъ, графъ,—сказала донна Долоресъ,—вы сегодня что-то поздно приходите?

— Я счастливъ, что вы замѣтили мое невольное запаздываніе:—мой другъ, донъ Доминго, долженъ былъ сегодня поутру отправиться въ одно мѣсто, лье за два отъ города, и мнѣ пришлось исполнить его нѣкоторыя порученія и вотъ причина моей задержки.

— Приведенная вами причина вполнѣ основательна и мы васъ извиняемъ—я и Карменъ,—теперь садитесь съ нами и будемъ болтать.

— Съ большимъ удовольствіемъ!

Онъ подошелъ и усѣлся рядомъ съ дѣвушками.

— Позвольте мнѣ, донна Карменъ,—обратился графъ съ вѣжливымъ поклономъ къ молодой дѣвушкѣ,—выразить вамъ мое глубочайшее почтеніе и узнать о вашемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ.

— Благодарю васъ за вниманіе, кабаллеро, — отвѣтила она;—слава Богу, я совершенно здорова, я-бы желала тоже самое сказать и о здоровьи моей матери!

— Развѣ донна Марія больна? —съ живымъ участіемъ спросилъ молодой человѣкъ.

— Надѣюсь, что болѣзни нѣтъ, но недомоганіе настолько сильно, что она осталась дома.

Графъ моментально всталъ.

— Быть можетъ, я пришелъ не во время—я удаляюсь...

— Нѣтъ, пожалуйста, кабаллеро — вы для насъ не чужой—вы родственникъ и женихъ донны Долоресъ,—добавила она, подчеркивая эти слова,—и вы у насъ свой, близкій человѣкъ.—Вы еще болѣе близки по услугамъ, которыя намъ оказали и можете разсчитывать на нашу самую глубокую признательность. — И что-бы ни случилось вы, и донъ Доминго будете всегда для насъ самыми желанными гостями,—добавила съ улыбкой донна Карменъ.

— Вы смущаете меня, сеньориты, превознося мои ничтожныя заслуги.

— Будемъ ли мы имѣть удовольствіе видѣть у насъ вашего друга?

— Да, виноватъ, черезъ часъ онъ будетъ здѣсь. Но вы уходите отъ насъ донна Карменъ?

— Я прошу разрѣшенія оставить васъ на нѣсколько минутъ, кабаллеро—донна Долоресъ помѣшаетъ это время вамъ соскучиться. Я пойду провѣдать мою мать.

— Идите, сеньорита, и будьте любезны передать доннѣ Маріи мое сочувствіе и мое огорченіе по случаю ея недомоганія.

Молодая дѣвушка съ улыбкой поклонилась и, какъ птичка, выпорхнула отъ нихъ.

Графъ и донна Долоресъ остались одни въ довольно странномъ и затруднительномъ положеніи: они были наединѣ и невольно требовалось приступить, наконецъ, къ тому объясненію, необходимость и важность котораго они ясно сами сознавали, но не могли рѣшиться и все откладывали.

Если женщинѣ бываетъ трудно объявить любящему ея человѣку, что она его не любитъ, то тѣмъ труднѣе сдѣлать подобное признаніе мужчинѣ.

Нѣсколько минутъ они молчали и украдкой вопросительно взглядывали другъ на друга. Наконецъ, графъ рѣшилъ, что подобнаго благопріятнаго момента можетъ долго не встрѣтиться и что, во всякомъ случаѣ, объясниться необходимо и первый прервалъ молчаніе, стараясь придать своему голосу свободный безразличный тонъ:

— Привыкаете-ли вы къ вашему положенію затворницы, на которое васъ обрекли несчастныя обстоятельства вашей жизни?

— Я совершенно примирилась съ моею жизнью и еслибы только не грустныя воспоминанія прошедшаго, то признаюсь вамъ, я была бы совершенно счастлива.

— Очень радъ за васъ.

— Да и чего же мнѣ еще желать? донна Марія и ея

дочь обожаютъ меня и окружаютъ самыми нѣжными заботами, у меня есть небольшой кругъ преданныхъ друзей — чего же мнѣ можетъ еще недоставать въ этомъ мірѣ, гдѣ настоящее полное счастье недостижимо?

— Завидую вашей философіи, но на правахъ родственника и... друга, считаю своимъ долгомъ предупредить васъ, что какъ бы васъ неудовлетворяло ваше настоящее положеніе, оно только временное—не можете вы разсчитывать провести всю вашу жизнь въ этой безусловно прекрасной семьѣ: тысячи самыхъ разнообразныхъ случайностей могутъ разлучить васъ съ этими милыми людьми.

— Да, правда,—прошептала дрожащимъ голосомъ Долоресъ.

— Вы сами знаете,—продолжалъ графъ,—насколько участь людей необезпечена въ этой несчастной странѣ, особенно молодыхъ дѣвушекъ, обладающихъ вашей красотой: — сколькимъ опасностямъ, самымъ неожиданнымъ и самымъ страшнымъ, онѣ могутъ подвергаться. Я вашъ родственникъ, если и не самый близкій, то во всякомъ случаѣ самый преданный—не правда-ли—вы въ этомъ не сомнѣваетесь?

— О, Боже мой—да, конечно!— Вѣрьте, что у меня къ вамъ полное довѣріе и чувство глубокой благодарности за все, что вы для меня сдѣлали.

— Чувство благодарности только? — переспросилъ онъ, подчеркивая голосомъ слова—это слово довольно неопредѣленное.

Она взглянула на него съ нѣжнымъ участіемъ.

— Какъ-же по другому могла-бы я назвать это чувство?— спросила она.

— Извините—я ошибся, но положеніе, въ которомъ мы находимся, настолько необычно, что я, право, нахожусь въ большомъ затрудненіи и боюсь обидѣть васъ какимъ либо словомъ.

— Нѣтъ, пожалуйста этого не бойтесь: — вы мой другъ и можете все мнѣ высказывать и все я выслушаю со вниманіемъ.

— Вы меня называете другомъ—но желаніе вашего отца было...

— Да!—нервно прошептала она,—я знаю, на что вы указываете:—отецъ хотѣлъ устроить мою судьбу и только смерть ему въ этомъ помѣшала.

— Отъ васъ зависитъ и только отъ васъ одной, чтобы желаніе вашего отца исполнилось.

Она на миниту задумалась, потомъ отвѣтила, блѣднѣя, дрожащимъ голосомъ:

— Желаніе отца для меня законъ: когда бы вы ни потребовали меня къ вѣнцу—я пойду!

— Нѣтъ!—вскричалъ онъ съ жаромъ,—я не такъ понимаю волю вашего отца, — я клялся передъ его смертью не только быть около васъ, но сдѣлать все, что могу, для вашего счастья. Вашу руку, которую вы мнѣ предлагаете, я могу принять только вмѣстѣ съ вашимъ сердцемъ: — какія бы ни были мои личныя чувства, никогда я не сдѣлаю васъ несчастной и не заставлю васъ связать вашу судьбу противъ вашей воли.

— Благодарю васъ,—отвѣтила она, опуская голову,—вы добры и благородны!

Молодой человѣкъ нѣжно взялъ ее за руку.

— Долоресъ, позвольте мнѣ считать васъ сестрой—вѣдь я другъ вашъ—не правда-ли?

— О, да!—отвѣтила она слабымъ голосомъ.

— Но я для васъ не болѣе, какъ другъ?

— Увы—да,—прошептала она.

— Довольно,—дальнѣйшія объясненія излишни—вы свободны!

— Что вы хотите сказать?—робко спросила она.

— Я хочу сказать, Долоресъ, что я возвращаю вамъ ваше слово — и не настаиваю болѣе на нашемъ бракѣ, но оставляю за собой право, съ вашего разрѣшенія, заботиться о вашемъ счастьѣ и благополучіи.

— Что вы говорите?

— Долоресъ, вы меня не любите—ваше сердце принад-

лежитъ другому:—бракъ между нами составилъ бы несчастіе обоихъ. Бѣдное дитя, вы и безъ того много перенесли въ вашей юной жизни, которая должна была-бы быть усѣяна одними цвѣтами. Будьте счастливы съ тѣмъ, кого вы любите! Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы скорѣе соединить вашу судьбу съ его судьбою. Я оправдаю лестное для меня названіе вашего друга и уничтожу препятствіе на пути къ исполненію вашихъ самыхъ завѣтныхъ желаній!

— Ахъ!—вскричала она, сжимая въ слезахъ его руку,— почему я люблю не васъ—не васъ, такого великодушнаго и достойнаго любви человѣка!

— Сердце не подчиняется нашей волѣ,—но кто знаетъ, можетъ быть, все это къ лучшему—осушите ваши слезы дорогая Долоресъ и смотрите на меня, какъ на преданнаго друга, которому вы може повѣрить сокровеннѣйшія тайны вашего сердца, которыя, впрочемъ, ему и такъ извѣстны.

— Неужели? — вскричала она съ удивленіемъ, — вы знаете?...

— Я знаю вы, моя дорогая—вѣрьте мнѣ, да кромѣ того онъ не былъ такъ скроменъ, какъ вы: — онъ мнѣ во всемъ признался.

— Онъ меня любитъ!—воскликнула она, вставая,— возможно-ли это?

Въ это время раздался звукъ поспѣшныхъ шаговъ.

— Вотъ онъ самъ за себя отвѣтитъ,—добавилъ графъ.

Въ тотъ же моментъ показался въ рощѣ Доминикъ.

— Ахъ!—воскликнула Долоресъ, падая обратно на скамейку, съ которой она было встала.

— О Боже! — вскричалъ блѣднѣя Доминикъ,—что здѣсь случилось?

— Ничего такого, что могло-бы васъ испугать, — донна Долоресъ позволяетъ вамъ объясниться.

— Правда-ли это? — прошепталъ онъ, опускаясь передъ ней на колѣни.

— О, мой другъ, какъ можно такъ злоупотреблять моей тайной?—сказала она съ упрекомъ.

— Тайной, не довѣренной мнѣ, но о которой я самъ догадался,—отвѣтилъ графъ.

— Измѣнникъ! — воскликнула она, грозя пальцемъ, — но подождите—вы узнали мою тайну, а я открыла вашу!

И она быстро удалилась—легкая, какъ птичка, оставляя двухъ молодыхъ людей наединѣ.

Доминикъ былъ удивленъ ея быстрымъ уходомъ, не понимая его причины и хотѣлъ броситься за нею слѣдомъ, но графъ его удержалъ.

— Останься — сердце дѣвушекъ имѣетъ свои тайны, въ которыя вторгаться не слѣдуетъ:—чего тебѣ еще надо—ты теперь знаешь, что она тебя любитъ!

— О, другъ мой! — вскричалъ онъ, бросаясь въ объятія графа,—я теперь счастливѣйшій изъ смертныхъ.

— Эгоистъ,—мягко замѣтилъ графъ,—ты только о себѣ думаешь въ то время, какъ я мучаюсь и теряю надежду.

Донна Долоресъ удалилась, чтобы собраться съ мыслями и придти въ себя отъ смущенія.

При входѣ въ домъ, она столкнулась съ донной Карменъ и бросилась въ слезахъ въ объятія своей подруги. Послѣдняя, испугавшись этого нервнаго состоянія, тихо провела донну Долоресъ въ ея комнату и та машинально, безъ всякаго сопротивленія, послѣдовала за ней.

Много прошло времени раньше, чѣмъ донна Долоресъ пришла въ себя и сказала своей подругѣ то, что произошло въ рощѣ и какъ неожиданный приходъ Доминика вырвалъ у нея признаніе.

Донна Карменъ, узнавъ эту неожиданно счастливую развязку, очень обрадовалась: нѣтъ болѣе ни препятствій, ни недомолвокъ и онѣ могутъ свободно мечтать о счастливой будущности. Да и чего имъ бояться: онѣ увѣрены въ любви молодыхъ людей и какія еще могутъ существовать препятствія на пути къ ихъ счастію?

Такъ разсуждала донна Карменъ, убѣждая донну Долоресъ успокоиться и не стыдиться сорвавшагося случайно съ ея устъ признанія.

Молодыя дѣвушки охотно позволяютъ предмету ихъ увлеченія догадываться объ ихъ чувствѣ, но самимъ признаться ему въ любви, онѣ считаютъ для себя неизвинительною слабостью.

Карменъ была на нѣсколько лѣтъ старше Долоресъ и потому лучше владѣла своими чувствами. Она пошутила надъ слабостью своей подруги и понемногу привела ее къ сознанію, что если такой случай произошелъ и она высказалась, то сожалѣть объ этомъ нечего.

Онѣ вышли изъ комнаты и, уничтоживъ на своемъ лицѣ послѣдніе признаки волненія, отправились въ садъ, но тамъ уже никого не было.

XXIX. Неожиданное нападеніе.

Вернемся нѣсколько назадъ къ тому времени, когда Мирамонъ съ такою щедростью распоряжался хранящимися въ англійскомъ консульствѣ деньгами Конвента и разскажемъ дальнѣйшія политическія событія, которыя находятся въ тѣсной связи съ нашимъ разсказомъ.

Какъ предсказалъ донъ Хаиме, такъ и случилось: нѣсколько звѣрскій образъ дѣйствій генерала Маркеза при исполненіи своихъ распоряженій и совершенно незаконный захватъ средствъ Конвента не могли не бросить тѣни на чистый, незапятнанный образъ молого президента. Члены дипломатическаго корпуса — главнымъ образомъ, испанскій посланникъ и завѣдующій дѣлами французскаго посольства, поддерживавшіе до сего времени Мирамона противъ Хуареца вслѣдствіе благородства и честнаго образа дѣйствія перваго изъ нихъ, при этомъ извѣстіи признали партію умѣренныхъ, представителемъ которой былъ Мирсмонъ, окончательно погибшей, если не случится какого либо чуда. Хотя при политическихъ распряхъ подобныя чудеса и случаются, но въ данномъ случаѣ не являлось возможности на это разсчиты-

вать. Къ тому-же крупныя суммы Конвента вмѣстѣ со средствами, предоставленными Хаиме въ распоряженіе президента, были недостаточны не только для покрытія дефицита, который достигалъ огромныхъ размѣровъ, но даже для болѣе или менѣе значительнаго его уменьшенія. Огромныя суммы потребовались для удовлетворенія солдатъ, которые уже три мѣсяца не получали своего жалованья, волновались массами и угрожали дезертировать.

По уплатѣ денегъ солдатамъ, Мирамонъ приступилъ къ новой вербовкѣ для увеличенія своей арміи, имѣя въ виду въ послѣдній оазъ попытать военное счастье. Онъ рѣшилъ шагъ за шагомъ, съ оружіемъ въ рукахъ, защищать власть, переданную въ его руки свободными представителями націи.

Но, несмотря на всю свою кажущуюся увѣренность, этотъ молодой и предпріимчивый генералъ не обманывалъ себя и ясно сознавалъ всю невыгоду своего положенія по сравненію съ превосходными силами „puros“, т. е. чистыхъ, какъ называли себя сторонники Хуареса и потому передъ послѣднимъ ходомъ Мирамонъ хотѣлъ испробовать единственное, оставшееся въ его рукахъ средство, — дипломатическое посредничество.

Испанскій посланникъ, по прибытіи своемъ въ Мексико, призналъ правительство Мирамона и вотъ, къ этому-то представителю дипломатіи обратился въ отчаяніи, какъ къ послѣднему средству, Мирамонъ, желая заручиться посредничествомъ представителей иностранныхъ государствъ для переговоровъ о мирѣ, предлагая съ своей стороны подчиниться извѣстнымъ ограниченіямъ, главнымъ образомъ, обусловливающимъ слѣдующія положенія:

Во первыхъ, выборные двухъ воюющихъ партій въ сообществѣ съ представителями Европы и Соединенныхъ Штатовъ опредѣляютъ условія мира.

Во вторыхъ, тѣ же выборные назначаютъ главу республики, который и сохраняетъ эту власть до новаго рѣшенія этого вопроса выборными всей страны.

Въ третьихъ, на этихъ же собраніяхъ будетъ рѣшенъ способъ созыва Конгресса представителей.

Вотъ содержаніе телеграммы, посланной 3-го октября 1860 года испанскому послу, заключавшаяся многозначительными словами, показывающими, что распри утомили Мирамона и онъ отъ души желалъ бы съ ними разъ на всегда покончить:

— Да поможетъ Богъ, чтобы это предложеніе, сообщаемое мною Вамъ конфиденціально, было успѣшнѣе всѣхъ предъидущихъ.

Но, какъ и раньше, можно было предвидѣть, эта попытка къ мирному рѣшенію вопроса не удалась.

И причины неудачи были очень просты и понятны даже для людей, не интересующихся политическими событіями.

Хуарецъ, овладѣвшій большею частью мексиканской территоріи, чувствовалъ себя въ своей главной квартирѣ хозяиномъ страны, особенно по сравненію со своимъ обязательнымъ противникомъ, и хотя онъ ничего не имѣлъ противъ переговоровъ, но не на основаніи взаимныхъ уступокъ, а въ смыслѣ его полнаго главенства.

Но Мирамонъ, отважный какъ левъ, окруженный охотниками, вѣрилъ въ свою непобѣдимую шпагу — и еще не отчаявался, или вѣрнѣе не позволялъ себѣ отчаяваться.

Итакъ, желая объединить своихъ послѣднихъ сторонниковъ, 17 ноября онъ обратился къ нимъ съ послѣднимъ воззваніемъ, стараясь возбудить въ нихъ угасающую вѣру въ ихъ общее дѣло и передать имъ въ цѣлости свою непоколебимую энергію.

Къ несчастію, довѣріе въ войскахъ исчезло и слушатели были глухи къ его словамъ: личные разсчеты и страхъ мѣшали имъ отозваться на послѣднее воззваніе этого великаго патріота, однако, надо было принять рѣшеніе или отказаться отъ продолженія борьбы и сложить съ себя власть, или попытать новаго счастья съ оружіемъ въ рукахъ и все поставить на карту.

Послѣ долгихъ размышленій генералъ принялъ это послѣднее рѣшеніе.

Ночь уже кончалась, блѣдноватый свѣтъ проникалъ въ комнату черезъ занавѣски и замѣнялъ собою тускнѣющій свѣтъ свѣчей въ кабинетѣ генерала, въ томъ самомъ, гдѣ онъ принималъ авантюриста. Въ этотъ разъ, какъ, тогда, тѣ же лица сидѣли другъ противъ друга.

Почти совсѣмъ выгорѣвшія свѣчи показывали, что разговоръ ихъ давно уже начался и теперь они оба сидѣли, наклонившись съ большимъ вниманіемъ надъ большою картою и съ одушевленіемъ разговаривали между собой.

Вдругъ генералъ нервно выпрямился и, опускаясь въ кресло, прошепталъ сквозь зубы:

— Да и зачѣмъ упорствовать — бороться съ превратностями судьбы.

— Чтобы побѣдить, генералъ!—отвѣтилъ авантюристъ.

— Это невозможно!

— Вы отчаяваетесь, генералъ?

— Нѣтъ, я не отчаяваюсь, напротивъ, я рѣшился скорѣе пасть, чѣмъ подчиниться условіямъ презрѣннаго Хуареца—этого злобнаго и мстительнаго индѣйца, изъ жалости подобраннаго на дорогѣ испанцемъ. Этотъ низкій человѣкъ примѣняетъ всѣ свои способности и свое знаніе только къ тому, чтобы раздирать на части междоусобіями свое отечество и привести его къ погибели.

— Что же съ этимъ дѣлать, генералъ,—насмѣшливо замѣтилъ авантюристъ,—кто знаетъ, можетъ быть, этотъ испанецъ, о которомъ вы упомянули, нарочно воспиталъ подобраннаго имъ индѣйца для цѣлей мести, предвидя совершающіяся нынѣ событія?

— Да, клянусь, что никогда еще человѣкъ не замышлялъ съ такою коварной хитростью такихъ темныхъ проектовъ и никогда не исполнялъ ихъ такими мерзкими путями и съ такимъ явнымъ безстыдствомъ!

— Но, вѣдь, онъ предводитель Puros (чистыхъ)!—замѣтилъ съ улыбкой авантюристъ.

— Да будь онъ проклятъ! — вскричалъ въ негодованіи генералъ, — онъ стремится только къ погибели нашего несчастнаго отечества!

— Почему же не желаете послѣдовать моему совѣту?

Генералъ съ нетерпѣніемъ пожалъ плечами.

— Боже мой! да потому, что предлагаемый вами планъ неисполнимъ.

— И это единственная причина вашего отказа? — спросилъ съ удареніемъ авантюристъ.

— Ну и кромѣ того, — прибавилъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ генералъ, — если вы уже на этомъ настаиваете, — потому, что ваше предложеніе не соотвѣтствуетъ моему достоинству.

— Но позвольте, генералъ, замѣтить, что вы навѣрное меня не поняли.

— Я невѣрно васъ понялъ—да вы шутите мой другъ—напротивъ, я такъ хорошо васъ понялъ, что могу, если вы ожелаете, разсказать весь вашъ планъ, въ который вы,—прибавилъ онъ, улыбаясь,—такъ вѣрите, что желаете и меня увлечь за собою.

— Да, вы думаете? — спросилъ авантюристъ съ видомъ сомнѣнія.

— Ну, вотъ вашъ планъ:—выйти неожиданно изъ города, оставивъ замедляющую движеніе артиллерію, и быстрымъ переходомъ по почти непроходимымъ дорогамъ приблизиться и напасть врасплохъ на непріятеля.

— И его разбить!—добавилъ съ удареніемъ авантюристъ.

— Ну, разбить это... замѣтилъ съ сомнѣніемъ въ голосѣ генералъ.

— Это безусловно! Замѣтьте, генералъ, что ваши враги считаютъ васъ отрѣзаннымъ въ городѣ и предполагаютъ, что вы теперь заняты укрѣпленіемъ вашей позиціи, въ виду предстоящей осады. Они знаютъ, что послѣ пораженія генерала Маркеза ваши сторонники не держатся больше открытаго поля и вслѣдствіе этого они, не боясь нападенія,

совершенно спокойно, въ полной безопасности, подвигаются себѣ впередъ.

— Все это совершенно вѣрно,—согласился генералъ.

— И потому ничего нѣтъ легче, какъ разбить его. Партизанская война не только единственное оставшееся въ вашихъ рукахъ средство для борьбы, но она предоставляетъ вамъ почти всѣ шансы на успѣхъ: постоянными тревогами и пораженіями малыхъ отрядовъ вы можете разстроить непріятеля, вернуть ускользающее изъ вашихъ рукъ военное счастье и пріобрѣсти перевѣсъ надъ вашимъ недостойнымъ противникомъ.

Три четыре удачныхъ стычки съ непріятелемъ—и ваши партизаны, покинувшіе васъ, считая ваше дѣло погибшимъ, снова толпами къ вамъ вернуться и огромная армія Хуареца растаетъ, какъ снѣгъ въ солнечный день.

— Да, да, я вполнѣ понимаю вашъ смѣлый замыселъ.

— Кромѣ того, обратите вниманіе на еще одно великое преимущество этого плана.

— Какое?

— Въ случаѣ пораженія—погибнуть благородно на бранномъ полѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, вмѣсто того, чтобы бездѣятельно ожидать, какъ звѣрь въ логовищѣ, осады непріятеля съ перспективою постыдной капитуляціи для спасенія столицы республики отъ ужасовъ междоусобной войны.

Генералъ нервно всталъ и заходилъ большими шагами по кабинету. Наконецъ, онъ остановился передъ авантюристомъ:

— Благодарю васъ, донъ Хаиме, — сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ,—за ваше рѣзкое, откровенное слово — я вижу, что въ моемъ несчастіи у меня остался еще искренній другъ. Хорошо, я принимаю вашъ планъ и сегодня же приступлю къ его исполненію:—который теперь часъ?

— Не полныхъ четыре часа утра, генералъ.

— Въ пять часовъ я выступаю изъ Мексико.

Авантюристъ поднялся.

— Вы меня уже покидаете, мой другъ?

— Мое присутствіе болѣе не нужно — позвольте, генералъ мнѣ удалиться.

— Такъ мы съ вами увидимся?

— Во время сраженія, генералъ. Гдѣ вы предполагаете напасть на непріятеля?

— Здѣсь,—отвѣтилъ онъ, указывая на картѣ мѣсто,— у Толуха, куда авангардъ непріятеля прибудетъ не ранѣе двухъ часовъ пополудни: при быстромъ переходѣ я могу тамъ быть около полудня и въ моемъ распоряженіи будетъ необходимое время для приготовленія къ сраженію.

— Мѣсто удачно выбрано и я предсказываю вамъ побѣду, генералъ!

— Да услышитъ васъ Богъ—я въ нее не вѣрю!

— Опять вашъ упадокъ духа!

— Нѣтъ,—вы ошибаетесь,—это не упадокъ духа, а мое убѣжденіе.

Онъ протянулъ руку авантюристу, который ее пожалъ и удалился.

Черезъ нѣсколько минутъ донъ Хаиме выѣхалъ изъ Мексико и, пригнувшись къ лукѣ сѣдла, помчался по равнинѣ.

XXX. Выступленіе.

Мирамонъ сдержалъ свое слово и въ пять часовъ утра во главѣ своихъ войскъ выступилъ изъ Мексико.

Его силы были не значительны — три съ половиною тысячи пѣхоты и кавалеріи; артиллерія же, въ виду предстоящихъ непроѣздныхъ дорогъ, была оставлена.

Для большей скорости передвиженія у каждаго кавалериста сзади, на крестцѣ лошади, помѣщался пѣхотинецъ.

Дѣйствительно, президентъ Мирамонъ предпринималъ смѣлую попытку — одну изъ самыхъ рискованныхъ, но именно въ виду этого она имѣла много шансовъ на успѣхъ.

Самъ генералъ ѣхалъ со своимъ штабомъ во главѣ арміи и весело разговаривалъ. Можно было подумать, глядя на его спокойное и веселое лицо, что никакія мрачныя мысли его не безпокоили, что, покидая Мексико, онъ снова пріобрѣлъ беззаботность и веселость юноши, такъ скоро имъ утраченную у кормила власти.

Нѣсколько свѣжее утро обѣщало прекрасный день. Прозрачный туманъ поднимался отъ земли, растворяясь въ лучахъ все ярче и ярче загоравшагося солнца.

Рѣдкія стада виднѣлись на равнинѣ, а на дорогѣ встрѣчались караваны муловъ съ погонщиками, направляющіеся въ Мексико. Вездѣ кругомъ виднѣлись обдѣланныя поля, указывающія на мирную работу и никакихъ слѣдовъ войны здѣсь не было:—сельскій людъ попрежнему, вопреки грому и шуму оружія, занимался своимъ дѣломъ.

По дорогѣ встрѣчались также и индѣйцы — нѣкоторые гнали быковъ въ городъ, другіе несли фрукты и овощи и всѣ торопились, сокращая пѣснями свою утомительную дорогу. При встрѣчѣ съ президентомъ, котораго всѣ хорошо знали въ лицо, они остановились сначала въ недоумѣніи, потомъ снимали шляпы и почтительно кланялись.

Вскорѣ, по приканію Мирамона войска свернули съ дороги въ сторону по заброшеннымъ тропинкамъ, по кототорымъ лошади съ большимъ трудомъ прокладывали себѣ путь. Мѣстность становилась все круче, движеніе все форсированнѣе и быстрѣе, при полномъ молчаніи солдатъ. Чувствовалась близость непріятеля.

Около десяти часовъ раздался приказъ остановиться на привалъ: — надо было дать отдыхъ лошадямъ и людямъ и дать имъ время подкрѣпить себя пищей. Вообще, мексиканская армія представляетъ въ высшей степени оригинальное зрѣлище: — за каждымъ солдатомъ слѣдуетъ его жена, нагруженная всѣмъ нужнымъ для его пропитанія и готовитъ ему пищу. Эти несчастныя женщины, обреченныя на всѣ ужасы войны, во время привала останавливаются на неболь-

шомъ разстояніи отъ войскъ, что придаетъ движенію мексиканскихъ войскъ видъ эмиграцій дикихъ племенъ.

Во время сраженія онѣ остаются безучастными зрительницами, прекрасно сознавая, что въ случаѣ пораженія онѣ дѣлаются добычею побѣдителей и подчиняются своей участи, или вѣрнѣе относятся къ ней съ философскимъ спокойствіемъ.

Въ этотъ разъ это правило было измѣнено. Президентъ формально запретилъ женщинамъ слѣдовать за арміей и всѣ солдаты захватили вполнѣ приготовленную пищу въ ранцы и въ карманы сѣделъ, такимъ образомъ получилась двойная выгода и время на приготовленіе пищи было сохранено, и неудобство съ разведеніемъ огня было устранено.

Въ одинадцать часовъ прозвучала труба и всѣ собрались къ своимъ мѣстамъ.

Приближались къ Толуху,—мѣсту, назначенному президентомъ для ожиданія непріятеля.

Путь все чаще и чаще пересѣкался крутыми оврагами и, наконецъ, сдѣлался почти непроходимымъ. Но это былъ избранный отрядъ изъ всей арміи Мирамона — самые вѣрные его сторонники, сражавшіеся около него съ самаго начала войны: — они съ удвоенной энергіей преодолѣвали препятствія, воодушевляемые своимъ молодымъ генераломъ, который храбро шелъ впереди, подавая примѣръ настойчивости и смѣлости.

Генералъ Кабосъ выслалъ впередъ человѣкъ двадцать надежныхъ развѣдчиковъ для наблюденія за движеніемъ непріятеля съ предписаніемъ, при первомъ появленіи его, тотчасъ же извѣстить и присоединиться къ арміи.

Вдругъ Мирамонъ увидалъ трехъ мчавшихся по направленію къ нему всадниковъ. Въ ожиданіи услышать отъ нихъ важныя вѣсти, онъ пришпорилъ коня и помчался къ нимъ на встрѣчу. Вскорѣ онъ къ нимъ присоединился.

Двое были солдаты, а третій имѣлъ видъ крестьянина, но подъ нимъ была прекрасная лошадь и онъ былъ хорошо вооруженъ.

— Что это за человѣкъ? — спросилъ президентъ одного изъ солдатъ.

— Этотъ человѣкъ, ваше превосходительство, явился къ генералу и требовалъ свиданія съ вами — у него есть бумага, которую, по его словамъ, онъ долженъ передать вамъ лично!

— Отъ кого ты? — спросилъ президентъ неподвижно стоявшаго передъ нимъ крестьянина.

— Пусть ваше превосходительство сначала прочтетъ это письмо, — отвѣтилъ онъ, вынимая изъ подъ своего плаща запечатанный конвертъ и почтительно подавая его генералу.

— А, такъ вотъ ты откуда! — сказалъ президентъ, внимательно осматривая его, — а какъ твое имя?

— Лопецъ, — ваше превосходительство.

— А онъ близко отсюда?

— Да, генералъ, въ засадѣ съ тремя стами конныхъ.

— Такъ онъ прислалъ тебя въ мое распоряженіе?

— Да, на все время, пока во мнѣ будетъ надобность!

— Скажи мнѣ Лопецъ — ты знаешь эти мѣста?

— Какъ же! я здѣсь родился, ваше превосходительство.

— Такъ ты можешь указать намъ дорогу?

— Всюду, куда прикажете!

— Знаешь ты расположеніе непріятеля?

— Прекрасно знаю, ваше превосходительство: во главѣ находятся колонны генераловъ Беріоцабала и Деголлядо въ разстояніи около лье отъ Толуха, гдѣ онѣ дѣлаютъ большой привалъ.

— А въ какомъ разстояніи мы отъ Толуха.

— По этой дорогѣ около трехъ лье, ваше превосходительство.

— Довольно далеко, а есть болѣе близкая дорога?

— Есть, — она сокращаетъ путь на двѣ трети.

— Превосходно! — воскликнулъ генералъ — надо будетъ по ней отправиться.

— Да, но этотъ путь очень узокъ, труденъ и невозможенъ для артиллеріи, даже для кавалеріи онъ представляетъ большія затрудненія.

— У меня нѣтъ съ собой артиллеріи!

— Ну, въ такомъ случаѣ это возможно.

— И прекрасно!

— Только съ разрѣшенія вашего превосходительства я позволилъ бы дать хорошій совѣтъ.

— Говори!

— Путь очень плохъ — лучше было-бы пустить впередъ пѣхоту, а вслѣдъ за ней спѣшенная кавалерія могла-бы провести лошадей за повода.

— Но это задержитъ насъ въ пути.

— Нѣтъ, генералъ, пѣшкомъ мы скорѣе пройдемъ.

— Пусть будетъ такъ,— черезъ сколько времени мы достигнемъ Толуха?

— Черезъ три четверти часа—это не долго, генералъ?

— Нѣтъ, и если ты исполнишь свое обѣщаніе — я тебѣ дамъ одинадцать унцій.

— Хорошо, — хотя я дѣйствую и не изъ-за выгодъ, — отвѣтилъ съ улыбкой Лопецъ, — но я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что говорю и считаю эти деньги у себя въ карманѣ!

— Если это такъ, то получай ихъ сейчасъ, — сказалъ генералъ, протягивая ему кошелекъ.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство. Теперь мы можемъ тронуться, когда вы пожелаете, но только отдайте приказъ, чтобы движеніе совершалось въ полной тишинѣ и молчаніи:—въ такомъ случаѣ мы подойдемъ къ непріятелю неожиданно и атакуемъ его раньше, чѣмъ онъ насъ замѣтитъ.

Мирамонъ послалъ солдата къ генералу Кабосу съ приказомъ присоединиться тотчасъ же къ главному корпусу, потомъ онъ спѣшилъ солдатъ и помѣстилъ впереди пѣхоту, по четыре въ рядъ,—насколько позволяла ширина предстоящаго пути, а въ аріергардѣ спѣшенную кавалерію.

Генералъ Кабосъ тотчасъ же присоединился и Мирамонъ въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло.

Президентъ, распорядившись, чтобы его лошадь и лошадь проводника вели сзади, самъ помѣстился во главѣ арміи и никакія просьбы не могли его заставить измѣнить это рѣшеніе.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ на всѣ убѣжденія,—я вашъ начальникъ и по праву первая опасность принадлежитъ мнѣ:—здѣсь мое мѣсто и я его никому не уступлю!

Пришлось уступить его непреклонному желанію.

— Что-же, трогаемся?—спросилъ онъ Лопеца.

— Я готовъ, генералъ!

Они тронулись. Все движеніе происходило въ полной тишинѣ, быстро и въ образцовомъ порядкѣ.

Лопецъ предсказалъ вѣрно: каменистая тропинка, по которой они шли, была настолько крута, что пѣшій имѣлъ преимущество передъ коннымъ.

— Какъ далеко еще продолжается такая дорога?—спросилъ президентъ проводника.

— Она измѣняется на разстояніи около полуружейнаго выстрѣла отъ Толуха, — тамъ она начинаетъ расширяться, круто подымаясь до перевала въ гору, а оттуда ведите кавалерію въ Толухъ, хотя въ галопъ.

— Да—то, что ты мнѣ передаешь имѣетъ и хорошую, и дурную стороны.

— Я не понимаю васъ, ваше превосходительство.

— Да это же, мнѣ кажется, очень просто. Допусти, что непріятель разставилъ на вершинахъ кордоны часовыхъ — нашъ планъ неудастся и нашъ походъ явится безполезнымъ маневромъ — вотъ, объ этомъ-то ты и не подумалъ, направляя насъ по этой дорогѣ.

— Извините, генералъ,—непріятель вполнѣ увѣренъ, что вашихъ отрядовъ нѣтъ въ полѣ и считаетъ себя обезпеченнымъ противъ нападенія; — вслѣдствіе этого всѣ мѣры предосторожности онъ считаетъ излишними. Кромѣ того, высоты, о которыхъ вы говорите, и слишкомъ высоки, и слишкомъ удалены отъ его лагерей и ему не придетъ въ голову ихъ занимать.

— Наконецъ, — прошепталъ генералъ, — съ Божьей помощью я уже выступилъ и не отступлю.

Они продолжали путь съ удвоенною осторожностью.

Уже минутъ двадцать пять шли они по этой дорогѣ,

какъ вдругъ Лопецъ, внимательно осмотрѣвшись кругомъ, остановился.

— Что ты хочешь дѣлать?—спросилъ генералъ.

— Вы видите, ваше превосходительство, я останавливаюсь, такъ какъ за этимъ заворотомъ впереди дорога подымается въ гору,—мы теперь ближе, чѣмъ на ружейный выстрѣлъ отъ Толуха:—съ вашего позволенія я поразвѣдаю раньше, свободны ли высоты и можете ли вы безпрепятственно продолжать вашъ путь.

Генералъ бросилъ на него проницательный взглядъ и, наконецъ, сказалъ:

— Иди,—я тебѣ довѣряю,—мы не тронемся отсюда до твоего возвращенія.

Лопецъ снялъ съ себя оружіе и шляпу, которыя скорѣе могли выдать его, чѣмъ пригодиться въ этомъ предпріятіи и, растянувшись на землѣ, поползъ по индѣйски и скоро скрылся въ окружавшихъ дорогу кустарникахъ.

Въ то же время приказъ президента быстро передался по рядамъ и армія почти моментально остановилась.

Прошло нѣсколько минутъ — генералы собрались около президента.

Проводникъ не показывался и волненіе возрастало.

— Этотъ человѣкъ намъ измѣняетъ! сказалъ генералъ Кабосъ.

— Не думаю!—возразилъ Мирамонъ,—я вполнѣ полагаюсь на того, кѣмъ онъ присланъ.

Въ этотъ моментъ кустарники раздвинулись и показался человѣкъ—это былъ ихъ проводникъ, Лопецъ.

Видъ его былъ спокоенъ, взглядъ ясенъ, походка ускорена:—онъ приблизился къ президенту на разстояніе двухъ шаговъ, поклонился и ожидалъ вопроса.

— Ну, что?—спросилъ Мирамонъ.

— Я поднялся на самый хребетъ горы,—отвѣчалъ проводникъ,—и осмотрѣлъ бивуакъ непріятеля—онъ не подозрѣваетъ о вашей близости. Вы свободно можете идти на него.

— Такъ, значитъ, онъ не разставилъ часовыхъ на высотахъ?

— Нѣтъ, они не разставлены, генералъ!

— Хорошо — проведи меня впередъ до конца дороги — мнѣ надо осмотрѣть мѣстность, для составленія плана нападенія.

Лопецъ взялъ ружье и одѣлъ шляпу.

— Я готовъ!—сказалъ онъ.

Они двинулись впередъ; невдалекѣ за ними подвигалась армія.

Какъ и предупреждалъ проводникъ, кругомъ все было пусто и спокойно. Мирамонъ внимательно осматривалъ мѣстность.

— Хорошо—прошепталъ онъ,—я знаю теперь, что мнѣ дѣлать.

— Ну, а твой начальникъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ проводнику, засѣлъ въ засаду въ тылу у непріятеля?

— Да, ваше превосходительство?

— Но какъ же предупредить, чтобы онъ атаковалъ непріятеля одновременно съ нами.

— Ничего нѣтъ легче, ваше превосходительство. Видите вы тамъ, на верху, одиноко стоящее дерево съ выдающейся верхушкой.

— Да, я хорошо его вижу, но чтоже изъ этого?

— Мнѣ велѣно срубить эту верхушку при началѣ вашей атаки—исчезновеніе этого дерева послужитъ сигналомъ для нападеніи на непріятеля.

— Славу Богу!—воскликнулъ Мирамонъ, положительно онъ рожденъ быть генераломъ—ни чего онъ никогда не упуститъ изъ виду—отправляйся, взлѣзь на дерево и будь готовъ:—какъ только я подыму свою шпагу вверхъ, срубай ударомъ сабли верхушку дерева, ты меня понялъ?

— Совершенно, ваше превосходительство,—ну, а потомъ, что мнѣ дѣлать?

— Дѣлай, что хочешь!

— Хорошо — въ такомъ случаѣ, я присоединюсь къ своему начальнику.

Лопецъ взялъ изъ рукъ солдата поводья своей лошади и спокойно направился къ дереву.

Мирамонъ раздѣлилъ свою пѣхоту на три отряда, а сзади, въ резервѣ, поставилъ кавалерію.

Послѣ этого войска начали свое восхожденіе и когда достигли перевала, то Мирамонъ выхватилъ свою шпагу и, скомандовавъ, впередъ! впередъ! устремился внизъ по другой сторонѣ перевала. Какъ лавина, двинулась за нимъ и вся армія.

Увидѣвъ, что президентъ поднялъ шпагу, Лопецъ однимъ ударомъ срубилъ верхушку дерева, спустился внизъ, вскочилъ на лошадь и помчался въ слѣдъ за арміей.

Внезапное появленіе войскъ Мирамона произвело среди непріятеля страшную панику.

Непріятель не ожидалъ никакого столкновенія съ арміей Мирамона, а тѣмъ менѣе столь стремительной атаки.

Развѣдчики и шпіоны непріятеля увѣряли, что въ полѣ не имѣется никакихъ непріятельскихъ силъ и всѣ войска стянуты къ Мексико.

Солдаты бросились къ оружію, а офицеры старались организовать защиту, но раньше, чѣмъ они успѣли что либо предпринять, войска Мирамона уже ворвались въ лагерь и съ крикомъ—да здравствуетъ Мирамонъ!—съ бѣшенствомъ ударили на непріятеля.

Но храбрые и опытные генералы противника не растерялись, а одинъ за однимъ, собирая наскоро вооруженныхъ солдатъ, открыли убійственный огонь, скоро и артиллерія была выдвинута и снаряды ея угрожали пѣхотѣ президента.

Дѣло начало принимать серьезный оборотъ: войска Хуареца преобладали численностью и теперь, когда они освободились отъ временной паники, можно было опасаться, что они перейдутъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное.

Но вдругъ, сзади нихъ снова раздались крики и многочисленный отрядъ кавалеріи, съ пиками на перевѣсъ, ударилъ на нихъ съ тылу.

Очутившись между двухъ огней, они окончательно потеряли голову—имъ всюду чудилась измѣна: ряды ихъ дрогнули и начали разстраиваться.

Въ этотъ моментъ ударила кавалерія Мирамона и сраженіе приняло видъ избіенія непріятеля:—это была уже не битва, а какая-то бойня. Атакованныя спереди, съ боковъ и сзади, войска Хуареца старались только пробиться сквозь охватившее ихъ кольцо непріятеля и началось отступленіе, превратившееся скоро въ бѣгство.

Генералы Беріоцабалъ и Деголлядо съ ихъ сыновьями, два полковника, всѣ офицеры главнаго штаба, четырнадцать пушекъ и болѣе двухъ тысячъ солдатъ попали въ руки Мирамона, съ его же стороны потери были самыя не значительныя: семь убитыхъ и одинадцать легко раненныхъ.

Битва продолжалась всего двадцать пять минутъ и окончилась полной побѣдой войскъ Мирамона.

Капризная судьба въ послѣдній разъ улыбнулась тому, кого она уже обрекла на погибель.

XXXI. **Тріумфъ**.

Эта неожиданная и вмѣстѣ съ тѣмъ столь блестящая и полная побѣда, которую одержалъ Мирамонъ надъ испытаннымъ въ войнѣ войскомъ подъ начальствомъ славныхъ офицеровъ, сейчасъ же вернула мужество и надежду смущеннымъ сторонникамъ президента республики.

Настроеніе солдатъ до такой степени измѣнилось, что они не только не сомнѣвались въ успѣхѣ дѣла, за которое сражались, но смотрѣли на него, какъ на окончательно выигранное.

Среди общей радости только одинъ Мирамонъ не преда-

вался иллюзіямъ и не придавалъ этой побѣдѣ большей важности, чѣмъ она имѣла на самомъ дѣлѣ.

Онъ слишкомъ хорошо сознавалъ непрочность своего положенія и поэтому ни на минуту не позволилъ себѣ увлечься несбыточными надеждами. Но въ глубинѣ души онъ благодарилъ фортуну за эту послѣднюю улыбку счастья, которая поможетъ ему не упасть съ высоты такъ низко, какъ прочимъ обыкновеннымъ смертнымъ.

Кавалерія, бросившаяся въ догонку за бѣглецами, съ тѣмъ чтобы помѣшать имъ снова собраться въ ряды, вернулась, наконецъ, къ центру арміи, которая оставалась на полѣ сраженія. Мирамонъ послѣ двухчасового отдыха, даннаго войскамъ, отдалъ приказаніе возвратиться въ Мексико.

Возвращеніе экспедиціоннаго корпуса не могло быть совершено быстро, такъ какъ усталыя лошади едва двигались; всадники спѣшились, чтобы провожать плѣнныхъ и отнятые у непріятеля пушки, а многочисленные экипажи съ багажемъ, шедшіе вслѣдъ за арміею, могли пройти только по хорошей дорогѣ, почему Мирамонъ долженъ былъ держаться большой дороги; все это заставило его опоздать на нѣсколько часовъ.

Было уже около десяти часовъ вечера, когда авангардъ экспедиціоннаго корпуса достигъ первыхъ домовъ Мексико.

Несмотря на царившій кругомъ мракъ, городъ былъ залитъ огнями.

Какъ хорошія, такъ и дурныя извѣстія распространяются необычайно скоро, какъ это дѣлается — неизвѣстно, но несомнѣнно, что едва сраженіе при Толухѣ было окончено, какъ исходъ его былъ уже извѣстенъ въ Мексико.

Слухъ о блестящей побѣдѣ, одержанной президентомъ, переходилъ изъ устъ въ уста, хотя никто не могъ бы сказать, кто первый узналъ объ этомъ.

Эта новость заставила всѣхъ радоваться и возбудила всеобщій энтузіазмъ, такъ что, когда наступилъ вечеръ, весь городъ былъ иллюминованъ. Муниципальный совѣтъ, въ полномъ составѣ, ожидалъ президента у городскихъ во-

ротъ, чтобы принести ему поздравленіе съ побѣдой; войска дефилировали между двумя плотными стѣнами людей, бѣшено кричавшихъ виватъ, размахивавшихъ платками и шляпами и бросавшихъ, въ знакъ радости, петарды; несмотря на поздній часъ, во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола, духовные, смѣшавшись съ толпою, старались доказать, что какъ священники, такъ и монахи, еще наканунѣ столь холодно относившіеся къ судьбѣ человѣка, который ихъ всегда поддерживалъ, также раздѣляютъ всеобщій восторгъ.

Мирамонъ ѣхалъ сквозь эту толпу спокойно и безстрастно, отвѣчая съ выраженіемъ едва уловимой ироніи на привѣтствія, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ.

Около дворца онъ слѣзъ съ лошади; передъ дверью неподвижно стоялъ какой то человѣкъ и улыбаясь глядѣлъ на президента.

Это былъ авантюристъ.

Увидя его, Мирамонъ немогъ удержаться отъ радостнаго восклицанія.

— Ахъ, это вы, мой другъ! — вскричалъ онъ, подходя къ нему, — пойдемте.

И ко всеобщему удивленію, онъ взялъ авантюриста подъ руку и увлекъ съ собою во дворецъ.

Когда они вошли въ кабинетъ, въ которомъ президентъ обыкновенно занимался дѣлами, онъ бросился въ кресло и отеръ платкомъ катившіяся со лба капли пота.

Ухъ!—сердито вскричалъ онъ,—я совсѣмъ разбитъ! Эта глупая комедія, при которой я долженъ былъ присутствовать, помимо моей воли, утомила меня гораздо больше, чѣмъ всѣ событія этого дня.

— Я очень радъ,—весело сказалъ авантюристъ,—что вы такъ говорите, я боялся, что успѣхъ опьянитъ васъ.

Генералъ презрительно пожалъ плечами.

— За кого вы меня считаете, другъ мой?—сказалъ онъ. —Неужели вы думаете, что я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ м.жетъ ослѣпить успѣхъ? Правда, успѣхъ

блестящій но въ сущности, это только одна лишняя побѣда, не болѣе, такъ какъ результатъ ея ничтоженъ для того дѣла, которое я защищаю.

— Къ сожалѣнію, вы правы, генералъ.

— Неужели вы думаете, что я этого не знаю? Мое паденіе неизбѣжно, выигранное сраженіе только задержало его на нѣсколько дней. Я долженъ пасть, потому что, не смотря на восторженные крики толпы, всегда измѣнчивой и легко увлекающейся, что до сихъ поръ составляло мою силу и поддерживало меня въ борьбѣ, эта толпа оставила меня, я чувствую, что нація не за меня больше!

— Вы уже слишкомъ далеко зашли, генералъ! Еще побѣда, двѣ и, кто знаетъ, можетъ быть, вы вернете то, что потеряли.

— Другъ мой, успѣхъ этой побѣды безспорно принадлежитъ вамъ. Благодаря тому, что вы напали на непріятельское войско сзади, оно было деморализовано и потому побѣждено.

— Вы непремѣнно хотите все видѣть въ мрачномъ свѣтѣ. Повторяю вамъ, еще двѣ побѣды, и вы спасены.

— Мы еще будемъ сражаться, если только я успѣю, повѣрьте мнѣ. Ахъ, еслибы вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь въ Мексико, у меня были преданные офицеры, готовые идти въ бой, все еще можно было бы исправить.

Въ эту минуту дверь кабинета отворилась и вошелъ генералъ Кабосъ.

— Ахъ, это вы, генералъ—сказалъ президентъ, протягивая ему руку и быстро принявъ веселый видъ.—Очень радъ, что вы пришли. Что доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ?

— Прошу извиненія у вашего превосходительства, что я осмѣлился войти безъ доклада, но я долженъ сообщить о о дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства.

Авантюристъ сдѣлалъ движеніе, чтобы удалиться.

— Останьтесь, пожалуйста!—сказалъ президентъ, останавливая его жестомъ.—Въ чемъ дѣло, генералъ?

— Господинъ президентъ на площадяхъ страшный безпорядокъ, народъ и солдаты требуютъ, чтобы плѣнные офицеры были немедленно разстрѣляны, какъ измѣнники отечеству.

— Что?—сказалъ президентъ, выпрямляясь и слегка поблѣднѣвъ,—что вы говорите, генералъ?

— Если вы потрудитесь, ваше превосходительство, открыть окно, вы услышите эти крики!

— Ахъ,—тихо сказалъ Мирамонъ, — совершать хладнокровно политическія убійства послѣ побѣды! Я никогда не соглашусь на подобныя мерзости! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, этого не будетъ! Гдѣ плѣнные офицеры?

— На дворѣ дворца, подъ стражею.

— Прикажите, чтобы ихъ немедленно привели ко мнѣ. Ступайте, генералъ!

Ахъ, другъ мой, — вскричалъ президентъ, какъ только остался наединѣ съ авантюристомъ,—что можно ожидать отъ такого народа, который лишенъ всякаго нравственнаго чувства! Что подумаютъ о насъ европейскія правительства? Они станутъ презирать нашъ несчастный народъ! А между тѣмъ онъ совсѣмъ не злой, только долголѣтнее рабство и нескончаемыя революціи сдѣлали его жестокимъ! Пойдемте со мною, надо это кончить.

Они вышли изъ кабинета и пришли въ обширную залу, гдѣ собрались всѣ, самые преданные сторонники президента.

Президентъ сѣлъ на кресло, стоявшее на возвышеніи, офицеры окружили его. По знаку Мирамона авантюристъ сталъ возлѣ него. Послышался шумъ шаговъ и бряцанье оружія; плѣнные, въ сопровожденіи генерала Кабоса, вошли въ залу.

Плѣнники старались казаться равнодушными, но въ душѣ они не могли не безпокоиться о своей участи; съ площади до нихъ доносились крики, требовавшіе ихъ смерти, и они знали, что приверженцы президента ненавидятъ ихъ.

Впереди всѣхъ шелъ генералъ Беріоцабалъ, молодой че-

ловѣкъ лѣтъ тридцати, съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ и благородной осанкой; за нимъ слѣдовалъ генералъ Дегелядо между двумя сыновьями, затѣмъ два полковника и офицеры изъ свиты генерала Беріоцабала.

Плѣнные подошли къ президенту. При ихъ приближеніи онъ быстро всталъ со стула и, улыбаясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу имъ.

— Господа! — сказалъ онъ, любезно раскланиваясь съ ними, весьма сожалѣю, что обстоятельства не позволяютъ мнѣ немедленно возвратить вамъ свободу, но я всѣми силами постараюсь сдѣлать плѣнъ какъ можно менѣе тягостнымъ и надѣюсь, что онъ будетъ непродолжителенъ. Возмите ваши шпаги обратно, мнѣ очень жаль, что ихъ отняли у васъ!

Онъ сдѣлалъ знакъ генералу Кабосу; тотъ поспѣшно подалъ плѣнникамъ ихъ оружіе, которое они приняли съ очевидною радостью.

— Господа!—продолжалъ президентъ,—прошу васъ считать себя гостями въ этомъ дворцѣ. Съ вами будутъ обходиться съ должнымъ уваженіемъ, какъ того заслуживаетъ ваше несчастное положеніе. Я прошу только одного, что-бы каждый изъ васъ далъ честное слово солдата и дворянина, что невыйдетъ отсюда безъ моего разрѣшенія, не потому, чтобы я не довѣрялъ вамъ, но чтобы избавить васъ отъ покушеній тѣхъ людей, которые нерасположены къ вамъ! потому что и сами они утомлены долгою войною. Вы плѣнники на слово и свободны поступать, какъ хотитете!

— Благодарю, ваше превосходительство, за себя и за своихъ товарищей!—отвѣчалъ генералъ Беріозабалъ. Мы не ожидали ничего другого, зная ваше великодушіе. Мы охотно даемъ честное слово и обязываемся пользоваться свободой только въ тѣхъ предѣлахъ, какіе вы укажете. Мы также обѣщаемъ не стараться освободиться прежде, чѣмт вы не возьмете назадъ данное нами слово.

Обмѣнявшись еще нѣсколькими любезностями, плѣнники были препровождены въ назначенные для нихъ комнаты.

Въ ту минуту, когда президентъ хотѣлъ вернуться къ

себѣ въ кабинетъ, авантюристъ быстро остановилъ его и указалъ на одного изъ высшихъ офицеровъ, который старался скрыться между группами присутствующихъ.

— Знаете ли вы этого офицера?—сказалъ онъ тихо дрожащимъ голосомъ.

— Конечно, знаю, — отвѣчалъ президентъ. — Онъ всего нѣсколько дней состоитъ у насъ на службѣ и уже успѣлъ оказать мнѣ очень важныя услуги. Это испанецъ, по имени донъ Антоніо де Карсебаръ.

— О, я отлично знаю его имя, потому что, къ несчастью, уже давно знакомъ съ нимъ!—вскричалъ авантюристъ. Генералъ, этотъ человѣкъ измѣнникъ!

— Полноте, вы шутите!

— Повторяю вамъ, онъ измѣнникъ, я убѣжденъ въ этомъ!—настаивалъ авантюристъ.

— Перестаньте,—съ живостью прервалъ президентъ, — мнѣ это непріятно слышать. Покойной ночи! Приходите завтра, мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами объ очень серьезныхъ дѣлахъ.

Любезно поклонившись авантюристу, президентъ вошелъ въ свой кабинетъ и дверь закрылась за нимъ.

Съ минуту авантюристъ оставался неподвижнымъ, непріятно пораженный недовѣріемъ президента.

Ахъ, — прошепталъ онъ, — если Богъ захочетъ погубить кого нибудь, Онъ дѣлаетъ его слѣпымъ. Теперь все кончено, этотъ человѣкъ погибъ, дѣло его безвозвратно проиграно!

Онъ оставилъ дворецъ съ сердцемъ полнымъ самыхъ мрачныхъ предчувствій.

XXXII. El palo quemado.

Авантюристъ оставилъ дворецъ. Площадь Майоръ опустѣла; народное волненіе такъ же быстро улеглось, какъ и возникло; нѣсколько вліятельныхъ людей уговорили солдатъ разойтись по казармамъ; леперосы и другіе столь же почтен-

ные граждане, составлявшіе большинство возставшихъ, увидѣвъ, что жертвы, которыми они добивались овладѣть, рѣшительно ускользнули отъ нихъ, кончили тѣмъ, что, покричавъ и посвиставъ, разошлись по лачугамъ. Эти лачуги, пользовавшіяся болѣе или менѣе дурной славой, находились въ бѣдныхъ кварталахъ города и въ нихъ всегда могъ найти убѣжище тотъ, кто въ немъ нуждался.

Одинъ Лопецъ спокойно оставался на своемъ мѣстѣ. Ему приказано было ждать у входа во дворецъ, и онъ терпѣливо ждалъ, держа оружіе на готовѣ и настороживъ глаза и уши, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ въ темнотѣ какимъ нибудь ночнымъ бродягой, который былъ бы не прочь поживиться такой лакомой добычей.

Когда Лопецъ увидѣлъ, что дверь дворца отворилась, онъ догадался, что только его господинъ могъ выйти такъ поздно оттуда и подошелъ къ нему.

— Что новаго? — спросилъ авантюристъ, вкладывая ногу въ стремя.

— Ничего особеннаго,—отвѣчалъ тотъ.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Почти! Да, чуть было не позабылъ, мнѣ показалось, что я видѣлъ одного моего знакомаго, который вышелъ изъ дворца.

— А! И давно онъ вышелъ?

— Нѣтъ, такъ четверть часа или минутъ двадцать тому назадъ.

Но, должно быть, я ошибся, потому что онъ былъ одѣтъ совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде, да и видѣлъ я его лишь мелькомъ.

— Кто же это былъ, по твоему?

— Пожалуй, вы мнѣ не повѣрите, мнѣ показалось, что это былъ донъ-Антоніо Карсебаръ.

— Напротивъ, вполнѣ вѣрно, потому что я видѣлъ его во дворцѣ.

— Ахъ, чертъ! Въ такомъ случаѣ очень жалѣю, что не подслушалъ ихъ разговора.

— Разговоръ? Гдѣ? Съ кѣмъ? Да говори же, наконецъ!

— Сейчасъ, сейчасъ, mi amo. Когда онъ вышелъ изъ дворца, на площади еще оставался кое кто изъ народа. Какой то человѣкъ подошелъ къ дону Антонію.

— Ты узналъ этого человѣка?

— Нѣтъ. На немъ была шляпа съ громадными полями, надвинутая на глаза, и самъ онъ былъ закутанъ въ плащъ до самаго носа, къ тому же тогда было не многимъ свѣтлѣе, чѣмъ теперь.

— Дальше, дальше!—вскричалъ съ нетерпѣніемъ авантюристъ.

— Они начали говоритъ о чемъ то потихоньку.

— И ты ничего не слышалъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Такъ, нѣсколько словъ...

— Повтори-ка ихъ мнѣ?

— Извольте:—значитъ, онъ былъ тамъ, —сказалъ одинъ изъ нихъ; я не разслышалъ, что ему отвѣтилъ другой.

— Ну, онъ не посмѣетъ, — сказалъ первый. Потомъ, они стали говорить еще тише, такъ что я ничего неслыхалъ. Затѣмъ первый опять сказалъ:

— Надо отправиться туда.—Уже поздно,—отвѣтилъ другой. Дальше я слышалъ только два слова.—Palo-Quemado.— Они еще поговорили немножко и разошлись. Первый скрылся подъ порталами, а донъ Антоніо повернулъ на право, по направленію къ парку Букарелли; но навѣрно онъ вошелъ въ какой нибудь домъ, потому что я недумаю, чтобы ему пришла фантазія разгуливать одному въ такомъ мѣстѣ въ это время.

— Мы это сейчасъ узнаемъ,—сказалъ авантюристъ, вскакивая въ сѣдло,—дай мнѣ оружіе и слѣдуй за мною. Лошади не очень устали?

— Онѣ совсѣмъ свѣжія, — сказалъ Лопецъ, подавая двустволку, пару револьверовъ и саблю.—По вашему приказанію, я сходилъ въ кораль, оставилъ тамъ нашихъ усталыхъ лошадей, осѣдлалъ Моно и Зопилота и вмѣстѣ съ съ ними вернулся сюда.

— Отлично! Трогай!

Они поскакали вдоль пустой площади и, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, съ цѣлью избѣжать шпіоновъ, еслибы таковые вздумали слѣдить за ними, поѣхали въ сторону Букарелли.

Въ Мексико запрещено ѣздить верхомъ съ наступленіемъ ночи, если на это не имѣется особаго разрѣшенія, которое получить довольно трудно. Между тѣмъ, казалось, авантюристъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на это правило; и дѣйствительно, онъ не рисковалъ ничемъ, такъ какъ встрѣчавшаяся на пути стража равнодушно глядѣла имъ вслѣдъ и не выражала ни малѣйшаго протеста за нарушеніе запрещенія.

Когда оба всадника отъѣхали довольно далеко отъ дворца, каждый вынулъ изъ кармана по маленькой черной полумаскѣ и надѣлъ ее на лицо.

Принявъ эту предосторожность на тотъ случай, еслибы нашлись любопотные, которые, несмотря на темноту, могли бы узнать ихъ, они продолжали свой путь.

Вскорѣ они достигли входа въ паркъ Букарелли. Авантюристъ сталъ пристально вглядываться въ темноту и издалъ рѣзкій и продолжительный свистъ.

Тогда какая то тѣнь отдѣлилась отъ ниши, въ которой была дверь, и вышла на середину улицы. Тѣнь, или скорѣе человѣкъ, остановилась и ждалъ, не произнося ни слова.

— Не проходилъ-ли здѣсь кто нибудь въ эти три четверти часа?—спросилъ авантюристъ.

— И да, и нѣтъ,—отвѣчалъ лаконически незнакомецъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Какой то человѣкъ пришелъ сюда, остановился передъ домомъ который ..а право отъ васъ, и хлопнулъ два раза въ ладоши. Черезъ минуту отворилась дверь, оттуда вышелъ пеонъ, ведя въ поводу гнѣдую лошаль и держа въ рукѣ плащъ на красной подкладкѣ.

— Какъ же ты разглядѣлъ все это въ такую темь?

— Пеонъ вышелъ съ фонаремъ. Человѣкъ, о которомъ

я вамъ сказалъ, побранилъ его за неосторожность, вышибъ фонарь и разбилъ его, затѣмъ надѣлъ на себя плащъ.

— Какое на немъ было платье?

— Онъ былъ въ мундирѣ кавалерійскаго офицера.

— Хорошо, что же дальше?

— Онъ отдалъ свою шляпу съ перьями пеону. Тотъ вошелъ въ домъ и снова вернулся съ войлочною шляпою, пистолетами и ружьемъ; онъ надѣлъ серебреныя шпоры офицеру, который взялъ оружіе надѣлъ шляпу, вскочилъ на коня и уѣхалъ,

— Куда?

— Въ сторону площади Майоръ.

— А пеонъ?

— Вернулся домой.

— Ты увѣренъ, что ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ тебя?

— Севершенно увѣренъ.

— Хорошо. Стой тутъ! До свиданья!

— До свиданья!—и тѣнь снова исчезла въ темнотѣ.

Авантюристъ и его пеонъ повернули коней. Вскорѣ они снова были на площади Майоръ, которую проскакали, не останавливаясь.

Донъ Хаиме, казалось, хорошо зналъ дорогу, которую слѣдовало выбрать, такъ какъ не задумываясь сворачивалъ изъ улицы въ улицу.

Скоро онъ подъѣхалъ къ убѣжищу Санъ-Антоніо, но миновали его, не останавливаясь. Торговцы уже начинали подъѣзжать къ городу.

На разстояніи около шести сотъ шаговъ отъ убѣжища Санъ-Антоніо, въ томъ мѣстѣ, гдѣ образуется перекрестокъ изъ шести дорогъ, въ серединѣ котораго стоитъ каменный крестъ. Хаиме остановился и, какъ и прежде, пронзительно засвистѣлъ.

Въ ту же минуту человѣкъ, лежавшій у подножія креста, поднялся и неподвижно всталъ передъ нимъ.

— Не проѣзжалъ ли человѣкъ верхомъ на пѣгой ло-

шади,—сказалъ донъ Хаиме,—въ войлочной шляпѣ съ золотымъ галуномъ?

— Проѣзжалъ,—отвѣчалъ незнакомецъ.

— Давно-ли?

— Часъ тому назадъ.

— Онъ былъ одинъ?

— Одинъ.

— Куда онъ поѣхалъ?

— Туда,—отвѣчалъ незнакомецъ, указывая рукою на вторую дорогу слѣва.

— Хорошо.

— Долженъ ли я ѣхать съ вами?

— А гдѣ твоя лошадь?

— Въ корралѣ возлѣ убѣжища Санъ-Антоніо.

— Это очень далеко, мнѣ некогда ждать тебя. Стой тутъ!

— Хорошо!

Онъ снова улегся у подножія креста, а оба всадника поѣхали дальше.

— Онъ навѣрно отправился въ Palo-Quemada,—пробормоталъ авантюристъ,—мы его тамъ встрѣтимъ.

— Разумѣется,—сказалъ равнодушно Лопецъ,—какъ это я раньше не догадался объ этомъ.

Они ѣхали около часу, не обмѣнявшись ни словомъ другъ съ другомъ.

Наконецъ, невдалекѣ они замѣтили черные силуэты какого то зданія.

— Вотъ—Palo-Quemado,—сказалъ донъ-Хаиме.

— Да!—подтвердилъ Лопецъ.

Они сдѣлали еще нѣсколько шаговъ впередъ и остановились.

Вдругъ раздался громкій лай собаки.

— Чортъ возми!—сказалъ донъ Хаиме,—надо уходить, проклятый песъ выдастъ насъ.

Они пришпорили лошадей и тѣ помчались во всю прыть. Черезъ нѣсколько минутъ лай затихъ.

Всадники снова остановились, донъ Хаиме слѣзъ съ лошади.

— Спрячь гдѣ нибудь лошадей, — сказалъ онъ — и подожди меня!

Лопецъ ничего не отвѣчалъ, онъ не былъ болтливъ и и нелюбилъ бросать слова на вѣтеръ.

Донъ Хаиме тщательно осмотрѣлъ свое оружіе, чтобы быть увѣреннымъ, что оно не измѣнитъ ему въ случаѣ нужды, и припалъ къ землѣ. Подобно индѣйцамъ саванны, онъ поползъ медленно, почти незамѣтно, по направленію къ ранчо Polo-Quemado. Когда онъ приблизился къ ранчо, то увидѣлъ, что тамъ стояли привязанными десятокъ лошадей, и возлѣ нихъ нѣсколько человѣкъ стояли на землѣ.

Одинъ изъ нихъ, вооруженный длиннымъ копьемъ, неподвижно стоялъ у дверей. Очевидно, онъ былъ поставленъ наблюдать за общею безопасностью.

Данъ Хаиме остановился; положеніе становилось затруднительнымъ.

Люди, собравшіеся въ ранчо, приняли всѣ мѣры предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ.

Авантюристъ понялъ, что здѣсь происходитъ что то таинственное, и онъ, не колеблясь, рѣшилъ узнать, несмотря на всѣ препятствія, кто члены этого собранія и что могло привести ихъ сюда?

Наши читатели, достаточно знакомы, съ авантюристомъ, навѣрно догадались, что, разъ принявъ рѣшеніе, онъ тотчасъ же началъ приводить его въ исполненіе.

Дѣйствительно, это такъ и было. Онъ удвоилъ осторожность и подвигался впередъ, едва касаясь земли, съ ловкостью и гибкостью змѣи.

Вмѣсто того, чтобы направляться прямо къ ранчо, онъ обогнулъ его съ цѣлью убѣдиться, что ему нечего опасаться другого часового, кромѣ стоявшаго передъ дверью, который бы могъ открыть его присутствіе.

Какъ и предвидѣлъ авантюристъ, позади ранчо не было никого.

Онъ осторожно поднялся на ноги и, насколько позволяла темнота, сталъ осматривать мѣстность.

Довольно большой корраль, обнесенный живою изгородью, примыкалъ къ зданію. Онъ казался совсѣмъ пустымъ.

Донъ Хаиме началъ искать, не окажется ли какого нибудь отверстія, черезъ которое онъ могъ бы пробраться внутрь. Пошаривъ нѣсколько минутъ, онъ нашелъ довольно широкій проходъ и влѣзъ въ загородку корраля.

Теперь уже было не такъ трудно подойдя къ дому; слѣдуя вдоль изгороди, донъ Хаиме подошелъ къ самой стѣнѣ зданія.

Его только удивляло, что собака, залаявшая при ихъ приближеніи, до сихъ поръ не почуяла его.

Это случилось потому, что люди, собравшіеся въ ранчо, услышавъ лай собаки, стали безпокоиться, чтобы она не привлекла на нихъ вниманіе индѣйцевъ, которые въ это время входили въ городъ для продажи своихъ товаровъ. Къ тому же, они были увѣрены, что для ихъ безопасности довольно часоваго, поэтому они приказали ранчеро взять собаку въ домъ и привязать ее на цѣпь.

Этотъ избытокъ осторожности со стороны неожиданныхъ гостей ранчо позволилъ нашему авантюристу подойти такъ близко къ зданію, не возбудивъ ничьихъ подозрѣній.

Хотя онъ не догадывался въ чемъ дѣло, тѣмъ не менѣе мысленно благодарилъ Провидѣніе, избавившее его отъ такого неудобнаго противника.

Осмотрѣвъ внимательно стѣну и ощупавъ ее, онъ нашелъ дверь, которая по какой то необъяснимой случайности не была заперта, и открылась едва онъ слегка нажалъ на нее.

Дверь вела въ корридоръ, довольно темный въ эту минуту, но узенькая полоска свѣта, скользившая сквозь щели плохо сколоченныхъ досокъ другой двери, указывала на мѣсто, гдѣ происходило собраніе.

Трое мужчинъ, закутанные въ толстые плащи, сидѣли за столомъ, уставленномъ бутылками и кубками. Комната

казалась довольно большою и была освѣщена только однимъ дымящимся факеломъ.

Шелъ очень оживленный разговоръ.

Собесѣдники пили, курили и говорили какъ люди, которые не боятся быть подслушанными.

Донъ Хаиме тотчасъ узналъ ихъ; это были: донъ Филиппе Нери Ирзабаль, полковникъ гверильясовъ, донъ Мельхіоръ де-ла Круцъ и донъ Антоніо де Касебаръ.

— Наконецъ то,—радостно прошепталъ авантюристъ,—я узнаю все!—и онъ жадно началъ прислушиваться.

Говорилъ донъ Филипе. Онъ казался не совсѣмъ трезвымъ. Хотя языкъ его заплетался, однако онъ еще не потерялъ сознанія. Какъ и всѣ полупьяные люди, онъ началъ путаться въ какихъ то не ясныхъ доказательствахъ и упрямо навязывалъ своимъ собѣсѣдникамъ какое то условіе, на которое тѣ не хотѣли согласиться.

— Нѣтъ,—безпрестанно повторялъ онъ,—вы настаиваете совершенно безполезно, сеньоры, я не отдамъ вамъ письма, которое вы у меня просите. Я честный человѣкъ, у меня только одно слово, voto a brios!—при каждомъ словѣ онъ билъ кулакомъ по столу.

— Но,—возразилъ донъ Мельхіоръ,—если вы хотите во чтобы то ни стало оставить у себя письмо, которое вамъ, однако, приказано передать намъ, какъ же мы исполнимъ возложенную на насъ миссію.

— Чѣмъ же мы докажемъ,—прибавилъ донъ Антоніо,— тѣмъ лицамъ, съ которыми мы входимъ въ сношенія, что именно мы обязаны это сдѣлать?

— Это меня не касается. Въ этомъ мірѣ всякъ самъ за себя. Я честный человѣкъ и долженъ соблюдать свои интересы, какъ вы—свои.

— Вы говорите вздоръ! — нетерпѣливо вскричалъ донъ Антоніо—мы рискуемъ головою въ этомъ дѣлѣ.

— Очень возможно, дорогой сеньоръ, всякій поступаетъ, какъ ему угодно. Я честный человѣкъ и говорю напрямикъ, что не отдамъ вамъ письма, если вы мнѣ не дадите того,

что я у васъ прошу. Почему вы, несмотря на вашъ уговоръ съ генераломъ, не предупредили его о сегодняшнемъ дѣлѣ?

— Мы доказали вамъ, что это было невозможно, потому что все было рѣшено внезапно.

— Хорошо внезапно! Ну, такъ и разрѣшайтесь съ его превосходительствомъ сами, а я умываю руки.

— Вы говорите глупости—холодно сказалъ донъ Антоніо.— Угодно вамъ или нѣтъ отдать мнѣ или этому сеньору письмо, которое президентъ вручилъ вамъ для передачи намъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ донъ Филипе,—если только вы мнѣ не дадите за это десять тысячъ піастровъ. Право, это совсѣмъ не дорого, я честный человѣкъ!

Гм!—пробормоталъ авантюристъ—автографъ сеньора Бенито Хуареца въ самомъ дѣлѣ драгоцѣнность. Я бы не сталъ торговаться, еслибы мнѣ предложили его купить.

— Но поймите же—вскричалъ донъ Мельхіоръ,—дѣйствуя такимъ образомъ, вы совершаете кражу!

— Ну, такъ чтоже!—сказалъ донъ Филпипе, тономъ горькой ироніи,—я воръ, вы измѣнники, мы только разныхъ партій, вотъ и все!

При этомъ оскорбленіи, брошенномъ имъ прямо въ лицо, оба собесѣдника поднялись со своихъ мѣстъ.

— Пойдемте, — сказалъ донъ Мельхіоръ,—это животное не хочетъ ничего понять!

— Лучше всего отправимтесь къ главнокомандующему,— прибавилъ донъ Антоніо,—онъ навѣрно отдастъ намъ справедливость и отомститъ за насъ этому грубому пьяницѣ!

— Ступайте, ступайте, дорогіе сеньоры,—сказалъ насмѣшливо гверильеро,—ступайте, счастливаго пути, а письмецо я оставлю у себя, можетъ быть, и найдется на него покупатель; я вѣдь честный человѣкъ!

При этой угрозѣ двое мужчинъ обмѣнялись взглядами, схватившись за оружіе, но послѣ небольшаго колебанія, длившагося не болѣе секунды, они презрительно пожали плечами и вышли изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ на дворѣ раздался топотъ удалявшихся лошадей.

— Они уѣхали, — проворчалъ гверильеро, наливая себѣ полный кубокъ вина, которое онъ проглотилъ залпомъ.—Торопятся, точно чортъ за ними по пяткамъ гонится. Сердитые же они! Да мнѣ это все равно, письмецо то у меня.

Говоря самъ съ собою, гверильеро поставилъ кубокъ обратно на столъ.

Вдругъ онъ вздрогнулъ: передъ нимъ молча и неподвижно стоялъ человѣкъ, закутанный до самыхъ глазъ въ складки плаща. Въ каждой рукѣ онъ держалъ по шестиствольному револьверу, дула которыхъ были направлены на грудь гверильеро.

При этомъ неожиданномъ зрѣлищѣ, ужасъ изобразился на лицѣ дона Филиппе.

— Что за чортъ?—вскричалъ онъ дрожащимъ отъ страха голосомъ,—что ему надо отъ меня? Ахъ, понимаю, я попался въ западню!

Страхъ совершенно отрезвилъ его; онъ попробовалъ встать съ тѣмъ, чтобы убѣжать.

— Если вы произнесете одно слово или сдѣлаете движеніе,—сказалъ незнакомецъ глухимъ голосомъ, — я васъ застрѣлю какъ собаку!

Гверильеро тяжело опустился на скамью.

XXXIII. Сведенные счеты.

Авантюристъ, стоя за дверью въ корридорѣ, не проронилъ ни одного слова изъ слышаннаго имъ разговора.

Когда донъ Мельхіоръ и донъ Антонію встали, донъ Хаиме, не зная черезъ какую дверь они выйдутъ, поспѣшно оставилъ корридоръ, проскользнулъ въ корраль, взобрался на изгородь и сталъ ждать.

Прошло нѣсколько минутъ; все было тихо. Онъ осмѣлился оставить свое убѣжище и снова пробрался въ корридоръ.

Дойдя до двери, онъ заглянулъ въ щелку, черезъ которую смотрѣлъ раньше, и увидѣлъ, что двое собѣсѣдниковъ ушли. Донъ Филиппе сидѣлъ за столомъ и пилъ.

Донъ Хаиме быстро рѣшился: продѣвъ лезвее ножа въ скважину замка, онъ отворилъ дверь безъ шума и молча подошелъ къ гверильеро.

Остальное намъ уже извѣстно.

Гверильеро не былъ трусомъ, но неожиданное появленіе незнакомца и видъ направленныхъ на него револьверовъ пригвоздили его къ мѣсту.

Донъ Хаиме воспользовался замѣшательствомъ противника.

Не выпуская изъ рукъ пистолетовъ, онъ подошелъ къ двери, черезъ которую вышли донъ Мельхіоръ и донъ Антоніо, крѣпко заперъ ее и возвратившись сѣлъ на скамейку, положилъ пистолеты передъ собою и откинулъ плащъ.

— Теперь поговоримъ,—сказалъ онъ.

Хотя онъ произнесъ эти слова тихимъ голосомъ, они произвели неожиданный эффектъ на гверильеро.

El Raio!—вскричалъ онъ въ ужасѣ, замѣтивъ черную полумаску, которая закрывала лицо его собѣсѣдника.

А,—сказалъ тотъ насмѣшливо,—вы узнали меня, донъ Филиппе?

— Что вамъ надо отъ меня?—проговорилъ онъ.

— Много чего,—отвѣчалъ авантюристъ;—но нужно все дѣлать по порядку, намъ не куда торопиться.

Гверильеро налилъ полный стаканъ водки и одимъ духомъ опрокинулъ его себѣ въ горло.

— Будьте осторожны,—замѣтилъ авантюристъ,—испанская водка очень крѣпка, она скоро дѣйствуетъ на голову, а мнѣ кажется, что вамъ лучше сохранить хладнокровіе въ виду того, что можетъ произойти между нами.

— Правда,—проворчалъ гверильеро и схвативъ бутылку за горлышко, бросилъ ее объ стѣну, отчего она разбилась въ дребезги.

Авантюристъ улыбнулся и сталъ небрежно свертывать сигаретку.

— Я вижу, что у васъ хорошая память, а я боялся, что вы меня забыли.

— Нѣтъ, нѣтъ, я помню нашу послѣднюю встрѣчу въ Ласъ Кумбресъ.

— Именно. Вы не забыли, чѣмъ окончилось наше свиданіе?

Гверильеро поблѣднѣлъ, но ничего не сказалъ.

— Я вижу, что память вамъ измѣнила. Не хотите ли, я вамъ помогу?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, — сказалъ донъ Филиппе, поднявъ голову и рѣшаясь на что-то,—такъ какъ случай позволилъ мнѣ разглядѣть ваше лицо, вы мнѣ сказали...

— Знаю, знаю, — прервалъ его авантюристъ, — я вамъ далъ обѣщаніе и сдержу его.

Тѣмъ лучше, — сказалъ тотъ рѣшительно.—Во всякомъ случаѣ, умирать придется только одинъ разъ, такъ почему же не сдѣлать этого сегодня, не откладывая на завтра. Я готовъ помѣряться съ вами!

— Я въ восторгѣ, что встрѣтилъ васъ въ такомъ воинственномъ настроеніи,—отвѣчалъ холодно авантюристъ,—но, прошу васъ, умѣрьте свой пылъ, все будетъ въ свое время, объ этомъ не безпокойтесь, а теперь дѣло совсѣмъ не въ этомъ.

— Въ чѣмъ же?—спросилъ съ удивленіемъ гверильеро.

— Сейчасъ вы узнаете.

Авантюристъ снова улыбнулся, облокотился на столъ и слегка нагнувшись къ своему собѣсѣднику, сказалъ:

— За сколько вы хотѣли продать вашимъ благороднымъ друзьямъ письмо сеньора Бенито Хуареца, которое онъ поручилъ передать имъ.

Донъ Филиппе вперилъ въ него испуганный взоръ и машинально перекрестился.

— Успокойтесь, я вовсе не чортъ, только я много чего знаю, въ особенности о васъ. Напримѣръ, мнѣ извѣстно,

какой торгъ вы заключили съ нѣкіемъ дономъ Діего; болѣе того, я могу повторить слово въ слово весь разговоръ, который вы вели часъ тому назадъ, въ этой комнатѣ, съ дономъ Мельхіоромъ де ла Круцъ и дономъ Антоніо Касебаръ. А теперъ къ дѣлу. Я хочу, чтобы вы мнѣ отдали, отдали понимаете, отдали а не продали письмо синьора Хуареца: да, кстати, уже дайте и другія бумаги, которыя находятся при васъ; я думаю, въ нихъ можно найти много интереснаго.

Къ гверильеро вернулась часть его хладнокровія и онъ спросилъ довольно твердымъ голосомъ.

— Что вы намѣрены дѣлать съ этими бумагами?

— Это мало васъ касается, разъ что бумаги будутъ у меня.

— А если я откажусь отдать ихъ?

— Я возьму ихъ силою, — спокойно сказалъ онъ.

— Кабаллеро, — сказалъ донъ Филиппе съ выраженіемъ достоинства, которое удивило авантюриста, — такому храброму человѣку какъ вы не пристало, по моему, употреблять угрозы противъ беззащитнаго. У меня только сабля, тогда какъ въ вашихъ рукахъ жизнь двѣнадцати человѣкъ.

— На этотъ разъ въ вашихъ словахъ есть капля правды, — возразилъ авантюристъ, — и ваше замѣчаніе было бы вѣрно, еслибы я вздумалъ пустить въ ходъ револьверы, чтобы принудить васъ исполнить мое требованіе; но успокойтесь, мы честно сразимся. Я оставлю пистолеты на столѣ, и мы будемъ драться на сабляхъ, это не только возстановитъ равновѣсіе, но дастъ вамъ надо мною нѣкоторое преимущество.

— Вы не шутите?

— Даю вамъ честное слово. Я имѣю привычку аккуратно сводить счеты какъ съ друзьями, такъ и съ врагами.

— Вы называете это сводитъ счеты? — сказалъ донъ Филиппе иронически.

— Да, какъ же назвать это иначе?

— Но почему вы питаете ко мнѣ такую ненависть?

— Я совсѣмъ не ненавижу васъ больше чѣмъ всякаго другого человѣка вашего пошиба, — сказалъ онъ грубо.—Въ минуту бахвальства вамъ захотѣлось увидѣть мое лицо; я васъ предупредилъ, что вы заплатите за это жизнью. Быть можетъ, я позабылъ бы васъ, но сегодня вы снова встрѣтились на моемъ пути. Въ вашихъ рукахъ бумаги, которыя мнѣ нужны, и я рѣшилъ добыть ихъ во что бы то ни стало. Вы не хотите отдать ихъ добровольно; слѣдовательно, я могу овладѣть ими, только убивъ васъ, что я и сдѣлаю. Даю вамъ пять минутъ на размышленіе, подумайте и скажите, рѣшительно ли вы настаиваете на отказѣ.

— Мнѣ не нужны ваши пять минутъ, мое рѣшеніе неизмѣнно, вы получите эти бумаги только послѣ моей смерти!

— Хорошо, въ такомъ случаѣ вы умрете!

Онъ взялъ свои револьверы, разрядилъ ихъ и положилъ на столъ, стоявшій въ углу комнаты, затѣмъ вернулся къ гверильеро, взялъ свою саблю и спросилъ:

— Вы готовы?

— Сію минуту, — отвѣчалъ донъ Филиппе, вставая. — Прежде чѣмъ мы будемъ друться, у меня къ вамъ двѣ просьбы.

— Я васъ слушаю.

— Нашъ бой долженъ окончиться смертью одного изъ насъ?

— Вотъ вамъ порука, — сказалъ авантюристъ, снявъ маску и отбросивъ ее въ сторону.

— Этого довольно; итакъ, одинъ изъ насъ долженъ пасть. Предположимъ, что это буду я.

— Тутъ безполезно предполагать, это случится навѣрно!

— Я это допускаю, — сказалъ холодно гверильеро. — Если я умру, обѣщаете ли вы исполнить то, о чемъ я васъ попрошу?

— Да, клянусь честью, если это только возможно исполнить!

— Благодарю васъ,—очень возможно. Я васъ прошу быть моимъ душеприкащикомъ.

— Хорошо!

— У меня есть мать и сестра, еще совсѣмъ молоденькая. Онѣ живутъ довольно бѣдно въ маленькомъ домикѣ недалеко отъ конала las Vigas. Въ моихъ бумагахъ вы найдете ихъ точный адресъ.

— Продолжайте!

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онѣ послѣ моей смерти получили мое имущество.

— Постараюсь объ этомъ. Но гдѣ же ваше имущество?

— Въ Мексико. Всѣ мои деньги помѣщены у*** и комп., англійскихъ банкировъ. Стоитъ представить мои документы, и вамъ немедленно выдадутъ всю сумму.

— Это все?

— Нѣтъ еще. При мнѣ имѣются векселя на сумму пятидесяти тысячъ піастровъ на разные иностранные банкирскіе дома въ Мексико. Вы получите по нимъ и все вмѣстѣ позаботитесь передать моей матери и сестрѣ. Клянетесь ли вы сдѣлать это?

— Даю вамъ честное слово!

— Хорошо, я вамъ вѣрю. Теперь у меня вторая просьба.

— Какая?

— Вы знаете, что мы, мексиканцы, не очень ловко владѣемъ саблями и шпагами, мы не привыкли обращаться съ ними, такъ какъ дуэли у насъ запрещены. Наше настоящее оружіе—ножъ. Не согласитесь ли вы драться на ножахъ?

— Вы мнѣ предлагаете довольно странную дуэль; она больше пристала леперосамъ и бандитамъ, чѣмъ кабаллеро. Во всякомъ случаѣ, я согласенъ.

— Очень вамъ благодаренъ за такое снисхожденіе, кабаллеро. Итакъ, да хранитъ меня Богъ, а я постараюсь сдѣлать все, какъ можно лучше.

— Аминь,—сказалъ улыбаясь авантюристъ.

Этотъ разговоръ, который такъ спокойно вели между собою двое людей, готовыхъ растерзать другъ друга, духов-

ное завѣщаніе, продиктованное такимъ холоднымъ тономъ, и исполненіе котораго возлагалось на противника, если бы онъ пережилъ завѣщателя; все это характеризуетъ мексиканцевъ. Мексиканецъ по натурѣ очень храбръ и въ тоже время страшно боится смерти. Но когда наступаетъ минута поставить жизнь на карту, даже съ увѣренностью потерять ее, онъ относится къ этому вполнѣ философски, или скорѣе, равнодушно.

Мексиканскіе законы совершенно воспрещаютъ дуэль, даже въ войскѣ между офицерами, поэтому нигдѣ не происходитъ столько убійствъ, засадъ, какъ въ Мексикѣ, такъ какъ инымъ путемъ нельзя отомстить за нанесенное оскорбленіе. Только люди низшихъ классовъ дерутся между собою на ножахъ. Дуэль на ножахъ имѣетъ свои правила и законы, отъ которыхъ недозволяется уклоняться. Противники заранѣе условливаются относительно длины лезвея, чтобы знать заранѣе, какой глубины будутъ нанесенныя раны. Бьются на одинъ дюймъ, на два, наполовину лезвея или на все лезвее, смотря по степени оскорбленія. Обыкновенно, дерущіеся большимъ пальцемъ руки отмѣряютъ выбранную ими длину ножа и больше никакихъ объясненій не требуется.

Донъ Филиппе и донъ Хаиме отстегнули сабли и взяли по большому ножу, который каждый мексиканецъ носитъ при себѣ за правымъ сапогомъ. Снявъ плащи, они обернули ихъ вокругъ лѣвой руки, лишь небольшой конецъ плаща висѣлъ въ воздухѣ, въ родѣ занавѣски; лѣвой рукой обыкновенно парируются наносимые удары. Затѣмъ, они встали въ позицію, слегка раздвинувъ ноги, нагнувъ тѣло впередъ, выставивъ лѣвую руку и пряча ножъ подъ плащемъ.

Въ тотъ же мигъ начался бой не на жизнь, а на смерть.

Донъ Филиппе отлично владѣлъ этимъ опаснымъ оружіемъ; нѣсколько разъ противникъ его видѣлъ, какъ передъ его глазами мелькало стальное лезвее и чувствовалъ, какъ острый конецъ ножа врѣзывался въ его тѣло; но болѣе спокойный чѣмъ гверильеро, онъ заставилъ его истощить

свои силы въ напрасныхъ попыткахъ, а самъ, какъ тигръ, ждалъ момента, чтобы покончить однимъ ударомъ.

Оба противника вертѣлись, прыгали одинъ около другого, то подвигались впередъ, то отступали.

Нѣсколько разъ, изнемогая отъ усталости, они вдругъ останавливались, какъ бы сговорившись отдохнуть немного и затѣмъ снова бросались другъ на друга съ удвоенною яростью. Кровь лилась изъ ранъ и капала на полъ.

Вдругъ донъ Филиппе собралъ всѣ силы и подобно ягуару сдѣлалъ отчаянный прыжекъ на своего противника; но нога его попала въ лужу крови, онъ поскользнулся и зашатался; воспользовавшись этимъ, донъ Хаиме вонзилъ свой ножъ въ его грудь.

Несчастный испустилъ слабый вздохъ; кровь ручьемъ брызнула изъ его рта и онъ упалъ, какъ подкошенный.

Авантюристъ наклонился къ нему, тотъ былъ мертвъ ножъ проникъ въ самое сердце.

Бѣдняга,—сказалъ донъ Хаиме,—ты самъ этого хотѣлъ!

Сказавъ это кроткое надгробное слово, онъ сталъ искать бумаги въ карманахъ мундира и панталонъ убитаго. Скоро онъ нашелъ ихъ, взялъ свои револьверы, надѣлъ маску и кое какъ завернувшись въ свой продырявленный плащъ оставилъ комнату. Онъ вышелъ изъ дому тѣмъ же путемъ, какъ и пришелъ. Часовой, все еще стоявшій у дверей, незамѣтилъ его. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Palo-Quemado онъ свиснулъ, подражая крику совы. Почти тотчасъ же показался Лопецъ съ лошадьми.

— Въ Мексико!—вскричалъ донъ Хаиме, вскакивая въ сѣдло;—на этотъ разъ, я полагаю, месть у меня въ рукахъ!

Радость, которую чувствовалъ авантюристъ отъ неожиданнаго успѣха своей экспедиціи, мѣшала ему чувствовать боль отъ полученныхъ ранъ, которыя къ тому же не были серьезны.

XXXIV. Окончательное рѣшеніе.

Первые полосы разсвѣта уже показались на небѣ, когда оба всадника достигли убѣжища Санъ Антоніо. Они поѣхали тише, сняли маски и, насколько возможно, привели въ порядокъ платье, сильно пострадавшее отъ ночныхъ похожденій.

Не доѣзжая убѣжища, они вмѣшались въ толпу индѣйцевъ, которые ѣхали на рынокъ, и такимъ образомъ имъ удалось войти въ городъ незамѣченными.

Донъ Хаиме поѣхалъ къ себѣ въ calle de San Francisco, возлѣ площади Майоръ.

Придя домой, онъ отпустилъ Лопеца, который буквально падалъ отъ усталости, не смотря на то, что славно вздремнулъ въ то время, когда его господинъ былъ Palo-Quemado.

Донъ Хаиме уволилъ его на цѣлый день, назначивъ явиться къ нему лишь вечеромъ, и удалился въ свою комнату. Эта комната очень напоминала жилище спартанца. Вся меблировка состояла изъ деревянной кровати, на которой лежала кожа буйвола, старое сѣдло, замѣнявшее подушку и шкура чернаго медвѣдя, служившая одѣяломъ; стола, заваленнаго бумагами и книгами, скамьи, сундука; по стѣнамъ висѣло всевозможное оружіе и сбруи; въ углу комнаты, за занавѣской, стоялъ умывальникъ съ туалетными принадлежностями.

Донъ Хаиме обмылъ свои раны соленою водою, по обычаю индѣйцевъ, перевязалъ ихъ, сѣлъ за столъ и принялся разбирать бумаги, которыя ему такъ не дешево достались.

Вскорѣ онъ совершенно погрузился въ свои интересныя занятія.

Около десяти часовъ онъ всталъ, сложилъ бумаги въ портфель, который спряталъ къ себѣ въ карманъ, накинулъ на плечо сарапе, надѣлъ фётровую шляпу съ золотымъ галуномъ и въ этомъ живописномъ костюмѣ вышелъ изъ дому.

Донъ Хаиме, какъ извѣстно, далъ честное слово дону

Филиппе исполнить его послѣднюю волю; чтобы сдержать это священное обѣщаніе, онъ направился въ городъ.

Часовъ въ шесть вечера онъ вернулся домой; все было сдѣлано, какъ желалъ покойный: его имущество было передано его матери и сестрѣ.

У дверей своего дома Хаиме увидѣлъ Лопеца, который поджидалъ его.

Пеонъ подалъ скромный обѣдъ своему господину.

— Что новаго?—спросилъ донъ Хаиме, усаживаясь за столъ и съ аппетитомъ принимаясь за обѣдъ.

— Ничего особаго, mi amo,—отвѣчалъ тотъ,—къ вамъ приходилъ капитанъ, адъютантъ его превосходительства г. президента.

— А!—сказалъ донъ Хаиме.

— Президентъ проситъ васъ явиться къ восьми часамъ во дворецъ, онъ желаетъ васъ видѣть.

— Хорошо, я пойду. Не знаешь ли чего нибудь еще? Развѣ ты нигдѣ не былъ?

— Извините, mi amo, я былъ по обыкновенію у цирульника.

— Что же ты тамъ слышалъ?

— Только двѣ вещи.

— Скажи-ка первую.

— Говорятъ, что хуаристы идутъ сюда форсированнымъ маршемъ; они не болѣе какъ въ трехъ дняхъ пути отсюда, такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ.

— Это довольно вѣроятно; непріятель стягиваетъ свои войска. А дальше что?

Лопецъ засмѣялся.

— Чему ты смѣешься, животное?—сказалъ донъ Хаиме.

— Да ужъ очень смѣшная новость, mi amo.

— Что же въ ней смѣшнаго?

— Ну, посудите сами: говорятъ, что одинъ изъ самыхъ страшныхъ начальниковъ гверильясовъ дона Бенито Хуареца найденъ сегодня убитымъ ударомъ ножа въ одной изъ комнатъ ранчо Palo-Quemado.

— Неужели? — сказалъ донъ Хаиме въ свою очередь, улыбаясь; — какъ же это случилось?

— Никто ровно ничего понять не можетъ, mi amo. Полагаютъ, что полковникъ, онъ вѣдь былъ полковникомъ, ѣздилъ на развѣдки вплоть до Palo-Quemado, гдѣ и остановился на ночь.

— Кругомъ были разставлены часовые, чтобы наблюдать за безопасностью начальника. Никто не входилъ въ ранчо, исключая двухъ неизвѣстныхъ людей. Послѣ ухода незнакомцевъ, которые имѣли продолжительный разговоръ съ полковникомъ, его нашли мертвымъ. Онъ убитъ ударомъ ножа прямо въ сердце. Подозрѣваютъ, что между ними произошла ссора, и неизвѣстные люди убили его. Но все произошло такъ тихо, что солдаты, лежавшіе всего въ нѣсколькихъ шагахъ, ничего нѐслыхали.

— Дѣйствительно, очень странно!

— Кажется, этотъ полковникъ, донъ Филиппе Ирзабаль, былъ сущій разбойникъ, о немъ разсказываютъ ужасныя вещи.

— Значитъ, все къ лучшему милый Лопецъ, не будемъ больше говорить объ этомъ, — сказалъ донъ Хаиме, вставая изъ за стола.

— Навѣрно, его отправятъ въ адъ.

— Весьма возможно, если только онъ уже не засѣдаетъ тамъ. Я пойду, пройдусь немного до восьми часовъ, а къ десяти ты будешь ждать меня у двери дворца съ двумя лошадьми и оружіемъ. Можетъ быть, намъ снова придется совершить маленькую прогулку при лунномъ свѣтѣ.

— Хорошо, mi amo, я буду ждать васъ до тѣхъ поръ, пока вы не выйдете.

— Жди, хотя я, можетъ быть, пришлю сказать тебѣ, что ты мнѣ не нуженъ.

— Все будетъ исполнено, будьте покойны!

Донъ Хаиме вышелъ, какъ говорилъ, на прогулку, и ровно въ восемь часовъ явился во дворецъ.

Дежурный лакей провелъ его къ президенту.

Генералъ Мирамонъ, печальный и задумчивый, расха-

живалъ по маленькому салону, который былъ возлѣ его частныхъ покоевъ. При видѣ дона Хаиме, лицо его прояснилось.

— Добро пожаловать, другъ мой! — сказалъ онъ, дружески протягивая руку дону Хаиме.—Я съ нетерпѣніемъ ждалъ васъ, потому что вы единственный человѣкъ, который меня понимаетъ и съ которымъ я могу говорить вполнѣ откровенно. Сядемте и поболтаемъ немного!

— Вы что-то печальны, генералъ, нѣтъ-ли у васъ какихъ нибудь непріятностей?

— Нѣтъ, мой другъ, со мною не случилось ничего непріятнаго, но вы знаете, что уже давно прошло то время, когда я былъ веселъ. Я только что говорилъ съ женою: бѣдная женщина боится не за себя, конечно, а за дѣтей. Все ей представляется въ черномъ цвѣтѣ и ее томитъ предчувствіе какихъ-то несчастій. Она очень плакала, вотъ почему я такъ печаленъ.

— Но отчего же госпожа Мирамонъ не уѣдетъ изъ города? Мы каждую минуту должны ждать его осады.

— Я уже нѣсколько разъ предлагалъ ей это, старался убѣдить ее, что безопасность дѣтей требуетъ ея отъѣзда съ ними изъ города,—но она рѣшительно отказывается уѣхать. Вы знаете, какъ она меня любитъ, но въ то-же время ея сердце болитъ за дѣтей, и она не знаетъ на что рѣшиться.

Генералъ отвернулся, подавивъ вздохъ. Наступило молчаніе.

Донъ Хаиме понялъ, что ему слѣдуетъ заговорить о чемъ нибудь другомъ, чтобы дать другое направленіе мрачнымъ мыслямъ президента.

— А что же ваши плѣнники?—спросилъ онъ.

— Слава Богу, все устроилось, какъ слѣдуетъ, имъ нечего бояться за свою жизнь, поэтому я имъ позволилъ выйти изъ города, чтобы повидаться съ родными и друзьями.

— Тѣмъ лучше, генералъ; сознаюсь, что одну минуту я очень боялся за нихъ.

— Теперь я могу сказать откровенно: я самъ страшно боялся, потому что тутъ кромѣ того дѣло шло о моей чести.

— Правда, нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь новыхъ проектовъ?

Прежде чѣмъ отвѣтить, генералъ всталъ, обошелъ салонъ и заглянулъ за портьеры, чтобы убѣдиться, что ихъ никто не подслушиваетъ.

— Да,—сказалъ онъ, подходя къ дону Хаиме,—у меня есть проектъ, потому что я хочу покончить все разомъ: или я паду, или мои враги будутъ разбиты на голову!

— Помоги вамъ Богъ, генералъ!

— Моя вчерашняя побѣда возвратила мнѣ, если не надежду, то мужество, и я хочу нанести рѣшительный ударъ. Мнѣ теперь нечего терять, и я хочу рискнуть всѣмъ; можетъ быть, счастье улыбнется мнѣ.

Они подошли къ столу, на которомъ лежала громадная карта Мексиканскихъ Штатовъ, съ воткнутыми во многихъ мѣстахъ булавками. Президентъ продолжалъ.

— Донъ Бенито Хуарецъ издалъ приказъ въ своей столицѣ Вера Круцъ,—соединиться всѣмъ войскамъ и направиться скорымъ маршемъ къ Мексико, гдѣ мы заперлись. Это единственный пунктъ на всей территоріи, который остался за нами. Вотъ, поглядите: корпусъ генерала Ортего, состоящій изъ одиннадцати тысячъ человѣкъ, преимущественно старыхъ солдатъ, подходитъ изъ центра страны, т. е. изъ Гвадалахары; по дорогѣ къ нему присоединяются мелкіе отряды, разсѣянные по окрестностямъ, Амондіа и Газза идутъ изъ Ялаппы; съ ними десять тысячъ регулярнаго войска и, кромѣ того, справа и слѣва къ нимъ подходятъ гверильясы Гуеллара, Карвахалы и дона Филиппе Нери Ирзабаля.

— Можете не принимать его въ разсчетъ, генералъ, онъ умеръ.

— Да, но его банда осталась!

— Правда!

— Итакъ, войска, которыя идутъ на насъ, не замедлятъ соединиться, если мы не воспрепятствуемъ имъ въ этомъ, и окружатъ насъ желѣзнымъ кольцомъ. Непріятельское войско

въ двадцать тысячъ человѣкъ, какими же силами располагаемъ мы?

— Но...

— Позвольте, я вамъ скажу сейчасъ: при всѣхъ моихъ усиліяхъ, мнѣ удастся собрать всего на всего тысячъ семь, восемь, включая въ это число вооруженныхъ леперосовъ и т. п. Не слишкомъ завидная армія, надо сознаться!

— Въ открытомъ полѣ, да. Но здѣсь, внутри Мексико, имѣя подъ руками превосходную артиллерію, болѣе двухсотъ пушекъ, легко будетъ организовать серьезную защиту. Если непріятель рѣшится осадить столицу, рѣки крови протекутъ прежде, нежели ему удастся овладѣть ею!

— Положимъ, вы правы, мой другъ; но вы знаете, что я человѣкъ миролюбивый и не склоненъ къ кровопролитіямъ. Городъ совсѣмъ не подготовленъ къ осадѣ; у насъ нѣтъ ни съѣстныхъ, ни военныхъ припасовъ, и достать ихъ негдѣ, такъ какъ все кругомъ враждебно относится къ намъ. Понимаете ли вы, какіе ужасы произойдутъ, если, при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, столица Мексики, самый прекрасный и благородный городъ Новаго Свѣта, подвергнется осадѣ? Нѣтъ, меня бросаетъ въ дрожь при одной мысли, что станется съ несчастными жителями города, и я ни за что не рѣшусь довести ихъ до такой крайности!

— Ваши слова, генералъ, доказываютъ, что вы человѣкъ съ сердцемъ и истинно любите свою родину. Очень бы я желалъ, чтобы ваши враги слышали васъ въ эту минуту.

— Ахъ, Боже мой, вѣдь въ сущности у меня нѣтъ враговъ, я это отлично знаю. Лично мнѣ было сдѣлано нѣсколько очень лестныхъ предложеній; когда я паду, то Мексика увидитъ довольно рѣдкое явленіе: президента, сверженнаго людьми, которые его уважали, и уносящаго съ собою симпатіи своихъ враговъ.

— Да, да, генералъ. Еще не такъ давно, если-бы вы только согласились удалить нѣкоторыхъ людей, не стану ихъ называть, все могло-бы устроиться отлично.

— Я это знаю, другъ мой, но это было-бы подло съ

моей стороны. Люди, на которыхъ вы намекаете, преданы мнѣ, они любятъ меня. Мы вмѣстѣ или падемъ, или восторжествуемъ!

— У васъ слишкомъ благородное, сердце, генералъ, и я не стану спорить съ вами.

— Благодарю васъ. Оставимъ это и перейдемъ къ дѣлу. Я не хочу, чтобы по моей винѣ столица была предана разрушенію и грабежу. Я знаю, что такое гверильясы Хуареца,— это разбойники, которые причинятъ городу непоправимое зло. Повѣрьте, они не оставятъ камня на камнѣ.

— Къ несчастью, это правда, генералъ. Но что-же вы намѣрены дѣлать? Какой у васъ планъ? Вѣдь не думаете же вы отдать самого себя въ руки непріятеля?

— Мнѣ это приходило въ голову, но я раздумалъ. Вотъ мой планъ, онъ очень простъ: я выйду изъ города съ шестью тысячами отборныхъ людей, нападу на непріятеля и разобью его по частямъ, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться.

— Дѣйствительно, это очень простой планъ, генералъ, и много шансовъ за то, что онъ удастся.

— Все будетъ зависѣть отъ перваго сраженія: если я выиграю его, я спасенъ; проиграю—все пропадетъ безвозвратно.

— Богъ не выдастъ, генералъ! Побѣда не всегда на сторонѣ многочисленныхъ армій.

— Поживемъ—увидимъ!

— Когда вы думаете начать дѣйствовать?

— Черезъ нѣсколько дней, надо сначала приготовиться. Дней черезъ десять я надѣюсь все устроить и тогда тотчасъ же оставлю городъ. Я разсчитываю на васъ, конечно.

— Еще-бы! я вамъ преданъ душою и тѣломъ, генералъ!

— Я увѣренъ въ этомъ. Однако, довольно политики на сегодня. Пойдемте къ госпожѣ Мирамонъ, она желаетъ васъ видѣть.

— Я сердечно тронутъ ея вниманіемъ, но мнѣ хотѣлось бы еще кое о чемъ поговорить съ вами; это очень серьезное дѣло.

— Послѣ, послѣ! Богъ съ ними, съ дѣлами! Можетъ быть, вы опять станете говорить о заговорахъ и измѣнникахъ. Въ послѣднее время я то и дѣло слышу разныя непріятныя извѣстія, дайте мнѣ хоть немножко отдохнуть. И такъ, какъ говорилъ кто-то изъ древнихъ, отложимъ серьезныя дѣла на завтра.

— Да,—отвѣчалъ донъ Хаиме,—а послѣ завтра уже ничего нельзя будетъ сдѣлать.

— Пусть будетъ по вашему! Но все-таки надо пользоваться настоящимъ, это единственное благо, которое намъ осталось, такъ какъ будущее намъ неизвѣстно. Взявъ дона Хаиме подъ руку, онъ повелъ его во внутренніе покои, гдѣ ихъ ждала госпожа Мирамонъ. Это была очаровательная женщина, любящая и кроткая, истинный ангелъ хранитель генерала. Высокое положеніе мужа пугало ее, она чувствовала себя счастливою только у своего домашняго очага, среди своихъ дѣтей.

XXXV.

Часъ спустя, донъ Хаиме вышелъ изъ дворца и вмѣстѣ съ Лопецомъ отправился въ предмѣстье, гдѣ встрѣтилъ графа и его друга. Эти молодые люди, всецѣло поглощенные любовью, были совершенно равнодушны къ тому, что происходило вокругъ нихъ. Они проводили цѣлые дни въ обществѣ любимыхъ женщинъ и съ беззаботностью, свойственной молодости, наслаждались настоящимъ, которое казалось имъ такимъ прекраснымъ, ни мало не заботясь о будущемъ.

— Ахъ, это вы, братецъ!—радостно вскричала донна Марія;—вы становитесь рѣдкимъ гостемъ!

— Все дѣла!—отвѣчалъ улыбаясь авантюристъ. Посреди залы стоялъ накрытый столъ. Двое слугъ графа и Лео Карраль, съ салфетками въ рукахъ, стояли неподвижно въ ожиданіи, когда господа сядутъ за столъ.

— Такъ какъ вы садитесь ужинать, — весело сказалъ донъ Хаиме,—то я не хочу оставлятъ васъ однихъ въ обществѣ двухъ кавалеровъ и охотно раздѣлю съ вами компанію, если вы ничего не имѣете противъ этого?

— Очень, очень рады!—вскричала донна Карменъ. Кавалеры предложили руку дамамъ, подвели ихъ къ стульямъ, и сами сѣли рядомъ съ ними.

Начали ужинать. Разговоръ шелъ весело и непринужденно, такъ какъ члены небольшого общества хорошо знали и любили другъ друга.

Время летѣло незамѣтно; на часахъ, стоявшихъ на консолѣ, пробила полночь.

— Боже мой!—вскричала донна Долоресъ,—неужели такъ поздно?

— Да, время быстро пролетѣло!—сказалъ донъ Хаиме,—намъ пора разстаться.

Всѣ поднялись изъ за стола, и три друга простились съ съ дамами, давъ обѣщаніе какъ можно скорѣе снова навѣстить ихъ.

Лопецъ поджидалъ своего господина въ сѣняхъ.

— Что ты?—спросилъ его донъ Хаиме.

— За нами слѣдили,—отвѣчалъ пеонъ.

Онъ подвелъ дона Хаиме къ двери и осторожно открылъ сдѣланную въ ней форточку.

Донъ Хаиме посмотрѣлъ—прямо противъ двери, едва отдѣляясь отъ окружающаго мрака, виднѣлась фигура человѣка, спрятавшагося между лѣсами построекъ противоположнаго дома.

— Кажется, ты правъ, — сказалъ онъ пеону. Во всякомъ случаѣ надо въ этомъ убѣдиться. Ну, да я займусь этимъ—процѣдилъ онъ сквозь зубы съ страшнымъ выраженіемъ лица. — Возьми мой плащъ и шляпу и ступай съ этими кабаллеро. Этотъ человѣкъ видѣлъ, что сюда входили трое мужчинъ, пусть же онъ думаетъ, что и вышло отсюда столько же. Садитесь на лошадей и поѣзжайте.

— По моему, всего проще убить,—сказалъ Доминикъ.

— Къ чему такая поспѣшность?—отвѣчалъ донъ Хаиме,— я хочу сначала убѣдиться, дѣйствительно ли это шпіонъ, мнѣ бы не хотѣлось сдѣлать ошибку. Не безпокойтесь обо мнѣ, черезъ полъ часа я нагоню васъ и разскажу въ чемъ дѣло.

— До свиданья!—сказалъ графъ, пожимая ему руку.

— До свиданья!

Они вышли въ сопровожденіи Лео Карраля и двухъ слугъ графа. Старый слуга донны Маріи съ шумомъ захлопнулъ за ними дверь, но тотчасъ же потихоньку снова открылъ ее.

Донъ Хаиме всталъ у форточки, откуда ему удобно было наблюдать за шпіонами.

Когда молодые люди отъѣзжали, неизвѣстный человѣкъ вышелъ изъ своей засады и посмотрѣлъ, какое направленіе они взяли; затѣмъ, онъ снова отошелъ въ свой уголъ. Прошло около четверти часа; незнакомецъ не двигался, донъ Хаиме не спускалъ съ него глазъ. Наконецъ, неизвѣстный снова вышелъ, осторожно оглядѣлся кругомъ и, успокоенный ночнымъ безмолвіемъ, пошелъ впередъ. Въ тоже мгновеніе донъ Хаиме отворилъ дверь и очутился лицомъ къ лицу со шпіономъ.

Неизвѣстный сдѣлалъ движеніе, что, бы бѣжать, но авантюристъ схватилъ его за руку и сжалъ ее какъ въ тискахъ; затѣмъ, несмотря на отчаянное сопротивленіе, онъ потащилъ его къ нишѣ, въ которой стояла статуя Богоматери, и гдѣ горѣло нѣсколько свѣчей. Сбивъ рукою шляпу съ головы незнакомца, онъ съ любопытствомъ заглянулъ ему въ лицо.

— А! это вы, сеньоръ Хезусъ Домингецъ,—сказалъ онъ иронически,—вотъ уже неожидалъ встрѣтиться съ вами здѣсь!

Несчастный жалобно глядѣлъ на своего мучителя, но не проронилъ ни слова.

Авантюристъ подождалъ немного, увидѣвъ, что плѣнникъ продолжаетъ упорно молчать, сказалъ, тряся его:

— Послушайка любезнѣйшій, скажешь ты, наконецъ, что нибудь?

— Должно быть, это самъ чортъ!—съ ужасомъ пробормоталъ тотъ,—безпомощно глядя на лицо человѣка въ маскѣ, который такъ крѣпко держалъ его.

— Онъ самый, — сказалъ, смѣясь, авантюристъ, — по этому тебѣ нечего безпокоиться, ты въ хорошихъ рукахъ. Ну, а теперь скажи мнѣ, какимъ образомъ изъ гверильеро и разбойника по большимъ дорогамъ ты сдѣлался шпіономъ и, вѣроятно, при случаѣ и убійцей?

— Нужда заставила сударь; меня оклеветали, я всегда былъ слишкомъ честенъ.

— Ты? Убирайся къ чорту, я хорошо знаю тебя. Сейчасъ же говори правду или я убью тебя, какъ собаку!

— Если вамъ все равно, то пожалуйста не сжимайте такъ крѣпко свою руку, мнѣ кажется, что вы свихнули ее.

— Хорошо, но не думай бѣжать, тебѣ не поздоровится. Говори же, я слушаю!

Хезусъ Домингецъ, почувствовавъ свою руку свободною, съ облегченіемъ вздохнулъ.

— Я вамъ долженъ сказать, сударь—сказалъ онъ—что, я все еще состою гверильеро и даже получилъ повышеніе, такъ я теперь лейтенантъ.

— Тѣмъ лучше для тебя. Что же ты здѣсь дѣлаешь?

— Меня послали на развѣдки.

— На развѣдки? одного? въ Мексико? Что ты смѣешься надо мною?

— Клянусь блаженствомъ рая, если оно суждено мнѣ что говорю вамъ сущую правду. Къ тому же, я тутъ не одинъ; со мною капитанъ; по его то приказанію я и нахожусь здѣсь.

— А! Кто же твой капитанъ?

— О, вы его знаете!

— Очень можетъ быть, но вѣдь навѣрно у него есть какое нибудь имя?

— Конечно, конечно. Его зовутъ донъ Мельхіоръ де-ла Круцъ.

— Я такъ и думалъ. Теперь мнѣ все понятно: тебѣ велѣли слѣдить за донной Долоресъ де-ла Круцъ?

— Точно такъ сударь.

— А еще что?

— Еще? Да, право, ничего.

— Ну, что ты врешь. Говори же!

— Увѣряю васъ...

— Нѣтъ, видно, мнѣ придется прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, — сказалъ онъ холодно, наводя дуло пистолета.

— Что вы хотите дѣлать, господинъ?

— Видишь, хочу размозжить тебѣ голову. Если желаешь отправиться на тотъ свѣтъ — собирайся, тебѣ осталось жить двѣ минуты.

— Но, вѣдь, вы тогда ничего не узнаете!—наивно вскричалъ Домингецъ.

— За то и ты ничего никому не разскажешь—отвѣчалъ авантюристъ.

— Гм... Вы говорите очень убѣдительно, милостивый государь; лучше ужъ я вамъ все скажу.

— Отлично сдѣлаешь.

— Вотъ вамъ въ двухъ словахъ: мнѣ приказано слѣдить не только за донной Долоросъ, но и за старой дамой и за молодой дѣвушкой, у которыхъ она живетъ. Вообще за всѣми, кто у нихъ бываетъ.

— Много же тебѣ было труда!

— Не очень. Къ нимъ ходитъ мало народа!

— Давно ли ты занимаешься этимъ почтеннымъ дѣломъ?

— Дней десять, двѣнадцать.

— Значитъ, ты былъ въ числѣ разбойниковъ, которые пробовали ворваться въ этотъ домъ?

— Да, но намъ это не удалось.

— Знаю. По крайней мѣрѣ, хорошо ли тебѣ платитъ тотъ, кто тебя нанялъ?

— Онъ мнѣ еще ничего не давалъ, но обѣщалъ заплатить пятьдесятъ унцій.

— Обѣщанія ничего не стоятъ. Донну Мельхіору гораздо легче посулить пятьдсеятъ унцій, чѣмъ дать десять піастстровъ.

— Неужели сударь? Развѣ онъ такъ бѣденъ?

— Да, не богаче тебя.

— Очень жаль, потому что до сихъ поръ я не скопилъ ничего, кромѣ долговъ.

— Надо признаться, что ты большой дуракъ, и по дѣломъ тебѣ, если ты ничего не получишь.

Я то—дуракъ?

— Да, ты. Ну не глупо-ли служить нищему, у котораго ни кола, ни двора, въ мѣсто того, чтобы идти къ тому, который можетъ платить?

— Кто же это? Я бы съ удовольствіемъ поступилъ къ нему на службу.

— Не сомнѣваюсь въ этомъ. Вообрази, что мнѣ пришла фантазія давать тебѣ совѣты.

— Сдѣлайте милость сударь; я постараюсь заслужить.

— Ты? Убирайся.

— Почему же нѣтъ?

— Гм... потому, что ты врагъ тѣхъ, кого я люблю, а слѣдовательно и мой.

— Ахъ, еслибы я зналъ прежде!

— Чтоже бы ты сдѣлалъ?

— Навѣрно я не сталъ бы шпіонить за вашими друзьями. Умоляю васъ, испытайте меня.

— Ты никуда не годишься.

— Увидите, что останетесь мною довольны.

Авантюристъ притворился, что раздумываетъ. Хезусъ Домингецъ съ безпокойствомъ ожидалъ отвѣта.

— Нѣтъ,—сказалъ донъ Хаиме,—на тебя нельзя положиться.

— Ай, какъ вы меня мало знаете! Я такъ вамъ преданъ такъ преданъ...

Авантюристъ расхохотался.

— Однако, твоя преданность мнѣ явилась внезапно,—

сказалъ онъ.—Такъ и быть, я согласенъ испытать тебя, но если ты меня обманешь....

— Будьте покойны, господинъ мой, я васъ хорошо знаю. Вы вполнѣ останетесь довольны мною. Что же мнѣ дѣлать?

— Вывернуть твое платье!

— Хорошо, я васъ понялъ! Это очень просто сдѣлать: мой бывшій господинъ шагу не ступитъ безъ того, чтобы вы не узнали объ этомъ.

— Кто его самый близкій пріятель?

— Донъ Антоніо Касебаръ, они неразлучны.

— Недурно было бы понаблюдать также и за нимъ.

— Это можно!

— А такъ какъ всякій трудъ заслуживаетъ награды, я дамъ тебѣ впередъ полъ унціи.

— Полъ унціи!—радостно вскричалъ тотъ.

— Кромѣ того, такъ какъ ты нуждаешься въ деньгахъ, я дамъ тебѣ за двадцать дней впередъ.

— Десять унцій! вы дадите мнѣ впередъ десять унцій. Нѣтъ, это невозможно!

— Такъ возможно, что ты можешь ихъ взять сію же минуту,—сказалъ авантюристъ, вынимая деньги изъ кармана и кладя ихъ въ руку Домингеца.

— О, вскричалъ онъ, — теперь донъ Мельхіоръ берегитесь!

— Будь остороженъ: донъ Мельхіоръ и донъ Антоніо ловкіе люди.

— Знаемъ мы ихъ; ну, да насъ не проведешь, будьте увѣрены!

— Какъ хочешь; но только помни: малѣйшій промахъ, я представляю тебя самому себѣ.

— Этого не случится!

— Между прочимъ, если эти господа обронятъ какъ нибудь нечаянно бумаги или что нибудь въ этомъ родѣ, ты хорошо сдѣлаешь, если припрячешь ихъ и принесешь ко мнѣ; я страшно любопытенъ.

— Ладно. Въ случаѣ, если они ничего не потеряютъ, я и самъ поищу.

— Это тоже недурное средство. Кстати, помни, за бумаги отдѣльная плата: по три унціи за каждую, если она только будетъ стоить этого; за пустяки ты ничего не получишь.

— Хорошо, я постараюсь находить только серьезныя вещи. А теперь скажите мнѣ сударь, гдѣ мнѣ видѣться съ вами, чтобы сообщить вамъ всѣ свѣдѣнія или передать бумаги.

— Я гуляю каждый день отъ трехъ до пяти часовъ вдоль канала las Vigas.

— Я приду туда.

— Помни, будь остороженъ. До свиданья!

— Честь имѣю кланяться!

Они разстались.

Донъ Хаиме приказалъ старому слугѣ своей сестры, который все время ожидалъ его у порога, вернуться домой и запереть двери покрѣпче, а самъ отправился къ молодымъ людямъ.

Графъ и его другъ начинали уже безпокоиться о долгомъ отсутствіи дона Хаиме и рѣшились идти на поиски, какъ вдругъ онъ вошелъ къ нимъ. Они очень обрадовались ему и торопливо стали распрашивать о его похожденіяхъ.

Донъ Хаиме не имѣлъ причины скрывать отъ нихъ и подробно разсказалъ свой разговоръ съ Хезусомъ Домингецомъ и какъ ему удалось переманить его на свою сторону.

Этотъ разсказъ очень позабавилъ молодыхъ людей.

Они разстались тогда, когда уже взошло солнце. Прощаясь съ ними, донъ Хаиме сказалъ:

— Друзья мои, если мое поведеніе вамъ кажется страннымъ, подождите судить меня. Черезъ нѣсколько дней, самое большее, я нанесу тотъ рѣшительный ударъ, къ которому готовился столько лѣтъ. Что бы ни случилось, вамъ будетъ тогда все понятно, и потому имѣйте терпѣніе, будьте увѣ-

рены, что вы заинтересованы въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе, чѣмъ думаете. Помните вашу клятву и буьте готовы дѣйствовать, когда я потребую вашей помощи.

Онъ дружески пожалъ имъ руки и вышелъ.

Прошла недѣля, впродолженіе которой не случилось ничего особеннаго.

Между тѣмъ, въ городѣ царило глухое безпокойство. На улицахъ и площадяхъ происходили многочисленныя сходки, на которыхъ обсуждались всѣ политическія новости.

Въ торговыхъ кварталахъ лавочки открывались лишь не надолго; съѣстные припасы уменьшались и потому становились дороже; индѣйцы приходили въ городъ лишь въ небольшомъ числѣ и приносили съ собой очень мало.

Населеніе волновалось какимъ то неяснымъ предчувствіемъ: всѣ сознавали, что кризисъ приближается и что гроза, такъ долго висѣвшая надъ Мексико, разразится страшною бурею.

Донъ Хаиме, по крайней мѣрѣ по внѣшности, велъ праздную жизнь человѣка, положеніе котораго ставитъ его выше обстоятельствъ и котораго политическія случайности не мало не касаются. Онъ приходилъ, уходилъ, появлялся на улицахъ и площадяхъ; фланировалъ, покуривая сигаретку, выслушивалъ всѣхъ и дѣлалъ видъ, что вѣритъ всѣмъ нелѣпымъ выдумкамъ, которыя сочинялись уличными разносчиками новостей, но съ своей стороны не говорилъ ни слова.

Каждый день онъ прогуливался вдоль канала las Vigas и всегда случайно ему попадался на встрѣчу Хезусъ Домингецъ. Они продолжали прогулку вмѣстѣ, долго говорили и разставались очень довольные другъ другомъ.

Однако, спустя нѣсколько дней, донъ Хаиме пересталъ благоволить къ шпіону.

Они даже обмѣнялись нѣсколькими крупными словами и угрозами.

На шестое или седьмое свиданіе донъ Хаиме сказалъ ему:—любезный Хезусъ Домингецъ, мнѣ кажется, что вы намѣреваетесь вести двойную игру. У меня тонкое обоняніе и я слышу, что тутъ пахнетъ измѣной.

Господи помилуй!—вскричалъ сеньоръ Домингецъ,—вы ошибаетесь, я преданъ вамъ всею душою. Развѣ можно измѣнить такому щедрому кобаллеро?

— Во всякомъ случаѣ, я васъ предупредилъ, поступайте, какъ знаете, а главное, не забудьте принести мнѣ тѣ бумаги, которыя я жду вотъ уже три дня.

Донъ Хаиме отошелъ отъ шпіона, оставивъ его въ большомъ затрудненіи.

Надо сознаться, что совѣсть сеньора Хезуса Домингеца не была совершенно чиста.

Подозрѣнія дона Хаиме имѣли основанія: если шпіонъ еще не измѣнилъ, то эта мысль приходила ему въ голову, а у такихъ людей, какъ гверильеро, отъ мысли до исполненія только одинъ шагъ.

Онъ рѣшилъ возстановить себя въ глазахъ дона Хаиме, полагая, что всегда будетъ время обмануть его, и достать бумаги, которыхъ тотъ требовалъ, съ тѣмъ чтобы украсть ихъ у него, если это окажется выгоднымъ.

На слѣдующій день въ назначенный часъ донъ Хаиме пришелъ на свиданіе; вскорѣ не замедлилъ явиться и Хезусъ Домингецъ, выражая, по своему обыкновенію, чувства преданности и благодарности. Онъ передалъ авантюристу довольно большую связку бумагъ; бросивъ бѣглый взглядъ на бумаги, авантюристъ быстро спряталъ ихъ подъ плащемъ, бросилъ въ руку гверильеро довольно увѣсистый кошелекъ и, не слушая его возраженій, повернулся къ нему спиною.

— Ахъ, чортъ возьми!—пробормоталъ Хезусъ Домингецъ,—какой онъ сердитый сегодня! Не слѣдуетъ давать ему время принять мѣръ предосторожности. Хорошо, что я узналъ его адресъ, надо сейчасъ же начать дѣйствовать: пойду къ дону Мельхіору и разскажу ему все; я съумѣю устроить такъ, что онъ мнѣ повѣритъ, будто я дѣйствовалъ въ его же интересахъ, чтобы легче втереться въ довѣріе его врага, а затѣмъ я выдамъ его головою. Донъ Мельхіоръ будетъ въ восторгѣ и еще поблагодаритъ меня. Да здраствуетъ разумъ! Прекрасная вещь умъ! Право, преумнѣйшая я голова!

Хезусъ Домингецъ продолжалъ осыпать себя столь же лестными похвалами, какъ вдругъ, онъ наткнулся на какихъ то двоихъ людей, которые шли подъ руку впереди его и о чемъ то разсуждали между собою.

Незнакомцы, вѣроятно, были не очень уживчиваго характера, потому что быстро обернулись и начали осыпать его бранью.

Хезусъ Домингецъ, имѣя при себѣ солидную сумму денегъ, не чувствовалъ себя расположеннымъ поддерживать ссору и потому извинился, какъ можно вѣжливѣе.

Но тѣ не хотѣли ничего слушать и продолжали ругать его дуракомъ, осломъ и тому подобными граціозными именами.

Какъ ни терпѣливъ былъ гверильеро, однако, онъ рѣшилъ, что всему есть предѣлъ и въ порывѣ негодованія схватился за ножъ.

Этотъ жестъ погубилъ его. Оба незнакомца бросились на него, повалили на землю и начали наносить удары до тѣхъ поръ, пока не покончили съ нимъ.

Такъ какъ улица была совершенно пуста, они спокойно удалились, вытащивъ у убитаго кошелекъ и все, что могло удостовѣрить его личность.

Такъ погибъ Хезусъ Домингецъ. Два часа спустя, тѣло его было найдено полицейскими, и такъ какъ его никто не призналъ, то его безъ церемоніи бросили въ яму, вырытую на одномъ изъ кладбищъ. Можетъ быть, донъ Мельхіоръ удивлялся, не видя болѣе у себя Хезуса Домингеца, но такъ какъ онъ не вполнѣ довѣрялъ ему, то и рѣшилъ, что гверильеро, вѣроятно, имѣетъ причины избѣгать съ нимъ встрѣчи.

XXXVI. Начало конца.

Генералъ донъ Мигуель Мирамонъ не терялъ времени.

Рѣшивъ поставить послѣднюю ставку, онъ не хотѣлъ рисковать, не подготовясь, насколько это было возможно, къ

борьбѣ. Онъ дѣятельно занялся организаціей своей арміи и употребилъ всѣ усилія, чтобы поставить ее на приличную ногу. Онъ зналъ, что захватъ шестисотъ тысячъ піастровъ изъ дома англійскаго консула очень повредилъ ему и энергично старался исправить зло, для чего вошелъ въ переговоры и обязывался вернуть въ Лондонъ деньги. Онъ объяснялъ свой поступокъ желаніемъ оказать давленіе на повѣреннаго британскаго правительства, мистера Матью, интриги и враждебныя демонстраціи котораго поставили президента въ затруднительное положеніе. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводилъ тотъ фактъ, что послѣ битвы при Толухѣ въ багажѣ взятаго въ плѣнъ генерала Деголладо былъ найденъ планъ атаки Мексико, писанный рукою самаго мистера Матью.

Этотъ фактъ доказывалъ вѣроломство представителя дружественной державы.

Президентъ показалъ этотъ планъ иностраннымъ посламъ, находившимся въ то время въ Мексико, и кромѣ того, приказалъ напечатать его въ оффиціальной газетѣ. Этотъ поступокъ произвелъ то впечатлѣніе, на которое онъ разсчитывалъ и, увеличивъ инстинктивную ненависть населенія къ англичанамъ, возвратилъ ему народныя симпатіи.

Мирамонъ удвоилъ рвеніе и, наконецъ, ему удалось вооружить восемь тысячъ человѣкъ; конечно, это была ничтожная цифра въ сравненіи съ непріятельскимъ войскомъ. Генералъ Хуерта, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшилъ оставить Морельхо съ четырьмя тысячами человѣкъ, что вмѣстѣ съ одиннадцатью тысячами Гонзалеца Ортего, пятью тысячами Газзы Амондіа и четырьмя тысячами Авреліано Карвахалы и Гвеллара составляла армію въ двадцать четыре тысячи человѣкъ, которые быстро приближались къ Мексико.

Положеніе становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Населеніе, не зная плановъ президента, предавалось всевозможнымъ опасеніямъ и всюду готово было видѣть передовыя колонны хуаристовъ, идущихъ осаждать Мексико.

Чтобы успокоить возбужденные умы и сохранить довѣріе,

генералъ Мирамонъ обратился съ рѣчью къ представителямъ города и разъяснилъ имъ свое намѣреніе: не ожидать непріятеля въ стѣнахъ города, а сразиться съ нимъ въ открытомъ полѣ. Каковъ бы нибылъ исходъ этой битвы, городу нечего опасаться осаднаго положенія.

Это заявленіе успокоило взволнованное неселеніе и, какъ бы по волшебству, прекратило начинающіеся безпорядки, къ которымъ подбивали тайные сторонники Хуареца.

Когда президентъ окончилъ всѣ необходимыя приготовленія къ тому, чтобы выступить на встрѣчу непріятелю, онъ собралъ послѣдній военный совѣтъ, на которомъ долженъ былъ быть выработанъ окончательный планъ атаки. Совѣтъ длился нѣсколько часовъ; на немъ была разсмотрѣна масса проектовъ, изъ которыхъ одни оказались никуда негодными, а другіе, можетъ быть, и спасли бы все дѣло, если бы они были приняты.

Къ несчастью, генералъ Мирамонъ, всегда такой разсудительный и осторожный, въ этомъ случаѣ позволилъ себѣ увлечься личною ненавистью, вмѣсто того, чтобы руководиться интересами нации.

Донъ Бенито Хуарецъ былъ адвокатъ. Здѣсь, кстати, замѣтимъ, что со времени провозглашенія независимости Мексики онъ былъ единственнымъ изъ президентовъ, который вышелъ не изъ военнаго сословія. Поэтому Хуарецъ, не будучи военнымъ, не могъ стать во главѣ арміи и передалъ этотъ постъ Гонзалецу Ортега, которому далъ самыя широкія полномочія относительно всего, что касалась военнаго дѣла. Онъ зналъ, что храбрый генералъ — хорошій полководецъ, но плохой дипломатъ, и боялся, какъ бы онъ не испортилъ какимъ нибудь великодушнымъ порывомъ его коварныхъ и жестокихъ плановъ.

Генералъ Ортега побѣдилъ Мирамона при Сильо. Воспоминаніе объ этой неудачѣ все еще жило въ сердцѣ президента и онъ чувствовалъ страстное желаніе смыть это оскорбленіе. Вотъ почему, забывъ свою всегдашнюю осторожность, вопреки мнѣнію своихъ самыхъ мудрыхъ совѣт-

никовъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы первое нападеніе было произведено на корпусъ генерала Ортеги.

Онъ говорилъ, что если имъ удастся нанести пораженіе самому многочисленному корпусу, который состоитъ подъ начальствомъ главнокомандующаго, то вся непріятельская армія будетъ деморализована и съ остальными отрядами уже легко будетъ справиться.

Президентъ съ такимъ жаромъ и такъ упорно поддерживалъ свой проектъ, что ему удалось убѣдить всѣхъ членовъ совѣта. Планъ его былъ принятъ, президентъ, не желая терять ни минуты, и чтобы не дать остынуть энтузіазму солдатъ, назначилъ на завтра смотръ всѣмъ войскамъ и вслѣдъ затѣмъ выступленіе въ походъ.

Когда военный совѣтъ былъ оконченъ, президентъ отправился въ свои аппартаменты, чтобы заняться послѣдними распоряженіями, привести въ порядокъ личныя дѣла и сжечь нѣкоторыя компрометирующія бумаги, которыя ему не хотѣлось оставлять послѣ себя.

Прошло нѣсколько часовъ, какъ президентъ заперся въ своемъ кабинетѣ; вечеръ давно уже наступилъ, когда дежурный лакей доложилъ ему о приходѣ дона Хаиме. Президентъ немедленно велѣлъ ввести его.

Авантюристъ вошелъ.

— Вы позволите мнѣ продолжать мои занятія?—сказалъ, улыбаясь президентъ, — мнѣ осталось докончить лишь нѣсколько бумагъ.

— Сдѣлайте одолженіе! — отвѣчалъ донъ Хаиме, усаживаясь въ бутакку.

Президентъ принялся за прерванную на минуту работу, а донъ Хаиме глядѣлъ на него съ выраженіемъ неизъяснимой печали.

— Итакъ, — сказалъ онъ, — вы приняли окончательное рѣшеніе, генералъ?

— Да, жребій брошенъ! Я хотѣлъ сказать: Рубиконъ перейденъ, если бы не находилъ смѣшнымъ сравнивать себя съ Цезаремъ.

Да, я даю сраженіе моимъ врагамъ!

— Я одобряю ваше рѣшеніе, оно вполнѣ достойно васъ, генералъ. Позвольте спросить, когда назначено выступленіе?

— Завтра, сейчасъ же послѣ смотра.

— Значитъ, у меня есть еще время послать двухъ или трехъ смышленыхъ развѣдчиковъ, которые донесутъ вамъ о положеніи непріятеля.

— Хотя уже посланно нѣсколько человѣкъ, тѣмъ не менѣе я съ благодарностью принимаю ваше предложеніе, донъ Хаиме.

— Будьте такъ добры, скажите мнѣ, по какому направленію вы хотите слѣдовать и чей корпусъ рѣшили аттаковать?

— Я хочу схватить быка за рога, т. е. начать съ самого Гонзалеца Ортега.

Авантюристъ покачалъ головою, но не позволилъ себѣ ни малѣйшаго возраженія.

Мирамонъ отошелъ отъ своего бюро и сѣлъ возлѣ него.

— Теперь я покончилъ съ дѣлами и весь къ вашимъ услугамъ. Я догадываюсь, что вы хотите сказать мнѣ что то важное.

— Вы не ошиблись, генералъ, я имѣю сообщить вамъ дѣло большой важности. Пожалуйста, возьмите эту бумагу и познакомьтесь съ ея содержаніемъ.

Онъ подалъ президенту сложенную вчетверо бумагу. Генералъ взялъ ее, прочиталъ, при чемъ лицо его не выразило ни малѣйшаго изумленія, и возвратилъ авантюристу.

— Вы посмотрѣли на подпись? — спросилъ его донъ Хаиме.

— Да, — отвѣчалъ равнодушно генералъ, — это вѣрительная грамота, которую даетъ донъ Бенито Хуарецъ дону Антоніо Карцебаръ для того, чтобы дѣйствовать среди его приверженцевъ.

— Именно, генералъ! Теперь вы больше не сомнѣваетесь, что этотъ человѣкъ измѣнникъ?

— Ни сколько!

— Извините меня за вопросъ, генералъ, что вы намѣрены дѣлать?

— Ничего!

— Какъ ничего? — воскликнулъ автюристъ внѣ себя отъ изумленія.

— Да, я ничего не намѣренъ дѣлать, — подтвердилъ президентъ.

— Я васъ не понимаю, генералъ!

— Выслушайте меня, донъ Хаиме, и вы все поймете,— сказалъ президентъ кроткимъ и растроганнымъ голосомъ.

— Донъ Франциско Пахеко, чрезвычайный посолъ ея величества королевы Испаніи, оказывалъ мнѣ, со времени своего пребыванія въ Мексикѣ, громадныя услуги. Послѣ пораженія при Силао, когда мое положеніе было весьма шатко, онъ не колеблясь призналъ мое правительство. Съ тѣхъ поръ онъ всегда давалъ мнѣ хорошіе совѣты и выражалъ свою симпатію. Его расположеніе ко мнѣ такъ велико, что онъ скомпроментировалъ себя какъ дипломатъ, и какъ только Хуарецъ добьется власти, онъ заставитъ сеньора Пахеко сложить свои полномочія. Сеньоръ Пахеко знаетъ все это и не смотря ни на что въ настоящую минуту, когда меня можно считать почти погибшимъ, его поведеніе нисколько не измѣнилось. Въ случаѣ пораженія, я только на него и разсчитываю, чтобы заключить сносныя условія, не для себя, конечно, а для несчастнаго города и тѣхъ лицъ, которыя, изъ дружбы ко мнѣ, скомпрометировали себя въ послѣднее время. Человѣкъ, объ измѣнѣ котораго вы говорите, я согласенъ съ вами: онъ измѣнникъ и гнусный измѣнникъ,—но онъ не только испанецъ, представитель знатнаго дома, но кромѣ того его рекомендовалъ мнѣ лично самъ посланникъ.

— Онъ и самъ, безъ сомнѣнія, обманулся въ немъ!

— Вы знаете, что миссія сеньора Пахеко состоитъ въ томъ, чтобы добиться удовлетворенія за многочисленныя оскорбленія, нанесенныя его соотечественникамъ и уничтожить

тѣ притѣснѣнія, жертвами которыхъ они были уже много лѣтъ.

— Да, генералъ, мнѣ извѣстно все это.

— Что же подумаетъ посланникъ, если я предамъ суду за государственную измѣну испанца, члена одной изъ самыхъ благородныхъ фамилій въ королевствѣ, и кромѣ того человѣка, за котораго онъ мнѣ ручался? Какъ вы думаете, пріятно ему будетъ все это, послѣ всѣхъ услугъ, которыя онъ оказалъ мнѣ и за которыми придется опять обращаться къ нему?— Вы, можетъ быть, скажете, что мнѣ слѣдовало бы взять письмо, показать его посланнику конфиденціально и покончить это дѣло. Но, другъ мой, обида будетъ не меньшая и вотъ почему: донъ Франциско Пахеко — представитель одного изъ европейскихъ дворовъ; онъ дипломатъ старой школы начала нынѣшняго столѣтія и потому смотритъ свысока на насъ, американскихъ правителей, такъ какъ онъ глубоко убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ надъ нами. Еслибъ я былъ настолько не тактиченъ и рѣшился бы доказать ему, что его провелъ плутъ и насмѣялся надъ нимъ, онъ пришелъ бы въ ярость, не потому что его обманывали, а потому что я, благодаря счастливому случаю, оказался проницательнѣе его и открылъ этотъ обманъ. Онъ никогда не проститъ мнѣ этого, и вмѣсто полезнаго друга я пріобрѣту себѣ непримиримаго врага.

— Причины, которыя вы соблаговолили объяснить мнѣ, генералъ, весьма уважительныя, сознаюсь въ этомъ, но тѣмъ не менѣе мы имѣемъ дѣло съ измѣнникомъ.

— Вы правы, но, увѣряю васъ, онъ не такъ глупъ, и если я буду побѣдителемъ, онъ преспокойно останется на моей сторонѣ, какъ это было уже при Толухѣ.

— Да, до тѣхъ поръ, пока не найдетъ случая предать васъ окончательно.

— По всей вѣроятности, да. Но, почемъ знать, можетъ быть, и намъ удастся отдѣлаться отъ него безъ шума и скандала?

Авантюристъ задумался.

— Позвольте, генералъ,—вдругъ сказалъ онъ,—мнѣ кажется, я нашелъ средство.

— Прежде всего позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ и обѣщайте отвѣтить на него.

— Обѣщаю, генералъ!

— Вы знакомы съ этимъ человѣкомъ, онъ вашъ личный врагъ?

— Да, генералъ! — отвѣчалъ онъ откровенно.

— Я такъ и думалъ. Настойчивость, съ которою вы его преслѣдуете, казалась мнѣ неестественною. Теперь посмотримъ, какое вы нашли средство.

— Единственная причина, которая связываетъ васъ, это страхъ потерять расположеніе испанскаго посланника?

— Да, только это.

— Что вы скажите, генералъ, если сеньоръ Пахеко самъ согласится отступиться отъ этого человѣка?

— Вы надѣетесь этого достигнуть?

— Болѣе того, я устрою такъ, что посланникъ дастъ мнѣ письмо, въ которомъ будетъ сказано, что онъ не только отрекается отъ дона Антоніо Касебара, но предоставляетъ вамъ право предать его суду.

— Мнѣ кажется, вы уже слишкомъ размечтались,—съ сомнѣніемъ сказалъ президентъ.

— Это уже мое дѣло, генералъ. Главное, чтобы вы не были скомпрометированы и оставались въ сторонѣ.

— Это и мое единственное желаніе, и вы знаете — почему.

— Я все понимаю, генералъ, и даю вамъ слово, что ваше имя не будетъ даже произнесено.

— Въ свою очередь и я даю вамъ слово солдата, что если вы достанете посьмо, я прикажу разстрѣлять въ спину этого негодяя, на плошади Майоръ, хотя бы мнѣ оставалось послѣ этого пробыть президентомъ только одинъ часъ!

— Я буду помнить ваше слово, генералъ. Къ тому же у меня есть бумага съ вашею подписью которую

вы мнѣ дали; когда придетъ время, я самъ арестую этого негодяя.

— Больше вы ничего не имѣете мнѣ сказать?

— Извините, генералъ, у меня есть еще къ вамъ просьба.

— Какая?

— Мнѣ бы хотѣлось сопровождать васъ въ экспедиціи.

— Очень вамъ благодаренъ, мой другъ, съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу.

— Я буду имѣть честь присоединиться къ вамъ въ моментъ выступленія войска.

— Я зачислю васъ въ главный штабъ.

— Это, конечно, очень большая милость, — отвѣчалъ улыбаясь авантюристъ,—но, къ сожалѣнію, мнѣ нельзя принять ее.

— Это почему?

— Потому что я не одинъ, генералъ. Триста всадниковъ, которые были со мною при Толухѣ, сопровождаютъ меня и въ этотъ разъ; во время битвы мы будемъ около васъ.

— Я положительно отказываюсь понимать васъ, мой другъ. Вы обладаете способностью творить чудеса.

— Вы вскорѣ убѣдитесь въ этомъ, генералъ. А теперь позвольте проститься съ вами.

— Ступайте мой другъ, я васъ не удерживаю!

Пожавъ дружески руку президенту, донъ Хаиме вышелъ.

Лопецъ ожидалъ его у дворца; авантюристъ вскочилъ на лошадь и сейчасъ же поѣхалъ домой.

Написавъ нѣсколько писемъ, которыя онъ велѣлъ своему пеону немедленно отнести по адресамъ, донъ Хаиме переодѣлся, взялъ нѣсколько бумагъ, находившихся въ бронзовомъ ящикѣ подъ ключемъ, посмотрѣлъ на часы и увидя, что еще не поздно (былъ десятый часъ), вышелъ и быстрыми шагами пошелъ въ испанское посольство, которое было недалеко отъ него.

Двери посольства еще не были заперты, слуги въ парадныхъ ливреяхъ ходили по двору и подъ перестилемъ. Швейцаръ, съ аллебардою въ рукахъ, стоялъ при входѣ.

Донъ Хаиме обратился къ нему.

Швейцаръ позвалъ одного изъ слугъ и сдѣлалъ авантюристу знакъ слѣдовать за нимъ.

При входѣ въ переднюю ихъ встрѣтилъ другой швейцаръ съ серебряною цѣпью на шеѣ.

Донъ Хаиме далъ ему карточку въ конвертѣ и сказалъ:

— Отдайте эту карточку его превосходительству!

Черезъ нѣсколько минутъ швейцаръ вернулся и, приподнявъ портьеру, доложилъ:

— Его превосходительство проситъ сеньора къ себѣ!

Донъ Хаиме послѣдовалъ за нимъ, прошелъ нѣсколько салоновъ и, наконецъ, достигъ кабинета, гдѣ находился посланникъ.

Донъ Франциско Пахеко сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу гостю и любезно раскланялся съ нимъ.

— Какой счастливой случайности обязанъ я вашему посѣщенію, кабаллеро? — спросилъ онъ.

— Прошу извинить меня, ваше превосходительство, что я выбралъ такой поздній часъ для визита, но это не отъ меня зависѣло.

— Я всегда и во всякое время радъ васъ видѣть,—отвѣчалъ посланникъ.

Онъ сдѣлалъ знакъ, швейцаръ придвинулъ гостю стулъ и вышелъ.

Хозяинъ и гость снова раскланялись другъ съ другомъ и сѣли.

— Чѣмъ могу служить вамъ синьоръ де... сказалъ посланникъ.

— Прошу васъ, ваше превосходительство, — живо прервалъ авантюристъ, — сохранить мое инкогнито даже передъ самимъ собою.

— Какъ вамъ угодно, я исполню ваше желаніе!—сказалъ посланникъ.

Донъ Хаиме досталъ портфель, вынулъ изъ него бумагу и подалъ ее посланнику.

— Будьте такъ добры, ваше превосходительство, удостойте взглянуть на королевскій приказъ.

Посланникъ взялъ бумагу и, поклонясь гостю, принялся за чтеніе съ самымъ сосредоточеннымъ видомъ. Когда онъ кончилъ, то возвратилъ бумагу дону Хаиме, который сложилъ ее и снова спряталъ въ свой портфель.

— Вы требуете, чтобы это предписаніе было исполнено, кабаллеро? — спросилъ посланникъ.

Донъ Хаиме поклонился.

— Хорошо! — сказалъ данъ Франциско Пахеко.

Онъ всталъ, подошелъ къ своему бюро, написалъ нѣсколько словъ на бумагѣ съ гербомъ Испаніи и штемпелемъ посольства, подписался, приложилъ свою печать и сказалъ дону Хаиме:

— Вотъ письмо къ его превосходительству, генералу Мирамону. Желаете ли вы отдать ему сами или хотите, чтобы оно послано было отъ посольства?

— Я передамъ самъ, если вы позволите, ваше превосходительство?

Посланникъ положилъ письмо въ конвертъ и отдалъ его дону Хаиме.

— Очень сожалѣю, кабаллеро,—сказалъ онъ,—что не могу дать вамъ другихъ доказательствъ моего желанія быть вамъ пріятнымъ!

— Честь имѣю просить ваше превосходительство, принять выраженіе моей живѣйшей признательности,—отвѣчалъ донъ Хаиме, почтительно раскланяваясь.

— Буду-ли я имѣть удовольствіе увидѣть васъ опять, кабаллеро?

— Я буду имѣть честь явиться къ вамъ засвидѣтельствовать мое почтеніе, ваше превосходительство!

Посланникъ позвонилъ, явился швейцаръ.

Оба собесѣдника церемонно раскланялись другъ съ другомъ, и донъ Хаиме вышелъ.

XXXVII. Послѣднее напутствіе.

На слѣдующее утро солнце свѣтило необыкновенно ярко, окрашивая всѣ предметы золотомъ и пурпуромъ.

Все Мексико ликовало.

Городъ принялъ праздничный видъ. Казалось, онъ снова переживалъ свои лучшіе дни, когда въ немъ царила тишина и спокойствіе. Все населенія высыпало на улицы; пестрыя толпы съ криками, пѣснями и смѣхомъ спѣшили къ парку Букарелли.

По всѣмъ направленіямъ слышна была военная музыка, раздавались звуки барабана и горновъ.

Офицеры главнаго штаба, одѣтые въ блестящую форму съ золотыми вышивками, въ шляпахъ съ перьями, скакали тамъ и сямъ, развозя приказанія.

Войска выходили изъ казармъ и направлялись къ парку. Артиллерія занимала позицію передъ конною статуею короля Карла IV, котораго леперосы смѣшивали постоянно съ Фернандомъ Кортецомъ; кавалерія, состоявшая всего изъ тысячи ста человѣкъ, собирались на Аламедѣ.

Леперосы и уличные мальчишки пользовались случаемъ доставить себѣ удовольствіе и бросали петарды подъ ноги прохожимъ.

Около десяти часовъ утра въ толпѣ раздались усиленные крики: это народъ привѣтствовалъ президента республики.

Генералъ Мирамонъ ѣхалъ посреди своего блестящаго штаба.

Лицо его свѣтилось радостью. Казалось, что крики „да здраствуетъ Мирамонъ“, раздававшіеся со всѣхъ сторонъ, доставляли ему большое удовольствіе; они свидѣтельствовали о томъ, что народъ все еще любитъ его и выражаетъ по своему благодарность за его геройскую рѣшимость идти навстрѣчу непріятелю, вмѣсто того, чтобы ожидать его, запершись въ городѣ.

Генералъ раскланивался съ улыбкою направо и налѣво.

Когда онъ подъѣхалъ ко входу въ паркъ, раздался выстрѣлъ изъ двадцати орудій, возвѣстившій войскамъ о прибытія главнокомандующаго..

Солдаты выстроились въ ряды, заиграла музыка, президентъ медленно прошолъ по знаменной линіи, и смотръ началсе.

Энтузіазмъ толпы сообщился солдатамъ, они тоже кричали; „да здравствуетъ Мирамонъ", въ то время, какъ президентъ проходилъ по ихъ рядамъ.

Генералъ относился ко всему строго, такъ какъ этотъ смотръ не былъ однимъ изъ тѣхъ парадовъ, которые иногда устраиваются правителями, какъ спектакли, для развлеченія народа. Эти войска, оставивъ городъ, должны были идти прямо въ битву, и потому слѣдовало убѣдиться, дѣйствительно ли они въ состояніи дать отпоръ непріятелю, съ которымъ черезъ нѣсколько часовъ столкнутся лицомъ къ лицу.

Всѣ приказанія генерала были въ точности исполнены; солдаты были хорошо вооружены и имѣли бодрый видъ, такъ что на нихъ пріятно было глядѣть. Проходя по рядамъ, президентъ обращался то къ одному, то къ другому солдату, котораго онъ узнавалъ или дѣлалъ видъ, что узнаетъ — старое средство, которое всегда удается, такъ какъ оно льститъ самолюбію солдата. Наконецъ, онъ скомандовалъ нѣсколько маневровъ съ цѣлью убѣдиться, насколько обучены солдаты. Маневры были продѣланы очень удовлетворительно, и президентъ горячо поблагодарилъ офицеровъ. Затѣмъ войска начали дефилировать; только пройдя мимо президента, они заняли свою первоначальную позицію и расположились лагеремъ.

Мирамонъ, не желая напрасно утомлять солдатъ во время сильной жары, рѣшилъ выступить изъ города только съ наступленіемъ ночи, до тѣхъ поръ войска должны были оставаться около парка Букарелли.

Между офицерами главнаго штаба, которые вернулись вмѣстѣ съ президентомъ во дворецъ, находились донъ

Мельхіоръ де-ла Круцъ, донъ Антоніо Касебаръ и донъ Хаиме.

Донъ Мельхіоръ былъ очень удивленъ, увидѣвъ одѣтымъ въ военную форму того человѣка, котораго онъ зналъ подъ именемъ дона Адольфо и считалъ за контрабандиста. Онъ поклонился ему съ иронической улыбкой; донъ Хаиме сухо отвѣтилъ на поклонъ и поспѣшилъ удалиться, не выражая ни малѣйшаго желанія вступать въ разговоръ.

Что касается дона Антоніо, то, такъ какъ онъ никогда не видалъ дона Хаиме съ открытымъ лицомъ, то и не обратилъ на него никакого вниманія.

Въ то время какъ президентъ ѣхалъ во дворецъ, донъ Хаиме остановился на площади Майоръ, слѣзъ съ лошади и подошелъ къ графу и Доминику, которымъ онъ здѣсь назначилъ свиданіе.

— Вы отправляетесь вмѣстѣ съ арміею? — спросили они его.

— Да, друзья мои, я уѣзжаю, но скоро вернусь сюда, такъ какъ, къ несчастью, война будетъ непродолжительна. Прошу васъ, удвойте осторожность во время моего отсутствія; не теряйте изъ виду дома моей сестры: одинъ изъ нашихъ враговъ остается въ городѣ.

— Только одинъ? — спросилъ Доминикъ.

— Да, но самый опасный изъ двухъ. Тотъ самый, которому ты такъ некстати спасъ жизнь, Доминикъ.

— Хорошо, я его знаю, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, — пусть онъ держитъ ухо востро!

— А донъ Мельхіоръ? — спросилъ графъ.

— Этотъ не будетъ больше насъ безпокоить, — отвѣчалъ донъ Хаиме съ страннымъ выраженіемъ лица. Итакъ, мои милые, будьте осторожны и не дайте застигнуть себя врасплохъ!

— Если понадобится мы возьмемъ на помощь себѣ Лео Карраля и нашихъ слугъ!

— Это было-бы недурно; вы хорошо сдѣлаете, если велите имъ поселиться въ самомъ домѣ.

— Мы подумаемъ объ этомъ.

— Теперь намъ пора разстаться, у меня есть еще дѣло во дворцѣ. До свиданья, друзья мои!

Они разстались.

Донъ Хаиме вошелъ во дворецъ и направился прямо въ кабинетъ президента. Швейцаръ, который хорошо его зналъ, молча пропустилъ его.

Мирамонъ выслушивалъ рапорты, которые ему давали развѣдчики касательно движенія непріятеля.

Донъ Хаиме сѣлъ и терпѣливо ждалъ, когда президентъ окончитъ свои занятія. Наконецъ, послѣдній изъ развѣдчиковъ удалился и они остались одни.

— Ну, что-же,—сказалъ смѣясь президентъ, видѣли вы посланника?

— Конечно, вчера-же, какъ вышелъ отъ васъ, генералъ.

— А гдѣ-же знаменитое письмо?

— Вотъ оно!—сказалъ онъ, подавая письмо президенту.

Генералъ съ удивленіемъ взялъ бумагу и быстро пробѣжалъ ее.

— Что вы на это скажете?—спросилъ донъ Хаиме.

— Намъ даютъ не только carte blanche, но кромѣ того меня просятъ строго наказать этого человѣка; это удивительно! Клянусь честью, вы сдержали больше, чѣмъ обѣщали. Какимъ образомъ вы достигли этого?

— Я просто просилъ дать письмо.

— Вы самый таинственный человѣкъ, какого я когда либо зналъ. Теперь моя очередь сдержать обѣщаніе.

— Съ этимъ некуда спѣшить.

— Вы не хотите больше, чтобы его арестовали?

— Напротивъ, но только когда мы вернемся.

— Какъ хотите. Но что-же намъ съ нимъ дѣлать до тѣхъ поръ?

— Мы оставимъ его здѣсь подъ надзоромъ коменданта.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы правы.

Президентъ написалъ приказъ, запечаталъ его и позвалъ слугу.

— Полковникъ Касебаръ здѣсь?—спросилъ онъ.

— Здѣсь, ваше превосходительство.

— Скажите ему, чтобы онъ отнесъ этотъ приказъ коменданту.

Слуга вышелъ.

— Ну, вотъ, и готово!—сказалъ президентъ.

Донъ Хаиме оставался у генерала все время до самаго момента выступленія въ походъ.

Съ наступленіемъ ночи войска тронулись въ путь при громкихъ крикахъ народа.

Когда войска прошли, генералъ оставилъ дворецъ вмѣстѣ съ своимъ штабомъ. На площади стоялъ многочисленный эскадронъ кавалеріи.

— Это что за люди?—спросилъ президентъ.

— Это моя квадрилья!—отвѣчалъ донъ Хаиме.

Всадники были одѣты въ толстые плащи, въ шляпахъ съ большими полями, такъ что видѣнъ былъ только низъ лица и борода.

Президентъ разсматривалъ ихъ, стараясь разглядѣть лица.

— Вы ихъ не узнаете,—сказалъ донъ Хаиме тихо.—Бороды у нихъ поддѣльныя, да и самый костюмъ не болѣе, какъ переодѣванье. Но тѣмъ не менѣе, даю вамъ слово, въ сраженіи они будутъ не хуже другихъ!

— Я въ этомъ увѣренъ и очень вамъ благодаренъ!

Тронулись въ путь.

Донъ Хаиме обнажилъ шпагу, всадники сдѣлали эволюцію и помѣстились въ арьергардѣ. Ихъ было триста человѣкъ. Въ полночь расположились лагеремъ. Былъ отданъ приказъ не зажигать огней. Около трехъ часовъ утра явился одинъ изъ лазутчиковъ. Его немедленно провели къ президенту.

— А, это ты, Лопецъ!—сказалъ генералъ, узнавъ его.

— Точно такъ, генералъ!—отвѣчалъ Лопецъ, улыбаясь дону Хаиме, который сидѣлъ возлѣ президента и небрежно курилъ сигаретку.

— Есть-ли у тебя новости относительно непріятеля?— спросилъ Мирамонъ.

— Точно такъ, генералъ, и самыя свѣжія!

— Тѣмъ лучше; гдѣ-же онъ?

— Въ четырехъ миляхъ отсюда.

— Значитъ, мы скоро встрѣтимся. Чей это корпусъ?

— Корпусъ генерала дона Хезуса Гонзалеца Ортега.

— Браво,—весело сказалъ президентъ. Ты славный малый; вотъ, возьми!

Онъ положилъ въ руку Лопца нѣсколько золотыхъ монетъ.

— Разскажи-ка мнѣ подробнѣе.

— Генералъ Ортега ведетъ съ собою одиннадцать тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ три тысячи кавалеріи и тридцать пять орудій.

— Ты видѣлъ войско?

— Я больше часа шелъ вмѣстѣ съ ними.

— Какое у нихъ настроеніе?

— Они очень злы на васъ, генералъ.

— Ну, отдохни, ты можешь соснуть еще часокъ.

Лопецъ поклонился и вышелъ.

— Наконецъ-то,—сказалъ Мирамонъ, мы встрѣтимся съ ними!

— Сколько у васъ войска, генералъ?—спросилъ донъ Хаиме.

— Шесть тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ тысяча сто кавалеріи, и двадцать орудій.

— Гм...—сказалъ донъ Хаиме,—противъ одиннадцати тысячъ!

— Храбрость удвоитъ наши силы!

— Дай-то Богъ!

Въ четыре часа утра снялись съ лагеря; Лопецъ служилъ проводникомъ.

Озябшее войско было въ дурномъ расположеніи духа.

Около семи часовъ сдѣлали привалъ; армія выстроилась

въ боевомъ порядкѣ, занявъ довольно выгодную позицію; орудія поставлены по мѣстамъ.

Донъ Хаиме поставилъ своихъ всадниковъ позади регулярной кавалеріи. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія, начали завтракать.

Въ девять часовъ утра послышалось то, что испанцы называютъ téroteo: это были передовые, шедшіе во главѣ колоннъ Ортега. Они первыми явились на поле сраженія, выбранное Мирамономъ, и начали перестрѣлку.

Президентъ могъ-бы легко избѣжать сраженія, но онъ не только не хотѣлъ этого, а, напротивъ, стремился какъ можно скорѣе покончить съ нимъ.

Мирамона окружали его лейтенанты: Велецъ, Кабосъ, Негрете, Айестаранъ и Маркезъ.

Завидѣвъ непріятеля, президентъ вскочилъ на лошадь, объѣхалъ ряды своей маленькой арміи, отдалъ приказанія твердо и отрывисто, какъ-бы желая сообщить всѣмъ тотъ пылъ, который жегъ его самаго и, поднявъ шпагу, вскричалъ:

— Впередъ, ребята!

Вслѣдъ затѣмъ немедленно началось сраженіе.

Армія хуаристовъ, принужденная стоять подъ непріятельскимъ огнемъ, очевидно, заняла невыгодное положеніе.

Солдаты Мирамона, возбужденные примѣромъ молодого вождя,—ему было въ то время всего двадцать шесть лѣтъ,— бились, какъ львы, и творили чудеса храбрости.

Тщетно хуаристы пробовали удержаться на выбранныхъ ими позиціяхъ, они были нѣсколько разъ выбиты изъ нихъ дружнымъ натискомъ непріятеля.

Несмотря на превосходство силъ, они очень медленно подвигались впередъ, причемъ непріятель безпрестанно отбрасывалъ ихъ назадъ.

Казалось, что душа Мирамона переселилась въ его лейтенантовъ: они какъ-бы увеличивались въ числѣ, становились во главѣ отрядовъ, увлекая ихъ за собою въ самый центръ битвы; еще одно усиліе, сраженіе было-бы выиграно, и Ортега долженъ былъ-бы отступить.

Мирамонъ окинулъ взглядомъ поле сраженія и понялъ, что насталъ моментъ, когда нужно было пустить въ ходъ кавалерію, заставивъ ее броситьси на центръ хуаристовъ, чтобы окончательно заставить его смѣшаться.

Президентъ крикнулъ: „впередъ"! Кавалерія оставалась въ нерѣшимости. Мирамонъ повторилъ приказаніе. Кавалерія полетѣла; но вмѣсто того, чтобы броситься на непріятеля, солдаты съ копьями на перевѣсъ, повернули на своихъ-же.

Деморализованныетакой внезапной и змѣной, пятьдесятъ человѣкъ, остававшіеся еще на мѣстѣ, разсѣялись во всѣ стороны. Пѣхота, видя себя такъ низко преданною, нехотя продолжала сражаться.

Крики: „измѣна! измѣна! спасайся кто можетъ"! раздавались по рядамъ.

Напрасно офицеры старались удержать солдатъ; это было невозможно, они были окончательно деморализованы.

Армія Мирамона не существовала больше. Ортега былъ еще разъ побѣдителемъ, но только благодаря гнусной измѣнѣ, въ ту самую минуту, когда сраженіе было имъ проиграно.

Мы уже говорили, что донъ Хаиме занялъ съ своею квадрильею позицію позади кавалеріи Мирамона.

Если бы триста человѣкъ могли рѣшить исходъ сраженія, то конечно, эти храбрецы въ состояніи были бы совершить подобное чудо; даже во время всеобщаго замѣшательства, они съ ожесточеніемъ бились противъ кавалеріи хуаристовъ, пустившейся въ догонку бѣглецамъ. Донъ Хаиме съ цѣлью продолжалъ этотъ неравный бой.

Онъ былъ свидѣтелемъ низкой измѣны, которая была причиною сраженія, и замѣтилъ офицера, который первый перешелъ съ своими солдатами на сторону непріятеля. Это былъ донъ Мельхіоръ; донъ Хаиме узналъ его и въ душѣ поклялся овладѣть имъ.

Кадрилья авантюриста состояла изъ необыкновенныхъ людей; донъ Хаиме въ нѣсколькихъ короткихъ словахъ далъ имъ понять о своемъ намѣреніи.

Всадники испустили бѣшеные крики и съ остервенѣніемъ напали на непріятеля.

Завязалась отчаянная борьба трехсотъ человѣкъ противъ трехъ тысячъ; вся квадрилья исчезла, какъ будто бы ее поглотила масса противниковъ.

Затѣмъ хуаристы поколебались, ихъ ряды раздались, такъ что образовался проходъ, въ этомъ проходѣ неслась квадрилья увлекая за собою дона Мельхіора, взятаго въ плѣнъ.

— Къ президенту! къ президенту!—вскричалъ донъ Хаиме, направляясь съ своими людьми къ Мирамону, который тщетно старался собрать нѣсколько отрядовъ.

Лейтенанты Мирамона не покинули его и поклялись умереть вмѣстѣ съ нимъ.

Окинувъ взглядомъ, полнымъ сожалѣнія, поле битвы, Мирамонъ рѣшился, наконецъ, послушаться своихъ вѣрныхъ друзей и начать отступленіе; изъ всей его арміи оставалась едва тысяча человѣкъ: одни были убиты, другіе бѣжали или предались непріятелю. Первыя минуты отступленія были для Мирамона ужасны; его сердце сжималось отъ боли, не потому, что онъ былъ побѣжденъ, онъ это предвидѣлъ,—но потому, что онъ сдѣлался жертвою измѣны. Когда прошло опасеніе быть настигнутыми непріятелемъ, президентъ приказалъ остановиться, чтобы дать отдыхъ лошадямъ.

Мирамонъ, прислонясь къ дереву, со сложенными на груди руками, съ опущенною головой, хранилъ мрачное молчаніе; генералы не осмѣливались потревожить его.

Донъ Хаиме приблизился къ нему и остановился въ двухъ шагахъ отъ него.

— Генералъ!—сказалъ онъ.

При звукѣ этого дружескаго голоса, Мирамонъ поднялъ голову и протянулъ авантюристу руку.

— Это вы, мой другъ?—сказалъ онъ.—Ахъ, зачѣмъ я васъ не послушался!

— Что сдѣлано, то сдѣлано, генералъ, отрывисто отвѣчалъ авантюристъ, не стоитъ и говорить объ этомъ; но прежде чѣмъ мы уйдемъ отсюда, на васъ лежитъ обязанность исполнить одинъ долгъ, совершить возмездіе.

— Что вы хотите сказать?—спросилъ съ удивленіемъ генералъ.

Къ разговаривающимъ подошли прочіе генералы.

— Вамъ извѣстно, почему мы побѣждены?—спросилъ авантюристъ.

— Потому, что намъ измѣнили!

— Но знаете ли вы—кто измѣнникъ, генералъ?

— Нѣтъ, не знаю!—отвѣчалъ онъ сердито.

— А я знаю. Я былъ не далеко отъ него въ ту минуту, какъ онъ привелъ въ исполненіе свое гнусное намѣреніе. Я наблюдалъ за нимъ, такъ какъ давно подозрѣвалъ его.

— Что же изъ этого? Мы не можемъ схватить негодяя!

— Ошибаетесь, генералъ. Я привелъ его. Я выхватилъ его изъ среды его новыхъ товарищей. Если бы понадобилось, я полѣзъ бы въ адъ, чтобы только добраться до него!

При этихъ словахъ между офицерами и солдатами раздались одобрительныя восклицанія.

— Слава Богу!—вскричалъ Кабосъ,—этого негодяя слѣдовало бы четвертовать!

— Приведите его сюда, его будутъ судить!—сказалъ Мирамонъ печально. Его сердце мучительно сжималось, такъ какъ онъ не любилъ прибѣгать къ жестокимъ наказаніямъ.

— Это не займетъ много времени,—сказалъ генералъ Негрете,—его присудятъ къ смерти измѣнниковъ,—разстрѣлянію въ спину.

— Сначала только удостовѣрятъ личность и затѣмъ приведутъ приговоръ въ исполненіе!—прибавилъ Кабосъ.

Донъ Хаиме сдѣлалъ знакъ; показался донъ Мельхіоръ въ сопровожденіи двухъ солдатъ.

Онъ былъ блѣденъ, разстроенъ; платье на немъ было разорвано и покрыто грязью и кровью; руки у него были связаны назадъ.

Офицеры устроили судъ подъ предсѣдательствомъ генерала Кабоса,—и вскорѣ измѣнникъ, пробитый пулями въ спину, бился въ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

XXXVIII. Лицомъ къ лицу.

Когда генералъ Мирамонъ вернулся въ Мексико, извѣстіе о его пораженіи было уже всеобщимъ достояніемъ. Тогда случилась довольно странная вещь: духовенство и аристократія, которыхъ онъ всегда поддерживалъ и защищалъ и которые своимъ равнодушіемъ и эгоизмомъ были причиной всеобщаго крушенія, горько раскаивались теперь въ своемъ поведеніи относительно человѣка, который одинъ только могъ спасти ихъ. Если бы Мирамонъ захотѣлъ обратиться съ воззваніемъ къ народу, тотъ немедленно собрался бы около, и тогда можно было бы устроить сильную оборону.

Но президенту даже въ голову не пришла эта мысль онъ питалъ отвращеніе къ власти и только и мечталъ снова стать частнымъ человѣкомъ.

Первою его заботою, по прибытіи въ Мексико, было собрать иностранный дипломатическій корпусъ и просить его членовъ принять на себя обязанности посредниковъ, чтобы спасти несчастный городъ. Нужно было, во чтобы то ни стало, прекратить военное положеніе, такъ какъ Мексико имѣло намѣреніе безъ боя открыть ворота федеральнымъ войскамъ.

Депутація, состоявшая изъ французскаго и испанскаго посланниковъ, генерала Беріозабала, взятаго въ плѣнъ при Толухѣ, генерала Айестерана, интимнаго друга Мирамона, немедленно отправилась къ генералу Ортега съ цѣлью заключить почетную капитуляцію.

Донъ Антоніо Карсебаръ хотѣлъ также присоединиться къ депутаціи. Онъ узналъ о плачевной кончинѣ своего друга дона Мельхіора и какое то мрачное предчувствіе говорило ему, что его ожидаетъ подобная же участь. Но ворота города тщательно охранялись, никто не могъ выйти изъ нихъ безъ пропуска, визированнаго комендантомъ, поэтому донъ Антоніо долженъ былъ остаться въ Мексико. Онъ получилъ письмо, которое подало ему надежду на скорое исполненіе всѣхъ его проектовъ.

Донъ Антоніо былъ очень остороженъ, потому что всѣ

хитрыя махинаціи, которыми была наполнена его жизнь, пріучили его держаться всегда настороже́. Въ письме́ говорилось, чтобы онъ не выходилъ изъ дому. Желая обезопасить себя отъ всякой случайности, онъ нанялъ дюжину испытанныхъ убійцъ и спряталъ ихъ за коврами и портьерами. Какъ то около девяти часовъ вечера, въ самый день возвращенія Мирамона въ Мексико, донъ Антоніо удалился къ себе́ въ спальню и началъ, или ве́рне́е попробовалъ, читать, такъ нечистая сове́сть не позволяла ему спокойно предаться этому невинному развлеченію. Вдругъ, онъ услышалъ довольно громкій разговоръ въ передней. Донъ Антоніо сейчасъ же всталъ и уже хоте́лъ отворить дверь, чтобы узнать причину шума, какъ вдругъ дверь отворилась и въ ней показался его дове́ренный слуга, за которымъ шло не́сколько лицъ. Ихъ было девять челове́къ: шесть мужчинъ, съ масками на лицахъ и закутанныхъ въ серапе, и три дамы.

Увидя ихъ, донъ Антоніо почувствовалъ какъ по его те́лу пробе́жала нервная дрожь, но быстро оправился и остановился у стола въ ожиданіи, когда который нибудь изъ незнакомцевъ заговоритъ съ нимъ.

— Синьоръ донъ Антоніо, — сказалъ одинъ изъ нихъ, де́лая шагъ впередъ, — я привелъ къ вамъ вашу неве́стку донну Марію, герцогиню де Таборъ, вашу племянницу донну Карменъ де Таборъ и донну Делоресъ де-ла Круцъ.

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ адскою ироніею, донъ Антоніо отступилъ назадъ, и лицо его покрылось смертельною бле́дностью.

— Я васъ не понимаю, — сказалъ онъ, тщетно стараясь придать твердость своему дрожащему голосу.

— Неужели вы неузнали меня, доннъ Гораціо?—сказала донна Марія кротко.—Разве́ страданія такъ сильно изме́нили меня, что вы станете отрицать, что я несчастная супруга вашего брата, котораго вы убили?

— Что значитъ вся эта комедія?—вскричалъ донъ Антоніо съ гне́вомъ.—Эта женщина сумасшедшая! А вы, негодяи, осме́ливающіеся шутить со мною, берегитесь!

Тотъ, къ которому онъ обратился съ этими словами, отвѣчалъ только ироническимъ смѣхомъ и сказалъ, возвысивъ голосъ:

— Вы желаете имѣть свидѣтелей при томъ, что сейчасъ должно произойти, кабаллеро? Навѣрно, вы находите, что насъ слишкомъ мало, для того чтобы услышать то, что здѣсь будетъ говориться?

— Что жъ, извольте, я согласенъ!

— Прошу васъ, сеньоры и кабаллеро, выйти сюда къ намъ!

Въ ту же минуту ковры приподнялись, двери отворились, и человѣкъ двадцат вошли въ комнату.

— А, вы хотите свидѣтелей, — вскричалъ донъ Антоніо съ насмѣшкой,—такъ пусть же ваша кровь падетъ на ваши головы!—И обращаясь къ людямъ, стоявшимъ неподвижно сзади его, сказалъ:—бейте ихъ какъ собакъ!—и самъ схватилъ пару шестиствольныхъ револьверовъ, которые лежали около него на столѣ.

Но никто не двигался.

— Долой маски!—сказалъ человѣкъ, говорившій до сихъ поръ,—онѣ теперь безполезны. Мы будемъ съ нимъ разговаривать съ открытымъ лицомъ.

Сказавъ это, онъ снялъ маску; спутники послѣдовали его примѣру.

Читатели, конечно, уже узнали ихъ; это были: донъ Хаиме, Доминикъ, графъ Людовикъ, Лео Карраль, донъ Діего, и Лоикъ, ранчеро.

— Не угодно-ли вамъ, сеньоръ,—сказалъ донъ Хаиме,—оставить ваше ложное имя, какъ и мы оставили наши маски? Узнаете ли вы меня? Я—донъ Хаиме де Биваръ, братъ вашей невѣстки.

Вотъ уже двадцат два года, какъ я слѣжу за каждымъ вашимъ шагомъ, сеньоръ донъ Гораціо де Таборъ, и выискиваю случай отомстить вамъ.

— Наконецъ то, Богъ послалъ мнѣ этотъ случай, и именно такъ, какъ я мечталъ.

Донъ Горацiо поднялъ голову и, смѣривъ взглядомъ съ ногъ до головы дона Хаиме, сказалъ:

— Что же дальше, мой благородный шуринъ? Вы, кажется, выразили желанiе, чтобы я пересталъ притворяться, и я, съ своей стороны, ничего не имѣю противъ того, чтобы признать васъ своимъ родственникомъ. Какая же это месть, до которой вы додумались черезъ двадцать два года, благородный потомокъ Сида Кампеадора? Вы хотите убить меня? Но это совсѣмъ не страшно, человѣкъ моего закала всегда готовъ умереть. Что же вы еще можете мнѣ сдѣлать?

— Ровно ничего. Предположимъ, что если я упаду окровавленный къ вашимъ ногамъ, я унесу съ собой въ могилу тайну такой страшной мести, о которой вы и не подозрѣваете, и выгоды отъ нея останутся на моей сторонѣ; умирая я оставлю вамъ въ наслѣдство отчаянiе болѣе глубокое чѣтъ то, отъ котораго въ одну ночь посѣдѣли волосы вашей сестры.

— Ошибаетесь, донъ Горацiо, — сказалъ донъ Хаиме; — я знаю всѣ ваши тайны. Что касается до того, чтобы убить васъ, это у меня на второмъ планѣ. Конечно, я васъ убью, но не самъ, а рукою палача; вы умрете обезчещеннымъ, подлою смертью, на висилицѣ!

— Ты лжешь, негодяй! Заревѣлъ, какъ звѣрь донъ Горацiо. Я... я... герцогъ де Таборъ! Такой же благородный какъ и самъ король! Я—потомокъ одной изъ самыхъ могущественныхъ и старинныхъ фамилiи Испанiи! Умереть на висѣлицѣ! Тебя ослѣпляетъ ненависть, ты съ ума сошелъ! Въ Мексико вѣдь есть испанскiй посланникъ!

— Да, — отвѣчалъ донъ Хаиме, — но этотъ посланникъ предоставляетъ тебя всей строгости мексиканскихъ законовъ.

— Онъ мой другъ? покровитель, который рекомендовалъ меня президенту Мирамону. Этого не можетъ быть! Да, наконецъ, что же мнѣ бояться здѣшнихъ законовъ, когда я иностранецъ?

— Да, иностранецъ, но поступившiй на службу въ Мексикѣ

къ одному правительству, съ тѣмъ, чтобы при случаѣ измѣнить ему и перейти на сторону другого. Письмо, которое ты такъ настойчиво просилъ у полковника дона Филиппе, находится у меня, онъ далъ мнѣ его даромъ. А тѣ компрометирующія письма, которыя были похищены у тебя въ Пуэбло, благодаря твоему двоюродному брату донну Эстебану котораго ты даже не знаешь, они находятся въ эту минуту въ рукахъ Хуареца. Какъ видишь, съ этой стороны ты безвозвратно погибъ, потому что милосердіе не входитъ въ число добродѣтелей сеньора дона Бенито Хуареца. Наконецъ, твоя главная тайна, которая казалось тебѣ такъ хорошо скрытою, также мнѣ извѣстна: я знаю о существованіи брата, близнеца донны Карменъ; скажу болѣе, я знаю гдѣ онъ, и могу, когда захочу, заставить его предстать передъ тобою. Посмотри—вотъ человѣкъ, которому ты продалъ своего племянника!—прибавилъ онъ, указывая на Лоика неподвижно стоявшаго возлѣ него.

— Ахъ,—прошепталъ донъ Гораціо, падая въ кресло и ломая съ отчаяніемъ руки, —я погибъ!

— Да, окончательно погибъ, — сказалъ съ презрѣніемъ донъ Хаиме,—потому что даже смерть не спасетъ тебя отъ безчестія.

— Ради Бога, скажите,—вскричала донна Марія, подойдя къ своему шурину, — вѣдь я не обманываюсь, донъ Хаиме сказалъ правду — у меня есть сынъ, близнецъ моей милой Карменъ?

— Да!—глухо прошепталъ онъ.

— Богъ да благословитъ васъ! — сказала она съ выраженіемъ неизъяснимой радости.—Гдѣ же мой сынъ? Вѣдь, вы отдадите мнѣ его, не правда ли? Умоляю васъ, сдѣлайте это. Послушайте, вѣдь я никогда не видала его! Мнѣ такъ хочется приласкать его. Гдѣ же онъ? Скажите.

— Гдѣ онъ?

— Да.

— Не знаю.

Несчастная мать упала на стулъ, закрывъ лицо руками.

Донъ Хаиме подошелъ къ ней.

— Не падай духомъ, бѣдняжка!—кротко сказалъ онъ.

Наступило молчаніе. Въ комнатѣ, гдѣ собралось столько людей, были слышны рыданія донны Маріи и двухъ молодыхъ дѣвушекъ.

Донъ Гораціо всталъ.

— Мой благородный шуринъ,—сказалъ онъ твердо не безъ нѣкотораго величія,—попросите пожалуйста этихъ кабалеро удалиться въ сосѣднюю комнату. Я хочу остаться на нѣсколько минутъ наединѣ съ вами и съ моею невѣсткою.

Донъ Хаиме поклонился и обратился къ графу.

— Другъ мой, — сказалъ онъ ему, — будьте такъ добры, проводите дамъ въ гостиннную, рядомъ съ этой комнатой.

Графъ предложилъ руку молодымъ дѣвушкамъ и молча вышелъ вмѣстѣ съ ними.

По знаку дона Хаиме остальные присутствующіе послѣдовали за ними.

Только одинъ Доминикъ остался на мѣстѣ, вперивъ пламенный взоръ на дона Горацiо.

— Я не знаю,—сказалъ онъ мрачно,—что здѣсь можетъ случиться и такъ какъ опасаюсь какой нибудь западни, то выйду отсюда только по особому приказанію дона Хаиме. Онъ меня воспиталъ, я его пріемный сынъ, мой долгъ защищать его.

— Останьтесь сеньоръ, — сказалъ донъ Горацiо съ печальной улбыкой,—зы почти принадлежите къ нашему семейству.

Донъ Хаиме выступилъ впередъ.

— Донъ Горацiо, — сказалъ онъ, — сынъ, котораго вы украли у моей сестры, наслѣдникъ герцоговъ де-Таборъ, котораго вы считали погибшимъ, спасенъ мною! Доминикъ, обними твою мать! Марія,—вотъ твой сынъ!

— Мать моя! — вскричалъ молодой человѣкъ бросаясь къ ней.

— Сынъ мой!—прошептала донна Марія угасшимъ голосомъ и упала безъ чувствъ на руки своего сына, котораго

она, наконецъ, отыскала. Сильная въ несчастіи, какъ всѣ избранныя натуры, она не въ состояніи была перенести радость.

Доминикъ взялъ мать на свои могучія руки и отнесъ ее на кушетку; затѣмъ, нахмуривъ брови, съ глазами, метавшими молніи, съ сжатыми губами, медленно подошелъ къ дону Гораціо.

— Убійца моего отца, палачъ моей матери!—сказалъ молодой человѣкъ громовымъ голосомъ,—будь ты проклятъ!

Донъ Гораціо, какъ-бы сраженный этимъ проклятіемъ, низко опустилъ голову, но сейчасъ-же выпрямился.

— Богъ справедливъ!—сказалъ онъ,—мое наказаніе начинается. Я зналъ, что мой племянникъ живъ; послѣ долгихъ поисковъ мнѣ, наконецъ, удалось найти человѣка, называющагося Лоикомъ, которому я продалъ его сейчасъ-же послѣ рожденія.

— Да,—сказалъ донъ Хаиме,—и этотъ Лоикъ, котораго нужда довела до преступленія, раскаялся въ своей винѣ и возвратилъ мнѣ дитя.

— Все это такъ и должно было быть,—сказалъ донъ Гораціо прерывающимся голосомъ.—Этотъ молодой человѣкъ дѣйствительно мой племянникъ, у него лицо и голосъ моего несчастнаго брата.

Онъ закрылъ лицо руками, но скоро оправился и сказалъ съ твердостью:

— Братъ мой, у васъ почти всѣ улики тѣхъ ужасныхъ преступленій, которыя я совершилъ.—Затѣмъ, онъ подошелъ къ маленькому шкафчику, сломалъ замокъ, вынулъ связку бумагъ и, подавая ихъ дону Хаиме, сказалъ,—вотъ еще тѣ, которыхъ вамъ недостаетъ. Помимо моей воли, безсознательно, раскаяніе закралось въ мою душу. Вотъ мое духовное завѣщаніе, возьмите его. Я назначилъ въ немъ моего племянника наслѣдникомъ всѣхъ имуществъ и доказалъ его права самымъ неоспоримымъ образомъ. Но имя де-Таборъ не должно быть обезчещено. Ради васъ самихъ, ради моего племянника, который носитъ одно имя со мною, откажитесь

отъ ужасной мести, которую вы для меня приготовили. Даю вамъ слово дворянина, клянусь незапятнанною честью моихъ предковъ, вы будете вполнѣ удовлетворены за все, что я сдѣлалъ, и отомщены за безотрадное существованіе, которое вела ваша сестра.

Донъ Хаиме и Доминикъ стояли мрачные, храня гробовое молчаніе.

— Неужели вы мнѣ откажете? Неужели вы будете такъ безжалостны?—вскричалъ донъ Горацio съ безпокойствомъ

Въ эту минуту донна Марія поднялась съ кушетки. выпрямилась во весь ростъ и медленнымъ шагомъ подошла къ дону Горацio. Она встала между нимъ, своимъ братомъ и сыномъ и, величественно протянувъ руку, сказала:

— Братъ моего мужа, право мстить принадлежитъ только Богу! Во имя того человѣка, котораго я такъ любила и котораго ваша жестокая рука похитила у меня, я вамъ прощаю тѣ ужасныя пытки, которымъ вы подвергли меня и тѣ невыносимыя страданія, которыя я терпѣла впродолженіе двадцати двухъ лѣтъ. Я, слабая, бѣдная женщина, прощаю васъ! Молю Бога, чтобы и онъ сжалился надъ вами!

Донъ Горацio упалъ къ ея ногамъ.

— Вы святая, — сказалъ онъ.—Я сознаю, что недостоинъ вашего прощенія, но постараюсь, насколько это отъ меня зависитъ, искупить смертью всѣ мои преступленія!

Онъ всталъ и хотѣлъ поцѣловать ея руку, но она отшатнулась отъ него съ выраженіемъ ужаса.

— Вы правы,—сказалъ онъ печально, — я недостоинъ прикоснуться къ вамъ.

— Отчего же нѣтъ, — сказала она, — разъ, что вы раскаиваетесь.

И она, отвернувъ лицо, протянула ему руку.

Донъ Горацio почтительно прикоснулся къ рукѣ и. обернувшись въ сторону неподвижно стоящихъ дона Хаиме и своего племинника, сказалъ:

— Неужели вы не чувствуете ко мнѣ ни капли состраданія?

— Мы не имѣемъ больше права мстить вамъ! — глухо сказалъ донъ Хаиме.

Доминикъ опустилъ голову и продолжалъ молчать. Его мать подошла къ нему и тихонько взяла его за руку. При этомъ прикосновеніи молодой человѣкъ вздрогнулъ.

— Что вамъ угодно, матушка? — сказалъ онъ.

— Я простила этому человѣку! — сказала она кротко.

— Матушка, — отвѣчалъ онъ съ выраженіемъ неумолимой мести, — когда я проклиналъ этого человѣка, голосъ моего отца говорилъ моими устами. Онъ диктовалъ мнѣ это проклятіе изъ глубины своей окровавленной могилы, куда уложилъ его этотъ злодѣй. Оно останется на немъ неизгладимымъ пятномъ, и Богъ спроситъ у него, какъ у перваго братоубійцы: „Каинъ, что сдѣлалъ ты съ своимъ братомъ"?

При этихъ словахъ, произнесенныхъ громовымъ голосомъ, донъ Гораціо упалъ, какъ подкошенный.

Донъ Хаиме и донна Марія отшатнулись отъ него.

Нѣсколько минутъ онъ пролежалъ на полу неподвижный, какъ трупъ, и никто изъ присутствующихъ не пошевелился, чтобы помочь ему. Наконецъ, донна Марія склонилась къ нему.

— Остановитесь, матушка!—сказалъ молодой человѣкъ,— не троньте его! Это прикосновеніе запачкаетъ васъ.

— Но вѣдь я простила ему!—тихо сказала она.

Между тѣмъ донъ Гораціо сталъ понемногу приходить въ себя; онъ медленно приподнялся; черты его лица были страшно искажены и носили отпечатокъ рѣшимости,

Онъ обратился къ Доминику.

— Вы требуете мести,—сказалъ—онъ; хорошо, вы будете вполнѣ удовлетворенъ.

Онъ сталъ искать въ ящикѣ стола, который открылъ ключемъ, висѣвшимъ у него на шеѣ на золотой цѣпочкѣ, досталъ что-то оттуда, снова заперъ ящикъ и, подойдя къ двери твердымъ шагомъ, открылъ ее.

— Войдите, кабаллеро, войдите всѣ! — закричалъ онъ рѣзко.

Въ ту же минуту комната наполнилась народомъ.

Только графъ де Солэ и донъ Эстебанъ, повинуясь знаку, сдѣланному дономъ Хаиме, остались въ гостинной вмѣстѣ съ молодыми дѣвушками.

Донъ Хаиме подошелъ къ своей сестрѣ и предложилъ ей руку.

— Пойдемте, Марія,—сказалъ онъ,—это зрѣлище убиваетъ васъ. Вамъ больше не мѣсто здѣсь, съ тѣхъ поръ какъ вы простили этого человѣка.

Донъ Марія послѣдовала за братомъ, который проводилъ ее въ гостинную и тщательно заперъ двери за нею.

Послышался шумъ отъѣзжающаго экипажа; три дамы, въ сопровожденіи графа, уѣхали домой.

Въ тоже время на улицѣ раздались звуки оружія.

— Что это такое?—сказалъ съ ужасомъ донъ Гораціо.

Шаги приближались, двери съ шумомъ отворялись, появились солдаты.

Во главѣ ихъ шелъ городской префектъ, главный алькадъ и полицейскіе.

— Именемъ закона,—сказалъ отрывисто префектъ,—донъ Антоніо Касебаръ, я васъ арестую.

— Возьмите его!

— Донъ Антоніо Касебаръ не существуетъ больше! — сказалъ донъ Хаиме, бросаясь между полицейскими и своимъ шуриномъ.

— Благодарю, вы спасли честь моего имени,—прошепталъ донъ Горацiо.—Сеньоры,—сказалъ онъ громко, указывая на стоящаго рядомъ съ нимъ Доминика,—вотъ герцогъ де Таборъ. Я—большой злодѣй; помолитесь за меня.

— Берите же его! — закричалъ префектъ полицейскимъ.

— Попробуйте! — холодно сказалъ донъ Горацiо, быстро поднося руку ко рту.

Вдругъ онъ поблѣднѣлъ зашатался и упалъ на полъ бездыханный.

Донъ Горацiо отравился. Смерть была мгновенна.

— Сеньоры,—сказалъ донъ Хаиме префекту и главному алькаду,—смерть виновнаго препятствуетъ исполнить вашъ долгъ. Его трупъ принадлежитъ семьѣ, прошу васъ удалиться.

— Да проститъ Богъ этому несчастному его послѣднее преступленiе!—сказалъ префектъ;—намъ здѣсь больше нечего дѣлать.—Церемонно поклонившись присутствующимъ, онъ вышелъ вмѣстѣ съ своей свитой.

— Господа! — сказалъ донъ Хаиме печально, обращаясь къ стоящимъ вокругъ него людямъ, которые окаменѣли отъ ужаса при видѣ этой неожиданной развязки,—помолитесь за душу этого великаго грѣшника!

Всѣ опустились на колѣни, только Доминикъ стоялъ неподвижно, мрачно глядя на лежавшiй на полу трупъ.

— Доминикъ, — сказалъ кротко донъ Хаиме, — неужели ты питаешь ненависть къ человѣку, сошедшему въ могилу?

— Да, — вскричалъ Доминикъ съ гнѣвомъ;—пусть онъ будетъ проклятъ вѣчно!

Всѣ присутствующiе быстро встали, это проклятiе оледенило ихъ душу, нарушило молитвенное настроенiе.

XXXIX. ЭПИЛОГЪ.

Топоръ.

Между тѣмъ политическiя событiя шли своимъ чередомъ.

Депутацiя, отправленная къ генералу Ортега, возвратилась въ Мексико, не добившись капитуляцiи.

Положенiе становилось критическимъ.

При такихъ обстоятельствахъ генералъ Мирамонъ показалъ примѣръ полнаго самоотреченiя: не желая увеличивать и безъ того тяжелое положенiе города, онъ рѣшился ночью оставить его.

Онъ отправился въ муниципальный совѣтъ и предложилъ выбрать президента или алькада, который, имѣя связи съ

восторжествовавшей партіей, могъ бы спасти городъ и поддержать въ немъ порядокъ.

Муниципальный совѣтъ всѣмъ составомъ обратился къ генералу Беріозобалу, каторый великодушно согласился принять на себя эту трудную миссію.

Первою его заботою было обратиться къ иностраннымъ посланникамъ съ просьбою раздать оружіе своимъ соотечественникамъ, чтобы они могли замѣнить дезорганизованную полицію и наблюдать за общей безопасностью.

Въ это время Мирамонъ дѣлалъ приготовленія къ своему отъѣзду. Онъ не могъ взять съ собою свою жену и дѣтей, такъ какъ въ его поспѣшномъ бѣгствѣ могли встрѣтиться кровавыя приключенія, поэтому довѣрилъ ихъ испанскому посольству, гдѣ ихъ встрѣтили со знаками полнаго уваженія.

Если бы Мирамонъ захотѣлъ, онъ могъ бы удалиться, не опасаясь никакого насилія со стороны приверженцевъ Хуареца. Онъ былъ такъ симпатиченъ всѣмъ, что никто не смотрѣлъ на него, какъ на личнаго врага.

Ему неоднократно дѣлали предложенія спастись самому, но съ рыцарскою деликатностью, составлявшею одну изъ хорошихъ чертъ его характера, онъ постоянно отклонялъ эти предложенія. Онъ не хотѣлъ оставить въ жертву неумолимой ненависти враговъ своихъ друзей, которые сражались за него и защищали его.

Такія чувства нельзя было не уважать, и даже его противники превозносили его великодушное поведеніе.

Донъ Хаиме де Биваръ провелъ большую часть дня съ генераломъ. Онъ утѣшалъ его, какъ умѣлъ, и помогалъ собрать разсѣянные остатки не арміи, которой уже больше не было, а отдѣльныхъ отрядовъ, бродившихъ въ нерѣшимости и незнавшихъ, къ какой сторонѣ пристать.

Графъ де Солэ и герцогъ де Таборъ, такъ назывался теперь Доминикъ, пробыли съ дамами весь вечеръ, разговаривая о событіяхъ, случившихся наканунѣ. Наконецъ, они простились съ ними, безпокоясь о продолжительномъ отсут-

ствіи дона Хаиме, такъ какъ въ городѣ царило волненіе.

Они возвратились домой и только что хотѣли идти спать, какъ Рэмбо, слуга графа, доложилъ имъ о приходѣ Лопеца.

Пеонъ былъ вооруженъ съ головы до ногъ, будто онъ отправлялся въ опасную экспедицію.

— Ого!—сказалъ герцогъ,—вы захватили съ собою цѣлый арсеналъ, Лопецъ.

— У васъ есть къ намъ порученіе? — спросилъ графъ.

— Мнѣ только велѣно сказать вамъ, синьоры: „два и одинъ — три“.

— Слова Богу!—вскричали молодые люди,—что нужно дѣлать? Мы готовы.

— Взять оружіе, вооружить вашихъ слугъ, держать лошадей осѣдланными и ждать!

— Развѣ что нибудь случилось?

— Не знаю, сеньоры, мой господинъ сказалъ вамъ это.

— Придетъ онъ къ намъ?

— Черезъ часъ онъ будетъ здѣсь. Онъ велѣлъ мнѣ остаться у васъ.

— Отдохните пока, Лопецъ; а мы велимъ все приготовить.

Около одиннадцати часовъ явился донъ Хаиме. Его друзья уже были одѣты въ дорожные костюмы, со шпорами на сапогахъ, съ подвязанными у пояса револьверами. Они курили въ ожиданіи его, положивъ сабли и ружья на столъ передъ собою.

— Браво!—сказалъ донъ Хаиме.—Время ѣхать!

— Когда вамъ угодно.

— Далеко мы ѣдемъ? — спросилъ герцогъ.

— Не думаю, но, можетъ быть, намъ придется драться.

— Тѣмъ лучше,—сказали оба.

- У насъ еще почти полчаса времени. Этого больше чѣмъ довольно, чтобы посвятить васъ въ мои намѣренія.

— Слушаемъ.

— Вы знаете, что я очень близокъ съ генераломъ

Мирамономъ?—сказалъ онъ. Молодые люди кивнули утвердительно.

— Вотъ въ чемъ дѣло: генералъ собралъ около пятисотъ человѣкъ и надѣется при помощи этого отряда достигнуть въ безопасности Вера—Круца, гдѣ онъ сядетъ на корабль. Онъ уѣзжаетъ сегодня въ часъ ночи.

— Неужели дѣло дошло до этого?—спросилъ графъ.

— Тѣмъ хуже. Ну, пусть ихъ раздѣлываются, какъ знаютъ, это насъ не касается.

— Я не понимаю, какую же роль будемъ мы играть во всемъ этомъ?—спросилъ герцогъ.

— Вотъ какую,—продолжалъ донъ Хаиме,—Мирамонъ увѣренъ въ людяхъ, которые его сопровождаютъ, а я нисколько. Правда, солдаты любятъ его, но они ненавидятъ нѣкоторыхъ людей, которые отправляются съ нимъ. Мнѣ извѣстно, что солдатамъ сдѣлали предложеніе выдать этихъ лицъ, и боюсь, что они согласились на это. Въ суматохѣ самъ Мирамонъ можетъ легко попасться въ плѣнъ.

— Весьма вѣроятно!—сказалъ графъ.

— Вотъ этому то мнѣ и хотѣлось помѣшать, — сказалъ донъ Хаиме энергично,—и я разсчитывалъ на васъ.

— Отлично сдѣлали!

— Мы оправдаемъ ваше довѣріе.

— Такимъ образомъ вы, я, Лопецъ, Лео Карраль, и двое вашихъ слугъ составили отрядъ въ семь человѣкъ, съ которыми придется считаться, въ случаѣ нужды. Кромѣ того, ваше положеніе, какъ иностранцевъ, живущихъ уединенно, которые ничѣмъ не привлекаютъ на себя вниманія, дозволитъ мнѣ докончить начатое и спрятать генерала у васъ.

— Здѣсь онъ будетъ въ совершенной безопасности.

— Впрочемъ, все, что я говорю, далеко не вѣрно, случай укажетъ намъ, какъ дѣйствовать. Можетъ быть, отрядъ генерала вѣренъ ему, и тогда наша помощь не будетъ нужна. Въ такомъ случаѣ мы только проводимъ его довольно далеко отъ города, гдѣ онъ будетъ въ безопасности.

— Въ этомъ молодомъ человѣкѣ,—сказалъ графъ,—есть

что то величественное, рыцарское, что меня плѣняетъ. Я былъ бы очень радъ случаю быть ему полезнымъ.

— Ѣдемте же, — сказалъ герцогъ.—Мнѣ хочется, какъ можно скорѣе быть возлѣ этого храбраго генерала. Но прежде всего, вы, я полагаю, позаботились о безопасности моей матери?

— Будь покоенъ, племянникъ. Испанскій посланникъ по моей просьбѣ, поставилъ стражу изъ испанскихъ же купцовъ въ ея домъ. Ей нечего бояться. Кромѣ того съ нею остался донъ Эстебанъ. Благодаря его связямъ съ Хуарецомъ онъ и одинъ легко могъ бы защитить ее.

— Итакъ въ битву!—вскричали молодые люди, весело вставая.

Они завернулись въ плащи и взяли оружіе.

— Съ Богомъ!—сказалъ донъ Хаиме.

Слуги были уже на мѣстахъ.

Семеро всадниковъ направились къ большой площади, куда уже собирались солдаты. Всѣ дома были освѣщены, громадныя толпы народа двигались по улицамъ, но порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ. Безпрестанно появлялись многочисленные патрули, состоявшіе изъ французовъ, англичанъ и испанцевъ. Они наблюдали за тишиной и взяли на себя обязанность охранять общественную безопасность въ моментъ анархіи, неизбѣжно наступающей во время паденія одного правительства до вступленія во власть другого.

Площадь большая была очень оживлена. Солдаты дружелюбно братались съ народомъ, какъ будто все происходившее въ настоящую минуту было самой обыкновенной вещью въ мірѣ, Генералъ Мирамонъ былъ окруженъ группой офицеровъ, оставшихся ему вѣрными или которые были слишкомъ скомпрометированы, чтобы надѣяться получить что нибудь отъ побѣдителей и поэтому предпочитавшихъ лучше бѣжать съ нимъ, нежели оставаться въ городѣ. Лицо его казалось веселымъ и спокойнымъ, но не то было у него на сердцѣ. Онъ говорилъ съ большимъ присутствіемъ духа,

*

защищая, безъ рѣзкости, дѣйствія своего управленія и прощаясь, безъ вражды, съ тѣми, которыя изъ эгоизма покинули его и были причиною его паденія.

— А,—сказалъ онъ, замѣтивъ дона Хаиме, — вы таки рѣшительно ѣдете со мною? Я думалъ, вы перемѣнили намѣреніе.

— Вы слишкомъ любезны, генералъ, — сказалъ весело донъ Хаиме.

— Не сердитесь на меня, пожалуста!

— Нисколько, и вотъ доказательство: я привелъ вамъ двухъ своихъ друзей, которые непремѣнно хотятъ проводить васъ.

— Очень вамъ благодаренъ, господа. Счастливъ тотъ, кто, падая съ такой высоты, находитъ друзей, готовыхъ поддержать его.

— У васъ нѣтъ недостатка въ друзьяхъ, генералъ! — сказалъ графъ.

— Да, я все-таки не одинъ,—сказалъ Мирамонъ, окидывая всѣхъ печальнымъ взглядомъ.

Пробила полночь.

Мирамонъ выпрямился.

— Въ дорогу, господа,—сказалъ онъ твердымъ голосомъ. — Пора оставить городъ.

Трубы заиграли; толпа подалась назадъ; солдаты вскочили на лошадей и стали въ ряды.

Затѣмъ все стало спокойно и на большой площади воцарилось гробовое молчаніе. Мирамонъ сидѣлъ прямо и неподвижно на лошади; донъ Хаиме съ своими спутниками вмѣшались въ толпу офицеровъ.

Послѣ минутнаго колебанія, президентъ бросилъ послѣдній взглядъ на темный и мрачный дворецъ, въ окнахъ котораго не блестѣло ни одного огонька.

— Впередъ!—закричалъ онъ.

Войска тронулись.

Въ то же время со всѣхъ сторонъ раздались крики: „да здравствуетъ Мирамонъ“! Генералъ наклонился къ дону Хаиме.

— Я еще не уѣхалъ, а они уже жалѣютъ обо мнѣ!—сказалъ онъ тихо.

Войско тихо проходило по городу; за нимъ шла толпа народа, желавшая этими проводами выразить свое уваженіе свергнутому президенту.

Наконецъ, къ двумъ часамъ ночи миновали заставы и выѣхали въ поле; вскорѣ городъ остался далеко позади въ видѣ небольшой блестящей точки.

Солдаты были печальны и ѣхали молча. Вдругъ въ ихъ рядахъ почувствовалось какое то неуловимое колебаніе.

— Обратите вниманіе, что-то готовится!—сказалъ донъ Хаиме, обращаясь къ своимъ друзьямъ.

Вскорѣ волненіе стало очевиднымъ, въ авангардѣ раздались крики.

— Что тамъ такое?—спросилъ Мирамонъ.

— Возмущеніе!—спокойно сказалъ донъ Хаиме.

— Что вы! это невозможно!—вскричалъ Мирамонъ. Въ это время шумъ усилился, послышались возгласы:

— Да здраствуетъ Хуарецъ! Топоръ! Топоръ!

Въ Мексикѣ топоръ—эмблема федераціи. Требовать топоръ означаетъ возмущеніе или, говоря классически, пронунціаменто.

Слово „топоръ“ облетѣло всѣ ряды; смущеніе и безпорядокъ сдѣлались всеобщими.

Приверженцы Хуареца, вмѣшавшіеся въ толпу солдатъ, кричали, требуя смерти своихъ враговъ. Сабли обнажились, копья нацѣлились, и все смѣшалось.

— Надо бѣжать, генералъ!—быстро сказалъ донъ Хаиме

— Ни за что, — отвѣчалъ президентъ, я умру съ друзьями.

— Васъ убьютъ, и вы не будете въ состояніи помочь имъ. Посмотрите, они сами оставляютъ васъ.

Это была правида; приверженцы презедента отдѣлились и попробовали бѣжать кто куда.

— Что же дѣлать?—вскричалъ президентъ.

— Надо пробиться сквозь ряды!—сказалъ донъ Хаиме и не

давая президенту времени опомниться, вскричалъ громовымъ голосомъ:—„впередъ!“ Послѣдовало нѣкоторое замѣшательство, дону Хаиме и его друзьямъ удалось образовать проходъ увлекая за собою президента.

Началась отчаянная скачка.

— Куда мы ѣдемъ?—сказалъ президентъ.

— Въ Мексико! Это единственное мѣсто, гдѣ никому не придетъ въ голову искать васъ.

Часъ спустя они снова миновали заставу и вошли въ городъ вмѣстѣ съ солдатами, кричавшими во все горло—да здравствуетъ Хуарецъ!

Въ городѣ они раздѣлились; Мирамонъ и донъ Хаиме остались одни, осторожность требовала, чтобы бѣглецы возвратились домой по одиночкѣ.

Къ четыремъ часамъ утра они были снова всѣ вмѣстѣ.

Войска Хуареца входили въ городъ, опередивъ только на нѣсколько часовъ генерала Ортега.

Благодаря усиліямъ генерала Беріозабала и иностранныхъ резидентовъ перемѣна правительства совершилась тихо; на утро въ городѣ было такъ спокойно, какъ будто не произошло ничего особеннаго.

Между тѣмъ донъ Хаиме не былъ спокоенъ; онъ опасался, что убѣжище Мирамона будетъ открыто, и искалъ случая отправить его изъ города.

Онъ уже начиналъ отчаяваться, какъ вдругъ этотъ случай неожиданно представился.

Прошло нѣсколько дней; революція окончилась и все пошло своимъ порядкомъ; Хуарецъ прибылъ изъ Вера-Круцъ и торжественно вступилъ въ городъ.

Первымъ дѣломъ новый президентъ, какъ и предвидѣлъ Мирамонъ, объявилъ испанскому посланнику, чтобы онъ немедленно оставилъ территорію мексиканской республики.

Такія же заявленія были сдѣланы въ тотъ-же день папскому легату и представителямъ Гватемалы и Эквадора. Это грубое изгнаніе, предписанное въ самыхъ обидныхъ

выраженіяхъ, вопреки всѣмъ правиламъ приличій, произвело всеобщую панику.

Въ городѣ всѣ были въ страхѣ: чего-же можно было ожидать отъ правительства, начинающаго такимъ грубымъ образомъ?

Донъ Хаиме воспользовался этимъ и рѣшилъ отправить Мирамона не въ свитѣ испанскаго посланника, а съ представителемъ Гватемалы.

Изгнанные посланники уѣхали въ этотъ-же день.

Жена и дѣти Мирамона оставили городъ уже нѣсколько дней тому назадъ, а самъ онъ, переодѣтый такъ, что его нельзя было узнать, уѣхалъ вмѣстѣ съ представителемъ Гватемалы.

Графъ де Солэ и герцогъ де Таборъ отправились въ Вера-Круцъ, сопровождая донну Марію и двухъ молодыхъ дѣвушекъ.

Донъ Хаиме не хотѣлъ покинуть генерала, онъ вмѣстѣ съ Лопецомъ ѣхалъ съ нимъ. Только донъ Эстебанъ остался въ Мексико.

Мы не станемъ передавать всѣхъ тѣхъ оскорбленій, которымъ подверглись посланники и изгнанные вмѣстѣ съ ними епископы. Начиная отъ Пуэбло, гдѣ ихъ задержали какъ плѣнниковъ, вплоть до Вера-Круцъ, гдѣ угрожали ихъ жизни, въ нихъ бросали камни, и чернь хотѣла разстерзать папскаго легата и несчастныхъ епископовъ.

Дѣло дошло до того, что французскій консулъ потребовалъ на помощь французскій военный бригъ и испанскій корабль, стоявшіе на якорѣ въ Сакрифиціосъ, съ которыхъ высадились нѣсколько отрядовъ вооруженныхъ матросовъ.

Мирамонъ былъ узнанъ, но благодаря энергіи французскаго консула и командира брига ему удалось избѣжать опасности.

Два дня спустя „Веласко", испанскій военный корабль, шелъ по направленію къ Гаваннѣ, увозя съ собою всѣхъ дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа.

15-го января 1863 года въ Гаваннѣ были отпраздно-

ваны двѣ свадьбы: графа Солэ съ донной Карменъ де Таборъ и герцога де Таборъ съ донной Долоресъ де-ла Круцъ.

Свидѣтелями были: посланникъ ея католическаго величества въ Мексикѣ, генералъ Мирамонъ, командиръ „Веласко" и бывшій представитель Гватемалы. Папскій легатъ далъ благословеніе молодымъ супругамъ.

Графъ Солэ, какъ говорятъ, вернулся въ Мексику, чтобы вытребовать, съ помощью французовъ, громадныя имѣнія своей жены, которыми правительство Хуареца заблагоразсудило овладѣть.

Донъ Хаиме де Биваръ сопровождаетъ своего друга.

Лео Карраль съ ними.

Конецъ.